

МОСКВА

КОЛДОВСКАЯ

ОЛЕГ ЕРОХИН

К 882(476)-31
К 84 (4Бел)6
Е 78

Серия основана в 1997 году

Редактор Г. П. Наумова

8 **Ерохин О.** Москва колдовская. Роман. — Мн.: Сервег, 1998. — 560 с. — (Криминал).

ISBN 985-6272-20-3.

Среди множества московских преступных группировок появляется одна, совершающая серию покушений на экстрасенсов. Брат одного из целителей, опытный оперативник Максим Сафронов, недавно уволившийся из органов, начинает свое, частное расследование...

ББК 84(4Бел)6

3N 985-6272-20-3

© О. В. Ерохин, 1997
© «Сервег», 1998
© «Родиола-плюс», 1998
© Оформление. А. Шуплецов, 1997

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Марина Журавлева — груди крутыми тестяными коlobками, халатик клубнично-розовый, губки лепестками макового цвета — старалась не выдать испуг.

— Плесни, — она протянула бокал Сергею, худому высокому парню лет тридцати, ни разу не улыбнувшемуся с тех пор, как он переступил порог номера проститутки.

Сергея опередил Витек, пороссячи глазки на сальной роже, коротышка, ровесник Сергея, с которым они на пару «сняли» Марину. Этот был улыбчив, говнисто-весел:

— Поехали, поехали, хе-хе, хе-хе, хе-хе! — он быстро наполнил бокал Марины, налил и себе, и Сергею.

Они выпили, не чокаясь. Это был настоящий ром, тростниковый, не то что спирт с сахарным сиропом. Несмотря на крепость, он не обжигал, но входил мягко и уверенно, как мягко и уверенно входит настоящее мужское чудо в отличие от всех там резиновых приспособлений.

— Так что, Мариночка? Поедешь к нам? — засалился Витек.

— Да чего там целкой прикидываться. Едем, — пробурчал Сергей. Он встал из-за стола, подошел к шкафу, бесцеремонно распахнул дверцу. Замшевая курт-

ка Марины цвета яичного желтка полетела на кровать аэродром.

— Одевайся, Мариночка.

Витек услужливо подскочил, распахнул куртку, только суй руки в рукава и все, греби куда нужно.

— Да нельзя нам, девушкам, выходить из гостиницы, — плачуще протянула Марина. — Этот страшный факс не подождет вас до утра, что ли?

Клиенты, едва выпив с ней по разу, заявили, что должны немедленно возвратиться в свой офис. Витек удрученно хлопнул себя по лбу, вспомнил, что именно этой ночью к ним должен был придти важный факс. Но за девушку они заплатили вперед, поэтому они предложили Марине проехаться с ними и там, в офисе, закончить начатое. Они будут заниматься любовью и заодно ждать по факс-связи нужное им сообщение.

Клиенты вели себя на первый взгляд как будто бы естественно. Казалось, почему бы Марине не согласиться с ребятами, оплатившими целую ночь, тем более что клиенты не только отвезли бы ее в свой офис на своей машине и назад на такси дали бы, но и обещали подкинуть ей лично, минуя мадам, пару сотен баксов за беспокойство. Два момента смущали девушку. Во-первых, Эльвира Модестовна Перегудова, мадам, категорически запрещала девушкам в рабочее время покидать гостиницу, особенно покидать таким образом, с клиентом. Здесь Эльвира Модестовна вспоминала несколько подлинных случаев из своей богатой практики, как сексуальные маньяки выманивали таких вот девушек из теплых гнездышек, где девушки были защищены, отвозили их куда-нибудь в лесополосу и там удовлетворяли с ними свою патологическую похоть, что всегда заканчивалось смертью девушки, а иногда смертью девушки начиналось. Во-вторых, в поведении клиентов все же были некоторые странности. Сергей и Витек провели с Мариной более получаса, и за это время ни один из них и попытки не сделал полезть к ней с губами и пальцами. Вряд ли

это объяснялось их стеснительностью, они все же были не какие-то зеленые юнцы, подростки-акселераты, к их годам мужчина не одну лохань спермы успевает пролить и в горячечные лона, и в простыни, и в презервативы, и на зеленую нежную травку. Чем же объяснить такую сдержанность клиентов? Неужели рассказы Эльвиры Модестовны вспомнились Марине кстати, ее клиенты могли возбудиться только как-то патологически, к примеру, занимаясь любовной игрой с трупом?..

— А не сделать ли нам это быстренько прямо сейчас, а? — Марина с чарующим хохотком потянулась к Витьку.

Как бы она обрадовалась, если бы Витек облапил ее, до боли сжал ей груди, запустил пятерню ей между ног, хотя бы ущипнул!

С сальным смешком Витек подался назад.

Сергей резонно заметил:

— Зачем нам это делать быстренько, если мы отбашляли за целую ночь.

— Я же говорю, хозяйка запрещает нам покидать гостиницу, Сереженька...

— Запрещает? — Сергей впервые улыбнулся, да так улыбнулся, что у Марины между лопаток пробежала дрожь. — Зато мы разрешаем. Шевелись, мы с корешом долго ждать не собираемся.

Витек пододвинулся с курткой:

— Надевай на халат, Мариночка, по улице не иди. Ты такая в халатике милашка!

Опасаясь далее упорствовать, Марина сунула руки в рукава куртки. Медленно застегивая «молнию», она пробормотала:

— Нас все равно внизу не выпустят. У хозяйки такие «быки»...

— Выпустят, — отрезал Сергей с такой уверенностью, что у Марины не осталось сомнений: с этими ребятами ей только лиха дожидаться.

В номере в трех местах были размещены малопри-

метные кнопки: под столом в гостиной, у двери рядом с замком, в спальне на спинке кровати. В случае неожиданности с клиентом девушка могла воспользоваться такой кнопкой.

Оправляя на себе куртку, Марина встала вплотную к столу и быстрым движением шмыгнула рукой под стол.

Нащупать кнопку она не успела: Витек грубо обнял ее, захохотал, закричал, пытаясь придать своему голосу сексуальный оттенок. Это он напрасно старался: по злобному огоньку, мелькнувшему у него в глазах, Марина поняла, что то не похоть его разыграла, просто он знал про кнопку и вознамерился помешать ей вызвать охранников.

И почему она, еще сидя за столом, не нажала на кнопку коленкой, не нажала сразу, едва почувствовав опасность?!

Разжав лапы, Витек подтолкнул Марину к двери:

— Шагай, малышка!

Ключ торчал в замке. Она всегда оставляла ключ в замке после того как однажды, во время работы с клиентом, заметила коридорную: жирная старуха универсальным ключом открыла дверь и через щелку наблюдала за их занятием. Черт, если бы она не оставила ключ в замке, ей, возможно, удалось бы разыграть сцену с потерянным ключом.

Сергей открыл дверь.

— Вы прямо от меня без ума, мальчики, — кокетливо проворковала Марина. — Сейчас, я только халатик скину. Не идти же мне через всю гостиницу как пугало. Она развернулась, на дверь спальни посмотрела. Может, ей удастся воспользоваться той кнопкой, которая находилась на спинке кровати, у изголовья?

К спальне Марина не сумела сделать ни шагу. Витек схватил ее за плечи, рывком развернул, толкнул к открытой двери номера:

— Ты нам и такая красивая!

Охранники, «быки» мадам, не должны были выпус-

тить ее из гостиницы с этими типами. Однако клиенты ее, по всему виду, ребята крутые, поэтому, надеясь на охранников, она должна была использовать любую возможность от этих крутяков избавиться.

Вот если бы при ней было что-то острое, хотя бы пилка для ногтей!

Марина семенила по коридору к лифту. Сергей шел впереди, Витек — позади, словно узницу вели конвоиры.

И что бы она сделала с этой пилкой, всадила бы ее кому-нибудь из бандюг в мягкое место?

Коридор, как назло, оставался пуст. Если бы кто-то показался в коридоре, она бы закричала, а так чего кричать? Едва она закричит, бандиты зажмут ей рот и дальше потащат силой, тем самым ограничивая ее в действиях. Допустим, ее крик кто-то услышит через дверь, и что с того? Не видя ее, на этом этаже всякий подумает: мужик еще в коридоре стал развлекаться с девушкой, какой нетерпеливый! Машинально Марина сунула руку в карман.

Пилки для ногтей в кармане ее куртки не оказалось, зато она нащупала куда более интересный предмет. Видно, ей, дуре, совсем память отшибло от страха: она позабыла, что в кармане ее куртки лежала минисирена «Зуда-2», устройство размером с пачку сигарет, питавшееся от вставленной в корпус пальчиковой батарейки. На корпусе находились две кнопки, после нажатия на которые в течение минуты звучала сирена. Эту штучку Марина приобрела для беспокойных московских улиц. Вдруг какому-нибудь бомжу взбредет в голову ее изнасиловать, а «Зуда-2» — тут как тут.

Сейчас не пахло членом насильника, но от конвоиров Марины явственно веяло опасностью.

Девушка знала: сирена выла дай боже. От мадам, конечно, ей потом влетит за переполох на этаже, подумала Марина, зато она живой останется..

— Что мнешь в кармане? Искусственный член, что ли? — заинтересовался Витек.

Марина нажала сразу обе кнопки, как требовалось по инструкции.

Звук оказался даже громче, чем Марина ожидала. Видно, акустика сработала: коридор был широким, высоким и пустым, без всяких там ковриков и фикусов в кадках.

Бандиты, к их мужской чести, опомнились быстро. Витек крутанул ее руку с «Зудой», удивительно, как не вывихнул и не сломал. Марина вскрикнула. Сирена упала на пол, продолжая завывать: «Зуда» включалась нажатием на кнопки, но с освобождением кнопок не выключалась, минуту продолжала работать.

Витек с силой ударил устройство ногой. Сирена даже не кашлянула, ее корпус выдерживал подобные удары. В руке у бандита появился пистолет «ТТ» с глушителем. Нажатие на спусковую собачку, хлопок, и «Зуде-2» все же пришлось замолчать. Через двадцать пять секунд от начала действия.

Двадцать пять секунд сиренного визга не могли пройти незаметно для людей, находившихся на семнадцатом, самом верхнем этаже гостиницы «Северная звезда», отведенном под бордель. Однако если тебя заметили — это еще не значит, что тобой заинтересуются. Леди и джентльмены, находившиеся на этаже, были слишком заняты, чтобы любопытствовать насчет происходившего в коридоре. Только одна дверь, в самом конце коридора, приоткрылась на мгновение: рыженькая толстушка Люба развлекала слюнявого старика на ковре у самой двери, шум в коридоре предоставил ей возможность сделать передышку.

Равнодушие товаров особого значения для Марины не имело. Хорошо было то, что на звук сирены в коридор выбежали из дежурки два охранника. Дежурка находилась рядом с лифтом, таким образом своим появлением охранники преградили бандитам путь ухода. Еще резвее оказалась коридорная, баба Настя, та самая жирная, ширококостная любительница загляды-

вать в номера. Она всегда перла дуrom, баба Настя: «Вы чего это задумали, говнюки?»

От прямого удара Сергея, правой в переносицу, баба Настя упала навзничь, непристойно взмахнув подолом.

Бандиты стали стрелять.

Один из бордельных «быков» сумел выстрелить дважды прежде чем упал: его первая пуля бестолково ткнулась в стену, другая задела Витьку мочку уха. Второй «бык» упал следом за напарником, даже не успев извлечь пистолет Макарова из закрепленной под мышкой кобуры.

Отсутствие должной настороженности погубило охранников. Обычно они обходились без стрельбы, имея дело или с перебившими шлюхами, или с перебившими клиентами, вот их бдительность и притупилась. Да и бордельному начальству следовало бы снабдить своих людей бронежилетами второго класса, а не первого. Ребятам, конечно, пришлось бы попотеть, зато «бровевики» второго класса не только от дробы их уберегли бы, но и от пистолетных пуль.

Одному из «быков» пуля угодила в легочную артерию, не считая легкого ранения руки, он скончался почти мгновенно. Другой мучился без малого час с последующим печальным исходом: кровотечение из почечной артерии хотя и не так обильно, как из легочной, но также приводит к смерти, если поблизости нет операционной.

Увидев охранников, Марина готова была возликовать: все, освободилась, никаких маньяков ей удовлетворять не придется. А потом ее спасители как под косою повалились, и бандиты, прямо через кровяную лужу, потащили ее к лифту.

В ожидании лифта бандитам пришлось не столько удерживать, сколько поддерживать Марину: девушку мутило, сумеречная пелена застилала ее глаза. Вся эта кровь, выстрелы... Казалось ужасом, что произошло с ребятами. А тут еще такое дело: с одним из охранни-

ков, с Сашкой Павловским, которого ранили в шею, у нее была мимолетная любовь. Год назад это было, она только к мадам устроилась. Взялся Сашка ее с работы домой провожать. Раз проводил, другой... И однажды она затащила его к себе домой, в опустевшую после смерти матери квартиру, затащила и дала, по-всякому дала. Наутро она зачитала ему ценник. На этом любовь и кончилась. Жаден был Сашка Павловский, верно, он решил, что, чем платить за удовольствие, так лучше самому репу драть.

Лифт пришлось ждать долго. Бандиты изнервничались. Только дверцы стали раздвигаться, Витек и Сергей сунули свои стволы в щель и по паре пуль в кабину выпустили, на всякий случай. Напрасное беспокойство, в лифте никого не оказалось.

Лифт плавно покатыл двух бандитов и девушку вниз.

Еще до того как бандиты вызвали лифт, начальнику охраны гостиницы, Захару Петровичу Лежневу, стало известно о ЧП на семнадцатом этаже. О, владелица бардака тщательно оберегала инкогнито своих клиентов, в номерах никаких подслушивающих и подсматривающих устройств не было. Микрофончики и видеокамеры размещались в коридоре — конечно, это было допустимо, ведь в коридоре девушки не были обязаны устраивать клиентам интим.

Проанализировав обстановку, Лежнев решил дать бандитам возможность вместе с Журавлевой опуститься на первый этаж. Там бандитов должны были встретить восемь охранников в бронежилетах третьего класса.

И в который раз Лежнев посетовал на то, что ему все никак не удавалось получить «добро» на размещение в лифте радиоуправляемого баллончика с усыпляющим газом.

Войдя в лифт, Сергей ткнул пальцем в кнопку «2». Через три минуты лифт остановился на втором этаже.

Бандиты потащили Марину по коридору, уже не

скрывая насилие за лживыми словами. И свое оружие они не прятали.

Две старушечки обмерли, увидев «милую» троицу. Молодка с ребенком на руках по-крысиному завизжала. Аккуратненький старичок, борода клинышком, обмарался в вельветовые штаны.

В этот момент водитель голубого «пежо», стоявшего на асфальтированной площадке перед гостиницей, получил сигнал с пейджера. Легковушка сорвалась с места. Обогнув гостиницу, машина остановилась прямо под гостиничными окнами, на цветочной клумбе.

Водитель быстро раскатал резиновый матрац, рванул ручку крана баллона со сжиженным газом. Газ, шипя, быстро заполнил внутреннее пространство матраца.

Тем временем бандиты подтащили Марину к двери номера «28». Сергей в прыжке выбил дверь ногой.

Этот номер не был номером бардака, как могло показаться на первый взгляд: бардак занимал только один этаж, семнадцатый этаж гостиницы. Что же касается аналогий...

В кресле, стоявшем напротив включенного телевизора, баловались законные супруги: морщинистый негр лет семидесяти и очаровательная блондинка русского типа, которой с виду нельзя было дать и двадцатника. Уж наверное, они хотели получить огонь способом дикарей, с такой силой черное дерево терлось о белое.

Не обращая внимания на супругов, бандиты поволокли Марину к окну. Надо заметить, супруги также проявили хладнокровие: блондинка ограничилась тем, что повернула голову на шум; негр не сделал и этого.

Витек разбил пистолетом стекло и выглянул в окно. Все было, как обговаривали: водитель и надувной матрац ждали их внизу. Первой в окно полетела Марина. После того как водитель затолкал Марину в машину, Сергей перемахнул через подоконник, за ним последовал Витек.

Все трое приземлились удачно, даже без ушибов

обошлось. Однако на этом удача бандитов и кончилась. Затрещали автоматные очереди. Водитель, в это время садившийся в машину, повалился набок. Витек, устроившийся на месте рядом с водителем, посмотрел на него и вытолкнул труп из машины. Бандит быстро пересел на место водителя, машина тронулась.

Автоматчики стали бить по колесам новенького «пежо». Попали, видно: машину повело вбок, как раз с фонарным столбом легковушка поцеловалась.

Сергей, сидевший с Мариной сзади, открыл дверцу автомашины и рванул девушку за плечо:

— Вылазь, сука!

Витек застонал. Он был ранен. Сергей помог своему напарнику выбраться. Тот, выйдя из машины, сделал два шага и упал на колени. Сергей, уже потащивший Марину к автостраде (с пушкой в руке он тормознул бы там кого-нибудь), вынужден был остановиться.

* * *

Сергей скользнул взглядом по лицу напарника. Бледность, пот, тоскливые ледышки в глазах... Не жилец Витек, как пить дать, не жилец.

Запустив «маслину» напарнику в висок, Сергей потащил Марину, прикрываясь ею, к автостраде. Стрелять не станут, небось, а до автострады всего только двести метров и было.

Сергей ошибся. Да и кто она была такая, Марина, чтобы только из-за опасения подвергнуть угрозе ее жизнь бандита отпустить? Шалава валютная, невелика птица. И то, если рассудить, кто его знает, что ее в обществе Сергея ожидало, только уж не шоколад с марципаном.

В команде у Лежнева был Дима Трофимов, какой-то там чемпион-биатлонист. Не подвел Дима, высший класс показал из карабина с оптическим прицелом, хотя смеркалось уже. Пулька угодила Сергею чуть повыше уха.

Бандит при последнем издыхании повалился на Марину. К ней, до этого только испуганно икавшей, вернулся дар речи. Девушка закричала, забилась под тяжелой бандитской тушей. Ей вдруг показалось, что монстр вздумал удовлетворить свою порочную похоть прямо сейчас. Очутившись на земле, она лишилась чувств.

Лежнев из окна третьего этажа долго рассматривал в бинокль бандитов, не прикидываются ли жмуриками. Да нет, не прикидываются вроде, — и он распорядился посмотреть, как там Журавлева. Один из охранников приблизился к Марине, скинул с нее труп Сергея, повернул девушку к свету, похлопал по щекам. Она открыла глаза и зарыдала, задержалась в плаче.

А трусики ее на этот раз пятнала жидкость иного свойства, нежели привычная для ее профессии.

...

Эльвире Модестовне Перегудовой было на вид лет сорок, хотя в действительности за полтинник перевалило. Тучная телом, но верткая умом, она скучала в зале гостиничного ресторана за жульеном из птицы, когда в ее сумочке запищал радиотелефон. В это время бандиты еще были живы, только-только Марину на лифте вниз покатали.

Выслушав донесение Лежнева, бывшего майора КГБ и ее доверенного лица, Эльвира Модестовна коротко бросила: «Журавлеву не сдавать» — и прервала связь. Затем она позвонила в Вязниковское РУВД, начальнику РУВД полковнику Банщикову:

— Коля, у меня авария. Бандиты двух моих ребят положили, теперь девчонку мою куда-то тащат. Уж не знаю, зачем она им понадобилась. Курды-мурды?

— Через три минуты буду, Эльвира Модестовна.

Перегудова пригубила из бокала и сделала вид, что сквозь стекло рассматривает, как девчонки крутили на подиуме «танец задницы».

Вскоре ей доложили, что все закончилось: бандиты убиты, Журавлеву ведут в медпункт. Эльвира Модестовна распорядилась:

— Девчонку — в мой кабинет, как только очухается.

Посидев немного, Перегудова поднялась. «Опять на полразмера юбку больше надо», — вздохнула она, ковыляя по залу. А было время... И в голове увядающей женщины искрой пронеслись воспоминания, как когда-то она, куколка в розовых лосинах, заигрывала в ресторанах с иностранцами. Мужики не ели — грызли ее глазами.

Миновав охранника, Эльвира Модестовна прошла через служебный вход в длинный коридор, вдоль которого располагались кабинеты управления.

У ореховой двери, обитой зеленой бархатной замшей, с ручкой из настоящей слоновой кости, она остановилась. Достала ключ, открыла замок. Высокого седого старика, мающегося у двери, она заметила, только когда вошла в свой кабинет.

— Заходи, Пантелеич.

Управляющего гостиницей, Ивана Пантелеевича Цыпкина, за глаза все звали Дон Кихотом — отнюдь не за безрассудную храбрость, но лишь за внешность: за высокий рост, худобу, козлиную бороду и острый кадык. Цыпкин был управляющим гостиницей, тогда как владел гостиницей концерн «Автотрансвест», где председательствовал бывший министр дорожного строительства Иуда Абрамович Хватов. Надо сказать, Иуда Абрамович так же вот переминался бы у двери кабинета Перегудовой: совсем не ему Эльвира Модестовна была обязана символической платой за аренду семнадцатого этажа гостиницы и самой арендой этажа под бордель. Благотелем Эльвиры Модестовны выступал криминальный авторитет Эдуард Константинович Рябец, обеспечивавший «крышу» Иуде Абрамовичу. Рябец контролировал треть муниципального округа Ново-Отарково, и платой Хватова за «крышу» было предо-

ставление семнадцатого этажа «Северной звезды» в распоряжение Эльвиры Модестовны Перегудовой.

Хватов с Цыпкиным не могли нарадоваться на заведение Эльвиры Модестовны. Ее «быки» обеспечивали охрану всей гостиницы, а не только борделя, что было разумно: на одном пятакке двум охранным службам не ужиться. За охрану Хватов не платил Перегудовой ни копейки. Кроме того, на территории Эльвиры Модестовны никогда ничего не происходило, а если что-то и происходило, то она умела все прекрасно уладить на месте. Пять трупов за один вечер, это было нечто сверхъестественное.

Узнав о происшедшем, Иван Пантелеевич, прежде чем позвонить Хватову, поспешил к Эльвире Модестовне.

— Немножко пошумели у меня, а, Пантелеич? — шутливо произнесла Эльвира Модестовна. — Да садись, чего стоишь, курды-мурды твою.

— Мне придется давать показания, — пробормотал управляющий.

— Я, кажется, твой зам по этике с эстетикой? Ну и отсылай ментов ко мне.

Дон Кихот тоскливо бегал глазами по живописным полотнам, развешанным на стенах, по рядкам фарфоровых собачек, выстроившихся на полках шкафов. Судя по его ословелому виду, вряд ли он в это время наслаждался видом картин и поделок.

— Что-то ты, Пантелеич, истосковался весь, — покачала головой Перегудова. — Спокойнее, спокойнее, курды-мурды. Мужик ты или нет?

— Пять трупов, — проговорил управляющий голосом, продирающимся через кишечные колики.

— Да, пять трупов. За мусорами я уже послала.

— Будут копать... Твоя шалава... Выложит, выложит про семнадцатый этаж...

— И-и... нехорошо такие неприличные слова при даме говорить. А ну-ка...

Эльвира Модестовна подошла к шкафу, скрипнула

дверцей. Что-то забулькало. К столу она вернулась со стаканом водки «Смирнофф».

— Давай-ка, Пантелеич. Пей, курды-мурды!

Управляющий выпил. Живительная влага, растекшись по телу, быстро погасила унижительную дрожь.

— Вот и лады. Иди отдыхай, Пантелеич. Если понадобится, на седьмой пошлю. (Управляющий по западной моде жил при гостинице, на седьмом этаже.)

— Ты думаешь, какой-нибудь районный опер здесь копать будет? — спросил Цыпкин угрюмо, но уже без колик в голосе. — Здесь МУР копать будет.

— Спокойной ночи, Пантелеич.

Выпроводив управляющего, Эльвира Модестовна бросила стоявшему в коридоре охраннику:

— Семен! Журавлеву ко мне!

Вскоре девушку ввели в кабинет мадам. На Марине не было лица: глаза ее страдальчески шурились, правое веко дергалось, она зябко вздрагивала, обхватив плечи руками.

— Чего скуржопилась? — шумнула Эльвира Модестовна. — погоди костенеть, не окочурилась еще! Говори, что там у вас стряслось? Что натворила? Сосать, лизать отказалась?

— Я знаю свои обязанности...

— От «бутерброда» отказалась?

— Я знаю свои обязанности... Мы даже... Мы даже в постель не легли...

— И стоя не занимались?

— И стоя...

— И сидя не занимались?

— И сидя...

— Так что у вас стряслось, курды-мурды твою?

Марина подняла лицо. Барыня (так девушки за глаза называли Перегудову) смотрела на нее требовательно, с некоторым недоумением, но отнюдь не со злобой. Марина немного успокоилась и, запинаясь на каждом слове, путанно принялась рассказывать, что произошло с ней этим вечером.

Окончив, Марина поймала взгляд Перегудовой. И вдруг девушке показалось, что Барыня, задавшая ей по ходу рассказа только два уточняющих вопроса, не верит ей.

Проститутка рухнула на колени:

— Верьте мне, Эльвира Модестовна, верьте... Разве я смогла бы... разве я посмела бы вам неправду сказать...

Барыня вышла из-за стола, улыбнулась Марине черными виноградными глазами, взяла девушку под руки и поставила на ноги.

— Я верю тебе, девочка, — произнесла Эльвира Модестовна. Она действительно поверила девчонке: следя за ее голосом, за мимикой, поверила. Вместе с тем, однако, подумав про себя: как жаль, что невозможно разместить по видеокамере в каждом номере. — Сюда едут менты. Слушай внимательно, что ты должна будешь сказать.

Медленно и четко Перегудова повторила то, что любая работавшая у нее девушка должна была давным-давно выучить наизусть: Марина познакомилась с двумя парнями на улице. Втроем они зашли в ресторан перекусить. Затем поднялись в номер, что, разве нельзя, она ведь совершеннолетняя уже. Дальше история Марины должна была соответствовать действительности.

Журавлева дважды повторила легенду, после чего Эльвира Модестовна велела ей пройти в закрепленный за ней номер на семнадцатом этаже и не высовывать оттуда носа: «Небось, не завоняешься».

Марина вышла.

Перегудова подошла к окну и, глядя на далекие огоньки, принялась тасовать в уме известные ей факты.

Бандиты, два «клиента» Журавлевой и их водитель, вероятно, были сексуальными извращенцами, садистами-убийцами. Деньжата, конечно, у них водились, иначе бы они не валютной проституткой занялись, а какой-нибудь вшивой подзаборной шалавой. Свое из-

вращение они не сделали с Мариной в номере, потому что знали порядок: после каждого сеанса девушка, расставшись с клиентом или клиентами, обязана была позвонить на пост, сказать, что все благополучно. Они посчитали, что им было бы проще выбраться из гостиницы с девушкой, нежели без нее, потому как в случае шухера проститутку можно было использовать как заложницу. Почему они не побоялись открыть пальбу? Потому что были маньяками. К тому же они, наверняка, наркотой себе мозги засрали.

Зазвонил телефон.

— Розыскники приехали, — доложил Лежнев.

— Ты там покажи им все, Бухаря (кликуха начальника РУВД, неисправимого пьяницы), потом ко мне приведешь. С девчонкой поговорить? Пусть поговорят. Разрешаю.

Эльвира Модестовна направилась к шкафу, кофе заварить.

Местным сыскарям она на лапу ничего не даст, хватит и того, что она Бухарю регулярно отстегивает. Убийствами, наверное, МУР и Московская городская прокуратура займутся, тамошним ребятам она, конечно, подбросит кое-чего.

...

Передвижения Марины были ограничены стенами ее номера, однако, чтобы она с тоски и страха умом не тронулась, своим к ней разрешили заходить.

«Свои» — это, прежде всего, труженицы борделя.

На другое утро к ней в номер вкатилась пухлая Дуняша, взбитые сливки с клубникой. Покусывая бублик, Дуняша посочувствовала:

— Ой, Мариночка, как же ты теперь... Не дай бог, у тех извращенцев друзья-приятели есть...

Через минуту Дуняша уже болтала о своей новой курточке: как многие добродушные люди, она никогда не грустила больше минуты, если, конечно, дело не касалось непосредственно ее самой.

Укатила Дуняша — в номер Марины длинноногая Виолетта впорхнула. Фальшивая блондинка Виолетта считала себя подругой Журавлевой и ее наставницей. Тридцатилетняя девица была в бардачке старожилом, с пятнадцати лет у Перегудовой вертеть окорочками начала.

Сминая сигарету в пепельнице, Виолетта сказала хрипловато:

— Ну ты и вяпалась, сестренка. По самые уши вяпалась. А могла бы...

— Что? Что я могла?

— Этих парней тебе следовало еще внизу отшить. Тут чувствовать надо, мужик это или извращенец. Теперь трупы имеются, а за трупы как бы мстить не начали.

— Я, что ли, их убила? — вскинулась Марина.

— Ты не ты, а через тебя они в жмурики перекинулись.

Забегала к Марине и кудрявая Лариса, обезьянья мордочка. Ларису, горькую пьяницу, Барыня держала в бардаке только за то, что та соглашалась на различные непотребства, неприемлемые для других девушек: клиенты тушили о ее живот сигареты, мочились на нее, общались с ней по пятеро-шестеро, тогда как другие девушки обслуживали одновременно не больше двух. Икая, Лариса говорила:

— Ты вот что, девушка... Марина, да? (Марина стояла на службе у мадам больше года, но Лариса все никак не могла запомнить ее имя.) Ты, девушка, за Барыню держись. Она ничего, не подведет... Только правду ей всегда говори.

То же твердила Марине и сорокалетняя Юнона, самая старая девушка в бардаке:

— Ты, Маринка, с Барыней никогда не хитри, на двое закинь раскладывать. На двух членах все равно не усидишь. И Барыня тебя не выдаст, это я тебе говорю, а я уж столько всяких мадамов повидала.

Марина даже пару раз всплакнула, когда ей наме-

кали на какие-то ее хитрости, ведь не хитрила она перед Барыней совсем...

...

Как только оперативно-следственная группа отъехала, Лежнев спустился к Эльвире Модестовне.

— Принес, Захар? Дай-ка я взгляну на этих голубчиков. — Эльвира Модестовна пододвинула к себе фотографии бандитов. Посмотрев на них так и эдак, она сунула фотографии в сумочку, сказала: — Эти фотки у меня останутся. Машина, конечно, угнанная?

— Так точно, в угоне числилась. В багажнике израильский «УЗИ» нашли, автомат такой. Классная штука.

Задав несколько вопросов, Эльвира Модестовна отпустила своего начальника охраны. Подумала, взглянула на часы... Двенадцать ночи. Не поздно Камбалу звонить? Ничего, стерпит.

Камбалом кликали Эдуарда Константиновича Рябца. Кликуха подходила авторитету, содержа в себе созвучия между амбалом и камбалой. Рябец, в самом деле, был амбал еще тот, дядя весом под полтора центнера, а мордой на камбалу смахивал из-за вечно смотревшего кнаружи, как бы съехавшего набок левого глаза, последствия давней профессиональной травмы.

Эльвира Модестовна набрала номер.

Телефонную трубку на том конце поднял кто-то из шестерни. Мальчик был понятливый, босса сразу пригласил, потому что знал хорошо, кто такая Эльвира Модестовна Перегудова.

— Кхмы... Эльвира, ты? — Камбал всегда называл ее по официальному имени, без всяких там ласкательных уменьшений, а она звала его Эдиком, она одна и звала его так, другие по отчеству величали или кликуху использовали.

— Эдик, у меня одна проблема завелась, курды-мурды ее в качель.

— Что за проблема?

— Два козла каких-то мою девочку хотели увезти. Маньяки, должно быть. Из «пушек» палить начали... Ребята мои их порешили, с водителем заодно. Добро, если это в натуре маньяки-одиночки, а если из братвы кто?

— Из братвы? Тебя все наши знают. Не может быть, чтобы из братвы. Хотя, если из братвы, мстить найдется кому... Надо корни найти. Ксива какая у козлов с собой была?

— Фальшивки были: техпаспорт, водительское удостоверение... Машина в угоне числилась.

— Фотки твои орлы сделали?

— Фотки есть.

— Наколки какие у них были?

— У Захара спросить надо.

— Сейчас я к тебе своего парнишку подошлю, фотки ему передашь и с Захаркой сведешь. Попробую раскопать, каковским гусакам ты шеи скрутила.

Через час подъехал молодой парнишка, «шестерка» Камбала; блатаренка Эльвира Модестовна свела с Лежневым.

...

Ночью шел дождь, и день зачался безрадостный: с серым облачным небом, с грязью на асфальте, с холодной моросью.

В ресторане «Северная звезда» было тепло и уютно. Слух ласкала плавная музыка (разорванные ритмы начинались под вечер), деловито сновали между столиками расторопные официанты.

За своим именным столиком Эльвира Модестовнаковыряла вилкой белужий студень под грибным соусом. Когда к ней направился высокий сутулый мужчина в летах, головастый и совершенно лысый, она насторожилась. Насторожился и официант, ее «бык», в сотый раз протиравший вазочку с салфетками на соседнем столике. Эльвира Модестовна, быстро оценив обстановку, сделала охраннику успокаивающий знак:

с ней хотят поговорить. Что же, она разговаривать любит.

— Эльвира Модестовна Перегудова? — спросил лысач.

— Что вам угодно?

— Позвольте присесть?

Перегудова кивнула.

Лысач сел, закинул ногу на ногу.

— Кто такой? — неприятным голосом спросила Барыня.

— Мое имя вам ничего не скажет, Эльвира Модестовна. Позвольте сразу приступить к делу. Вчера здесь были убиты трое, три человека моего босса. Мой босс готов забыть эту неприятность, если вы передадите мне некую Марину Журавлеву, вашу девушку.

— Марина пока не обслуживает. Она на больничном.

— Тем не менее мой шеф хотел бы ее увидеть.

— Боюсь, это невозможно.

— И правильно боитесь, Эльвира Модестовна. Мой босс — человек очень настойчивый. Вы понимаете? Очень, очень настойчивый.

— Да какое мне дело, настойчивый твой бутор или нет? О моей девушке ему лучше позабыть. Черт меня разорви, если, курды-мурды, он сумеет ее коснуться хотя бы пальцем!

— Я хотел бы получить девушку прямо сейчас, Эльвира Модестовна.

Эльвира Модестовна посмотрела на официанта, все еще возившегося у соседнего столика. Официант, здоровенный детина с лицом, напоминавшим чугунную болванку, немедленно оказался рядом. Без особых церемоний лысач был выдернут из-за стола. Далее должно было последовать выдворение лысача из зала под любопытные взоры посетителей. Осознав незавидную перспективу, лысач быстро сказал (надо заметить, без особого страха):

— Позвольте на два слова, Эльвира Модестовна.

Помедлив, Перегудова все-таки распорядилась: охранник оставил лысача в покое и занял свое место у соседнего столика.

Лысач, наклонившись, тихо произнес:

— Ваша Марина заразила моего шефа сифилисом. Полагаю, это достаточный повод, чтобы вы передали девушку мне?

— Этого не может быть, — живо отозвалась Эльвира Модестовна. — Мои девушки не работают без презервативов. Кроме того, каждый день девушек перед началом работы осматривает врач, два раза в месяц у них берут анализы.

— Тем не менее это так.

— Неужели, курды-мурды? Что, последние три месяца твой шеф не трахался ни с одной девушкой, кроме Марины?

— Ни с одной.

— И ни с одним? Он не бисексуал?

— Нет, Эльвира Модестовна. Он не бисексуал.

— Но... Он что, сам дронит?

Лысач с видимым усилием слотнул слюну и подчеркнуто спокойно, тщательно выговаривая слова, проговорил:

— Это не ваше дело, обходится мой шеф своими силами или нет. Вы должны передать мне девушку.

— Вот заладил, трахнутый дятел: передать, передать... Курды-мурды, в самом деле. Теперь что я тебе скажу, дружок. Если твой шеф так уверен, что одна моя девушка загнила — ладно, писец с ним. Я бы сумел отвадить твоего шефа, да моя репутация дорогого стоит. Давай так запузырим: докторов пригласим, освидетельствуем Марину, и делу конец. Если девчонка гниет — она ваша. Если нет — не обессудьте.

— Никаких проверок нам не надо, незачем. Нам надо, чтобы вы выдали свою потаскушку.

— А вот ерш тебе в задницу!

Лысач отрывисто сказал:

— Жаль, что мы не нашли общего языка.

Развернувшись, он быстро пошел к выходу из зала.

Эльвира Модестовна махнула рукой охранникам, пусть этого чудака выпустят. Затем она взялась за телефон.

У портала гостиницы дежурила группа наружного наблюдения, подразделение службы охраны бардака. У ребят был красный «жигуль», девятка.

— Андрей? (Так звали старшего группы наружного наблюдения.) Сейчас лысого хмыря увидите, из гостиницы выйдет. Рост? Как каланча. Да, со мной разговаривал. Петрович фотку передал? Ясно, ясно. Проследите за ним.

Красная «девятка» убралась со стоянки вслед за сиреневым «ситроеном». Чтобы слежка не бросалась в глаза, Андрей держал интервал, две машины между «девяткой» и «ситроеном» были почти постоянно. Доехали до Большой Андроньевской, свернули на Таганскую. Через десять минут «ситроен» остановился у бетонно-стеклянной глыбы, домины в восемнадцать этажей, чей метраж когда-то полностью занимал «почтовый ящик». Сейчас «почтовый ящик» держали на голодном пайке, вот он и «ссохся» до одного этажа. А семнадцать этажей (считай, весь дом, кроме первого этажа) были розданы под офисы различным фирмам и фирмочкам.

Лысач взбежал по лестнице и масляно проскользнул через дверь-вертушку в некогда режимное здание. Григорий, водитель «наружки», остался в машине, Андрей и Санек кинулись за лысачом.

На вахте сидела рыхлая баба, журнальчик листала.

— Милиция.

Андрей сунул в бабью ряху красную корочку, каковых корочек много в метро продавали.

— Вот этот человек сейчас вошел сюда, — он показал фотографию. — Знаете его?

— Шут его знает... — протянула баба. — Сейчас

всех не упомнишь, к фирмачам что ни день новые ша-
стают.

— Куда он пошел?

— Шут его знает... Туда, кажись. — Баба показала
рукой.

Андрей с Саньком полчаса метались по этажам.
Лысача и след простыл.

Когда они, потные, усталые, выбрались из здания, ни
красную «девятку», ни сиреневый «ситроен» они не
увидели.

Как оказалось, когда они вахтершу расспрашивали,
лысач из-за угла дома показался, через задний ход из
дома выбрался, стервец. Ну, лысач и рванул на своем
«ситроене», водитель «девятки» ему вдогон пустился.
Оторвался лысач без труда, у первого же светофора.

Рязанский номер «ситроена» оказался поддельным.

Продемонстрировав посланцу авторитетного сифи-
литика уверенность в чистоте Марины, мадам Перегу-
дова в действительности таковой уверенностью не об-
ладала. Да, она верила людям, насколько можно верить
в силу страха. Любая ее девушка побоялась бы утаить
свою болезнь, но ведь даже страх смерти не удержива-
ет некоторых идиотов от самоубийства. С другой сто-
роны, с чего бы это Журавлевой вздумалось скрывать,
что она больна? В случае профессионального заболе-
вания мадам Перегудова лечила девушек за свой счет
и выплачивала бедняжкам больничное пособие. Одна-
ко, опять-таки, есть такое понятие, как идиотизм, или,
по-простому говоря, крыша поехала. Что ж, у девушек
работа нервная, когда-нибудь у кого-нибудь из них впол-
не могла крыша поехать.

Уж не сошла ли Журавлева с ума?

Как бы то ни было, прежде чем Журавлеву на ку-
сочки разрезать, следует насчет сифилиса выяснить.
Так больна Журавлева или не больна?

О сифилисе Эльвира Модестовна знала достаточно, профессия обязывала. Первичное проявление заболевания, безболезненную язвочку, можно было не заметить, особенно если язвочка находилась достаточно глубоко во влагалище или во рту в защечной области, или в прямой кишке. Первые две-три недели у человека с такой язвой анализ крови сифилиса не покажет, тогда как на язвочке в это время находится достаточно возбудителя, чтобы заразить партнера. Докторше, состоявшей у Эльвиры Модестовны на содержании, было велено осматривать девушек самым тщательным образом — и та старалась, даже в уши проституткам заглядывала, чтобы язвочку не просмотреть. А вдруг просмотрела язвочку, докторша-то? И Марина могла язвочку не заметить.

«Как ни верь людям, а лишняя проверка не помещает», — подумала Эльвира Модестовна и взялась за телефонную книгу.

Перегудова набрала номер медицинской фирмы, специализировавшейся на анонимном лечении венерических болезней.

— Фирма «Анютини глазки», — раздалось в трубке. Голос у девушки был такой воркующий, что ей только сексом по телефону заниматься.

— Мне, милая, кого постарше давай.

— Может, я вам смогу ответить?

— Чего там болтать, кого постарше давай, говорю.

— Сейчас приглашу врача.

Приятный баритон:

— Слушаю вас.

— Я, кажется, больна. Сколько вы дерете за обследование?

— Полное обследование стоит триста тысяч.

— Плачу миллион, займитесь мною сейчас же. Нет, это вы ко мне подъедете. Да, наличными. Слушайте адрес.

Во втором часу пополудни начальник охраны принес Эльвире Модестовне заключение врача, обследо-

вавшего Марину прямо в номере гостиницы (включая лабораторный анализ).

— Так я и знала, — проворчала Эльвира Модестовна, разглядывая сиреневый листок, официальное заключение фирмы «Анютинны глазки». — Наш голубь заразился от какой-то другой голубки. А может, от голубка. Чего только он на мою девушку все валит? Или, курды-мурды, он и не болен совсем, просто он — маньяк, увидел мою девушку и захотел заняться любовью с ее трупом?..

День прошел без происшествий, а ночью случилось. Сразу после события всем охранникам гостиницы портативные рации раздали и наказали, чтобы рация постоянно в режиме приема работала. Каждые пять минут — переключка. В пятом часу, уже светать начало, не отозвался охранник, дежуривший на крыше. Немедленно разбудили Лежнева. Еще до того как Лежнев прошел в штаб, на крышу отправилась оперативная группа из пятерых сотрудников.

Человек в маске по специальному тросику спустился с крыши к окну номера Марины и принялся резать стекло резакон из спецсплава. Стекло он резал в гостиную, резал почти бесшумно, поэтому Марина, почивавшая в спальне, ничего не услышала. Потом человек в маске собирался вырезанный участок стекла опустить вниз на липучке и — добро пожаловать в номер. Марина должна была остаться в блаженном неведении до самого последнего момента.

Залепить девушке рот пластырем, вколоть ей в руку спнотворное и переправить вниз, где поджидал «мерс», — таков был план похитителя.

Человеку в маске так и не удалось вынуть стекло, не говоря уж о прочих его намерениях.

Охранники гостиницы перерезали тросик.

Следом за звуком удара тела об асфальт внизу зашумел отъезжавший автомобиль.

Марина так и не узнала, какой опасности подверглась этой ночью.

Эльвира Модестовна вдруг вспомнила про бокал шампанского, отпила пару глотков, закусила устрицей и опять впала в задумчивость.

Задуматься ей было о чем. Неизвестная банда занялась ее заведением всерьез. Вот и альпиниста подослали. А сведений об этом сифилитике у нее до сих пор не было. То есть было кое-что, но так, по мелочи.

Утром позвонил Узбек, бригадир Камбала, вроде бы действительно узбек по национальности. Узбек сообщил, что Камбал велел успокоить: досаждавший Перегудовой сифилитик не был московским коренником. Если тот и из воров, то какой-то залетный, видать. И еще одну успокоительную пилюлю Узбек подбросил. Камбал переговаривал кое с кем, так вот, все московские авторитеты были возмущены «наездом» на Эльвиру Модестовну.

— Не бойсь, Эльвира Модестовна, мы этих дерьмачей из-под земли достанем и раком поставим, — сказал Узбек.

— Смотри, как бы они, курды-мурды, тебя прежде раком не загнули, — проворчала Перегудова и прервала связь.

«Кулак у Камбала крепкий, а соображаловка того, только на троих он и может сообразить, — не торопясь думала Эльвира Модестовна, ковыряя во вставной челюсти зубочисткой. — Не найдет он мне гнилика-сифилитика, нет, курды-мурды, не найдет. И Бухарь не найдет».

Начальник РУВД клялся в верности и струйкой денежки сосал, словом, службу понимал правильно, да ей-то дело нужно было.

Видно, придется к Ауримору обратиться.

С Федором Семеновичем Уткиным Эльвира Модестовна познакомилась двадцать лет назад. О, это были славные времена, времена, когда она сама представляла ляжки, пошире раскрывала рот и раздвигала ягодицы...

Эльвира Модестовна была необычной проституткой. Не в том это ее необычие заключалось, что имелось в ней некое пикантное уродство, влагиалище с зубами или иное что-то, нет, необычными были некоторые ее психологические черты. Проявление этих черт ее подруги называли дуростью, а то еще и как похлеще называли.

Зачем мужчине нужна проститутка? Удовлетворить похоть? Да, тысячу раз «да». Тут длинный ряд типажей, которым от проститутки кроме «этого дела» ничего не нужно: это и юнцы, жаждущие «взрослых» ощущений, это и почтенные отцы семейств, желающие разнообразить «половое блюдо», и сластолюбивые старики, верящие, что в близости с молоденькой девчонкой к ним вернется молодость, и бизнесмены-неврастеники, ищущие разрядку в сексе. Однако всякая «жрица любви» скажет вам, что немало и таких, которым нужно от проститутки другое: не секс или, скажем, не только секс, но и умение выслушать, по-бабьи посочувствовать. Как правило, проститутки, за исключением дешевых привокзальных шалав, не отказывают клиентам в паре утешительных слов в дополнение к сексу. Однако не многие делают это талантливо, и единицы — искренне.

Даже на фоне этих сердцеобильных одиночек Эльвира Модестовна Перегудова заметно выделялась.

О Перегудовой, об Эльвире, о Вире, как ее называли в те времена, ходили занятные истории. Однажды она пожалела студентика, хилого невзрачного студентика, безуспешно пытавшегося подцепить на второй билет у Большого театра хоть какую-нибудь личность женского пола. Вира заметила беднягу, и она, имевшая в двадцать лет без всяких там красителей внешность супермодели, не только обслужила его по-женски, но еще и бумажку мальцу в сотню баксов сунула. В другой раз Вира продала жемчужное ожерелье, подарок арабского шейха, только чтобы выручить горюна-предпринимателя, рассопливившегося у нее на груди. Только его Вира и видела со своими деньгами.

С Федором Семеновичем Уткиным Перегудова сошлась вот на этой самой почве — не блядской, а женской.

Для работы она снимала однокомнатную квартиру на проспекте Вернадского, а жила в другом месте, в Черемушках. Уткин заметил ее в ресторане, ну и на Вернадского поехали. Вешая двубортное кожаное пальто, он будто пошутил: «Знаешь, кого принимаешь? Колдунов не доводилось видеть?» Она тогда не придавала его словам значения: да что там, кругом колдунов пруд пруди, которые из воздуха деньги делают...

С Уткиным «это» прошло самым обычным образом. Пожалуй, только ладони его были слишком уж горячи, так и жгли ей ягодицы, да струя спермы, казалось, еще немного, и пробила бы ее насквозь. А впрочем, ничего особенного, горячие типы попадались ей и раньше, и позже.

В утешениях Уткин не нуждался. Выглядел он очень самоуверенным, этот молодой преуспевающий экстрасенс. Слив в Виру мужское начало, он быстро оделся: «Я привык спать в своей постели». Не дожидаясь, пока она откроет ему дверь, он сам справился с замком.

Когда за окном раздался крик, Вира не последовала спокойствию дворового колодца. Обывателя понять можно: еще на шальную пулю наскочишь... Только она одна и высунулась, и высунулась не любопытной кумушкой.

Когда она увидела лежащего на асфальте Уткина и зверовидного мужчину, нависшего над ним, ее словно какая-то сила подхватила. Она опрометью кинулась вон из квартиры, по пути схватила топорик (стоял у двери, для схожего случая припасенный), скатилась вниз по подъездной лестнице...

В неярком свете уличного фонаря она увидела с необычайной резкостью на годы врезавшуюся ей в память картину: лежал Уткин с окровавленной прядкой волос на лбу, его левая рука была неестественно вывернута, неизвестный мужчина правой рукой с силой

давил Уткину на грудь. Правая рука мужчины и грудь Уткина были обнажены. На какой-то извращенный секс это не было похоже: эта нагота состоялась в результате того, что у Уткина сгорела рубашка на груди, а у бандита — правый рукав куртки и рубашки. И у того, и у другого одежда по краям еще тлела.

Незнакомец посмотрел на Перегудову — и у девушки захолонуло сердце. Красные, воспаленные глаза на жестком тонкогубом лице с острыми скулами были глазами убийцы. Возможно, Вира так и не сумела бы нанести удар, увидев эти глаза, но, по счастью, еще прежде она замахнулась топориком.

Она ударила не обухом, а лезвием.

Ей показалось, что она пробила голову незнакомца от темени до уха. И то, девка она была ядреная... Вдруг испугавшись того, что сделала, она выпустила рукоятку топорика — и так, с топориком в голове, бандит повалился на асфальт.

Недвижимого экстрасенса Вира взяла под мышки и поволокла на второй этаж, к себе в квартиру. Там она положила его на кровать (простыня еще была сырой от пота), прислушалась. Вроде дышит. Она сбегала на кухню за водой, кровь с лица и груди обтереть.

Судя по ссадинам, бандит не раз бухнул кулачищем по черепушке Уткина, и губа была рассечена... Уткин оставался без сознания. Вира раздвинула веки — прачок под лоб покатился...

Она стала обтирать Уткину грудь. Кровь уже не шла, но рана была страшная. Будто молния ударила: черный струп и запекшаяся кровь по краям... Должно быть, у бандита было что-то вроде электрошоковой дубинки, только гораздо мощнее.

Тут Уткин пришел в себя: раскрыл глаза, застонал.

— Вызову «скорую», — сказала Вира, вспомнив про телефон.

Прежде чем она добралась до телефонного столика, экстрасенс приподнялся на здоровой руке и, морщась, буркнул:

— Не надо «скорую».

— Поговори у меня, — Вира уже бралась за трубку.

— Не звони, тебе же будет хуже.

— С чего это?

— Я скажу, что это ты хотела меня убить.

Вира остолбенела, изумившись такой наглости.

— Извини, — продолжал Уткин, — но я буду вынужден сказать это. Так что смотри сама, стоит сюда ментов вмешивать или нет.

— Я на «скорую»...

— Дурочку из себя не строй. Сама знаешь, доктор сразу в ментовку сообщит.

«Видно, этот зазнайка — сам бандит хороший, раз так ментов боится», — подумала Перегудова. И она вспомнила о мужчине, оставшемся лежать у подъезда. Разборки не разборки, но она человека убила.

— Твоего приятеля я кокнула. Топором. Только косточка хрустнула. Вот так, курды-мурды, — произнесла Вира. — Так что менты здесь все равно объявятся, как ни крути. Или ты думаешь, я пойду прятать труп?

— Трупа никакого нет, успокойся.

— Я же говорю тебе...

— Да видел я, как ты его саданула. Только труп там сейчас не валяется. Пойди убедись, если хочешь.

Опускаться вниз Вира не стала — она вышла на балкон, всмотрелась. Что такое? И в самом деле, никакого трупа на асфальте у подъезда не было...

— Ну что? — спросил экстрасенс, когда она вернулась в комнату.

— Забрали уже, — неуверенно произнесла Вира. — Забрали труп-то.

— Кто-то из твоих соседей отволол труп к себе, на борщ, что ли? — усмехнулся Уткин.

Не в силах дать разумное объяснение исчезновению трупа, Перегудова смолчала.

Уткин объяснил:

— Не бойся, того мужика ты не угрохала. Он на

своих двоих ушел. Да, топором по черепушке ты его саданула, ну и что? Так просто колдуна не убить... И в ментовку он на тебя не заявит, это ты мне поверь.

У Виры отчего-то закружилась голова, ослабели коленки.

— Принеси мне свечу, — приказал Уткин. — У тебя есть свеча?

— Мало света, что ли?

В люстре горели три лампочки.

— Мне нужен живой огонь.

Она пошла на кухню. Там у нее свечной огарок был припасен в чугунном витом подсвечнике, вдруг короткое замыкание когда случится.

Она зажгла свечу, вернулась в комнату. Уткин уже сидел на стуле, он показал: «На стол поставь». Она поставила подсвечник на стол и отступила, с недоумением и опаской глядя на своего странного клиента.

Уткин ладонью провел над пламенем. Раз провел, другой... Внезапно огонь ярко вспыхнул, словно керосином плеснули. Пламя обволокло кисть Уткина, столбом поднялось к потолку... И опало, успокоившись.

Как же пламени не успокоиться, если свеча вся вышла.

Перегудова, хозяйка примерная, подняла глаза, не накопил ли ей Уткин потолок. Да нет, потолок был чист.

Теперь девушка заинтересовалась Уткиным. Странно, следов ожога на его руке как будто не было видно... Она заглянула ему в лицо. Уткин как-то посуровел, закаменел губами, а глаза его были пусты, словно и не видел он Эльвиру Модестовну Перегудову... Тут лицо Экстрасенса залил мягкий свет, как синеватой вуалью окутал. Немногим позже такая же светящаяся вуаль закрыла рану на его груди.

Когда странный свет исчез, никаких ссадин и кровоподтеков на лице Уткина Перегудова уже не увидела. На месте раны у него на груди, на здоровой розовой коже, чернел вытатуированный дракон. Отчего-то

Вире показалось, что дракон шевельнул хвостом и щелкнул челюстью. У нее в глазах помутилось, должно быть.

Потом они с Уткиным пили чай, долго пили, до самого утра, не говоря почти что ни о чем. Только раз проститутка поднялась из-за стола, во двор за топориком опустилась. Она нашла его на асфальтовой дорожке у подъезда. Если бы не кровь на лезвии, она, пожалуй, уверилась бы, что ни на кого топориком и не замахивалась. Впрочем, так ей впоследствии и казалось временами: и топориком она ни на кого не замахивалась, и сама эта загадочная история ей приснилась.

Возможно, Уткин — хороший гипнотизер, вот он и внушил ей какую-то чертовщину.

...Прощавшись, Уткин положил на столик перед зеркалом несколько зеленых бумажек.

— Дешево же ты стоишь, колдун, — презрительно хмыкнула Перегудова, даже не потрудившись взглядеться, какого достоинства купюры.

Уткин внимательно посмотрел на нее. Подумав, вынул из кармана визитную карточку, положил визитку поверх баксов:

— Если понадобится...

Сейчас только Вира и узнала, как звали клиента. «Уткин Федор Семенович, экстрасенс первой категории», — прочитала она. Далее шел адрес кабинета, где экстрасенс практиковал, и контактный телефон.

Уткину Перегудова звонить не стала, не говоря уж о том, чтобы заявиться к нему на его экстрасенсовую работу. Через месяц он сам навестил ее, вскоре зашел еще раз, потом пригласил домой... Между ними сложились дружеские отношения, дружба плюс немножко секса, ни о чем более серьезном и речи не шло. Время постепенно изжило сексуальный компонент из их отношений, но дружба осталась.

Эльвира Модестовна слышала, что некоторые экстрасенсы могли, взглянув на фотографию какого-нибудь человека, рассказать кое-что об этом человеке и даже указать, где этот человек в данное время нахо-

дится. Уткин вроде сильный экстрасенс. Так неужели он не поможет ей найти лысого бандита, через которого-она смогла бы выйти на злобствующего сифилитика? И Эльвира Модестовна отправилась на Ясновскую улицу.

Федор Семенович Уткин жил на пятом этаже белой девятиэтажки, в трехкомнатной квартире улучшенной планировки. Жил один. Эльвира Модестовна за явилась к нему поздним вечером, чтобы застать его дома паверняка.

Уткин оказался у себя — щуплый, очкастый, в тренировочных штанах с пузырями на коленях. Он обрадовался ей. Не то чтобы он полез к ней с поцелуями, то время давно минуло. Уткин улыбнулся и смягчился лицом, а улыбался он в последнее время так редко, что это событие впору было записывать в поминальную книгу.

Когда она, войдя в квартиру и скинув туфли, замерла у зеркала в прихожей, он спросил грубовато:

— Что пришла?

— На жизнь пожаловаться.

— Жизнь все хуже, а юбки все уже. Так что ли?

Эльвира Модестовна парировала, проходя в гостиную:

— А ты, того и гляди, из штанов выпадешь.

Только в этой комнате из трех она бывала прежде; две другие, чьи двери всегда были закрыты, Уткин никогда не показывал ей и даже не заходил в них при ней. Здесь, в этой комнате, все было как у людей: японская стереосистема, японская видеодвойка, мебельная стенка до потолка, стол с четырьмя красивыми полукреслами, диван, на котором они с Уткиным в молодости провели столько приятных минут.

Они сели за чай. Сервиз был простенький, толстый отечественный фарфор в цветочек.

— Я слышала, ваш брат экстрасенс может нос по полу пустить, мосты навести, разыскать кого надо, по фотографии, — произнесла Эльвира Модестовна, на масля-

ный слой бутерброда накладывая клубничное варенье из розетки. — Дельце у меня есть одно, не поможешь?

До этого она у Уткина ничего не просила, поэтому надеялась, что обойдется без проволочек. Уткин, однако, молчал возмутительно долго, мешал сахар в чашке, мелко кусал печенье, жевал по-заячьи.

Эльвира Модестовна начала закипать.

— По фотографии я тебе никого не найду, — наконец сказал экстрасенс. — Да погоди ты бесноваться! Если ты виделась с этим человеком недавно, я разыщу его по следу. Ментальный след неделю держится.

— Я его видела вчера, курды-мурды.

— Значит, я его найду. Если только он не колдун.

— Нет, он без всяких прибамбасов.

Они договорились, как это будет выглядеть. Завтра утром Уткин заедет к ней в гостиницу. Его доведут к тому зданию, где «наружка» упустила лысача, а дальше уж Уткин должен будет показать свое умение.

Расстались они нежно: он довел Перегудову до ожидавшегося ее автомобиля, белого «ниссан-патрол», и она на прощание поцеловала его в темечко.

Показать Уткину, где «наружка» потеряла бандита, поручили Саньку, молодому бугаю. Когда к Саньку подвели экстрасенса, он, не подав Уткину руки, молча полез в машину. Он органически не переваривал тщедушных людей, при виде таких людишек ему мерещились пулевое отверстие в затылке и яд в пивной кружке.

— Так ты взаправду трахал Барыню? — не удержался Санек, когда они отъехали. (Перегудова несколько раз была с экстрасенсом в ресторане при «Северной звезде», ну и сплетни пошли.)

Уткин не ответил.

Санек попробовал возникнуть, какое нахальство ему не отвечать, но Уткин как в рот воды набрал. Пришлось Саньку утихомириться. Не на стычку же ему с этим слизняком идти.

В гниловатом молчании они доехали до бетонной коробки бывшего «почтового ящика». Припарковавшись, Санек хмуро сказал:

— Гляди сюда. Вертушку видишь? Объект туда, и мы туда. Потом мужик тот задними дворами сюда вышел. В тачку свою залез. Ну, наш водила лопухнулся, упустил «ситроен».

Не задав ни вопроса, Уткин вышел из машины. Он долго стоял, смотрел куда-то поверх крыш. Снял очки, щурился близоруко. Вынул платок, стекла взялся протирать.

«Хрена этот дичь выследит, — подумал Санек. — Да он в двух шагах дерево не увидит».

Уткин вернулся к машине, раскрыл дверцу, заглянул в салон:

— Подожди меня.

— Ты куда?

Экстрасенс, не теряя времени на объяснения, двинулся к двери-вертушке. Санек матюкнулся сквозь зубы.

Уткин обернулся быстро, из той же двери вышел. Залез в машину, сказал:

— Сейчас прямо, у первого светофора налево повернешь. Жми!

Санек, покраснев, подчинился. Эх, долбаное начальство, и на такую моль он должен ишачить!

Они долго петляли по улицам. Таганскую из конца в конец дважды проехали. В результате экстрасенс вынужден остановиться у дома 12 по улице Курилкина.

На первом этаже старинной трехэтажки располагался магазин «Цветы». В темной витрине куксились два фикуса в кадках, внизу стояли солдатскими рядами горшки с геранью и алоэ.

— По-моему, это то самое место, которое вам нужно. — медленно произнес Уткин.

— Не мешало бы тебе прогуляться и рассмотреть все как следует.

— Мне это ни к чему.

Санек выбрался из машины. Он сам осмотрит эту старую развалину. Хочет он или нет, а ему придется ее осмотреть. Старшой, конечно, станет выспрашивать, сколько в окнах этого дома форточек и где сортир находится.

Он дважды обошел дом, старательно заглядывая в окна. В подвале дома находилась какая-то контора, в эти зарешеченные окна он пялился особенно долго. Потом он зашел в магазин. Магазин как магазин: у кассы уродливая девчонка скучает, бабушка с внучкой кактусы разглядывают. Фиалки в горшках, гвоздики в золотистой пленке... А магазинчик, пожалуй, бедноват для Москвы будет.

Санек ничего не купил, чего покупать-то. Выйдя на улицу, он обрадовался, что машина на месте, не угнал машину интеллигентик. Санек забрался в машину, пристегнулся.

Не успел он повернуть ключ зажигания, как в его пухлую щеку уткнулось нечто.

В мгновение холодок от черного дула автомата растекался по всему обширному телу Санька.

Щетинистая харя, сунувшись в окошко, прошепелявила:

— Кого выглядываете, сучонки? А ну, выметайтесь из тачки!

В подтверждение того, что приказ относился не только к водителю, но и к пассажиру, дуло автомата, оторвавшись от щеки Санька, качнулось в сторону Уткина.

Правду о том, что случилось далее, Санек так никому и не рассказал, чтобы не подумали, что он спятил.

Правая рука Уткина пестрой гадюкой обернулась вокруг автомата. Это не образное сравнение, даже чешуйки на теле гадины Санек различил. Колдун рванул оружие на себя, в ту же секунду бандит нажал на спусковой крючок. Пуля пробита переднее стекло. Не

успел Санек обмочиться, как автомат оказался в руках Уткина.

Уткин ткнул автоматным дулом бандита в лицо, тот отшатнулся и завизжал на всю улицу. Из подъезда соседнего дома выбежали два мужика. Один из них сделал стойку, рукоять пистолета в ладонях.

Санек затряс щеками, приходя в себя. Легковушка рванулась с места. Выстрелы неслись вслед «девятке», пока машина не скрылась за поворотом.

На этот раз судьба была благосклонна к водителю «девятки» и пассажиру: они отделались разбитым боковым зеркалом и парой круглых отверстий в стеклах.

Санек высадил экстрасенса, по его просьбе, у станции метро «Красные Ворота», а сам поехал докладывать Лежневу.

Рассказывая про цветочный магазин, Санек не забыл и про то, как их пытались задержать. Бандиты остались с носом исключительно благодаря его расторопности.

Санек, заливаясь соловьем, не знал, что вся его болтовня для хозяйки уже бесполезна. Вскоре после того как Санек повез Уткина на поиски ментального следа убийцы, Эльвире Модестовне позвонил Узбек. Люди Камбалы оказались более проворны, чем думала о них Эльвира Модестовна: они сумели-таки узнать, кто же докучал ей в этой истории с Мариной.

Это были рязанцы, банда в двадцать — тридцать стволов, главарем стоял Геннадий Фролович Герасимов по прозвищу Коготь. Стараниями нового рязанского мэра банде Герасимова пришлось покинуть Рязань. Теперь эти ребята как будто собирались навсегда обосноваться в боголюбивом граде Москве. До случая с Эльвирой Модестовной Герасимов вел себя если не тихо, то спокойно: явившись в Москву полгода назад, он полюбовно договорился со Смехачом, паханом криминальщины муниципального округа Дедушкино, о деятельности

на его территории. Рязанцы торговлишкой промышляли, наркоту сбывали в розницу. Быстро были открыты точки сбыта, три дискотеки, и дело запенилось.

Камбал, сообщил Узбек, переговорил с Когтем, и тот согласился встретиться с Эльвирой Модестовной на нейтральной территории. Может, удастся договориться.

— Камбал, кажется, рвался замочить этого Когтя, — заметила Перегудова.

— У тебя, Эльвира Модестовна, двое полегли, а у Когтя твои «шестерки» четырех погасили. Если мировой покончить, расклад и так в твою пользу будет.

— А если мы не договоримся?

— Э, не знаю. Шеф тебя в обиду не даст, конечно. Что передать шефу?

Перегудова помолчала. А что ей молчать-то? Чтобы вести войну с Когтем, у нее не было ни сил, ни задора, так что самой ей с ним не справиться. Сила есть у Камбала, а он вон какой гусь. Да и то, что его винить, он, как мог, помогал ей, а больше того, значит, не может. Понятно, с какой стати своими корешами ради кого-то рисковать. А ведь корешки еще понимать должны, зачем им головы под пули подставлять.

— Хорошо, я встречаюсь с этим Когтем, — отчеканила Перегудова. — Где, когда?

Узбек пустился в объяснения.

Шоссе Энтузиастов в одном месте пересекается Большим Купавенским проездом. В сотне метров от перекрестка с шоссе Энтузиастов в Измайловский парк сходит неширокая асфальтовая дорога. Проехав по этой дороге с километр, вы окажетесь у ворот санатория для участников Великой Отечественной войны «Сосновый бор». На первом этаже санатория находится небольшой, но очень нарядный и дорогой ресторанчик без названия. То есть, это по бумагам рестораника нет, есть «заезжаловка» при санатории, чтобы на вы-

ручку старичков обласкать. Называли ресторанчик по названию санатория, большие буквы названия как раз над сводчатыми ресторанными окнами улыбались. В ночной программе ресторана был стриптиз, по пятницам мужской, в остальные дни недели женский. Чего не сделаешь, чтобы заработать на хлеб для наших дорогих участников войны, кровь свою святую ради нас проливавших! Приторговывали в ресторанчике и наркотиками.

Эльвира Модестовна Перегудова подъехала к «Сосновому Бору» в начале восьмого вечера. За рулем «ниссан-патрола» сидел Лежнев, с заднего сиденья сторожили каждое движение на дороге три охранника. «Ниссан-патрол» припарковался между красной «ауди-100» и бежевым «линкольном».

Один из охранников открыл дверцу Эльвире Модестовне. Едва она ступила на землю, как к ней подбежал человек в ливрее:

— А вас уже ждут, Эльвира Модестовна...

Лежнев вышел вперед, схватил лакея за рукав.

— Пошли покажешь, кто там еще дожидается.

Они так и вошли в дверь, Лежнев и лакей одновременно. Эльвира Модестовна следовала за ними, со спины ее безопасность блюли два «быка». Один ее человек остался в машине; «бык» переместился с заднего сиденья на место водителя и закрылся наглухо.

Ресторан представлял собой три маленьких зала с хорошей звукоизоляцией, идущие друг за другом по-сосисочьи. В первом зале играл джаз, во втором ногатая деваха показывала стриптиз, в третьем из динамиков звучала мягкая, усыпляющая музыка. В этот тихий миг и провел провожатый Эльвиру Модестовну. Узбек ждал ее за столиком, стоявшим в нише стены. Галантно поздоровавшись, бандит сказал:

— Ваши люди пусть здесь останутся, а мы поднимаемся наверх.

Лежнев попытался возразить, но Перегудова обожала его, наверх, так наверх.

Эльвира Модестовна пригубила и, глядя в стол, проговорила:

— Вот что, Коготок. Скажи своим кентам: ту девчонку я пообещала сама придушить.

— Не держи за дурака, сестренка. — Коготь покрутил чашку, но со стола ее не поднял. — Девку на бочку! Мои кенты ждать не любят.

Несколько минут прошло в тревожном молчании. Казалось, в воздухе столько электричества накопилось, что хоть прикуривай. Наконец Коготь с нажимом спросил:

— Так ты выдашь мне шлюху или нет?

— Я подумаю.

Эльвира Модестовна встала из-за стола.

— Только недолго думай.

— Это как получится. Телефончик твоих вонючих «Цветов» у меня имеется, так что позвоню.

— Завтра утром позвонишь.

Перегудова уже выходила из комнаты.

Узбек проводил Эльвиру Модестовну до ее машины. Опередив Лежнева, распахнул перед ней дверцу.

Перед тем как захлопнуть дверцу, он заглянул в салон:

— Камбалу что сказать?

Перегудова ждала этого вопроса.

— Скажи, дело улажено, — произнесла она с горечью.

Узбек помедлил — неужели хотел напомнить, что Перегудова должна была завтра утром Когтю позвонить? — но, так ничего и не сказал, захлопнул дверцу.

Утром следующего дня Эльвира Модестовна позвонила в магазин «Цветы». Коготь ждал ее у телефона. Он даже сам поднял трубку — надо же, какая честь для нее. На этот раз он был предельно вежлив, этакая гиена во фраке и цилиндре. По всей видимости, Узбек сказал ему, что Перегудова подчинится его требова-

нию, иначе бы он вел себя, как волчина с отдаленным хвостом.

Эльвира Модестовна сказала Когтю, что тот получит Журавлеву, пусть к полудню присылает братков за девушкой. Коготь одобрительно отозвался о ее, Эльвиры Модестовны, благоразумии, а в заключение мило осклабился:

— А ты ничего, баба сдобная. Бог даст, еще любовь закрутим.

Перегудова бросила трубку.

Немедленно она позвонила Лежневу:

— Еще не готово?

— Сейчас буду, Эльвира Модестовна.

После того как Лежнев вышел из ее кабинета, она приказала привести к ней Марину. С вещами.

Девушка выглядела, как больная: осунувшееся лицо, запавшие глаза, синие крути у глаз. В руках она нервно мяла черную кожаную сумочку, единственное, что взяла с собой.

— Что, в гроб ложиться собралась? — разозлилась Барыня. — На рай можешь не надеяться. Таким, как мы, в пекло прямая дорога, святоши говорят. Уж там тебе прижгут кое-какое место и смолы плеснут...

— Лучше меня убейте... отравите... не выдавайте пальто! — Девушка задрожала в плаче.

— Дура! — Перегудова хлестнула Журавлеву по щеке. — Дура! Дура! Ты посмотри на себя. На, гляди, какую уродку из себя сделала! — В последнее время Эльвира Модестовна не любила зеркал, но одно маленькое зеркальце все же лежало у нее в столе. Она тынула им проститутке в лицо. — Думаешь, на такую валютет кто-нибудь за бугром? Разве ниггер какой-нибудь!

Перегудова рванула из рук девушки сумочку, раскрыла ее. В сумку полетели загранпаспорт на имя Журавлевой, визы, авиабилет, разрешение на вывоз валюты и сама валюта, тридцать тысяч долларов наличными. Кинув сумочку проститутке, Эльвира Модестовна

вызвала «быков». На прощание Барыня бросила девушке:

— Тебе в машине все объяснят.

Через три часа самолет авиакомпании «Аэрофлот» пересек воздушную границу Российской Федерации, держа курс на Париж. В числе пассажиров «Боинга» была Марина Владимировна Журавлева.

В полдень Эльвира Модестовна приняла «быков» Когтя.

— Неприятность вышла, ребята, — она хмурилась, говорила грубо, резко. — Шлюха та сбежала. Ночью вниз спустилась по канату. Уж не знаю, как смогла, с семнадцатого этажа-то. — На столе у Эльвиры Модестовны лежал капроновый канатик, кольцами свернутый, вроде как орудие преступления. — Вот что удела-ла, чертовка!

— Что шефу передать? — угрюмо спросил прыщавый верзила.

— Не дошло, что ли? Скажи, сбежала девка, пусть ищет. Если девчонка у меня появится, я ее задержу и твоему шефу позвоню.

Когда «быки» Когтя убрались, Эльвира Модестовна подмигнула Лежневу:

— В самый раз по мерзавчику опрокинуть. А, Петрович?

Коготь так и не позвонил в этот день. Не позвонил и Камбал, видимо, считая дело решенным. К вечеру Эльвира Модестовна почти забыла о злокозненном сифилитике. И то, дел накопилось столько, что знай поворачивайся, предаваться воспоминаниям некогда.

В десятом часу вечера Эльвира Модестовна отправилась домой. Жила она на улице Троекурова, в брежневской серой пятиэтажке. У Эльвиры Модестовны была шестикомнатная квартира на третьем этаже, две квартиры в одну объединили.

На этот раз на дороге без «пробок» обошлось. Еще

Перегудовой надо было благополучно из иномарки в квартиру перейти. По статистике, частенько деловых людей самые серьезные неприятности поджидают у их дома — в подъезде, у подъезда. Эльвира Модестовна уважала статистику; с учетом статистических исследований ей была разработана процедура ее «перемещения» из машины в собственную квартиру.

Из «ниссан-патрола» вылез водитель, Боря Брусков, неоднократный чемпион Москвы среди профессиональных боксеров в тяжелом весе. Еще Боря был мастер стрельбы «по-македонски», из двух стволов сразу. Сжимая в просторных карманах брюк рукоятки «ТТ», он прошел в подъезд, поднялся на третий этаж, вернулся. Уложился он точно в две минуты: Эльвира Модестовна смотрела на наручные часы. Если бы он задержался хотя бы на десять секунд, она воспользовалась бы своим умением водить машину.

— Все в порядке, Эльвира Модестовна, — сказал водитель.

Перегудова из машины позвонила домой.

Она жила с сыном. Десятилетний Славик в две школы ходил, в английскую и музыкальную. Как-то мальчику губную гармошку подарили, он ее слюнявил то и дело, ну, мать его к кларнетисту и определила. Пусть хоть дудочником будет, лишь бы в сутенеры не пошел.

— Слава, это мама. На сольфеджио ходил?

— Ходил.

Мальчик ответил с некоторой заминкой. Музыкальный слух у него был, но не было никакого желания на кларнете наигрывать. Два последних занятия он пропустил, специальность и сольфеджио, и теперь со страхом ожидал, когда же мать про это узнает.

— Буду сейчас, — сказала Эльвира Модестовна и прервала связь.

То, что сын ответил ей с заминкой, она заметила. «Не забыть завтра в школу позвонить», — подумала она, вылезая из машины.

Она вошла в подъезд, стала подниматься по лестни-

це. Неожиданностей не должно было быть: Боря, конечно, не поленился, дошел до самого верхнего, пятого этажа, тогда как Перегудова жила на третьем.

Когда она прошла площадку второго этажа и стала подниматься на третий этаж, позади нее скрипнула дверь. Но почему же она не услышала звука открывающегося замка?

Она оглянулась.

А они уже были рядом.

Она вскрикнула, психика не выдержала. Хотя чего кричать-то, тут хоть криком исходи, все равно никто двери не откроет. Один из парней сжал ей рот с такой силой, словно хотел раздавить ей губы. Перегудову поволокли в квартиру тети Дуси, одинокой пенсионерки-пьяницы, жившей на втором этаже.

Тетя Дуся была у себя, в своей квартире, в коридорчике сразу за дверью лежала с целлофановым мешком на голове. Глаза тети Дуси изумленно пучились, мертвая голова дразнилась сине-черным языком.

Бандиты втолкнули Перегудову в единственную комнату тети Дусиной квартиры. Лязгнул замок.

В комнате ее ждали. За столом-развалюхой сидел Коготь, по правую руку от него сосредоточенно жевал недавний знакомый Эльвиры Модестовны, лысый подручный Когтя. На столе перед Когтем стояла початая бутылка водки, лежала нарезанная колбаса и хлеб горкой. Не иначе, это были тети Дусины хлеб и колбаса, да и водка, небось, тоже.

— Заорешь, по соплям получишь, — предупредил Коготь и кивнул парню, зажимавшему Эльвире Модестовне рот. Тот убрал руку. Перегудова достала из сумочки носовой платок, не спеша вытерла губы. Лицо Когтя исказилось бешенством, он спросил с угрозой: — Значит, говоришь, шалава сбежала?

— Я сказала уже.

— Ладно, ништо, одна шалава сбежала — другую бог дал. Сечешь?

Зазвонил радиотелефон, лежавший на столе на

крошках. Лысый бандит послушал, подышал в трубку и прервал связь.

— Коготь, водила Перегудовой еще на месте, — сказал он.

— Ждет сигнала, значит... — Коготь швырнул телефон Эльвире Модестовне. — Скажи водиле, что полагается.

— Что я должна ему сказать? — спросила она.

Коготь вместо ответа показал нож, явно не промышленное изделие: узкое длинное лезвие, тонкая ручка. Такой нож в рукаве хорошо носить, незаметно будет.

Эльвира Модестовна набрала номер, подождала, пока на том конце на связь выйдут, и устало сказала в микрофон:

— Боря, я дошла. Спокойной ночи.

Как только она отключилась, Коготь бросил:

— Сом, проверь.

Сом (такова, оказывается, была кличка лысого бандита) быстро набрал номер, спросил:

— Вьон, как там? — выслушав ответ, он повернулся к главарю: — Нормально, шеф. Тачка отъехала.

— Хорошо. — Коготь ухмыльнулся Перегудовой в лицо. — И у нас тут все хорошо, да?

— Что тебе нужно от меня? — спросила Эльвира Модестовна. — Если девчонку, так она тю-тю, все, нет ее уже. Понял ты, курды-мурды?

— Это я понял. Ты ей помогла, сука! — Коготь вскочил. — Сочень, Леха! Чего как истуканы таракитесь, х...и отсохли, что ли? Трахай ее!

Один из парней, тот, что сжимал Перегудовой рот, передернулся.

— А если эта тоже заразная?

— Заразиться боишься, Сочень? Тереха, Жужа!

Еще два бандита показались, они до этого на кухне кастрюлями гремели, старухины харчи жрали.

— Что как пидарасы? За свои х...и боитесь, так бутылкой ее трахните! Жужа, швабру посмотри в сортире, ручка швабры как раз подойдет.

— Если твои ободуи меня коснутся, Камбал скормит вам ваши гнилые яйца, — сказала Эльвира Модестовна хладнокровно.

— Раком ее, Жужа, Сочень! Раком!

Какое-то время у Перегудовой была надежда, что бандиты поопасятся тронуть ее, во всяком случае, сначала убьют ее, а уж потом изнасилуют. Но когда к ней, растопыривая руки, двинулся губастый Жужа, когда она увидела улыбку на его лице дебила, она взмахнула рукой, целя бандиту пальцами в глаза. Жужа взвыл, она попала, жалея, что только вчера укоротила ногти. Она взмахнула сумочкой, а сумочка была тяжелая, там лежал пистолет «ТТ», думала, пригодится. Сумочкой она другому бандиту в глаз засветила, хорошо засветила, но на этом ее подвиги и кончились, пара укусов не в счет. Где там женщине в одиночку с таким кодлом справиться.

Бандиты основательно разгорячились, пока заламывали Перегудовой руки и загибали ее, ставя в неподобающую для леди позу. У кого-то нашлись презервативы, розовые «фламинго-писк» с усиками... «Вздрючим, через резинку не укусит».

И они надругались над ней, Эльвирой Модестовной Перегудовой, многоопытной мадам, старой дурой, подставившей себя ради спасения дешевой жизни какой-то шлюхи.

Коготь убил ее по-воровски, ударом ножа в сердце.

Готовясь покинуть квартиру, бандиты тщательно протерли дверные ручки и стаканы, чтобы отпечатки пальцев не оставить, а недопитую бутылку Жужа захватил с собой. На выходе Сом предложил инсценировать ограбление богачки Перегудовой, и Коготь одобрил. У нее с пальца стащили перстень с бриллиантом, с шеи сорвали коралловое ожерелье, из сумочки вытащили большую связку ключей.

— У нее в хибаре будет чего пошмонать, — сказал Сом.

После убийства Перегудовой у банды Когтя могли

возникнуть серьезные проблемы, а проблемы лучше решаются с башлями в лапотниках. Коготь же в последнее время основательно истратился, все-таки ему приходилось на тесном месте дело ставить.

— Ты у нас мудрец, Сом, хрен тебе в селезенку, — похвалил кореша Коготь, про себя радуясь, что ему самому не пришлось заикнуться о деньгах Перегудовой. Братва должна была думать, что он убил Перегудову из мести, это воровским законом оправдывалось, а про деньги Барыни Сом вякнул.

Выйдя из квартиры, бандиты закрыли дверь на ключ, ключ на гвоздике у двери висел. Сом собирался выбросить ключ где-нибудь на улице, тем самым работа легавых затруднится.

Вшестером бандиты двинулись на третий этаж. Коготь знал, за какой дверью находятся деньги, знал он и еще много чего о семье Перегудовых. Местные старушки-скамеечницы были очень болтливы.

* * *

Простившись с Перегудовой, Боря Брусков проехал в соседний двор. Здесь он заглушил мотор.

Перегудова не те слова сказала ему, которые она должна была сказать, если все шло хорошо; кроме того, она на минуту с лишним задержалась со звонком.

Боря, как ему было велено действовать в такой ситуации, позвонил Лежневу, тот обещал немедленно подъехать с ребятами. Теперь Боре следовало уточнить обстановку и, в случае необходимости, оказать помощь своей хозяйке. Он позвонил на квартиру Перегудовой:

— Славик? Это дядя Боря. Как дела?

— Хорошо. Вы скоро приедете?

Судя по отзыву сына Перегудовой, у нее в квартире было спокойно. Значит, Перегудову встретили в подъезде. А может, бандиты ждали, когда он отъедет, чтобы отволочь Барыню в свою машину и увезти?

Боря вылез из машины, включил противотуманную систему «Кордебалет» и быстро зашагал к дому Перегудовой. В свет фонарей он старался не попадать.

Подъезд, где жила Перегудова, снаружи выглядел точно так, каким он его оставил: ни мужиков неприятного вида в дверях, ни разбитых окон. Барыню уже увезли или она истекла кровью там, в подъезде? Или к ее горлу только что приставили нож?

Черная подъездная дверь манила, как манит неопытного скалолаза бездна. Боря не без труда преодолел искушение пойти и посмотреть, с чего это Перегудова застряла в подъезде. Подъезд он осматривал, значит, раз ее задержали там, это было не простое хулиганство. Просто взять и войти в подъезд, так это можно на пулю или на нож напороться.

Боря позвонил Лежневу по радиотелефону, доложил обстановку. В это время начальник охраны бардака с десятью «быками» на двух «мерсах» выезжал с территории «Северной звезды». Выслушав Брускова, Лежнев коротко ответил:

— Мальчишку заberi из квартиры, посади в свою машину. Он тебе откроет заднюю дверь, знаешь же, у них в квартире две входных двери. Сейчас я ему позвоню. Потом вернешься, посмотришь, что там в подъезде.

— Ясно.

Боря недовольно прервал связь. К чему ему смотреть, что там такое, в подъезде? Он не любопытный.

Во всяком случае, пока что перед ним несложная задача: отвести пацана Перегудовой к «ниссану-патролу». А там, глядишь, и Лежнев с ребятами подъедет, успокоил себя Боря.

В доме, где жила Перегудова, было пять подъездов, ее подъезд, третий, как раз в центре дома находился. Боря к нужному ему подъезду напрямик не пошел, чтобы не привлечь внимание бандитского наблюдателя. Он подошел к углу дома и двинулся вдоль его стены.

Боря вошел не в тот подъезд, который он проверял

и в котором скрылась с концами Перегудова, а в соседний. Десять лет назад Перегудова купила две трехкомнатные квартиры на третьем этаже. С дверями в разных подъездах. Одна из дверей была для повседневного пользования, вторая предназначалась на исключительный случай. О том, что эта вторая дверь действовала, соседи не знали. Перегудова говорила всем, что заложила вторую дверь изнутри кирпичной кладкой.

Тихо постучав в дверь и услышав за дверью скрип половицы, Боря назвал:

— Славик, это я, дядя Боря. Тебе дядя Захар позвонил?

— Да. Сейчас открою. — Мальчишка долго возился с замком, наконец впустил Боря в квартиру.

«Вот как богатые живут», — завистливо подумал Боря, впервые оказавшийся в квартире Перегудовой. Роскошные гобелены, паркет... А стены коридора золочеными плитками с завитками выложили, сволочи.

Худенький мальчик — льняные волосы, конопушки, спортивный костюмчик — хмуро смотрел на Брукова.

— Дядя Захар сказал, я должен с вами пойти, — произнес пацан. — А мама где? Дядя Захар сказал, она не может позвонить. Почему она не может позвонить? Она сказала, что скоро дома будет...

— Я ничего не знаю, старик. Дядя Захар тебе все скажет.

— И куда ты меня поведешь?

— Не поведу, а повезу, внизу машина. В гостиницу «Северная звезда» повезу. Ты был там?

— Да. Один раз. Мама взяла с собой.

— Может, там твоя мама будет, поэтому дядя Захар велел тебя туда привезти, — сказал Боря с отвращением к себе, лишь бы только скорее закончить разговор. — Пошли?

— А дядя Захар сказал, что ты меня к бабушке Марусе отвезешь!

Боря чертыхнулся про себя. Мальчишка, оказывается, был не прост. Лежнев сказал пацану, куда его повезут, а он, вместо того чтобы на этом успокоиться, вон какую ловушку из вопросов выстроил!

Чтобы как-то вывернуться, надо было продолжить разговор, но откуда взять время? Кто его знает, что там такое встретило Перегудову в подъезде, возможно, у них секунды остались, чтобы покинуть квартиру?..

Брусков и сам не знал, что на него нашло, откуда взялся этот страх. Он собрался схватить мальчишку в охапку и понести его к машине. Пацан будет дергаться и кусаться? Ничего, потерпим.

Вдруг маленький Перегудов радостно воскликнул:

— Ой, это мама!

Другая дверь находилась на противоположном конце квартиры, и тем не менее ковыряние ключом в замке той двери можно было расслышать, если прислушиваться. Славик прислушивался.

В первый момент, вероятно, под влиянием радостного восклицания мальчика, Брусков подумал облегченно: «Уф, вот и Барыня. К соседке, небось, заходила». Эта шальная мысль быстро сменилась мыслью разумной: тот, кто пытался открыть замок передней двери, не мог быть Эльвирой Модестовной Перегудовой. Замок именно ПЫТАЛИСЬ открыть, а не открывали. Ощущение было такое, будто в нем шарили отмычкой. Да и с какой стати Перегудова в одиннадцать вечера вздумала бы зайти к соседке, вместо того чтобы напрямик идти домой? И фразу, означавшую, что она добралась до дому благополучно, она не сказала, но сказала другую фразу, неправильную...

— Славик, стой! Да погоди ты!

Окрик водителя, громилы под метр девяносто, только прибавил прыти мальчику.

Парадная дверь была двойная. Славику удалось открыть внутреннюю дверь, дубовую. Но была еще и наружная, стальная, помимо замков на внутренний засов запиралась. Засов Славик отодвинул, а замки от-

крыть не успел: Брусков легко оторвал его от двери, пихнул внутрь квартиры, а сам прильнул к глазку (у Перегудовой был установлен видеодомофон, но как на грех, в приборе перегорело что-то. Приходил мастер, пообещал на другой день зайти с нужной деталью).

Не успел Брусков всмотреться, кто там за дверью, как обзор загородило нечто черное. Он вовремя отклонил голову: негромко хлопнул выстрел, пуля впиалась в дерево внутренней двери.

Боря подхватил мальчика на руки и бросился к задней двери. О том, что ему следовало бы задвинуть дверной засов, отодвинутый Славиком, он подумал, уже когда выскочил из квартиры. Возвращаться он не стал. Кто его знает, сколько там этого кода и не известно ли им про вторую дверь. Если он задержится в квартире, его могут в клещи взять — с двух сторон подойдут, и писец.

В подъезде как будто было тихо. С мальчиком на руках Боря побежал вниз. Позвонить в какую-то дверь, попросить впустить хотя бы мальчика ему и в голову не пришло. Кто из москвичей откроет дверь в первом часу ночи незнакомому мужчине? И Славику не открыли бы, сейчас его голос мог до дрожи испугать.

* * *

Когда за дверью слышались шаги, один из двух замков Сочень уже успел открыть и теперь возился со вторым. Заслышав звук шагов, он оглянулся, посмотрел на Когтя. Тут лязгнуло, отодвигаясь, засов, и за дверью заверещал мальчишка.

О том, что у Перегудовой был сын и что пацан сейчас находится дома, Когтю было известно. Знал об этом и Сом, остальным же бандитам, рангом помельче, про мальчишку не докладывали. «Что там, — думал Коготь, — задушить мальчишку, как щенка, и вся недолга, а потом шмонай квартиру на здоровье».

Но в квартире кроме мальчишки был кто-то еще. «Яйца повыдергиваю», — подумал Коготь о двух

своих подручных, которые накануне визнавали, где живет Перегудова и с кем.

Теперь следовало действовать быстро: если только тот человек, хахаль Перегудовой или ее охранник, в глазок разглядел Когтя, в аккурат стоявшего напротив двери, как бы не пришлось из Москвы ноги делать.

И ведь позвонить в ментовку они могли, мальчишка с хахалем!

Коготь выстрелил в глазок. За дверью раздался топот ног. Немного погодя, Сочень, подгоняемый Когтем, подобрал ключ ко второму замку.

Бандиты понеслись по квартире Перегудовой, раскидывая будто нарочно расставленные по пути венские стулья. Вторую дверь обнаружили сразу же. Брусков ее не запер, да и не мог он ее запереть, она только изнутри запиралась.

Матерясь, бандиты прыжками забухали вниз по лестнице.

С десяток шагов отделяло Борю Брускова от угла дома, когда из подъезда выскочили бандиты. Еще немного, и Брускову удалось бы уйти, затеряться с мальчиком в домах, в темных московских дворах.

Бандиты заметили его. Несколько помогло Боре то, что у бандитов на руках имелись только пистолеты с глушителями: автоматические стволы Коготь сказал не звать, ему казалось, дело того не стоило.

В момент, когда Боря с мальчиком на руках заворачивал за угол дома, бандиты открыли огонь.

Используя угол дома как прикрытие, он, пожалуй, смог бы задержать их. Да, он смог бы задержать их. Боря быстро поставил мальчика на ноги и толкнул его в спину: «Жарь отсюда!» Проклятый пацан, не двигаясь с места, что-то залепетал. Боря ударил его по щеке, несильно, но синяк будет, пихнул его в загривок так, что тот летел метров пять. Мальчишка заревел. Боря сде-

лал вид, что направляется к нему. Тут только Перегудов кинулся бежать.

Боря посмотрел за угол.

Сейчас самое время было отстреливаться. Как кста-ти, что он, прежде чем отправиться к дому Перегудовой, надел бронежилет. Пара бронежилетов в багажнике «ниссан-патрола» всегда лежала.

Он уложил двоих, третьего ранил. Потом ранили его самого, пуля в локтевой сустав угодила, тут же правая рука Бори пострадала вторично, пуля в запястье попала. Следующей была дырка в макушке.

Погасив высокого парня, Коготь бросил взгляд на Сому. Сом катался по асфальту с прострелянным животом. Коготь отвернулся, побежал к углу дома. Пацана нигде не было видно. «Ищите мальчишку!» — скома́ндовал Коготь. Бандиты стали всматриваться в темноту.

Из-под арки во двор вкатили два «мерседеса». На ходу у машин открылись правые дверцы, со стороны, по которой находился дом Перегудовой с бандитами у угла.

Застрочили автоматы. Взмахнув руками, упал бандит, стоявший в трех шагах от Когтя. Иномарки остановились. Из машин, стреляя, выскочили несколько мужчин с автоматами. Коготь изловчился, засадил одному «маслину» в лоб. К этому времени из пятерых четверо корешей Когтя, в том числе и Сом, были мертвы. Сочень с пульей в крестце ползал по асфальту.

Перешагнув через Жужу, с остекленевшими глазами сжимавшего в руке пистолет Макарова, Коготь кинулся в ближайший подъезд. На Жужу он даже не взглянул, перешагнув через него, словно бревно под ногами валялось. Узнай Коготь, как много значил для него Жужа, он, наверное, уделил бы ему толику внимания. И как ему не уделить Жуже внимание, узнай он, что это Жужа его сифилисом заразил, не какая-то барышня из бардака? О, однополой любовью Коготь с

Жужей не занимались, просто у Жужи, состоявшего при Когте в денщиках, была обязанность на бандитских посиделках прежде Когтя отхлебывать из рюмки. Когтя однажды траванули за столом, едва не на смерть, он и осторожничал. А Жужа был болен сифилисом, от одной проститутки заразился, и язвочка сифилитическая была у него на губе.

В подъезде, куда заскочил Коготь, на площадках было по три квартиры. На первом этаже какие-то куркули жили, все трое хозяев железные двери поставили. Коготь побежал наверх. Снизу в него полосонули автоматной очередью. Ему повезло, пули мимо прошли.

Обычную коммунальную дверь, без железной заставки, Коготь увидел только на четвертом этаже. Ударом ноги бандит вышиб дверь.

Он вбежал в квартиру, топча старуху в серых панталонах. Бабку мучила бессонница; заслышав снаружи шум, она сначала наблюдала за действием в окно, затем, по ходу событий, переместилась к двери. Дверь в рывке разбила бабке лоб и опрокинула на пол, а тут еще старая каблуками по рукам и плечам получила. Бабка заохала не столько от боли, сколько от страха.

Коготь быстро осмотрел квартиру. Балкона у бабки не было, так что перелезть с балкона на балкон другой квартиры он не мог. Выпрыгнуть из окна четвертого этажа? Он бы сиганул, не испугался, да куда прыгать-то? Все окна бабкиной квартиры смотрели в одну сторону, куда и двери подъездов. Отсюда тачки мужиков, преследовавших его, были хорошо видны. Конечно, кого-то говнюки при машинах оставили.

Коготь оттащил старуху в ванную, там и заперся.

Очень скоро в квартире затопотали. Бабка принялась стонать, будто богу душу отдавала. Коготь не стал давить старухе рот пятерней, все равно их скоро нашли бы.

— Бабка, эта гнида там? — раздался голос у двери ванной.

— Стреляй через дверь, бабка меня прикроет, — отозвался Коготь, загораживаясь старухой-мокрухой.

За дверью — после короткой паузы:

— Петрович, у него бабка. Высадим дверь?

Коготь заорал:

— Только подойди, говно, паскуда! Разом бабку порешу!

Лежнев тихо сказал:

— Дверь трогать не будем. Не к спеху.

Менты должны были быть с минуты на минуту. Лежнев, как только обстановка очертилась, сразу в ментовку позвонил. Ментам сподручнее с бабкой-заложницей разбираться.

Лежнев расставил парней, распорядился ни в коем случае не упустить бандита (пусть в норе сидит до ментов). Теперь следовало в квартиру Перегудовой заглянуть, Лежнева беспокоила судьба Барыни и ее сына.

Сначала он приободрился: обстановка квартиры не носила следов борьбы и трупов нигде не было видно. Снаружи был труп Бори Брускова, но не было трупов матери с сыном. Эльвире Модестовне и Славику удалось уйти от бандитов, только Брусков, прикрывавший их отход, погиб. Вот если бы было так!

О судьбе Эльвиры Модестовны Перегудовой Лежнев узнал утром. Участковый по второму разу пошел расспрашивать жильцов, не слышал ли кто чего. Мимоходом старлей поинтересовался, почему это отсутствовала дома гражданка Иванова, тетя Дуся, проживавшая одна в двадцать пятой квартире. Соседи по лестничной площадке удивились, и тетя Маша вспомнила, что тетя Дуся почему-то вечером не зашла к ней смотреть мексиканский сериал (у тети Дуси ящик третий год пылился в телемастерской).

Дверь двадцать пятой квартиры взломали, тут и открылось все.

Все открылось, кроме одного: оставалось непонятным, куда делся мальчик, сынок Перегудовой.

Камбал узнал о ночной перестрелке на улице Трокурова из утренних новостей. Новые русские разбирались, в результате — девять трупов. Два бандита и один милиционер в институте Склифосовского под капельницей. Погибла заложница, восьмидесятилетняя бабка, ни за понюшку табаку, что-то СОБРовцы не так сработали. Прозвучала и фамилия Перегудовой. «Госпожа Перегудова, по сведениям из заслуживающих доверие источников, сделала себе состояние на проституции. Владелица сети публичных домов, она пыталась взять в свои руки всю сферу интимного бизнеса Москвы», — сообщила улыбочивая дикторша.

Камбал, не добрившись, выдернул вилку электробритвы из розетки, выключил телек и взревел:

— Митроха!

В дверях спальни показался румяный, широкоплечий парень. Камбал его к себе из деревни взял, за силу, и Митрохой нарек, хотя парня Дмитрием звали, а не Митрофаном.

— Граблю и Сенечку ко мне, живо! — приказал Камбал и взялся за телефонную трубку.

В гостинице «Северная звезда» Камбалу сказали, что Лежнев в местное УВД отправился, давать показания. Камбал позвонил Бухарю, и тот устроил ему разговор с Лежневым. Чтобы менты не подслушивали, Лежнев вышел к своей машине, где у него находился радиотелефон.

— Что, корешок, какая у тебя планида? — спросил Камбал после того, как хорошенько выматерил Лежнева, не сумевшего сберечь жизнь своей хозяйке.

— К тебе на работу проситься буду, — отозвался Лежнев. Он ждал этого разговора с Камбалом, поэтому с ответом не задержался. Конечно, заманчиво было самому занять место Перегудовой, но он понимал, что тогда ему пришлось бы выдержать наезд Камбала и других авторитетов, а ведь у него самого такого веса,

таких связей и денег, как у Перегудовой, и близко не было.

— Знал я, что ты умный мужик, — похвалил Камбал. — Пока за голову в бардаке будешь, а там, может, кхе-кхе, с головой и останешься. Шутка. Вечером к тебе Узбек подъедет, бухгалтерию покажешь. Да, что там сынок Перегудовой? У ней, кажись, сын был?

— Был, Славиком звали.

— Что, и его Коготь замочил?

— Трупа не нашли пока.

— Вот что, если мальчишка объявится, мне позво-
ни. Я не крохобор какой, я честный вор, за дело матери пол-лимона баксов ему отвалю.

На этом Камбал прервал разговор. О том, где Перегудова хранила деньги, не проходившие по бумагам, он не спросил, что можно было счесть за добрый знак. Видно, Камбал не собирался крохоборничать, и мальчик ему был нужен, чтобы честно расплатиться с ним, а не для того, чтобы свернуть ему шею, устраняя тем самым будущего претендента на владение бардаком.

Переговорив с Лежневым, Камбал прикинул свои силы. Скоро ему понадобятся силы... У него были две бригады боевиков по пятьдесят стволов каждая, за одну отвечал Узбек, за другую — Аркан. Бригада Узбека собирала дань с торговых точек, проституток и гостиниц, находившихся на подконтрольной Камбалу территории, Аркан держал торговлю оружием (с армейских складов «пушки» в Прибалтику переправляли). Еще у Камбала было несколько одиночек и мелких групп, по два-три человека, подчинявшихся напрямую ему. Эти люди были нужны Камбалу, чтобы, при необходимости, он сумел обуздать своеволие бригадиров. Пока что такая надобность у него возникла лишь однажды, когда на его место стал претендовать Законник, старый вор, ошибочно взятый Камбалом в долю. Законник был найден с победитовым сверлом в сердце, после этого внутри группировки Камбала установилось спокой-

ствие. Чтобы люди не слонялись без дела, своих одиноким Камбал в это время использовал в мелких, булавочных акциях, не требовавших значительного сосредоточения сил.

Сил должно было хватить, подвел итог Камбал и позвонил Узбеку, затем Аркану, пусть подъезжают.

Аркану и Узбеку пришлось долго дожидаться Камбала в овальной комнате (углы комнаты были сглажены для декоративности). Камбал появился прямо из ванны, с полотенцем на плече, а так — в чем мать родила.

— Все-таки тот козел замочил Барыню, слышали? — спросил он, влезая в синие тренировочные штаны.

— Барыня девку Когтю не выдала, а сказала, что выдаст, — произнес Узбек.

— И ты поверил, что выдаст?

— Она пообещала...

— Пообещала! У этой бабы стоит поучиться: за подлянкой она никогда не была. — Несколько раз присев с вытянутыми руками, Камбал взялся за поясницу, скривился, осторожно опустился в плетеное кресло. — Поедешь вечером бардак принимать, — бросил Узбеку. — Но это вечером. А днем вам обоим надо хорошенько поработать. Своих ребятишек берите, на Курилкина, 12 поезжайте. Да, да, в цветочный магазин Когтя загляните, наш теперь будет магазин. Вся наркота, которая в подвале, наша будет. Что скажете, кенты?

Поскольку пахан предложил высказаться, Узбек проговорил с сомнением:

— Может, Когтя в Склифе склеют.

— Когтя погасить сегодня пошлю Граблю и Сенечку.

— А если Коготь сказал ментам про свой магазин? Мы — в магазин, а нас там менты встречают!

— Одна поганая птичка мне сегодня напела, что Коготь пока не сказал ничего, в отключке он. А когда его включают, что он, сразу расколется, что ли? Пока он

колоться надумает, Грабля и Сенечка его десять раз оприходуют.

Аркан, высокий жилистый мужик, до этого не касавшийся дела с Когтем, спросил:

— Курилкина, 12, это там не Смехач в паханах ходит?

Подтекст вопроса был понятен: Игорь Трифонович Угрюмов, по прозвищу Смехач, контролировавший тот район, вполне мог посчитать себя законным наследником выбывшего из игры Когтя.

— Перегудова под нашей крышей была, так что спрашивать с Когтя нам, а не Смехачу, — рассудил Камбал. — У Смехача, само собой, слюнки потекут, когда он узнает, что Коготь скопытнулся. Вам придется постараться, чтобы Смехач не оскоромился. Все? Сейчас же ребят собирайте и выезжайте.

Зазвонил телефон. Камбал поднял трубку. Узбек и Аркан в дверях остановились. Камбал послушал трубку, знаком велел им задержаться.

Звонил авторитет по кличке Гнутый, личность в криминальном мире Москвы серая, загадочная. Бывший учитель химии, прозванный Гнутым за врожденное искривление позвоночника, сумел прибрать к рукам одну из артерий, по которым на московский рынок наркоты поступал из Средней Азии опий-сырец. Человека этого, всегда вежливого, интеллигентного, распоряжавшегося всего несколькими стволами, остерегались авторитеты, под рукой которых находились сотни стволов. И было отчего Гнутого остерегаться.

— Эдуард Константинович, это Валентин Ильич Селеванов говорит, — прозвучало в трубке. — Знаете магазинчик «Цветы», есть такой на улице Курилкина? Владелец магазина — мой старинный партнер. Он мне позвонил только что, просил помочь разрешить ваши разногласия.

— Пусть Коготь в петлю залезет, вот наши разногласия и разрешатся, — проворчал Камбал, досадуя на холодок, который пробежал по его спине, едва позвонивший ему мужчина представился.

— Это не подход, Эдуард Константинович! — урезонил Камбала Гнутый. — Я знаю, неосторожными действиями моего партнера вашей репутации нанесен ущерб. Мой партнер раскаивается, а ущерб я вам возмещу. Сто тысяч баксов, что скажете?

— Перегудова, которую Коготь замочил, под моей охраной была, — медленно, тяжело проговорил Камбал. — Кому нужна такая крыша, которую сто тысяч баксов проломают?

— Назовите сумму.

— Иди ты в задницу!

Камбал кинул трубку и испытующе посмотрел на своих бригадиров.

— Гнутый звонил, — сказал он после паузы.

Бригадиры переглянулись.

— Как бы тут другой расклад не получился, — тихо сказал Аркан. — Шеф, твоё слово последнее, но этот Гнутый, скажу я тебе, тварь ещё та. Живёт не по понятиям, вобщак бабки не несёт. На сходке его приговорили в прошлом году, да толку...

— Я Когтя хочу пришить не для того, чтобы на его наркошах башли зарабатывать, — жестко произнес Камбал. — Он за Барыню ответить должен. И он ответит. Идите, берите ребят, если сявки Когтя залупаться начнут, читайте им отходную!

— Как скажешь, шеф.

Бригадиры удалились, по мордам видать, недовольные. Если бы пришлось свой промысел оборонять, они против Гнутого встали бы, загнанный хорек и волчину укусит, а так... Ничто, пока тут его, Камбала, воля. Опять-таки, если он дело Когтя к рукам приберет и против Гнутого выстоит, его влияние в воровском мире заметно повысится. Да и что это за главарь, который, вместо того, чтобы следовать принятому решению, елозит, как баба под мужиком?

Так успокаивал себя Камбал, тушил страх перед Гнутым, гнал воспоминания о том, что рассказывали про этого калеку. А там и Грабля с Сенечкой подошли.

— Есть для вас работа, орлы, — сказал Камбал, когда любовники вошли в комнату, Грабля — плечистый плешивый гигант, Сенечка — двадцатилетний тонкий паренек с осветленными волосами.

Что бы там ни представлял собой Гнутый, оставить Когтя в живых Камбал не мог. Камбал сломался бы, сделав вид, что он забыл, как однажды Перегудова в своей постели своими атласными грудями прикрыла его от пули киллера. А быть сломленным Камбал не хотел.

Белая «девятка» в потоке машин двигалась к институту Склифосовского. Грабля сидел за рулем, Сенечка глазел по сторонам, не покажется ли где на дереве черно-белая длиннохвостая сорока. Когда их в первый раз послали кого надо замочить, на полпути у тачки двигатель заглох. Грабля стал возиться с мотором, а Сенечка подышать свежим воздухом вышел. И пока Грабля мазался в машинном масле и грязи, Сенечка на сороку смотрел, большую сороку, как она порхала с ветки на ветку, покачивая черным хвостом. То дело удалось, и с тех пор Сенечка взял в примету: если сорока на глаза попадется, значит, с удачей они с Граблей воротятся.

Сороку Сенечке так и не довелось увидеть. Конечно, это была не причина, чтобы запаниковать и от дела отказаться: ни Грабля, ни Камбал в приметы не верили, кроме того, и раньше бывало, что сорока-белобочка на пути не показывалась, но все заканчивалось хорошо.

Камбал от ментов узнал кое-что, кое-что больничные сестры по телефону выболтали. И наводку Камбал дал такую: Коготь и его «шестерка» находились в послеоперационном блоке 1-го травматологического отделения, это на пятом этаже нового корпуса. Были они в больничке под фамилиями Филинов и Ладейкин. Филинова-Когтя после операции в четвертую палату пе-

ревели. Ладейкина — в третью. К бандитам приставили двух ментов, по одному на каждого. «Всего двух. Так что справитесь, орлы». Еще где-то рядом должна была околачиваться братва из банды Когтя, но точных сведений на этот счет у Камбала не было.

План, как им действовать, Грабля и Сенечка разом составили, едва наводку получили. Однажды им уже довелось на территории института Склифосовского орудовать, так что, как говорится, фарватер был известен.

На автостоянке у Склифосовского Грабля припарковался. Из машины они вышли в белых халатах, Грабля — в очках с толстыми стеклами, Сенечка — с фонендоскопом в правой руке. В правых карманах их халатов лежали сложенные пополам стопки исписанных бумажных листков. Между половинками покоились пиштолеты «ПСС». «ПСС» были бесшумные и без глушителей, звук выстрела гасился благодаря особому устройству ствола.

В толпе студентов киллеры беспрепятственно прошли в здание. Бабка-санитарка, строго спрашивавшая у родственников больных пропуска, даже не посмотрела на них. Лифт не спеша поднял их на пятый этаж.

У окна рядом с лестницей стояли четыре здоровых парня в кожаных куртках. Сегодня для курток было жарко. К чему одевать куртку, если не собираешься прятать под ней автомат?

— Ребята, что вы здесь делаете? — по-хозяйски спросил Грабля, ну в точности главный врач заметил непорядок.

— У нас пропуска есть, — сказал, хмурясь, один из мордovorотов. Он полез в карман за пропуском-бумажкой.

В это время мужик на костылях наконец доковылял до двери, над которой было написано: «ПЕРВОЕ ТРАВМАТОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ». В следующую секунду он скрылся за дверью, и Грабля выстрелил.

Парой выстрелов Сенечка поддержал любовника.

Четвертый выстрел был последним: у окна лежали четыре трупа. Все пули попали в бандитские лбы, так что ни криков о помощи, ни луж крови не было.

Следовало поспешить, в любую минуту лифт мог выгрузить на этаж какого-нибудь безногого. Это, конечно, еще не было бы провалом операции, они прикончили бы безногого, и все, но к чему им шероховатости.

Грабля толкнул неприметную дверцу без таблички. Закрыто. Он быстро достал отмычку. Так и есть, за дверью находился служебный туалет. Киллеры быстро затащили трупы в чуланчик и замкнули дверь. Пока им везло: в коридоре никого не было видно.

Они быстро прошли в дверь с надписью над ней: «ПОСЛЕОПЕРАЦИОННЫЙ БЛОК». Перед ними открылся длинный коридор. По левую сторону коридора за стеклянными дверями располагались палаты, по правую шли комнаты персонала. Больные в коридоре не мельтешили, здесь тяжеленькие лежали, сразу после операции, постельный режим. В конце коридора на стульях сидели два милиционера, белые халаты на плечах. Менты скучали на некотором расстоянии друг от друга, ну конечно, ведь Филинов и Ладейкин в разных палатах находились.

Еще в «девятке» Грабля и Сенечка распределили обязанности: Грабля должен был заняться Когтем-Филиновым, а Сенечка — Ладейкиным. Киллеры действовали стремительно. К милиционерам они подошли вместе, ведя какой-то околособольничный разговор, — два врача проконсультировать больных пришли. Или два практиканта, на больных поучиться, это уж менты пусть думают как угодно. Грабля выстрелил в милиционера, сидевшего напротив двери в четвертую палату, где, предположительно, находился Филинов, а Сенечка — в другого. Бандиты целили в голову, и не промахнулись. Чего промахиваться с метра-то.

Сенечка влетел в палату с «пушкой» в руке. В шестиместной палате пять коек были заняты, в углу сиде-

ла сестра, пожилая дебелия матрона в толстых очках. Увидев парня с пистолетом в руке, она затрясла головой, как параличная, очки упали.

Сенечка тыкнул в теткыны сиськы стволом:

— Ладейкы кто?

Сестра, забормотав невнятно, показала на одного из больных, руку вперед вытянула и указательный палец выставила. Видно, здорово жить хотела, сердешная.

Киллер выстрелил в подручного Когтя дважды, в грудь и в голову. Затем выстрелил в мужика, поднимавшегося на кровати. Пробежал глазами по остальным больным. Эти вели себя тихо, под наркозом бадали, должно быть. Оставалась еще сестра. Выстрелить в тетку Сенечка не успел: по коридору гулко разнесся звук выстрела, и вслед за этим раздался короткий стон. Услышав стон, Сенечка едва не лишился чувств.

Природа этого стона была такова. Выстрелив милиционеру в голову, Грабля вошел в палату, быстро нашел глазами Филинова-Когтя. Спрашивать ошалевшую сестру, кто тут Филинов, ему не было надобности: Камбал показал фотографию Когтя, а зрительная память у Грабли была отличная. Грабля дважды выстрелил в Когтя, но тот успел загородиться старичком-больным, своим соседом, стоявшим у его кровати (старичок сходил в туалет при палате поблеть после наркоза и не сразу лег в постель, задержался у кровати Когтя с какой-то стариковской болтовней). Грабля сделал несколько шагов по направлению к Когтю, чтобы выстрелить наверняка, и тут ему пришлось самому закатить глаза. Милиционер, в которого он стрелял и в которого попал, в голову попал, выстрелил в него из «Макарова». Есть случаи уникальные, когда пуля застревает в черепной коробке и человек способен при этом некоторое время активно действовать, что и произошло с ментом. После выстрела Грабли он потерял сознание, но вскоре очнулся и сумел воспользоваться табельным оружием.

Пуля попала Грабле под правую лопатку. У него развилось сильное внутреннее кровотечение, но тем не

менее его, вероятно, можно было бы спасти, ведь вот она, больница. Однако спасение Грабли не входило в планы мента. За первым выстрелом немедленно последовали еще два.

На подкашивающихся ногах Сенечка выбежал в коридор. Мент увидел его, выстрелил, и одновременно выстрелил Сенечка.

Ментовская пуля пробила Сенечке левое плечо на вылет, милиционер был ранен в шею. Мент упал, обливаясь кровью.

Сенечка подбежал к Грабле, дрожащими руками обхватил громадный торс своего любовника, вытащил Граблю в коридор. Сильная боль резанула плечо Сенечки, в глазах у него потемнело. Он ранен, Грабля слишком тяжел, им не уйти. Слезы потекли по красивому юному лицу с нежным персиковым румянцем.

Сенечка опустился на щербатый линолеум.

Далеко-далеко, на другом конце мира, открылось окошко часов и наружу выглянула не кукушка, а сорока-белобока. Птица противно закаркала.

Сенечка поднял руку с пистолетом, прицелился в кукушку, обманувшую его надежды.

Виктор Иванович Райский, старший врач послеоперационного блока, увидев, что рука бандита начала подниматься, поспешил укрыться в ординаторской. Он был без халата, в черном костюме и белой рубашке, на конференцию в 1-й Московский медицинский институт собирался. Услышав выстрелы, доктор опрометчиво вышел в коридор. Он вовремя понял, что надо срочно ретироваться. Райский принялся накручивать диск телефона.

В отделении этажом ниже в это время находились три милиционера, своего приятеля пришли проведать. Эти молодые ребята, сержанты, заслышав выстрелы, пошли узнать, в чем дело. Сама обстановка настраивала на геройство: больные заматались, молодые сестрички тоже слышали выстрелы... Оружие при молодых было, «ПМЫ».

Сенечка, так и не сделавший ни одного выстрела после того как он выволок труп Грабли в коридор, был буквально изрешечен пулями.

К Скиффу подъехали четыре милицейских «опеля». Из машин выскочили менты и парни в комбуфляжной форме, в черных масках.

Человек, сидевший на скамейке у лечебницы, достал из кошелки радиотелефон, набрал номер.

— Шеф, ребята засыпались.

— Шутишь?

— Какое там. Ментов, ряженных, как гороха.

Вскоре Камбал узнал подробности: Грабля и Сенечка убиты, лже-Ладейкин убит, Коготь жив.

Следующее сообщение было не лучше предыдущих. Позвонил Узбек и сказал, что цветочники Когтя добром перейти под руку Камбала отказались. На «бас» они не пошли, а закрепились они в цветочном магазине так, что без взрывчатки их не ковырнешь. Если же слишком шумнуть, это не только Смехача разозлит, все московское воровское сообщество скривится. Ведь взрывы с перестрелкой привлекут внимание ментов, что само по себе нехорошо, да и товар будет конфискован.

Камбал скрепя сердце дал отбой. От самой идеи подчинить себе дело Когтя он не отказался, просто для начала он решил разделаться с Когтем, который у него застрял, как кость в горле, а уж потом дальше строить планы.

С Узбеком и Арканом они сидели до полуночи, все обмозговывали, как вернее Когтя замочить. Еще раз подослать к нему стрелков? Подсыпать ему в пищу отравы? Обрушить на него потолок направленным взрывом?

После покушения Когтя перевели из послеоперационного блока в отделение, в отдельную палату поместили, было в отделении несколько «люксов» для состоятельных пациентов.

Когтя освободили под залог до суда, адвокат Когтя постарался (а скорее, это Гнутый постарался, подумал Камбал). Теперь наркодельца охраняли не менты, а его собственные «быки», целый взвод. Палата Когтя закрывалась изнутри, с ним постоянно находился денщик-телохранитель, которого вследствие наличествующего у него врожденного скудоумия невозможно было подкупить. Денщик пробовал все блюда, которые подавали Когтю. Лекарствами Когтя пользовали только собственноручно купленными в аптеке его денщиком. Что же касается направленного взрыва, то это было совершенно из области нереального: над палатой Когтя находилась восьмиместная палата токсикологического отделения, постоянно забитая наркоманами, как там бомбу разместить?..

Ничего не поделаешь, пришлось Камбалу согласиться со своими бригадирами. Действительно, до Когтя сейчас добраться было нельзя. Впрочем, отчаиваться не стоило, не век же Когтю в больничной палате торчать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ауримор, колдун второго знака, в миру — Федор Семенович Уткин, узнал о смерти Эльвиры Модестовны Перегудовой из программы «Времечко». В кадре все показали: и окна квартиры Барыни, и кровавые лужи у дома, и саму квартиру, хрустальные люстры и австрийскую мебель натурального дерева. Упомянули и про стычку в Склифосовском. На улице Троекурова трупы телевизионщикам не достались, труповозка с грузом к их прибытию уже в морг укатила, зато к Склифосовскому ребята успели вовремя. Ну и оттянулись, киллеров и ментов, мертвяков, крупным планом раззявили.

И впервые за много лет Ауримор до боли в сердце пожалел, что не остался колдуном естества. Ну почему, почему он не остался колдуном естества?

Тоска сдавила грудь, ему стало душно, муторно. Он вышел на балкон.

Внизу горланила пьяная молодежная компания, вверху равнодушно плыли облака, то загоразживая звезды, то показывая их мертвенный блеск земле.

Ну почему он не остался колдуном естества?

Тогда бы он услышал, почувствовал бы, что ей угрожает опасность. Ей, одна которая знала его магическое имя... Тогда бы он мог успеть, он успел бы, да, успел!..

Колдун вернулся в комнату и принялся шагать из угла в угол, нервно теребя ворот рубахи.

Если бы он остался колдуном естества, он бы почувствовал неладное, и тогда он заглянул бы в зеркало или в колдовское блюдо, и он увидел бы, что ей грозит беда. И он помчался бы, полетел ей на помощь, и он...

И что, что он? Останься он колдуном естества и даже попади он на то место, когда она еще была жива, разве он спас бы ее? Да, он мог бы наслать порчу на ее убийц, он смог бы сделать так, чтобы болезнь скрутила их в бараний рог, чтобы они сгнили заживо, чтобы они задохнулись в своей крови и испражнениях, однако на все это потребовалось бы время. Вынуть след врага, дожидаться нужного расположения небесных светил, подобрать колдовские травы, достать кости икрной жабы... Да он и в месяц не уложился бы. И потом еще нужно было ждать, пока болезнь разовьется и подведет врага к желаемому концу. А ведь бандиты не стали бы ждать, пока подействует его колдовство!

Еще он мог, узнав об угрожавшей Перегудовой опасности, набрать 02 или предупредить ее саму. Ауримор настолько привык обходиться собственными силами, что поначалу и не подумал о таком варианте. В этом случае у Перегудовой был шанс остаться в живых, правда, и бандиты остались бы живехоньки, так что само столкновение Перегудовой с ними только откладывалось.

Впрочем, что там умничать, просчитывать гипоте-

тические варианты. Он давным-давно не колдун естества, а колдун силы, да и Перегудова уже мертва!..

Ауримор горько усмехнулся. Его хваленое могущество не дало Вире шанса выжить. Однако он может отомстить. Один из ее убийц еще жив... Месть — это немного, что ему осталось. Но уж этим он упьется сполна.

Колдун разделся донага и вышел на середину комнаты. Он несколько раз глубоко вздохнул и широко развел руки. Вытатуированный у него на груди меч задрожал, пришел в движение, замелькал с непостижимой быстротой, описывая круг, центром которого являлась рукоятка меча.

И тело Ауримора стало изменяться. Потемнела кожа, странные наросты появились у него на руках. Его лицо стремительно удлинялось вперед, лишаясь человеческих черт. Удлинялись и руки, и пальцы. Между наростами на руках появились перепонки.

За несколько минут колдун превратился в существо, знакомое всем благодаря всеобщей любви к доисторическим животным. Ауримор стал точной копией птеродактиля, летающего ящера. Однако он не был копией-макетом, какие выставляют в аттракционах: его тело было настоящим телом птеродактиля, телом, способным к полету.

Ауримор вышел на балкон, взобрался на бордюрик, взмахнул крыльями и полетел.

Окна его квартиры продолжали оставаться освещенными, поэтому один малолетка из компании, веселившейся у подъезда, случайно увидел его.

Затянувшийся косячком, Васек поперхнулся.

— Во, бля... Гля, гля!

Приятеля Васька вытаращились в небо, но ничего не увидели, птеродактиль успел скрыться за соседней высоткой.

— Там! Во, дракон! — Васек сделал страшную рожу и замахал руками, как крыльями.

— Глюки, что ли? — предположил Петюнчик.

— До глюков накурился, хорош с тебя, дай мне жабануть! — И клевая чувиха Васька вырвала косячок у него из пальцев.

* * *

Ауримор набрал достаточную высоту, чтобы на него не паялились прохожие. И скорость он развил порядочную. Через полчаса он уже кружил около нового корпуса института Склифосовского. Хорошо, что «Времечко» показало фейс оставшегося в живых бандита, судя по всему, главаря банды, это значительно облегчило Ауримору поиск. А то бы ему пришлось опять в человека превращаться, в бумагах рыться, медперсонал расспрашивать... И одежду с собой пришлось бы взять, не голяком же с сестрами разговаривать. Теперь проще получилось. Колдовским слухом он уловил разговор больных, быстро определил, где находилось 1-е травматологическое отделение. Затем он медленно полетел вдоль окон, заглядывая в каждое окно. Палаты по шесть — восемь человек, а таковых было большинство, он сразу пропускал, ведь главарь в люксе нежился. У палат в один-два человека он задерживался. Один раз его заметили: молоденькая сестричка, сделав укол, ни с того ни с сего посмотрела в окно, ну и отключилась, конечно. Ничего, от обморока не умирают. Нюхнет нашатыря, в чувство придет.

Вскоре Ауримор нашел нужную палату.

В палате было двое мужчин: один, Коготь, говорил по радиотелефону, другой, охранник, с кобурой на поясе, смотрел на дверь. Куда же еще охраннику смотреть, откуда же еще ждать опасности?

Ауримор отлетел немного от окна, чтобы взять разгон, и ринулся на стекло.

Вместе с осколками стекла он влетел в палату.

Охранник развернулся ужом. Ауримор посмотрел ему в глаза, в расширившиеся от ужаса зрачки. Рука охранника застыла, едва прикоснувшись к кобуре. Через секунду он, уронив голову, расслабленно развалился на стуле.

Колдун не собирался убивать охранника, поэтому, как только охранник лишился чувств, Ауримор прекратил ментальное воздействие на него. И посмотрел на Когтя.

Коготь сначала растерялся, еще бы не растеряться, увидев такое страшилище. Но как только охранник отключился, Коготь машинально схватился за автомат. «Кедр» с полным магазином рядом с ним лежал, прикрытый одеялом. Коготь даже успел выпустить очередь, перед тем как чудовище приблизилось к нему вплотную.

Ни одна пуля в Ауримора не попала. Хотя его тело было более приспособлено к полету, чем к быстрым передвижениям на задних конечностях, однако одного автоматчика, да еще хворого, было явно недостаточно, чтобы вывести его из строя.

Ауримор вырвал автомат из рук Когтя, наставил оружие дулом на бандита и сделал три одиночных выстрела. Стрелял он в одну точку, чтобы бронежилет Когтя пробить. Он, конечно, мог бы выстрелить Когтю в голову, но тогда Коготь умер бы слишком быстро.

Колдун смотрел, как бандит корчился словно раздавленный червяк, харкал кровавой слюной, скреб ногтями простыню. Когда Коготь затих, колдун выстрелил бандиту в висок, для верности.

После выстрелов Когтя в дверь палаты, запертой изнутри, заколотили руками и ногами, теперь еще и чем-то тяжелым забухали. В люкс вела дверь хорошая, дубовая, не то что прочие больничные двери. Однако и эта дверь под таким напором не долго удержалась бы.

Ауримор вылетел в окно вместе с автоматом, чтобы отпечатками получеловечьих, полузвериных пальцев экспертов не смущать. Автомат он кинул в Москву-реку, как раз по пути домой он над рекой пролетал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Максим Васильевич Сафронов, старший оперуполномоченный УГРО, отодвинул оперативную сводку. Ничего необычного за последние сутки в Москве не произошло, так, бытовуха всякая. Изнасилования с пьяными дебошами, бандитские разборки. В институте Склифосовского очередное заказное убийство, какого-то авторитета замочили. Киллеру удалось смыться. Стоило бы удивляться, если бы не удалось.

Словом, все шло путем, только у Сафронова было не путем. И надо же, за последний год ему второй раз подсунули бесовщину какую-то, как хочешь в ней разбейся. В тот раз он старой бабкой занимался, которая будто бы мастерицей была порчу наводить, теперь еще хлеще, не людей в бараний рог скручивало — стены бетонные метровой толщины рассыпались.

Из СИЗО «Серебряные колокольцы» сбежали всей камерой подследственные, шесть человек: бытовой насилиник, два квартирных вора, два пьянчуги-хулигана и Валентин Дмитриевич Трунин. Майор Трунин, кадровый офицер, в убийстве своего непосредственного начальника обвинялся, командира мотострелковой бригады полковника Размозжаева. Дело это было громким, скандальным: Трунин Размозжаева прямо на плацу застрелил. Суд должен был состояться на следующей

неделе, а тут такая заморочка. Вот задал задачку Трунин, чтоб ему пусто было!

Пока ни один из беглецов не был пойман, но не было сомнений, что эту кашу Трунин заварил. Остальные пятеро сидельцев были ребята простые, как масляный кукиш: выпить хочется — значит, украсть надо или в темном месте подстеречь кого послабее, выпил — горланить надо, бабу как сидорову козу дубасить, надоело бабу дубасить — вздрючить ее надо, и чтобы кричала. Трунин, этот с вывихом был. Бригадный командир ему награду вручает, а он: «Служу России!» — и из табельного «Макарова» прямо Размозжаеву в лоб.

Если уж в тюрьме стена рухнула, то тут, верно, не у рвани да пьяни надо объяснение спрашивать, а у такого вот умника, как этот Трунин.

Вчера Сафронов был на месте, в СИЗО «Серебряные колокольцы», сразу после сигнала выехал. Там было на что посмотреть: стена камеры, где находился Трунин, в одном месте аккуратно осыпалась серой пылью, в результате чего образовалось отверстие как раз человеку не нагибаясь пройти. Напротив этого отверстия в фундаментальной ограде следственного изолятора было точно такое отверстие. Что же касается немецких овчарок, пятерых молодых кобелей, которых выпускали каждую ночь в тюремный двор, то они в ночь побега заключенных вели себя удивительно смирно, словно в нужный момент все хваленое чутье у них отшибло.

На каждого из сбежавших подследственных было заведено розыскное дело, розыском Трунина занимался Сафронов, остальные дела вели следователи рангом помельче. Ниточки и от прочих дел к Сафронову сходились, ведь если бы кого-то из сбежавших «мужиков» удалось изловить, возможно, стало бы известно о таких подробностях побега, которые помогли бы поимке Трунина.

После того как неотложные оперативно-следственные действия были произведены и от кофе в захрю-

канном чайнике осталась мутная жижа, Сафронов взялся за телефонную трубку.

Секретарша военного прокурора Уелова, который делом об убийстве Размозжаева занимался, оперативно соединила Сафронова с шефом. Видно, девчонка имела указание на сей счет.

— Уелов слушает.

— Петр Алексеевич, это майор Сафронов. Мне бы дело Трунина посмотреть.

— Дело в трибунале. И чего там смотреть? Нечего там смотреть. Убийство из хулиганских побуждений. Сечешь, майор?

Тон, которым говорил Уелов, исключал всякие возражения.

— Секу, — коротко отозвался Сафронов и положил трубку.

Придется, видно, ему самому копнуть, что там у Трунина с Размозжаевым произошло. Значит, надо в часть ехать. Там посмотрим, возможно, «наружке» придется еще задание-другое дать. Наблюдение за квартирой, где жила жена Трунина с дитем, было установлено, едва стало известно о побеге Трунина. Но ведь мог же Трунин и у кого-то из бывших сослуживцев залечь.

Воинская часть, где служил Валентин Дмитриевич Трунин, находилась на окраине Северограда, маленького подмосковного городка. С трех сторон от нее дыбился гниющим хламом пустырь, с четвертой болтал клаксонами авторынок. Общежитие офицеров воинской части, серая пятиэтажная «коробка» в чередетакких же «коробок», окнами-глазницами на пустырь пялилось.

У входа в общежитие три мамы выгуливали малышей, рядом две старушки из соседнего дома безуспешно пытались растащить заигравшихся болонок, кобелька и сучку. Сафронов решил в своей старенькой «пятерке» подождать, когда служивые домой потянут-

ся. День клонился к вечеру, так что ждать ему пришлось недолго.

Два капитана оперативнику не понравились, больно были шумны, уж где-то приняли на грудь. Пропустил он и седоусого полковника со слезящимися собачьими глазами: старик, конечно, сразу выяснять начнет, кто ему разрешил тут следствие разводить. А вот этого подполковника можно притормозить.

Офицеру было лет сорок с небольшим; одутловатое лицо украшали черные, с проседью, усы, стрелки которых равнодушно застыли на шести часах.

Сафронов, выйдя из машины, окликнул офицера.

— Товарищ подполковник, — оперативник показывал удостоверение, представился. — Вы не могли бы со мной поговорить? Это недолго.

— Про Вальку Трунина пытаться будешь?

Муть в кривых птичьих глазах офицера разошлась на какое-то мгновение.

— Пошли ко мне, коли так. Там поговорим.

Пока они поднимались по лестнице, Сафронов узнал, что офицера звали Степаном Заимодавцевым и что Заимодавцев, собственно, с Труниным не приятельствовал. Да и вообще, у Трунина друзей в части не было, были сослуживцы-собутельники.

Они поднялись на пятый этаж.

В конце длинного коридора виднелись две двери с известной символикой «М» и «Ж». По сторонам коридора шли квартиры офицеров, то есть офицерские комнаты: кухня была одна на весь коридор и санузел один. Правда, и в женском и в мужском туалете заботливо устроили по четыре кабинки.

Звонки у дверей отсутствовали. Стучаться Заимодавцев, однако, не стал: он просто толкнул одну из дверей, оказавшуюся открытой.

Вслед за офицером Сафронов прошел в большую комнату, опутанную, как паутиной, бельевыми веревками. С бельем возилась ядреная баба. Сатиновое платье плотно облегалo тугое мясо.

Развернувшись, женщина с гневным укором выдохнула:

— Степа!

— Это из милиции товарищ, — быстро сказал Заимодавцев, видимо, побаивавшийся супружницу. — Про Трунина я должен рассказать. И ты подумай, дурья голова, на что я пузырь куплю? Зарплаты третий месяц нет.

— Зарплаты нет? Тормозную жидкость жрать будешь, или как там это у вас называется, что я, не знаю? — Баба стала с торопливой яростью расправлять простыню на веревке. — Как забухать, так это вы можете, на это вы все мастера!

Она еще что-то говорила, пикантно нагнувшись к тазику с бельем, стоявшему на полу. Заимодавцев, осязая бройлерные ляжки женушки, ощерился:

— Горячая ты у меня, Клавдия! — И офицер помянул опера за собой, в лес мокрых штанин и рукавов.

Они прошли в маленькую комнатку, в которой из всей мебели были большая кровать и табуретка. Заимодавцев сел на кровать, на что та отозвалась недовольным скрипом, и показал Сафронову на табуретку, мол, рядом садись.

— Как же это случилось, Степан Иванович, что офицер Трунин своего бригадного командира застрелил? — спросил Сафронов, присев на табуретку.

Заимодавцев закурил беломорину, предложил Сафронову свое курево, мятую пачку. Тот отказался. Заимодавцев, спрятав пачку, сосредоточенно задвигал морщинами, затем в окно зачем-то посмотрел. Сафронов повторил вопрос. Офицер, вздохнув, проговорил:

— Размозжаев больно шибко наверх лез. По нашим головам бульдозером пер. Ну, Валька его и приструнил.

— То есть убил.

— Один черт.

— И в чем это конкретно проявлялось, про что вы сказали?

- Про Размозжаева?
- Да.
- Как это сказать тебе, майор?

Лицо Заимодавцева приняло выражение лица флегматика, вылавливающего из супа таракана.

— В Чечне были. Размозжаев с нашей бригадой всюду первым совался, чтобы лампасы получить. Скажешь, хорошо, что совался, боевой офицер, храбрый офицер, да? А с чем, спрашивается, соваться-то? До Чечни в нашем полку, это его потом в отдельную мотострелковую бригаду переименовали, и на батальон личного состава не набиралось. Пригнали солдат-первогодок, дали сержантов-контрактников, так полк соорудили. И куда с таким полком соваться? А Размозжаев, месяца не прошло, рапортует: полк в бой хоть сейчас, так что Чечню нам подавайте. Подали на лопате, вот вам Чечня. В Чечне Размозжаев только рыком всюду успевал, а сам хитрую манеру поимел: чуть что, людей высылает, а он контуженный. Так Трунина послал ОМОНцев из окружения выручать. Трунин рассказал, когда из госпиталя воротился: Размозжаев сбредал ему, что разведка была, по какому ущелью идти, а разведки не было никакой. Размозжаев быстрее отрапортоваться хотел. Трунин с мальцами в засаду утодил, из батальона только пятеро в живых осталось. Эх, выпить бы!

Сделав вид, что не понял последние слова Заимодавцева, Сафронов проговорил:

- Значит, Трунин, как из госпиталя воротился, не сразу Размозжаева застрелил?
- Да уж не в тот же день. Месяц прошел, если не два. Нас из Чечни успели вывезти, здесь обустроились...
- Трунин злопамятный?
- Не. Не замечал.
- Чего же он ждал-то?

Заимодавцев потянулся, окурок о подоконник раздавил и там оставил. На подоконнике много таких чинариков лежало.

- Не знаю, чего он ждал, — лениво произнес Заи-

модавцев. — Ничего он не ждал. Размозжаева к генеральскому званию представили, Трунин и не выдержал.

Задав несколько уточняющих вопросов, Сафронов встал, пожал вялую руку Заимодавцева. Когда он за дверную ручку взялся, Заимодавцев с зевком протянул:

— Он, Трунин, бедовый. Молодец, что сбежал, парняга-а... Чую, он замочит Воротомордова раньше, чем вы его отыщите.

Сафронов резко обернулся:

— Кто такой Воротомордов?

— Генерал наш. Командир корпуса, генерал-лейтенант.

— Трунин грозился, что убьет его?

— Грозился? Трунин никогда никому не грозился. Когда он выстрелил в Размозжаева на плацу, он крикнул, что Воротомордов вторым будет. Вот и все.

Дверца приоткрылась, в комнату заглянула жена подполковника.

— Опять своим куревом навонял! — Она с ненавистью посмотрела на мужа. — В овощной лук привезли, «КамАЗ» целый. Зайцев и Сапаткин разгружать пошли. Слышишь?

— Никуда я не пойду. — Заимодавцев повалился на кровать с ногами, прямо в форме, как был.

— Не пойдешь? А жрать что будем?

— Отстань.

— Танечке в школу дать нечего! — В голосе женщины стали проскальзывать истерические нотки. — Что мы теперь, зубы на полку, да?

— Зубы на полку, зато глаза в потолок.

Это было последнее, что услышал Сафронов, покидая семью Заимодавцевых.

Разговором с одним только Заимодавцевым Сафронов не ограничился. Оперативник побеседовал еще с двумя офицерами, с молодым капитаном (недавний выпускник военного училища, за героизм в Чечне быстро в звании набрал) и с седоватым майором. Оба офицера

подтвердили, что Трунин действительно выкрикнул на плацу, скоро-де и Воротомордова застрелит. «Чем же это Воротомордов Трунину не пришелся?» — «Читайте газеты, товарищ оперуполномоченный».

Штаб корпуса, где служил Трунин, находился в Северограде. Раздобыв рабочий телефон Воротомордова в местном УВД, Сафронов набрал номер. После долгих препирательств с адъютантом он все-таки добился, чтобы генерал взял трубку.

Сафронов услышал уверенный бас:

— Воротомордов у телефона.

Представившись, Сафронов сказал:

— Не могли бы вы меня принять, товарищ генерал? Это касательно дела Трунина.

— Говорите сейчас, какие у вас вопросы ко мне?

...

— Я пытался объяснить вашему...

— Да, мне доложили. Трунин сбежал из тюрьмы, я-то здесь при чем?

— Мне бы хотелось, чтобы вы позволили установить за вами наружное наблюдение.

— Наружное наблюдение? За мной? Что за чепуха!

— Вам, наверное неизвестно, что на плацу...

— Допился до белой горячки офицер, сейчас это не новость. Обо мне можете не тревожиться, майор. Я сам о себе позабочусь.

— Боюсь, вы не знаете всех обстоятельств дела.

— Каких еще обстоятельств?

— Это не телефонный разговор, товарищ генерал. Связь сегодня ненадежна, а в некоторых кабинетах стены прозрачные, вы меня понимаете?

Некоторое время Сафронов слушал в трубке тяжелое генеральское дыхание, затем раздалось:

— Хорошо, десять минут я вам уделю. Дачный поселок Завидушево, улица Первомайская, семь. Жду вас в восемнадцать ноль-ноль. Не опаздывайте.

Сафронов услышал короткие гудки.

Один гаишник из ментовки взялся показать московскому оперативнику дачу генерала. До Завидушево за полчаса доехали.

— Вот эта хреновина-морковина, — гаишник показал на удивительное сооружение, контурами похожее на сваленные в кучу детские кубики. Вокруг генеральской дачи шла бетонная ограда, поверх которой щетиная колючая проволока. Не иначе, проволока под напряжением находилась. Генерал, поведал гаишник, на даче жил с престарелой супругой круглый год, хотя у него большая квартира в Северограде была, в доме с консьержкой.

Гаишник укатил, а Сафронов, с дороги на полянку съехав, принялся восемнадцати часов ждать.

Чистый воздух, пропитанный сосновым духом, пьянил. Усталое тело просило отдыха. Установив наручные часы-будильник на нужное время, Сафронов заснул.

Часы не подвели, без пяти минут шесть затренькали. Припарковавшись у самых ворот генеральской усадьбы, Сафронов вышел из машины.

Его долго разглядывали в видеодомофон, попросили в камеру удостоверение показать, только потом слышался звук отодвигаемого засова.

Кряжистый охранник в пятнистой униформе провел Сафронова в дом. Внутри все оказалось без всяких там импрессионизмов-кубизмов. Дом был обустроен в замковом стиле: старинное оружие на стенах, портреты каких-то древних генералов, ковры и лепные чудища кругом. Генерал, плотный коротышка с лицом без единой морщинки и пегим бобриком на голове, принял Сафронова стоя. Воротомордов был довольно резок:

— Что там у тебя зудит, майор?

— Савелий Валерианович, Трунин весьма опасен, — проговорил Сафронов. — Вы знаете, каким образом он из тюрьмы сбежал?

— Тюремщики за пузырь продались, сволочи, — процедил Воротомордов.

— Каким-то образом была разрушена часть тюремной ограды и тюремная стена.

— Подорвали. Экая невидаль!

— Стена не просто была разрушена. Бетон в порошок рассыпался. И взрыва никто не слышал.

— Пособники Трунина, видно, какое-то новое спецсредство применили. Вы там по секретным лабораториям пошарьте. — Воротомордов длинно выругался. — Сейчас любой секрет за сто баксов продадут, вот до чего мы докатились!

— По заключению наших экспертов, это было что-то вроде молекулярной пушки. Гэбэшники наши со спецлабораториями разбираются, но... как бы то ни было, раз у Трунина или у его пособников, есть такое устройство, с Труниным нужно держать ухо востро. Так вы позволите установить за вами наружное наблюдение?

— Никаких наблюдений, — отрезал Воротомордов без раздумий. — Если это все, что вы хотели сказать, я вас не задерживаю.

И все-таки он здесь побывал не зря, думал Сафонов, шагая за генеральским телохранителем и мимоходом обозревая роскошь генеральского дома.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Неуютно было в этот день на улице Ватрушкина: сыкотно, тускло, промозгло. Свинцовые тучи скупой слезились по-стариковски и влага висела в воздухе туберкулезной харкатней. Уж лучше бы настоящий дождь ливанул, честное слово.

Люди попрятались по домам: частные застройщики засели в своих уродливых коттеджах, старожилы укрывались в милых русскому сердцу сереньких развалюш-

ках. Однако в одном месте на улице словно вспухал пузырь, здесь теснились автомобили и люди, те и другие самой разной масти и разного достоинства. Впережешку стояли «жигуленки» первых моделей и новенькие иномарки, обминали бока друг другу мясистые тетеньки с тугими икрами и унылые импотенты, синопные одутловатики и костлявые старушки-ракушки*.

Толпа у дома Тимофея Владимировича Коршунова, известного экстрасенса, не убывала в любую погоду. И неудивительно: вера в лекарскую силу Тимофея Владимировича питалась не одними бабьими сказками. Если не все, то очень многие из обратившихся к нему оставляли свои хвори за высокими железными воротами его усадьбы.

Заваливаясь на бок, старенький автобус тяжело покотился дальше, в туманную мокреть. Крепкий высокий мужчина лет сорока, жадно сосонув беломорину, зашагал к дому Коршунова. На офицере было длинное пальто цвета хаки, на его голове кукишем сидела офицерская фуражка нового фасона, в правой руке он держал выдавший виды черный портфель искусственной кожи. Бравый вояка, сразу видно.

А лицом офицер был разве что лучше черта: справа через щеку и верхнюю губу проходил грубый шрам, подтягивавший губу вверх, из-за чего, стоило офицеру хотя бы шепнуть, немедленно обнажалась верхняя челюсть со стальными зубами.

В очереди тесниться офицер не стал. Локти у него были что надо, бравые локти. Как поленьями, он принялся распихивать ими толпу. Люди заволновались:

— Куда прешь, служивый?

— Здесь очередь, мужик!

— Ногу отдал, сука!

Одна толстуха-сахарница** вцепилась в офицерское

* Ракушка - на медицинском жаргоне — больная раком.

** Сахарница - на медицинском жаргоне — больная сахарным диабетом.

плечо, да поздно вцепилась. Офицер уже в калитку входил, отпихнув какого-то паралитика. За сахарницу немедленно три старухи ухватились мертвой хваткой, как бы она сама под дурочку вперед очереди не пролезла. В результате получилось, что офицер во двор усадьбы экстрасенса прошел один.

Здесь народу было поменьше: две старушки на табуреточках сидели, на крыльце стояли два мужичка и молоденькая бабеночка. Офицер быстро поднялся на крыльцо, буркнул зашипевшей на него молодежи: «Закройся, зубы гнилые!» Оказавшись в прихожей, он нагло прошел мимо калеки с клюшками и беспардонно в кабинет кодауна ввалился.

— Принимай братана, Тимоха!

Тимофей Владимирович Коршунов, высокий, как все в роду Коршуновых, но узкий в плечах и мышцами жидковатый, стоял у громадного камина, в котором завывало пламя. Напротив него ежился раздетый по пояс мужчина с грязно-желтой кожей циррозника.

— Александр? — хозяин дома поднял бровь. — Ты же говорил, будто тебя в Магадан переводят.

— Стали переводить, да не довели. Все, хана службе. Комиссовали меня.

— Ты болен? В Чечне ранен был?

— В ней самой. Доктора подлатали маленько. У тебя недолго пробуду, с месяц, не больше, так что не плачь, не объём.

— Плакать мне не с чего. Приехал так приехал. В свою комнату проходи, потом поговорим. Некогда мне сейчас.

Тимофей Владимирович повернулся к пациенту-циррознику, а Александр направился к узкой двухстворчатой двери, что вела в жилую половину дома. Чтобы не задевать головой пучки трав, висевших под потолком, отставнику приходилось то и дело нагибаться.

Не успел Александр закрыть за собой дверь, как из боковой комнаты выбежали два пятнистых дога и подбежали к нему. Собаки знали его, поэтому они не

заяяли и тем более не попытались куснуть, однако и хвостами ему махать не стали. Доги деловито обнюхали его и убрались восвояси.

Александр прошел в свою комнату, то есть в комнату, которую ему всегда отводил Тимофей Владимирович. Комната была убрана роскошно: итальянский мебельный гарнитур, телевизор «Филипс» на черном столике, бархатные зеленые шторы на окнах. На стоявшей в комнате громадной кровати с золототканым покрывалом впору было с царицей сексом заниматься.

Коршунов скинул с себя плащ, открыв китель с золотыми погонами, и тут только вспомнил, что разуться надо. Грязные армейские ботинки полетели в разные углы комнаты. Прежде чем успокоиться на полу, они оставили жирный грязевый след на велюровых обоях. Офицерская фуражка собиралась приземлиться на мягком кресле с золотыми коронками по обивке, но вместо этого упала на пол. Коршунов устал смертельно, ему было не до прицельных метаний фуражек. Оставшаяся на майоре одежда этим же манером совершила воздушные пируэты и застыла где пришлось.

Единственный предмет удостоился внимания своего хозяина. Этот предмет майор извлек из портфеля. Табельный пистолет Макарова он сдал, оставляя службу, у него в руках был другой пистолет Макарова, по бумагам, ржавеющий на далеком забайкальском складе. В Чечне любым оружием можно было разжиться, хоть автомат с подствольником бери, хоть противотанковыми управляемыми ракетами запасайся, но Коршунов остановился на старом, добром «ПМ». Ему для его дела пистолета Макарова вполне должно было хватить.

Коршунов разобрал и смазал пистолет, только после этого позволил себе на царской постели расслабиться.

Вечером братья сели поговорить.

За столом всяких деликатесов довольно было: тут тебе и клешни лангуста, и балык белужий, и маринованное мясо морского черта в ананасовом соусе. Ти-

мофей Владимирович любил покушать, хотя и оставался при этом Кошеч хуе.

Александр разносолы брата не уважил. Он только хлеб брал со стола да водочку-зазнобушку пригубливал. На закуску офицер отрезал катышки от своего круга сырокопченой колбасы.

Разговор не клеился. Братья сизмальства холодели друг к другу. Александру, старшему брату, казалось, что Тимофей не в породе как-то скользок, криводушен, сам Александр порой виделся брату возмутительно грубым. В школе Александр слыл драчуном, Тимофей — тихоней, который, однако, и прибить мог, если его из себя вывести. Их жизненные пути разошлись: Александр по военной стезе пошел, как в их роду велось, а Тимофей взялся какой-то хиромантией заниматься. Единственное, что у братьев было схожего, так это их чувство к младшему брату, Сережке.

Матери уже за сорок было, когда она, при взрослых детях, сизнова ребеночка зачала. В родах Татьяна Коршунова умерла, отец спился, от инфаркта помер, и ребенок остался на попечении двух своих старших братьев. Ничего, поставили на ноги Сережку. Как только время пришло, Александр младшего брата в военное училище определил, и Тимофей Владимирович не противился. Сергей Коршунов сам к военному делу душою шел, чего же тут противиться.

Покрутив в пальцах замусоленный мутный бокал, Александр буркнул:

— У Сереги был?

— Как же. Оградку справил, как мы говорили, без вычурностей. Сирень посадил, фирмачи клялись, белая будет.

— Сирень...

Александр отчего-то разозлился, взглянул на брата яростно, но тут же справился с собою, помягчел, потянулся к бутылке:

— Помянем. А оградку я видел. Я с вокзала сразу к нему. Ничего оградка.

Они выпили, и Александр спросил:

— Чего это ты цапек себе понацеплял, как девка старая? В гомики, что ли, подался?

На груди у Тимофея Владимировича, в самом деле, богатое ожерелье висело: на серебряной цепочке пять подвесок подрагивали. В серебряной оправе были: цвета морской волны аквамарин, фиолетовый аметист, белоснежная жемчужина и зеленоватый хризопраз. Крупному красному яхонту, цвета голубиной крови, была придана золотая оправка. Правда, и раньше Тимофей Владимирович не чуждался драгоценных украшений, у него на пальцах постоянно блестели то два, то три перстня с камнями, но все-таки перстень не ожерелье.

— Не твоего ума дело, — отрезал Тимофей Владимирович. — Так ты у меня сколько пробудешь? Ты, кажется, сказал, месяц?

— Не больше месяца, памятный ты мой. Как управлюсь, так и адью.

— Ну, управляйся.

Они закончили ужин молча. Когда Александр поднялся из-за стола, Тимофей Владимирович проворчал:

— Потом где жить будешь? Могу тебе квартиру купить.

— Обойдусь. За мной законная не заржавеет.

— Это сколько ее ждать, законную?

— Сколько выйдет.

— А Нюра как же? (Тимофей Владимирович жену Александра упомянул.) С тобой на чемоданах сидеть будет?

— Была Нюра, стала шкура.

И Александр вышел из кухни, не став распространяться, что его супруга сразу же ручкой ему сделала, как только переводом в Магадан запахло. Хорошо, что Нюрка бесплодной оказалась, так что им делить было нечего.

На другой день Александр встал рано, опохмелился из фляжки (не в холодильник же ему к Тимохе лезть, лучше он неприкосновенным запасом воспользуется).

«Макарова» Коршунов сунул во внутренний карман кителя, Москва, известно, какой город. В портфеле у него лежало выходное пособие, пачка пятидесятитысячных купюр. Александр отсчитал пятьсот тысяч, в карман пальто сунул. Этого ему хватит, а остальное пусть здесь останется. Хотя они с братом и лаются, но уж тут его не обворуют.

Александр отправился в район Южное Чертаново. Там жила жена Сереги с пацаном. После того как старший лейтенант Сергей Коршунов в Чечне погиб, власти расщедрились, его семье двухкомнатную в Москве выделили. Оно бы и не вышло так, если бы про то, как Серега погиб, в прессе не раструбили. Говорят, танк в городе — гроб на гусеницах, да только старший лейтенант Сергей Коршунов сумел на танке Грозный из конца в конец проехать, семь чеченских блок-постов разнести. Подбили его свои же, не разобрались ребята, подумали, что чеченцы российский танк захватили.

По дороге Александр заглянул в «Детский мир», купил пацану Серегиному американский конструктор. На улице итальянские шоколадные конфеты продавали, а жена Сереги, Люба, сластеной была. Александру извесили два кило, и еще у него триста тысяч осталось. Остаток он деньгами отдаст. Конечно, посмотрит, как там у них, в случае чего из выходного пособия добавит.

Пузырь Александр покупать не стал, хотя была у него такая мыслишка. Пусть лучше Люба поминает мужика тем, что за его дитем будет как следует смотреть.

В новенькой девятиэтажке лифт не работал, пришлось Коршунову на седьмой этаж по лестнице топать.

Дверь открыл незнакомый волосатый мужик. Верх у мужика был голый, а дальше Коршунов из-за двери не увидел.

— Вам кого?

— Любу, — глухо сказал Александр, чувствуя, как у него холодеет в груди.

— А вы кто, собственно?

Мужик демонстративно согнул руку в локте, показывая нешуточный бицепс.

— Я брат Сергея. Сергея, мужа Любы.

— Покойника, что ли?

— Коля, кто там? — донеслось из чрева квартиры сквозь далекий звук льющейся воды. Вдовица, должно быть, водными процедурами занималась, и было кому ей спинку потереть.

Повернув голову на голос, мужик крикнул:

— Брательник твоего бывшего.

При этом дверь открылась шире, так что теперь мужик стал виден целиком. Он был в одних плавках, с мокрой кожей. И, подтверждая худшие предположения Александра, мужик был на взводе, так что резинка от тела отошла.

— Скажи, меня нету, — отчетливо донеслось из ванны.

Гнев кинулся Коршунову в голову. Левой он садал мужика в кадык, коленом поддал дверь. Цепочка лопнула с крысиным писком. Александр шагнул в коридор. Мужик, хватая ртом воздух, сделал попытку распрямиться. Александр ударил мужика в пах, с удовольствием отметив, как под кулаком хрупнуло что-то твердое. Заключительный удар ребром ладони по затылку отправил мужика дрожать по полу жидким студнем.

— Что там, Коля? — встревожилась вдова.

Александр быстро прошел коридор, взялся за ручку ванной.

Дверь в ванную не была заперта.

Он распахнул дверь.

Люба как раз краны крутила, воду отключала, потому что из-за шума воды ей плохо было слышно происходившее в коридоре.

Белокурая красавица обернулась — голая, с пушистым лобком и стоячими титьками.

— Что же ты делаешь, стерва? — прохрипел Александр.

Люба как будто смутилась, но только в первое мгновение. Бесстыдница заголосила, даже не прикрыв ладошкой евино место:

— А тебе что до меня? Вы, мужики, баб как семечки щелкаете, а я Сереже завсегда была верна, пока его не убило. В землю мне с ним ложиться, что ли?

Преодолев разазн ударить красивое, покрасневшее от горячей воды и похоти женское тело, Александр буркнул:

— Сын где?

— У матери. Убирайся! Коля! Что ты сделал с ним, гад?

Александр выскочил из пропахшей французскими духами, сладостным грехом и тлением квартиры. Второпях он даже хахалю Любкиного без доверка оставил. И то сказать, он хорошо ему дал. Хахаль так на ноги и не поднялся, все на полу постанывал.

Американский конструктор и конфеты Коршунов выкинул в первый же попавшийся ему на глаза мусорный бак.

К станции метро Александр пошел кратчайшим путем, через рынок. По пути в рыночной толчее он немного успокоился. Волей-неволей стал на товары поглядывать, и как тут не поглядеть, рыночные ряды пухли от всевозможного добра.

На выходе из рынка цитрусовыми торговали, здесь же стояла машина с помидорами. Бабка со свекольными щеками в грязном фартуке помидоры не отпускала, однако успокаивала двух старушек: «Сейчас торговать будем». Старушки возмущались: «Десять минут стоим, что за безобразия!»

У кабины водителя Александр увидел трех мужчин, русского мужичка с облупленным носом и двух кавказцев.

Коршунов сделал вид, что его заинтересовал стенд с правилами торговли. Стенд находился в трех шагах от мужчин, так что их разговор стал ему хорошо слышен.

— Ты двести штук даешь, да, или не даешь? — слышен был голос с акцентом.

— Нам бы посмотреть, как торговля пойдет, а то, если того, не пойдет...

— Смотреть в другом месте будешь, понял, да?

Едва Александр увидел эту троицу, у него в голове замелькали хитроумные фразы, что он скажет кавказцам, когда подойдет к ним, надо выдать нечто острое, ядовитое. Сейчас все язвительные слова вылетели у него из головы.

Не владея собой, отставник быстро подошел к кавказцам, а там и подходить-то три шага надо было.

Двумя едва уловимыми ударами Александр послал самого рослого в нокаут, второй «хозяин рынка» согнулся пополам от короткого прямого попадания в солнечное сплетение.

Упавшего бандита Александр хорошим ударом ноги угостил. Коршунов рад был бы продолжить, но тут на него налетели откуда-то из рядов, скрутили ему руки, поволокли к крытому брезентом грузовику.

Его затащили в фургон, там тускло фонарь горел. Всего кавказцев было четверо или пятеро, не разбирать. Один спросил:

— Ты чей?

— Русский.

Кавказцы поговорили по-своему. Затем пожилой кавказец вынул радиотелефон, сказал в трубку что-то. И все угрюмо принялись ждать.

Вскоре в фургон забрался белобрысый парень в футболке и джинсах. Буркнув: «Этот, что ли?» — он уставился на Александра. Прежде чем Александр сообразил плюнуть парню в глаза, тот повернулся к пожилому. Уверенно сказал:

— Он не из ракитанских. Вообще не знаю его.

Парень убрался, и Александра начали бить.

Ему долго не давали потерять сознание, даже водкой в лицо плескали. Отключился Александр, когда вся рубашка пропиталась кровью, когда его глаза превра-

тились в две китайские щелки и когда язык у него перестал шевелиться из-за раздробленной кастетом челюсти.

Обрадованный алкаш (высокопоставленный чиновник, бывший замминистра) пошел к двери, на ходу застегивая ширинку. Экстрасенс сказал, что печенка в норму пришла.

На столе у Тимофея Владимировича зазвонил телефон.

Колдун раздраженно помахал рукой сунувшейся в дверь бабке (подождать за дверью надо, неужели не понятно). Он поднял телефонную трубку.

— Тимофей Владимирович? Я Анна Борисовна. Не узнаете? Бывшая жена вашего брата Александра. Мне только что позвонили из части, где он служил. Вообще-то это меня не касается, мы законным образом разведены, со штампом в паспорте. Так что мы теперь чужие люди, имейте в виду на будущее.

— Извините, вы короче можете?

— Очень просто могу. Ваш брат в Петровской горбольнице лежит, это в Москве. Я не поняла, где именно, в палате или в морге. Так что сами разбирайтесь. Адью.

Тимофей Владимирович не видел брата четвертый день, однако колдуна это ничуть не тревожило: кому, как не ему, знать нрав Александра. Свои вещички Александр не взял, значит, где-то по Москве шастает, думал Тимофей Владимирович.

Оказывается, Александр в серьезную передрыгу попал.

Тимофей Владимирович вышел к больным:

— Сегодня прием закончен.

Бабоньки заохали, мужички закричали. «Тимофей Владимирович!» — к нему кинулась молодая женщина. Рак груди, определил он, едва взглянув на страдальцу. Колдун быстро вошел в кабинет. Щелкнул внутренний замок.

Тимофей Владимирович прошел на жилую половину дома. Отсюда можно было попасть на улицу другим способом, не тем, которым пациенты покидали его дом. На заднем дворе усадьбы колдуна в ограждении также имелись ворота, так сказать, запасной выход.

В гараже у Тимофея Владимировича стояла новенькая «БМВ» 5-й серии, однако собственной машиной колдун пользовался редко, ремесло водителя его не прельщало.

Захватив с собой два камня вениса в золотой оправе (красные гранаты), колдун отправился ловить такси. Деньги он тоже с собой взял, разумеется.

В приемном покое Петровской горбольницы ленивая медичка долго пила чай, потом по телефону полчас болтала: «Не видите, мужчина, я занята?» Только когда на том конце повесили трубку, она в амбарную книгу полезла.

— Коршунов Александр Владимирович? Когда поступил? Почему не знаете? А я как искать буду? Что это значит, за четыре дня посмотреть? А вы знаете, сколько к нам за сутки народу поступает, мужчина?

Все это время медсестра слепо лазила пальчиком по строчкам.

— А это не он? — Тимофей Владимирович показал ногтем.

— Коршунов Александр Владимирович. Так. В нейрохирургию поступил. Живой покамест. Если бы умер, тут было бы отмечено. Не знаю, какая палата. Пройдите прямо по коридору и направо, там будет такой листок висеть.

В списке было отмечено, что Коршунов А.В. в первой палате лежал. Тимофею Владимировичу нужно было пройти к брату, однако строгая старуха у перегородки, где к лифту проходили, наотрез отказалась пропустить его в отделение. Кого пускать положено, те пропуск имеют, а кто пропуск не имеет, того пускать не положено.

Задержки начали Тимофея Владимировича раздра-

жать. Когда старуха отвергла пятидесятитысячную купюру, Тимофей Владимирович коснулся одной из подвесок своего ожерелья. Кроваво-красный яхонт вспыхнул на долю секунды, так что по старухиному халату красные блики пробежали.

Старуха оцепенела, словно крольчиха застыла перед удавом.

На вешалке висели халаты для посетителей. Колдун накинул один из халатов и быстро подошел к лифту.

В первой палате Александра не оказалось. Тимофей Владимирович нашел дверь с надписью «ординаторская», постучался, вошел осторожно.

В комнате плавали клубы табачного дыма. За отдельными столами сидели двое мужчин в синей медицинской униформе, штаны и рубашка навывпуск. Один, помоложе, поднял голову, пожилой продолжал быстро писать.

— В вашем отделении Коршунов лежит. Как он? — спросил Тимофей Владимирович.

— Лукич, это не твой? — молодой врач повернулся к своему коллеге.

Морщинистый, седоусый Лукич, поднял голову.

— Коршунов? Да, есть у меня такой. Ты ему кто?

— Брат.

— Что я тебе скажу. В сознание он пока не пришел, и обнадеживать не буду. Субдуральная гематома, трепанацию черепа пришлось делать. К этому пять ребер сломаны, челюсти вдребезги, почки отбиты... Что долго к брательнику собирался?

— Так получилось. Извините, я могу его увидеть?

— А что, пройди. Седьмая палата. Потом сюда вернешься, я пропуск выпишу.

Тимофей Владимирович прошел в седьмую палату — маленькую, одноместную, у туалета находилась.

Дела у Александра и в самом деле были неважные. На функциональной кровати он лежал поленом: глаза полуоткрыты, голова забинтована, из носа две тон-

кие трубки отходят, изо рта одна толстая. Рядом попискивала аппаратура. Сокращалась и растягивалась резиновая «гармошка», в такт ее движениям поднималась и опускалась грудь Коршунова. Под правой ключицей Александра поблескивал кончик иглы, к которой была подсоединена система для внутривенной капельной инфузии. Сквозь прозрачную трубку системы виднелась унылая лекарственная капель.

Тимофей Владимирович встал у изголовья кровати, достал из кошелька красный гранат и сильными пальцами прижал камень к груди Александра.

Камень загорелся красным светом. Это продолжалось с минуту: кровавая окраска стен и потолка, и свет, бьющий из камня. Истощив свои силы до дна, камень погас с легким хлопком.

Тимофей Владимирович смел с груди Александра щепотку серой пыли.

Александр закашлял. Тимофей Владимирович быстро освободил его от всех трубок и вытащил длинную иглу у него из-под ключицы.

Больной потянулся в постели, но глаза не открыл. Дыхание у него было ровное, свободное; на щеках проступил легкий румянец.

Колдун смотал бинт с головы брата. У глаз Александра чернел ночной бабочкой кровоподтек. Не лучшая картина была и под черепной коробкой больного. То-то силы одного камня вениса не хватило, чтобы старшего Коршунова излечить.

Но предусмотрительный Тимофей Владимирович взял с собой два красных камня.

Второй красный гранат Тимофей Владимирович приложил ко лбу брата. Этот камень повел себя немного иначе, чем первый. Красноватая дымка засочилась у Тимофея Владимировича меж пальцев, окутала лицо Александра, медленно потекла по кровати тающими клубами. Вскоре раздался легкий хлопок, после чего дымка рассеялась.

Теперь лицо больного было совершенно чистое, без ссадин и кровоподтеков.

Тимофей Владимирович сдул серый порошок со лба Александра, и Александр открыл глаза.

Офицер тряхнул головой, как бы спросонья. Сначала ему показалось, что он опять в госпитале, после боя с чеченцами. С остатками болезни затмение быстро улетучилось.

А здорово, однако, кавказцы отделали его на рынке. Аппаратуры вокруг него сколько, на многие миллионы. И одноместная палата кое о чем говорит. Когда он в госпитале лежал, в одноместную палату только кандидатов в жмурики переводили.

И что теперь будет с ним?

Ноги, кажется, двигаются.

Да вот рядом врач стоит, можно спросить.

Александр поднял глаза и увидел лицо своего брата.

— Что, герой, очухался? — Тимофей Владимирович не торопясь вынул из полиэтиленового пакета костюмную пару, рубашку, кроссовки. — Я прямо из супермаркета, как видишь. Одевайся, должно тебе подойти.

Три сестрички, оживленно чирикавшие в коридоре, не обратили никакого внимания на двух прошедших мимо них высоких мужчин.

Остаток дня у Тимофея Владимировича ушел на то, чтобы выволить из ментовки паспорт и военный билет Александра. Там Тимофей Владимирович узнал, что его брата обнаружили во вторник на скамейке в Измайловском парке. Сначала Александра на «канарейке» в вытрезвитель отвезли, там видят, что алкаш не просыпается, ну и в токсикологию отправили, а уж из токсикологии в нейрохиргию перевели.

Вероятно, бандиты не взяли документы Александра только потому, что «корочки» слишком уж кровью маляпаны были, из-за чего их криминальное использование было невозможно.

* * *

На другой день, стоя в вагончике метрополитена, Александр невесело размышлял об исчезнувшем у него пистолете Макарова. Ясно, пистолет бандиты забрали для своих бандитских надобностей. И как он, что он без пистолета теперь?

Вчера, только выйдя из больницы, Коршунов мечтал заявиться на тот самый рынок, надавать бандитам по первое число, ну и, разумеется, пистолет себе вернуть. Впрочем, он и тогда думал об этом не всерьез. Возможно, временами он поступал безрассудно, но уж дурачком он не был, совать руку в змеиную нору он не стал бы.

Неприятность ситуации заключалась в том, что без ствола Коршунову было бы весьма затруднительно осуществить дельце, ради которого он оставил армию и из Ярославля в Москву приехал. Совсем не перспектива перевода в Магадан была тому причиной и не развод с женой, но болючий уголек, поселившийся некогда в сердце майора. Уголек этот с чеченского пожара был.

О Чечне в те времена не писал только ленивый, чем не чернушничали газеты: зверства чеченцев (заложники, кастрированные мальчики, офицерские скальпы) и зверства российских военных (разрушенные села, беспризорники, беженцы), казнокрадство, пленные с обеих сторон, сила денег и сила мести. О причинах войны говорили намеками, без конкретных лиц: нефтяная война, криминальная война, имперская война. Если же какие-то фамилии и проскальзывали, то в головах не задерживались: девятый вал сомнительных фактов и не менее сомнительных опровержений был сер и безлик.

Относительно своих врагов Коршунов тогда полагал очень просто: вот они, которые убивают, в окопах напротив и в окнах домов. Газеты он читал редко, слишком много там было пачкотни и слабосильной интеллигентской эрекции.

Как-то брали поместье директора нефтеперерабатывающего завода. Трехэтажный особняк наполовину разрушили, ну и солдатиков, конечно, сколько-то потеряли.

Коршунов перешагнул через оскалившегося в лютой злобе мертвого чечена и очутился в просторном холле. Пол был усыпан битым кирпичом... В раскрытые двери комнат полетели гранаты, это ребята Коршунова подстраховались. Откуда-то сверху, с антресолей, ударил пулемет. Задело прапора, рядом с Коршуновым мужик стоял пригнувшись. По счастью, у пулеметчика ленту заело после первых же выстрелов, и его быстро «погасили» из подствольника.

На этом стрельба закончилась.

Убедившись, что все защитники дома на пути к аллаху, солдатики стали по полкам рыскать. Мародерство — это, когда у девчонки серьги с ушами выдирают, а что с бою взято, это военный трофей.

Старшина перевесился через перила антресолей с магнитолой «Сони»:

— Надо, ротный?

Остроносый Анищенко, ротный Коршунова, показал на диван: «Кидай!» Старшина промазал маленько, магнитола о пол ударилась. Во все стороны полетели пластмассовые осколки...

Одной вещицей Коршунов заинтересовался, пододвинул младшего лейтенанта:

— Покажь.

— Берите, товарищ майор.

Мальчишка побежал наверх (там, видно, было за чем бежать), а Коршунов принялся разглядывать удивительный самовар, настоящее произведение искусства.

Самовар как будто был серебряный. Точно, он был серебряный, и по серебру чернью сказочные узоры пестрели: травки-листки, петушки, павлины... Ручки, ножки и крышка у самовара были из желтого металла. Неужто золото?

Над изящным краником была пластинка, тоже из

желтого металла. По пластинке наискось шла гравировка: «Вахе Гатаеву — от Игоря Захребетного. Май 1993 г.»

В батальоне Коршунова служил один контрактник, из таможенников мужика за какую-то ерунду выперли. Бывший таможенник покрутил-повертел самовар, плюнул на желтое, потер. «Не сомневайся, комбат. Чистое золото!» Руки у мужичонки подрагивали, когда он самовар Коршунову возвращал...

О том, какая у комбата появилась вещица, в тот же день всему полку стало известно, а там и верхние о самоваре прослышали.

Через пару дней вызывают Коршунова к полковому командиру Захару Алексеевичу Пельменному, мужику спокойному и толковому.

— К тебе, Владимирыч, — Пельменный показал подбородком на незнакомого мужика в пятнистом камуфляже и быстро вышел из комнаты.

Незнакомец представился, оказывается, он из гэбэшников был.

— У вас есть одна вещь, Александр Владимирович, она должна государству принадлежать. Вы же знаете, все деньги, валюта, драгметаллы сдаваться должны.

Коршунов своим приобретением начинал тяготиться, поэтому он быстренько за самоваром смотался.

Гэбэшник полагал, что разговор будет тяжелый (о тыловых крысах, не нюхавших пороха, и все такое, поэтому покладистостью Коршунова он остался весьма доволен. «Ну, Александр Владимирович, жди повышения», — и гэбэшник на прощание Коршунова по плечу по-свойски хлопнул.

Вскоре полк, в котором служил Коршунов, бросили в самое пекло, под Бамут.

О самоваре том Александр вспомнил, когда к ним в полк прибыли корреспонденты из Москвы. Бульварной прессе нужны были факты, то есть дровишки, чтобы сварганить свое приторное варево. Корреспондент «Московского разгильдяя» (длиннобудылый парняга,

под хипаря косил) одну свою статью дал почитать. История была не то чтобы на особицу, но Коршунова заинтересовала.

Некто Игорь Ильич Захребетный, владелец компании «Сибтранснефть», до начала военных действий очень неплохо чеченскими нефтеперерабатывающими заводами попользовался: налоги платить не надо, знай себе, нефть отрывивай да бензин соси. Потом, когда война началась, Игорь Ильич задался помогать чеченским друзьям (видно, чечены на него изрядно компромата накопили). Банк Захребетного, «Индустриосервис», в Азербайджан деньги переводил, якобы для закупки цитрусовых, а назад ни цитрусовых, ни денег не получал, партнер просто испарялся. «Индустриосервис» другой азербайджанской фирме деньги переводит — и та испаряется, и так далее. Договоренность тут общая была, деньги на оружие для сепаратистов шли. Дорожка-то оружейная из Азербайджана в Чечню гладенько катилась через Дагестан.

Александр тут же забыл бы эту историю, если бы в статье вскользь не упоминалось, что в свое время Захребетный одному своему партнеру-чечену на день рождения подарил серебряный самовар с золотой инкрустацией.

Эта статья на глаза Коршунова попала, когда дела в Чечне вплотную к развязке приблизились. А потом был штурм Грозного сепаратистами, и позор, и горечь, и злоба. И Коршунов взял в голову: я буду не я, если не поставлю этого Захребетного собственной кровью заклобнуть, как в Чечне мальчишки-солдатики захлебывались.

Перед выводом части из Чечни Коршунова осколком гранаты ранило, и он в госпиталь попал. Когда он из госпиталя вышел, ему вместо увольнения в запас еще одна звездочка забрезжила и перевод в Магадан. Тут он про все свои ранения вспомнил. Комиссовали, слава богу.

В Москву Коршунов приехал с выходным пособи-

ем, трофейным «Макаровым» и твердым желанием расквитаться с Игорем Ильичом Захребетным.

Адрес «Сибтраснефти» и банка «Индустриосервис» Александр в телефонной книжке у брата нашел. Однако прежде чем к Захребетному навеститься, он решил кое-что уточнить у корреспондента «Московского разгильдяя» Дениса Фиговкина, автора той самой злоязыкой статьи.

К Фиговкину и ехал на метро Коршунов, под перестук колес сокрушаясь об утраченном «Макарове».

Редакция «Московского разгильдяя» размещалась на втором этаже старинного особнячка, это на улице Тягомотова. На первом этаже располагался филиал известного столичного банка. Когда-то в брежневские времена, в бытность свою «Московским интеллигентом», «Московский разгильдяй» на весь особнячок распространялся, однако с началом экономических реформ «разгильдяевцы» часть здания банку продали. Как говорится, в связи с экономическими трудностями.

Объяснив банковскому охраннику, куда это он навострился, Александр поднялся по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж. Он оказался в темном коридоре без окон. Преодолев коридор кое-где на ощупь, Коршунов попал в приемную главного редактора.

В ответ на его вопрос секретарша постно подобрала губы:

— Не видите?

Тут только Александр увидел: на стене висела черно-белая фотография в рамочке с полоской черной материи на уголке. С фотографии тот самый хипарь улыбался

— Погиб Денис, — сухо пояснила секретарша. — Автокатастрофа.

Остались ли после Фиговкина какие-то документы, Александр спрашивать не стал. Не документы ему были нужны, всякая там уродливая компра, он просто с человеком хотел поговорить, понять, насколько ему веры можно было дать.

Александр пошел на выход. В принципе, посетив редакцию «Московского разгильдяя», он свою цель достиг, о Фиговкине у него впечатление состоялось. Убивают за правду, за ложь только морду бьют.

Теперь Александру нужно было ствол раздобыть. Он поехал на Гороховский рынок. Среди москвичей ходили упорные слухи, что на Гороховском рынке не то что пистолет Макарова — танк продадут, были бы деньги.

Не то нужных людей в это время на рынке не оказалось, не то внешность Александра не внушала нужным людям доверия, но за час рыночной толкотни он на торговцев оружием так и не напал. Подходящего вида мужики отрицательно трясли головами и разводили руками, некоторые возмущались: «Да ты че, мужик, сдурел?» Начав пятый круг по рынку, у пивного киоска Александр вдруг заметил одного своего давнего знакомого.

С Мишкой Мигуновым они друзьями были: в военном училище за девчонками взапуски бегали, потом в разные части попали, но так уж получилось, что виделись часто, и по возможности тут и банька была, и пухляк.

В Чечне судьба их дважды сводила, потом от Мишки долго не было ни слуху, ни духу до сей поры. Все это время Александр и в мыслях не допускал нехорошее. С толстым, грудастым и задастым Мишкой ничего плохого произойти не могло.

Сейчас Мишка выглядел скверно: синяк под глазом, рожа красная, опухшая. Мишка пиво дул, похоже, не первую кружку.

Мигунов приятелю обрадовался, даже целоваться полез, но Коршунов уклонился, ни к чему гомосексуализм разводить. Александр взял пару пива, и приятели новости зацедили. Оказывается, и Мишка был отставник, только он не через комиссuhu из армии слинял, а так уволился. Здесь Мишка что-то темнил поначалу, но когда приятели перенесли разговор в ближайшее кафе

под звучным названием «Юнайтид Стейтс» (бывшее кафе «Юбилейное») и когда бутылка «Столичной» опустела наполовину, Мишка разоткровенничался:

— Ранили меня под Гудермесом, прямо в хребтину попали, гады. Вот сюда, видишь? Три месяца в госпитале прохреначил. Сначала ногой двинуть не мог, вот как. Потом ничего, разошелся. Только... понимаешь, хрен стоять перестал. Я доктора спрашиваю, что теперь, так и будет, а он говорит, скажи спасибо, что яйца целы, а не то в бабу переродился бы. Записклявил бы и все такое. А жена что скажет, я ему говорю, а он говорит, вот там за углом секс-шоп есть. Ну я, как выписался, прыг-скок в секс-шоп. Подобрали мне там одну хреновину-морковину, чуть ли не в полметра, говорят, жена будет довольна. Ладно. Возвращаюсь в часть, а Люська уже дожидается. Прилипла, давай и давай. Я стакан дерябнул, взял и поставил ее к столу, сам до времени морковину в рукаве держал. Ничего не заметила Люська, прослезилась аж. Тот раз смолчал я, думаю, ночью узнает. Доведу ее до охренения, а там морковину покажу. Небось, она в охренении не то что на резиновую морковину, на рыло свинячье сядет.

Морковину я под кровать положил, как раз рукой достать. Сам к соседу пошел, выпили там. Возвращаюсь, что такое? Люська в слезах и вещи собирает. Хрен на столе лежит. Как она его усмотрела? Я — к ней. Отстань, кричит. Ну я и психанул. А Люська к родителям убралась и дочку забрала.

Друзья пропустили по сто пятьдесят, и Александр, с интересом слушавший друга, спросил:

— Так что там твоя Люська, как она с хреновиной той поцеловалась?

— Это не Люська морковину нашла, а Буран, кобелек наш. Соседи на другой день рассказали. Буран из-под кровати морковину вытащил, зубами вцепился, не оторвать, а Люська в дверях стояла, соседка позвонила. Буран на площадку выскочил. Соседка говорит, чего-то твой кобель треплет... Люська — за Бураном, а Бу-

ран по лестнице вниз прыснул. Там, внизу у подъезда, на скамейках бабы задницы обминали. Ну и видели все, как Люська за Бураном носилась. Петрович, дворник наш, добрая душа, Бурана поймал и при всем честном народе Люське хреновину сунул.

— Невеселая история, — сказал Александр. — Так что с Люсей вы расстались, а дальше ты как?

— В части все узнали, какой я инвалид, ну и при первой же возможности командир снизошел. В запас уволили. В Москве дядька у меня, на Зубовском живет. К нему подался, больше некуда.

— Что теперь думаешь делать?

— А ничего не думаю. Давай выпьем.

Они опять по сто пятьдесят благословились, и Александр спросил:

— Ствола у тебя нет лишнего, с Чечни? Я бы заплатил.

— Зачем тебе ствол?

— Одну сволочь замочить надо.

Александр коротко рассказал о серебряном самоваре и Игоре Ильиче Захребетном, потом долго ждал, пока Мишка ответит. Мишка отвечать не торопился, все глотал водочку и морщился, морщился и глотал. Александр был терпелив, потому что знал, Мишка за пузырем раскусок не потеряет, может обоссаться только.

— Вот что, Сашок, — проговорил наконец Мигунов, не без труда ворочая языком. — Я тебе ствола дам, только ты того... и меня в компанию возьми.

— Жить надоело?

— На буржуев хреначить надоело.

— Ты прямо захреначился весь!

— Весь не весь, а немножко есть. Ик... В Чечне ради чего я уродовался, спрашивается? Ради того, чтобы эти Захребетные ряхи наедали, шлюх разряжали? Ты тут мне арифметику разжевывал, думаешь, Мишка дурак, а Мишка не дурак. Эта арифметика, как они на нашей крови башли делают, у меня вот где сидит!

Мишка показал на свое жирное лягушачье горло.

Несмотря на внушительные габариты, трезвый Мишка был весьма подвижен, и стрелял он отменно. Что же касается риска, конечно, шлепнуть Захребетного — не в тире дробинку выпустить, но к риску Александр относился без трясучки, независимо от того, он ли один рисковал или с ним рисковали. Ничего удивительного, все-таки он двадцать два года в армии оттрубил.

— Поедем стволы смотреть, — сказал Александр. Мишка был халявщик еще тот, он уж ни один ствол из Чечни вывез.

До дома Мишкиного дяди они добрались на такси. Старик жил в однокомнатной квартире, на пятом этаже панельной пятиэтажки. Дядя Сеня на дежурстве был, он где-то сторожем подрабатывал к пенсии.

— Проходи, не разувайся, — сказал Мишка.

Разуваться здесь, право, не стоило: на грязном замусоренном полу поблескивали осколки стекла. Александр подошел к зацарапанному столу (некоторые царапины складывались по-казарменному в неприличные надписи), сел на стул со сломанной спинкой. Вспомнил:

— Ты Вальку Трунина давно видел?

Они были три друга: Коршунов, Мигунов и Валька Трунин. В одном училище коленями махали, из одной миски хавали, одну шалаву на троих снимали. И долго офицерские звездочки равно собирали, никто вперед не забегал. Только в последний год Валька в Чечне рывок сделал, в подполковники вышел.

Мишка, поставив грязный узел на стол, буркнул:

— В тюрьме он. Здесь, в Москве. «Серебряные колокольцы», слышал?

— Как это? — очумело потрянул головой Коршунов.

— Очень просто. Валька своего полкового командира на плацу застрелил. Помнишь, он нам про Размозжаева еще тогда говорил?

— А-а...

Тем временем Мишка развязал узел.

Здесь оказались два «Макарова», два «ТТ», насадка глушителя для «Макарова», три горсти пистолетных патронов, две боевые гранаты Ф-1, три автомата Калашникова и десять полных «рожков» к ним.

Коршунов хмуро осмотрел арсенал. «Калаши» не чищены были после стрельбы, пистолеты последний раз смазывались, наверное, на оружейном заводе. Попеняв Мишке за такое долбанное отношение к оружию, Коршунов спросил:

— С Валькой увидеться можно?

— Чего захотел. Если ты прокурор, тогда, разве что.

После того как Мишка торжественно пообещал привести стволы в порядок, приятели договорились завтра встретиться. Прежде чем к Захребетному подкатиться, надо у его банка неделю-другую-третью потоптаться, присмотреться, что да как.

С собой Коршунов не взял ни ствола, помятуя про тот случай на базаре. Пускай оружие до времени у Мишки будет.

...

Тридцатилетний Колька Дроздов, владелец бензоколонки в Мытищах, после стычки с Коршуновым чувствовал себя, как будто его прилюдно помоями окатили. Любка, стерва гладкая, «неотложку» вызвала, сама в смехе давилась. Потом, когда беленькая фельдшерица, морщась, к нему в пах заглянула, Любка шепнула: «Какой же ты теперь будешь мужик, Коленька?»

Фельдшерица скомандовала:

— Одевайся и в машину. Сам дойдешь? А я говорю, дойдешь, ведь не ноги тебе отбили.

В приемном покое хирург, старый хрыч, долго и как бы с удовольствием разглядывал раздробленное Колькино хозяйство. Затем дед нарочито медленно принялся диктовать какие-то годящиеся только для некролога слова: «Разрыв кавернозных тел полового члена, разрыв передней уретры, ушиб правого яичка, разрыв...»

Что еще разорвалось у него, Дроздов не расслы-

шал. От унижения и от жалости к себе он беззвучно заплакал.

Позже ему велели забраться на носилки: «Так положено», хотя он мог передвигаться на собственных ногах.

Дроздова долго везли по длинным коридорам, последний из которых закончился просторной комнатой, с пола до потолка обложенной белым кафелем. Здесь полная женщина в белом халате и марлевой маске принялась визгливо допытываться: «Бинты взял? Вату взял? А спирт? Триста граммов надо. Как же мы тебя оперировать будем? Прокопий Палыч, у него ни ваты, ни бинтов!» Прокопий Павлович, тот самый старый песочник, что-то забубнил прокуренным дребезжащим голосом. Потянулось время. Дроздов уже прощался со своим мужским достоинством, только бы жизнь спасли, когда его наконец повезли в операционную.

То есть Дроздова один человек в операционную повез, пацан лет шестнадцати, да так шибко повез, что на повороте незакрепленные на каталке носилки на пол вместе с Дроздовым полетели. Дроздов был мужчина в соку, не трухлявая баба с телом-бурдюком, поэтому дополнительно ничего у него не сломалось, только плечо он ушиб. Полная женщина пацана отматерила, а Дроздову сказала: «Зачем тебе носилки, бугаю здоровому? Вон видишь стол под лампой? Иди туда и на стол ложись».

Дроздов на стол залез, там наркоз ему дали, и горемыка отключился. Он пришел в себя в светлой четырехместной палате. Запах мочи бил в ноздри. Два старика, его соседи по палате, с бутылочками-мочеприемниками на поясе и трубочками из живота красовались, точно такую же бутылочку с трубочкой Дроздов у себя обнаружил.

Рядом на тумбочке его сумка лежала, Любка ему собрала. Дроздов извлек из сумки пачку «Кэмел», дрожащими пальцами вытащил сигарету.

Старик, читавший газету лежа на подушках, запротестовал:

— Ты здесь не кури, паря. У меня астма.
Старик и вправду дышал, будто телегу вез.

Дроздов спросил зло:

— Хоть окно открыть можно?

Другой старик, маленький, сухой, проскрипел:

— Чего открывать, холодрыга на улице.

Покашливая, в палату вошел третий сосед Дроздова, пузатый старик с довольным выражением лица и эмалированной кружкой.

Сухонький старичок желчно спросил:

— Что, участник, сегодня опять конфеты давали?

— По две «белочки», — широко улыбнулся старик с кружкой.

Желчный старичок, что-то зашептав, к окну повернулся. Видимо, он участником ВОВ не был, поэтому две шоколадные конфеты к обеденному супу ему не полагались.

Любка Коршунова появилась у Дроздова только на третий день. Краля вплыла в палату с полиэтиленовым пакетом передачи, покрутила носом. Увидев трубку, из живота миленка торчащую, Любка передернулась от отвращения. И, как ни в чем не бывало, спросила:

— Ты здесь надолго? Что доктор говорит?

— Три недели проторчу, не меньше.

— Смотри, что я принесла тебе.

Любка достала из пакета радиотелефон.

Дроздов как раз начинал о делах задумываться, так что Любка кстати про радиотелефон догадалась.

Взяв телефон, Дроздов подумал: «Любка не дура, не бросит. Деньги она любит».

Вместо благодарности за заботу Дроздов прорычал:

— Убью того урода. Брат мужа... Дерьмо он, а не брат мужа. И муж твой был дерьмо.

Любка побледнела, неожиданно провизжала:

— Сам ты дерьмо. Мой Сережа с отбитым хреном в больнице сроду не валялся!

Взвинченная, она вышла из палаты. Дроздов и не подумал ее остановить. Никуда не денется, сама, как

деньги кончатся, прибежит. А она баба коханная была, деньги у нее меж пальцев так и текли.

За день Дроздов сделал десяток нужных звонков, а вечером к нему друзья пришли, Веня Горовой и Стасик Малышев. Сначала дела обсудили, потом Дроздов сказал:

— А офицеришка тот... Без узлов был, значит, где-то в Москве ошивается. Вы мне узнайте, где, я из его яиц гоголь-моголь сделаю. Информация такая будет: у Любкиного мужа, покойника, два брата имеются, этот офицеришка и экстрасенс какой-то. Экстрасенс в Москве живет. Проверьте мудака.

— Заметано, — высокий, медведячий Горовой поднялся, пожал руку Дроздову.

Прощаясь, Горовой и Малышев заулыбались. А когда они из палаты выйдут, подумал Дроздов, небось, за животики схватятся.

Заживало на Дроздове как на собаке, так что через три недели его выписали. Одно было плохо: после этой истории член как-то вбок смотреть начал. Доктор сказал, грубый рубец образовался. Можно пластическую операцию сделать, месяца через два-три. «Задушу Любку, если вякнет чего», — пообещал про себя Дроздов.

С Любкой они помирились, еще Дроздов в больнице торчал. Перед выходом из больницы баба вообще навещала его каждый день, видно, деньги к концу подходили, а сама Любка сроду не работала.

Опасения мужика оказались напрасны. С сексом все нормально вышло. Любка вела себя безупречно, как будто сроду только с одними кривыми членами и занималась. Словом, к утру Дроздов чувствовал себя почти таким же крутым мужиком, каким он знал себя месяц назад.

Для полноты ощущений оставалось только с тем офицеришкой разобраться.

Крышевой организацией у Дроздова была охранная фирма «Ратоборец», иными словами, банда Красина. Красин был мужик что надо. За то, чтобы обидчика своего подопечного на месяц-другой в больницу от-

править, Красин, пожалуй, и не взял бы ничего сверх регулярных Дроздовских выплат. А если бы и взял, то самую малость. Однако, что он — сам не мужик, не сумеет какого-то офицеришку пришить? В тот раз офицеришка, гнида хорошая, на неожиданности сыграл, теперь этот фокус у него не пройдет.

Где можно подстеречь Коршунова, было выяснено. Как и предполагал Дроздов, офицер у брата-экстрасенса жил, чей адресок удалось разыскать. Недолгое наблюдение за домом экстрасенса примерно обозначило время, когда именно на улице можно было бы Коршунова повстречать. Дроздов был человек деловой, топтаться за углом часами он не собирался.

С собой Дроздов взял двоих, Веню Горового и Вадима Сотникова, ребят крепких, рукастых. Не то что бы им предстояло вместо Дроздова кулаками помахать, еще чего. Дроздову свидетели его торжества нужны были, да, пожалуй, если бы при Коршунове какой-то его дружок оказался, рукастые ребята Дроздова им бы занялись.

Александр Коршунов домой впотьмах возвращался. С Мишкой Мигуновым они у банка «Индустриосервис» проторчали до его закрытия, потом к Мишке на квартиру поехали, посидели, с пивом и «беленькой», поговорили. Мишка уговаривал Александра остаться у него переночевать, но Коршунов на это не пошел, слишком уж дядя Сеня громко храпел и басами из другого отверстия подыгрывал.

Коршунова остановили недалеко от остановки, автобус только отъехал. Каждый из троих мужиков был повыше Александра и в плечах пошире, хотя сам офицер не из мелких был. Двое мужиков как-то сбоку держались, один, загородив ему дорогу, прорычал:

— Узнаешь, гандон?

Не дожидаясь ответа Коршунова, Дроздов саданул его кастетом под дых. Увернуться Александр не су-

мел: слишком уж набрался у Мишки, в голове шумело, улица качалась у него перед глазами.

Следующий удар должен был бы своротить Александру скулу, а потом Дроздов до офицерского паха добрался бы. Не столько из расчета, сколько от боли и противной слабости Александр упал, тем самым нарушив намерения Дроздова. Впрочем, Дроздову тут требовалось совсем немного подкорректироваться: удары ногами в пах способны возыметь ничуть не меньшее действие, чем удары кастетом в то же место.

Коршунов прикрыл руками голову, а его колени сами подтянулись к животу. Тем самым, когда Дроздов принялся избивать его ногами, у него оказалась некоторая защита, только при такой пассивной защите Коршунову оставалось надеяться лишь на какую-нибудь сердобольную бабку-кликушу. Встречаются еще такие, и крик подымут, и милицию вызовут, а то и кинутся за руки оттаскивать.

Дроздов быстро в раж вошел. В голове у Коршунова мутилось все больше. Стиснув зубы, офицер пытался удержать в себе проблеск сознания. Дроздова он узнал, и тут уж не нужно было разъяснять, чего Дроздов добивался. Стоило Коршунову отключиться — и все, прощайте яйца, гуд-бай, член, никогда больше не увидимся.

Скорлупа обороны Коршунова должна была вот-вот осыпаться шелухой, когда неожиданно он почувствовал, что его больше не бьют. Или он просто не ощущает ударов? Но если его продолжают бить, а он не ощущает ударов, значит, у него шок, и он скоро отключится. Этого нельзя допустить.

Окровавленный, с отбитыми почками и сломанными ребрами, с трещинами височной и теменной костей, Александр приподнялся, силясь понять, что же происходило.

У остановки светил фонарь, так что, несмотря на красноватый туман перед глазами, Александр сумел неплохо все разглядеть.

В нескольких шагах от него дрались. Точнее, рослый мужчина избивал двух амбалов, стремительностью своих движений напоминая хлыст. Третий верзила изнемогал рядом с Коршуновым — шатался, стоя на коленях, пытался встать, но без успеха.

Этим третьим был владелец бензоколонки.

В груди у Дроздова что-то хлюпало. Его никогда не били так, да он и не слышал о таких ударах, разве что по виду видел: взмах кулаком, и готов открытый перелом ребер с разрывом плевры. В глазах у Дроздова темень стояла, дышал он, как паровоз. Еще бы, одно легкое у него бездействовало, и средостение было смещено.

Приятеля Дроздова, Горовой со Сотниковым, недолго на ногах сумели выстоять. Горовой сотрясение мозга получил, ну и на землю брякнулся. Сотников, хотя и громилой выглядел, трусоват был. Увидев, что дело плохо, он сам рядом с Горовым прилег, язык высунул и скосоротился, будто в отключке.

Тимофей Владимирович нагнулся над своим брательником.

Перед глазами Александра вспух и лопнул фиолетовый пузырь. Боль немедленно ушла, перестала накачивать тошнота. Коршунов ощутил в своем теле одновременно и слабость, и легкость, как бывает после тяжелой болезни.

Тимофей Владимирович помог брату подняться, хотел взять его под руку, но тот раздраженно отпихнул руку колдуна.

Уже в доме Тимофей Владимирович спросил:

— Знаешь тех подонков?

— Хахаль Любкин с друзьями, — нехотя проговорил Александр и вдруг взорвался: — Да, Любка, стерва, хахала завела! Чего уставился? Или... постой, ты думаешь, я сам к Любке за этим делом подкатил?

Александр грозно шагнул к Тимофею Владимировичу.

Внезапно у ног колдуна появился пятнистый дог.

Обе собаки как будто бы только что были в своей комнате...

Пес, зверина под центнер, предостерегающе рыкнул.

Тимофей Владимирович примирительно сказал:

— Иди отсыпайся, брат. — Здесь колдун усмехнулся. — К пузырю ты подкатил, а не к Любке.

Хотя лицо Александра приняло прямо-таки разбойничье выражение, братская перепалка дальнейшего развития не получила. Пошатываясь, Александр побрел в свою спальню, там повалился на кровать и сразу уснул.

Банк «Индустриосервис» размещался в новеньком здании современной архитектуры, очень много тонированного стекла и крыша куполом, турки строили. На первом этаже работали с частными лицами, на втором — с организациями; кабинеты управления находились на третьем этаже. Чтобы пройти со второго этажа на третий, нужно было миновать двух джентльменов (костюм «тройка», галстук, под белой рубашкой — бронежилет, пистолет под рукой). Кроме того, на первом этаже за столом милиционер дремал, для внушительности.

Захребетного удобнее всего было бы замочить на улице, это Александру стало ясно в первый же день разведки. В залах банка, конечно, видеокамеры были установлены, а в таком деле светиться ни к чему. Еще у Захребетного компания «Сибтранснефть» была, центральный офис которой на Яузском бульваре находился, но там Игорь Ильич появлялся редко и нерегулярно. Что касается популярного убийства у дверей квартиры, то тут у Коршунова с Мигуновым ничего не получалось. Домашнего телефона Захребетного в телефонной книжке не оказалось, а стало быть, не было там и его адреса. Проследить же за перемещениями Захребетного отставники не могли, собственной «тачки» у них не было, а Игорь Ильич метро и пешеходные прогулки начисто игнорировал.

В банк Захребетный приезжал аккуратно к одиннадцати, через центральную дверь входил и к себе поднимался. Его сопровождали два охранника. Водитель оставался за рулем «линкольна».

Обязанности офицеры распределили так: Коршунов в Захребетного стреляет, Мишка — в охранников, но если только те рыпаться будут. А то ведь некоторые, хотя и при оружии, при первом же звуке выстрела в такую щель забиваются, куда не всякая мышь пролезет.

После того как у Захребетного с дыркой в черепе подогнутся колени, они нырнут в подворотню. В подворотне они скинут с себя плащи, оружие — в мусорный бак и дальше разными дорогами уйдут. Вокруг полно людных улиц, ищи потом иголку в стоге сена.

Перед фасадом банка Коршунов и Мигунов старались не очень-то тусоваться, так, прошли три раза мимо да в банк пару раз зашли. Большую часть рабочего времени будущие киллеры изучали соседние дворы, как им после выстрелов удачнее слинять. Откуда было знать офицерам, что люди Захребетного наблюдали не только за участком улицы перед банком, но и за ближайшими проулками?

Их взяли красиво. Ребята в подворотне отлить пристроились, с раннего утра здесь околачивались, ну и приспичило. Рядом мужики в синих робах с инструментами проходили, вроде как сантехники. Эти «сантехники» офицеров в два счета вырубili и, одуревших, и желтый «рафик» затолкали с полоской «АВАРИЙНАЯ СЛУЖБА» на бок.

Коршунов начал приходить в себя в пути. «Рафик» прыгал на кочках, по грунтовке ехали, и всякий раз Александра как молотками в виски ударяло. На глазах у него была повязка. Когда он, полуоглушенный, попытался ее снять, его без слов так убедительно по запястью чем-то твердым ударили, резиновой дубинкой или прикладом, что у него надолго пропала охота шевелить руками.

Рядом застонал Мигунов и тут же закашлялся, видно, добавили и ему для порядка.

Кто-то с блатной хрипотцой заговорил по радиотелефону:

— Алло, алло, Лелик... Да, лисовинов везем. Обоих. Мороз будет? Хорошо. Не, не сильно. Нормально. Куда денутся, никуда не денутся.

Они ехали долго, но до Коршунова снаружи так ни разу и не донесся шум встречной машины. Езда закончилась тем, что «рафик» въехал на какое-то подворье (был слышен скрип открывающихся и закрывающихся ворот). Здесь водила заглушил мотор.

Коршунова и Мигунова выволокли из машины, тычками прогнали по двору. Три ступеньки крыльца, и под ногами у офицеров закрипели половицы. Два поворота, пинок ниже поясицы, совсем не мягкая стыковка со стеной.

Коршунов медленно выпрямился, и ему развязали глаза.

Мишка уже был без повязки. В светлом прямоугольнике двери Коршунов увидел, как хорошо над Мишкой поработали: его голова бессильно валилась набок, жирное Мишкино лицо расплющено кровенилось, словно вышедшая из-под руки добросовестного повара отбивная, вместо глаз были китайские щелки.

Коршунов не успел ни словом поддержать друга. Последовала какая-то команда, и Мишку выволокли в коридор. Дверь закрылась, Коршунов остался в темноте.

Мебели в комнате не было никакой, и Александр, ноги не держали, сел на пол. О том, что он взялся за незнакомое ему киллерское ремесло, он не жалел, немного ему было жаль Мишку, но больше всего Коршунову было жаль, что при нем не было оружия и не было ничего, что бы можно было использовать как оружие.

Вскоре Мишку вернули в карцер. Мигунов кашлял, харкал кровью. Бандиты, крепкие молодые парни, кинули Мишку в угол, после чего подняли Коршунова за локти:

— Твоя очередь, урод!

В большой, просторной комнате молчаливо чернел камин, в углу стоял телек фирмы «Панасоник». По телеку футбольный матч показывали; картинки мелькали, а звук был выключен.

Александра у двери поставили, и парни не ушли, он чувствовал их у себя за спиной.

— Мороз, второго привели, — сказал один из парней.

В кресле у телевизора, спиной к двери, сидел человек, как бы погруженный в собственные размышления. В ответ на голос парня он резко крутанулся в кресле-вертушке. Александр увидел старика с красными воспаленными глазами и короткой белой бородой. Тело у старика было мускулистое, крепкое, Мороз и сейчас не давал телу поблажек, заставлял с железом работать.

— Как звать?

Голос у старика был резкий, неприятный.

— Александр.

На случай прокола Коршунов с Мишкой уговорились не скрывать, кто они (ложь в этом деле можно было легко изобличить). Что же касается, почему они у банка околачивались, так это они одного своего должника поджидали. Верный человек им сказал, что Стаська Неумытиков собирался в этом банке счет открыть, а Стаська Неумытиков от них уже полгода бежал, вот они и вознамерились с ним разобраться.

Коршунов про коварного Неумытикова, выдуманного им с Мишкой, рассказывал недолго. Мороз, поморщившись, оборвал его:

— Это мы уже проходили, про Неумытикова, мы уже до охоты на Игоря Ильича Захребетного дошли. Только не ври, будто вы с твоим дружбаном — самолосы. Вы на кого работаете, сучонки?

Александр не обвык крутиться, как уж на сковороде. Вспомнив, какую красоту Мишке навели, он после долгого молчания (Мороз не торопил) хмуро сказал:

— С Захребетным мы сами посчитаться хотели.

Такие уж мы с друганом уродились, не любим шибко богатых.

— Кто вас нанял, я спрашиваю?

Коршунов пожал плечами.

— Хорек, поработай с ним, — скомандовал Мороз.

Александр подумал, что старик обратился к кому-то из амбалов, стоявших у Коршунова за спиной, но нет, вперед вывернулся невысокий лысый мужичонка, мордочка с кулачок. На кистях рук у мужичонки были перчатки без пальцев с укрепленными на них свинцовыми бляшками.

Коршунов успел размахнуться, но удара не получилось. У Александра перехватило дыхание и потемнело в глазах. Хорек ему своей свинчаткой в солнечное сплетение попал. Следующей мишенью Хорек избрал Коршуновские печень и почки. Живот Александра превратился в сгусток боли, в пламя, полыхавшее болью. Коршунов и не заметил, как оказался на полу.

Откуда-то сверху до Александра донесся спокойный голос Мороза:

— Хочешь, мы тебя размалюем, как твоего дружба-на? Это мы мигом организуем, но зачем это тебе, Саша? Расскажи нам, на кого вы работаете, и пошли вы на хрен на все четыре стороны. Убивать вас нам ни к чему. Вам от своих придется ноги делать, а жало без пчелы не укусит.

— Я не вру, — пробормотал Александр с пола. — Ни на кого мы не работаем, мы на себя работаем...

— А кто тогда нашим на хвост сел, когда вас в тачку усадили?

— Т... то есть?

— За нашей «аварийкой» хвост был, синяя «волга».

— Я... не...

— Ты в непонятку не играй, Сашок. Вредно для здоровья, или ты не понял?

— Не понимаю... хвост какой-то... Показалось вашим.

— Хорек!

Теперь досталось ребрам Александра, кое-что и по губам пришлось.

Мороз опять подступил:

— Так кто ваш пахан, Зонтик, Шершавый, Утюг? Или, может, Кожедуб?

Он еще несколько кличек назвал, и одну из них Александр повторил расквашенными губами, лишь бы только от него отвязались. Эту ложь Мороз быстро раскусил: чтобы врать уличить, ему достаточно было пару-тройку вопросов задать, как выглядел этот авторитет и где столовался.

— Хорек, — скрипнул зубами Мороз...

Над Александром еще долго мудрили: били, электрошоковой дубинкой потчевали. Хотели Коршунову зуб спилить (напильник у Хорька завсегда при себе имелся), но пилить оказалось нечего: передние зубы, самые удобные, у Александра стальные были, а задние в коронках сидели. Так и не пришлось Хорьку после-сарничать.

В чулан-карцер Александра приволокли едва живого, и на Мишку бросили.

Первое ощущение Александра было таким, как будто у него во рту все в корку ссохлось. Позже пришли боль в мышцах, гул в голове-чугунке, ломота в пояснице, но все это по сравнению с мучительным чувством жажды на втором плане теснилось.

— Михаил... как ты?

В середине короткой фразы Александру пришлось остановиться, чтобы не допустить слабину в голосе.

— Гады-ы... Саш... Саш... (Мишка хлопнул носом.) Я, что ли, ослеп...

— Здесь темно, как в норе, дурень. Пошарь, рядом с тобой умывальника нет? Или воды они нам поставили? Пить хочу.

— Пошарь, пошарь... Вот и пошарили, у Захребетного в мотне. Пить хочешь? У... Могу тебе в рот насрать.

— Ты со мной сам увязался, забыл?

— Да знаю, Саш, чего там... У-у, больно... Ты-то как?

— Почки мне раз десять отбивали, теперь одиннадцатый. А вообще ничего. Хотя в женихи нас с тобой теперь долго не позовут.

— Это ты врешь, я со своей резиновой хреновиной-морковиной жених хоть куда. Ох...

Офицеры обшарили, ощупали кое-как весь чулан. В комнатке не оказалось ни воды, ни еды, ни парашаи. Последнее, впрочем, огорчило друзей меньше всего. Очень просто, на пол опорожнились.

К ним не шли долго, тут помереть и воскреснуть успеешь. Когда Коршунов уже начал подумывать, что их в этой каморке намертво замуровали, в дверном замке завожился ключ.

— Они тут насрали, Лелик, — удивился один из бандитов, с дуру, что ли.

Матерясь, бандиты выволокли офицеров из чулана, потащили по коридору во двор.

Моросил дождь. Тучи еще не наплакали луж, а не то Коршунов, как бы там ни было, опустил бы на четвереньки воды попить. Пришлось Александру ограничиться тем, что он задрал голову и рот, сколько мог, широко раззявил.

Небесной влаги Александру перепало немного. Видимо, конвоиры получили четкий приказ: офицеров быстро проводить за ворота и в защитного цвета «рафик» впихнуть. Рядом с «рафиком» стоял «джип-чероки».

Джип стронулся с места первым, старенький «рафик», кашляя, покатил за ним.

Перспектива вырисовывалась невеселая: офицерам глаза не завязали, и объяснение этому было в траурных ленточках и скорбных венках.

Когда их вывели за ворота, Коршунов увидел вдалеке крепкие домишки в садовой зелени. Чьи-то дачи, наверное. До дачников докричаться нечего было и думать, расстояние не позволяло. Дачи были вон где, а бандиты — вот.

На этот раз поездка была недолгой. Километра три грунтовки, и все, просим на выход.

Когда их вытолкнули из «рафика», оказалось, что их на мусорную свалку привезли. «Рафик» и «джип-череки» остановились у самого края свалки, на лужайке с пропалинами.

Свалка внушала: до самого горизонта громоздились груды мусора, всякие там мятые картонные коробки, гниющие пищевые остатки, строительные отходы, остовы велосипедов и машин. В этом мусорном «море» то там, то здесь виднелись уродливые «корабли»: экскаваторы, гусеничные тракторы с ковшами и без ковшей. «Экипажи» этих «кораблей» где-то в городе кайфовали, было воскресенье, выходной день. Одинокие «рыбачки», впрочем, и в выходной промышляли: вдалеке несколько понурых фигур рылось в этом дерьме цивилизации.

Мороз был здесь же, на джипе прикатил. Вместе с Морозом Коршунов насчитал бандитов шесть человек.

— Вот что, ребята, — сказал Мороз офицерам тонким, скорее усталым, чем устрашающим. — Или вы сейчас колоться будете, или мы вас обчекрыжим по самые плечи. Знаете, как это бывает?

Мороз кивнул двум парням. Парни явно знали, что делать. Они быстро вошли в мусорное «море» и через короткое время скрылись за мусорной горой. Пока парни ходили, никто ни слова не проронил. Бандиты курили, Мороз и офицерам пачку «Мальборо» протянул, прямо отец родной. Мишка на курево покосился, но, посмотрев на Александра, так сигаретку и не взял.

Вернулись бандиты не одни. Впереди них бежал-подпрыгивал сопливый мужичок. Мужичок был в рваной болоньевой куртке, с опухшим грязным лицом. Бомж, конечно.

На краю поляны были вырыты три ямы дудкой. Бомжа в одну из ям столкнули, без внимания к его слезливой тянучке: «Вы че, мужики? Вы че?» Яма оказа-

лась как раз мужику по горло — голова над землей торчит, тело в яме трепещет. Мужичок, бедняга, попытался выбраться, оперся о землю волосатыми руками — «клешнями», в результате получил по рукам тяжелым армейским ботинком.

Лопаты в кустах валялись.

Яму быстро засыпали, так что теперь бомж не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Только глазами моргал. Конечно, кричать он попытался, но попыткой и ограничился, получив хороший удар в ухо. Из уха кровь потекла.

Трактор с ковшом взревел и пополз к обалдевшему бомжу, лязгая гусеницами. Рычагами сноровисто орудовал Кудлатый, молодой лохматый парень. Должно быть, в прежней, лоховской жизни, Кудлатому довелось на «гусенице» повкалывать.

Ковш трактора лихо срезал торчавший над землей кочан человеческой головы. Развернувшись, Кудлатый отъехал немного и заглушил мотор.

Голова бомжа с обрубок шеи подкатилась к ногам Мороза.

Сделав пас в сторону Коршунова, Мороз сказал:

— Посмотри на эту пададь, сынок, как бы тебе вот так по земле не раскатиться. Так кто вам на жратву и баб деньги дает, долбаные вы мои?

Мишка взглянул на Коршунова отчаянно. Толстое лицо Мигунова напоминало по раскраске и выразительности маску клоуна-растяпы, который в паре со злым клоуном-озорником выступает.

Александр проговорил хрипло:

— Зря выпендриваешься, Мороз. Мы уже всю правду сказали. Или ты хочешь, чтобы мы наврали чего? Говори, чего врать, наврем.

— Брюхатого в яму, — коротко приказал Мороз. Бандит без труда определил, кто в этой связке был ведущий, и решил главного, как более знающего, оставить напоследок.

Мишку подтащили к пустой яме, ближайшей к за-

сыпанной, к месту, рядом с которым страшно кровавился обрубок шеи. Тут оказалось, что Мигунов никак не мог втиснуться в яму. Другая пустая яма была еще уже этой.

Мороз выругался. Этим остолопам было сказано одну яму пошире сделать, так они пролодырничали, им бы только яйца катать. По приказу Мороза трое парней стали спешно расширять яму. Попробовали к делу Мишку привлечь, но Мороз велел отставить, нечего время терять на пинки с затрещинами.

Вскоре яма стала как раз Мишке втиснуться. Мигунова живенько в яму бултыхнули. В это же время Коршунов по мозгам получил, чтобы не дергался.

Мороз подошел к Мишкиной голове.

— Тебе кранты, сынок. Или говорить будешь?

Мишка невнятно забормотал, можно было только понять, что ни о каких паханах, ни о какой братве он сроду не знал-не ведал. Вообще, его только от сиськи оторвали.

Мороз, хмурясь, отошел.

Яму засыпали и утрамбовали, отплясав вокруг Мишкиной головы. Если бы не Мороз, парни на Мишкину голову обязательно нассали бы, а то бы и по большому облегчились. Увы, Мороз чужую выдумку не жаловал.

Мишка взвизгивал по-щенячьи, Мороз послал Кудлатого трактор заводить.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В следующую минуту после того как Коршунова и Мигунова бандиты в «аварийку» затолкали, у Тимофея Владимировича раздался звонок.

— Обоих повязали, — услышал колдун в трубке.

Тимофей Владимирович буркнул:

— В курсе держите.

Положив трубку, он продолжил заниматься боль-

ным, плотным мужчиной с жестким волевым лицом, красным директором каким-нибудь или воровским авторитетом.

Очень скоро, гораздо скорее, чем Тимофею Владимировичу хотелось бы, ему опять позвонили. Оказывается, «топтуны» упустили бандитов с пленниками. Бандиты заметили слежку и на Каширском шоссе оторваться сумели.

— У себя жду. Место покажете, — распорядился колдун.

Прием приходилось сворачивать. Тимофей Владимирович еще раз потянул за заднюю лапку жабу, и она наконец-то вышла из груди мужчины — жирная, в бурых пятнах, недовольно квохчущая. В эту жабу была материализована болезнь мужчины, ИБС, ишемическая болезнь сердца. Ишемию сердца в народе грудной жабой называли, и не зря. У Тимофея Владимировича эта болезнь почти всегда в жабу материализовалась. А может, она, болячка эта, потому в жабу и материализовалась, что ее издавна грудной жабой называли? Если этот философский вопрос, что первично, курица или яйцо, Тимофей Владимирович и задавал себе иногда, то уж не задумывался над ним более минуты.

Колдун швырнул жабу в камин, прямо в огонь, проигнорировав душераздирающее жабье кваканье. Тимофей Владимирович разжигал огонь в камине при любой погоде как раз для подобных целей.

В камине жаба вздулась огненным пузырем и с громким хлопком лопнула.

— Жду вас через неделю, — сказал Тимофей Владимирович пациенту, провожая взглядом вылетевший из камина сноп искр.

Мужчина, полулежавший в глубоком кресле, не отозвался.

Тимофей Владимирович обернулся. Так и есть, обморок. Ах уж эти бычки в томатном соусе, так и норовят при первой же возможности глаза закатить!

Ваткой, смоченной нашатырем, колдун помахал перед носом мужчины. Пациент несколько раз глубоко вздохнул, кашлянул и открыл глаза. «С богом, батенька, с богом. Не задерживай», — и колдун быстренько спровадил мужчину за дверь, наказав ему обязательно через неделю явиться. Жаба была пузатая, икрная, может, успела сколько-то икры в груди мужчины отложить, и тогда жди головастика.

Тимофей Владимирович сообщил об окончании приема и, не слушая жалоб и причитаний, направился в жилую половину дома.

Прежде всего нужно было пополнить энергетический запас. С утра у Тимофея Владимировича было много работы: три глаза, две порчи, семь событийных болезней и одна кармическая, вот и большой расход энергии приключился.

Колдун взял из секретного места ключ и открыл комнату, в которую кроме самого колдуна никто не имел права заглядывать.

В этой комнате не было ничего. Совершенно ничего, даже настила пола, в чем и заключалась ее особенность, от которой у какой-нибудь мечтательной натуры глаза повылезали бы из орбит. Между голыми свежесбеленными стенами чернела земля. Именно так, пол в комнате был земляным. В землю было вбито пять колышков.

Тимофей Владимирович подошел к окну, поправил черные бархатные шторы. Он мог бы этого не делать, свет и без того едва проникал в комнату.

Скинув тапочки и сняв носки, колдун распластался на земле звездой. При этом ступни, кисти и голова колдуна находились рядом с каким-то из колышков.

Колдун глубоко задышал.

Еле заметная искра пробежала по его одежде. Блеснуло сильнее. Вскоре молнии вовсю плясали по его телу, при этом Тимофей Владимирович оставался лежать спокойно, без всяких трясок и корчей.

Камни ожерелья колдуна стали перемигиваться на подобие новогодней гирлянды, затем загорелись ровно и сильно.

Постепенно электрические разряды пошли на убыль, одновременно начали тускнеть камни на груди колдуна. Когда разряды прекратились, колдун поднялся.

Он вышел из комнаты, запер ее, повесил ключ на место. В доме колдуна была еще одна секретная комната, закрытая иным способом. Бронзовая дверная ручка здесь была выполнена в виде головы тигра с глазами из обсидиана. Два заговоренных обсидиановых камня являлись хорошим колдовским замком. Сумасбродный брательник Тимофея Владимировича как-то попытался эту дверь открыть, да так и не открыл, дверь как будто не хотела вспоминать, в какую сторону она открывается.

Из этой комнаты колдун вынес в кармане маленький пузырек.

Кажется, больше ничего не нужно было.

По дому затиликал звонок, это в заднюю калитку позвонили.

Ребята из охранно-сыскаго агентства, которых Тимофей Владимирович нанял, чтобы они за его непоседливым братцем проследили, долго извинялись: эх, лохи мы, лохи, упустили объект. Ободрять ребят у колдуна настроения не было, вместо этого он сухо попросил показать ему, где именно промашка вышла. Он за их «волгой» на своем «БМВ» поедет.

До Каширского шоссе Тимофей Владимирович с ребятами из агентства добрался быстро, ни в одной «пробке» ему не пришлось сигналить. Ребята показали колдуну тот перекресток, где они опростоволосились, и колдун бросил: «Свободны».

Ментальный след Александра здесь хорошо чувствовался. Быть может, подумал Тимофей Владимирович, он сумеет брата найти, даже не притронувшись к заветному пузырьку.

Он не торопясь поехал по шоссе, свернул на улицу Борисовские Пруды, отсюда повернул на грунтовку. До бандитской заимки он доехал менее чем за час, и только один раз за время пути остановился, настраивая колдовское чувство на ментальный след.

Заглушив мотор, Тимофей Владимирович прикоснулся к одному из камней своего ожерелья, к яхонту цвета голубиной крови. На короткий миг пальцы колдуна стали цвета камня.

Когда колдун вышел из машины, это был совсем другой человек. После прикосновения к яхонту Тимофей Владимирович раздался в плечах, теперь его свитер бугрился мышцами, а не висел половой тряпкой, и ноги колдуна не походили больше на оглобли в штанах, но были как древесные стволы. И кулак Тимофея Владимировича здорово подобрел. Теперь кулак колдуна напоминал не птичью лапу, а боксерскую грушу.

Колдун подошел к ограде, позвонил.

Скрипнула, открываясь, заслонка глазка.

— Тебе чего, мужик? — пробасил охранник.

Его красноватый бычий глаз прямо напротив лица колдуна таранился. Это и решило дело: стекло не могло быть препятствием для колдовского взора.

Крупный аквамарин на груди Тимофея Владимировича мигнул синеватым светом, глаза колдуна на мгновение блеснули, и охранник стал медленно оседать.

Тимофей Владимирович приложил ладонь к двери. Засветилась жемчужина, занимавшая центральное место в чередке подвесок колдовского ожерелья. Прошло несколько секунд, и дверь как бы вздохнула под рукой Тимофея Владимировича. Подвижные части замка плавно повернулись.

Колдун открыл дверь и вошел во двор.

Охранник, подошедший к двери, сидел на земле, бессмысленно пуча глаза. Однако в это время в доме находился еще один охранник, старший группы по кличке Тихоня. Тихоня из окна за Мандрей наблюдал. Уви-

дев, как у Мандри подкосились ноги, Тихоня взялся за «Калашникова».

Раскрывать окно бандит не стал, чтобы раньше времени не привлечь внимание нежданного визитера. Тихоня прямо через стекло очередь выпустил.

Посыпались осколки стекла.

Тимофей Владимирович не стал совершать акробатические прыжки или изгибаться по-змеиному, как это сделал бы на его месте колдун внутренней силы. Пули-дуры свое место знали, ни одна не посмела прикоснуться хотя бы к одежде колдуна.

Колдун немного попозировал стрелку. Расстреляв весь магазин, недоуменный Тихоня потянулся за новым. Тимофей Владимирович не торопясь нагнулся, вынул пистолет «ТТ» из кобуры валявшегося без чувств охранника и выстрелил в сторону разбитого окна.

Пуля попала бандиту в переносицу.

Тимофей Владимирович прошел в дом.

Он обошел весь дом, осмотрел все комнаты колдовским зрением. Александра в доме не оказалось. Хотя, несомненно, старший Коршунов недавно был здесь — ментальный след прорисовывался четко.

Куда же урки его брата дели?

Если бы Тимофей Владимирович сделал около дома несколько кругов, он бы мог нащупать, куда, в какую сторону Александра повезли, но это надо было время терять, а кто его знает, скольким временем он располагал.

Колдун вернулся к воротам и нагнулся над Мандрей. Здорово он бандюге мозги поджарил, тут похлопыванием по щекам не обойтись.

Колдун прикоснулся к яхонту, затем провел кончиками пальцев по лицу парняги. Тот тряхнул головой, как бы пробуждаясь ото сна, заблюмкал глазами. Парень попытался подняться, но Тимофей Владимирович его «пушку» на его же ряху направил.

— Ты, паря, не бузи, — предупредил колдун. — Твой дружок того, в случае я и тебя туда же пну. Хочешь

жить? Здесь был Коршунов, отставной офицер. Я хочу знать, куда вы его дели.

— Это какого? — Мандря выставил вперед ладони, боясь, как бы его слова не были восприняты как увертка. — Нет, я скажу, только... кто этот Коршунов? Сюда двоих привозили, толстого и мужика со шрамом на щеке. Это сегодня, а позавчера...

— Меня эти двое интересуют, — перебил парня Тимофей Владимирович. От ребят из агентства колдун знал, что его брат не в одиночестве с ума сходил, а с приятелем-толстяком.

— Их Мороз на свалку повез. Обоих. На Братеевскую свалку.

Тимофей Владимирович приказал парню подняться и вывел его за ограду. На поясе у бандита висели наручники. Колдун отстегнул их, не воспользовавшись ключом, и прихреначил ими Мандрю к наружной ручке калитки.

— Валяй, рассказывай дорогу, — велел колдун и предупредил: — Если соврешь, вернусь и убью.

Мандря показал рукою направление, сказал, где повернуть. «А дальше не знаю, я там всего один раз был».

Полученной информации для Тимофея Владимировича, колдуна второго знака, было вполне достаточно, поэтому он не стал из бандита жилы тянуть. Колдун зашвырнул пистолет в придорожную канаву и, не прощавшись, сел в свою красавицу «БМВ».

Очень скоро Тимофей Владимирович убедился, что парень про дорогу не соврал. Ментальный след Александра был четкий. Проехав немного по грунтовке, колдун свернул на галечник, как ему было сказано, дальше опять грунтовая дорога пошла. Ментальный след офицера был совсем свежий. Тимофей Владимирович прибавил газу. На скользкой, размокшей после дождя дороге машину стало заносить. Колдуну пришлось поддерживать руку на приборной панели, чтобы немного ход машины выровнять. Слишком многого требовать от машины было нельзя, она и так старалась.

Поколесив между кривых березок, Тимофей Владимирович в сосняк въехал.

Как только над крышей «БМВ» сомкнулись кроны гигантских сосен, ментальный след Александра разделился надвое.

Это как если бы охотник шел по следу зайца, и тут вдруг след раздвоился и две совершенно одинаковые следовые дорожки вперед ушли, насколько хватало глаз.

Причем в данном случае было еще чуднее: дорожка не раздвоилась, и оба новых следа, расходясь, прямо в бурелом вели!..

Тимофей Владимирович выругался, не матерно, сохрани боже, но для него довольно крепко. И ведь было, было у него предчувствие, что не то что-то, больно след яркий и четкий. И даже не предчувствие это было, сколько раз предчувствие его обманывало, а практический скептицизм.

Как же подвел его чертов лесовик!

Вот что значит из города десятилетиями носа не высовывать. Так можно позабыть, и как божья коровка выглядит.

Лесовик вообще шутник большой, а заморочить голову тому, в ком колдовская сила, для него прямо-таки милейшее занятие. Это всегда так бывает, хоть какой талант возьми, всегда между индивидуальностями склоки, сплетни, интриги, ловушки.

У Тимофея Владимировича было два способа на настоящий след брата выйти. Он мог с лесовиком в разговор вступить, попытаться его убедить, что сейчас не время хохму строить. Однако беседа могла затянуться, а Тимофею Владимировичу, судя по всему, стоило спешить. Выходит, ему нужно по-другому поступить.

Тимофей Владимирович вышел из машины. Он сжал в пальцах один из своих камней, фиолетовый аметист, и в тот же момент одежда, что была на нем, вдруг стала истончаться. Ткани быстро сделались полупрозрачными, затем совсем исчезли. Выглядело это так, слов-

но одежда колдуна, с пуговицами и брючной молнией, в его тело погрузилась. На теле Тимофея Владимировича остался еле заметный контур — ворот рубахи, манжеты, резинка трусов.

Теперь, когда Тимофей Владимирович обнажился, у него на груди стала видна татуировка, символ его колдовского могущества. Это был вид сверху: кряжистый дуб раскинул могучие ветви лучами живой звезды, и каждый листочек, казалось, подрагивал от переполнявшей дерево сверхъестественной силы.

Только два предмета, находившиеся при Тимофее Владимировиче, не исчезли: ожерелье все так же блестело на его груди, поверх вытатуированного дуба, и не исчез пузырек, находившийся у колдуна в брючном кармане.

С исчезновением у Тимофея Владимировича брюк пузырек упал на дорожный песок.

Колдун поднял пузырек, взболтнул содержимое и отвинтил крышку. Густая и зеленая, как желчь, жидкость потекла колдуну в ладонь.

Теперь достаточно.

Тимофей Владимирович закрыл пузырек и сунул его в машину, в бардачок, после чего принялся втирать зеленую жидкость в кожу у себя под мышками.

Это был сок тирлича, колдовской травы, одной из семи заветных трав. Двенадцать лет назад Тимофей Владимирович за тирlichem под Киев ездил, на Лысую гору. Натерпелся всяких страхов, конечно, но домой с травой вернулся. С тех пор тирлич не раз его выручал.

Сердце колдуна застучало сильнее и сильнее. Когда пульс за двести ударов перевалил, Тимофей Владимирович развел руки в стороны, запрокинул голову и вдохнул полной грудью.

Вдруг Тимофея Владимировича приподняло и запертело юлой. Вскоре невозможно было разобрать, что там такое мелькает в воздухе. Таково было превращение колдуна внешней силы: здесь не было выростов и

костных деформаций, как у колдунов внутренней силы бывает, здесь внешняя сила черным смерчем колдуна ломала.

На землю Тимофей Владимирович упал черной собакой размером с теленка. Ошейником у собаки было блестящее ожерелье колдуна.

Приземлившись, Тимофей Владимирович немедленно вскочил на ноги. След Александра он уловил мгновенно, хотя след в двухстах метрах проходил. Все же чутье колдовской собаки не шло ни в какое сравнение с чутьем колдуна в обычном, человеческом облики.

Тимофей Владимирович харкнул на дорогу, показывая свое презрение к лесовику. Ложные следы стали медленно таять, а колдун затрусил туда, где, как он хорошо чувствовал, стался след его брата.

...

Мороз холодно смотрел, как трактор мят пустые жестянки, приближаясь к торчавшей из земли человеческой голове. Сейчас этот кочан капусты скovyрнут, думал Мороз, но заговорит ли оставшийся в живых упрямец или не заговорит? Бросив окурки, Мороз покосился на братву. Парни смотрели на представление во все глаза, весело зубоскалили, гоготали. Одно слово, салаги. Ничего, и им к пятидесяти годам смотреть одно и то же надоест.

Неожиданно из-за куста терновника выскочил черный пес. Кобелина был матерый, мышцы так и перекатывались, шерсть блестела, словно шкура только из химчистки. И какой-то странный ошейник был на собаке, с блестящими камешками, у хозяина кобеля, должно быть, деньжата водились.

Хозяин пса наверняка где-то поблизости ошивался, тем не менее Мороз и не подумал подать знак Кудлатому, чтобы тот притормозил. Богатые, они умные, хозяин этого пса в чужое дело не сунется, и язык за зубами догадается удержать.

Черный пес тем временем прямо к месту действия подбежал и на пути трактора, дурной, уселся.

Разумеется, Кудлатый и не подумал замедлить ход.

Мотор, кашлявший гарью во влажный воздух, заглох, когда ковшу до собаки оставалось протащиться всего с пару метров.

Мороз раскрыл рот, чтобы Кудлатого матюкнуть, как тут трактор взревел, выхаркнул струю гари, резко развернулся на одной гусенице и покатил прочь от торчавшей капустным кочаном человеческой головы.

Через сотню метров бензобак взорвался. Пламя полыхнуло во все стороны и зардело огненным цветком. Кудлатый выскочить из кабины не успел.

Мороз взглянул на притихших парней, сказал веско:

— У Кудлатого крыша поехала, а почему? Слабком он был, вот почему. Слабый — что трава пожухлая, такого курица загребет. Слабый, это...

Продолжая изрекать, Мороз не спеша вынул из кобуры револьвер, прицелился. Черный пес трусцой бежал к нему, и, судя по морде, не для того, чтобы помахать перед ним хвостом.

Мороз выстрелил. Что за черт? Кобель, совершенно невредимый, был уже в двух шагах от него. Мороз прекратил разглагольствовать, сосредоточился, опять нажал на спусковой крючок.

Револьвер упал на землю, следом на землю повалился его хозяин с разорванным горлом.

Бандиты открыли пальбу. У троих были автоматы, у одного — карабин.

Пес медленно двинулся на парней. Пасть собаки была раскрыта, пес тяжело дышал, с длинного красного языка капала слюна. Он просто шел на них, четырех вооруженных парней, — без рычания, без лая. Беззвучно.

Внезапно у одного из бандитов автомат разлетелся на куски, должно быть, пулю заклинило в стволе. Следом точно такая же история случилась с другим автоматчиком. Обломками оружия один бандит был убит

наповал, другой, раненный в живот, пробежал несколько шагов и упал, и завозился на земле, кряхтя и корчась.

Оставшийся в живых автоматчик в ужасе посмотрел в глаза подходившему к нему псу — и кровь брызнула у парня из глаз, из носа закапал мозг. Бандит упал лицом в кучу мусора.

Парень с карабином, наконец, сообразил, что тут нечисто было. Швырнув карабин на землю, он, как бешеный, кинулся к «рафику», влетел в кабину машины и дал газ.

Офицеры проводили изумленными взглядами запрыгавший по кочкам «рафик». Когда машина скрылась за деревьями, они переглянулись. А ведь бандитов больше нет... Прямо чудо какое-то, не верится даже.

Значит, пронесло.

Теперь самое время на их спасителя посмотреть.

Собаки нигде не было видно, зато там, где только что находился пес, стоял высокий жилистый мужчина.

«Владелец песика», — подумал Мишка и растянул губы в улыбке.

Александр, естественно, брательника узнал сразу. При виде брата он сначала обомлел, потом обрадовался, потом набычился. Он не питал никаких иллюзий относительно того, что-де сейчас откуда-то выбежит собака, которую его брат на мусорке выгуливал. Он давно сообразил, какими делами брательник занимался, а если чем Александр и был удивлен сейчас, так это масштабами мастерства Тимофея Владимировича. Только было скверно, что этим своим мастерством Тимоха уже какой раз его носом в лужу тыкал, показывал, что он, Александр, без Тимохи и в сортир не сможет сходить.

Тимофей Владимирович подошел к Мишке, заинтересовался:

— Что, студена земляца?

Мишка насупился:

— Издеваешься, мужик. Тебя бы так закопать, посмотрим, задубеешь или нет. Сашок, вон лопата, не видишь, что ли? Я сейчас окочурюсь, кажись.

— Без лопаты обойдемся, — произнес Тимофей Владимирович.

Мигунов настороженно посмотрел на незнакомого мужика. Что это, новая насмешка? И кто этот длинный, уж не из бандитов ли он?

Додумать свою думку Мишка не успел.

Земля выплюнула его, с носками и ботинками, как умная рыба выплевывает похожую на червяка несъедобную обманку.

Мишка, охая, встал на четвереньки. Затем, держась за поясницу, медленно распрямился в полный рост. Со страхом взглянув на место, откуда только что высовывалась одна его голова, он посмотрел на Коршунова:

— Что это, Сашок? К... как это я?

— Идти можешь? — спросил Александр, оставив без внимания вопрос Мигунова.

— Могу.

— Сматываемся отсюда.

— Пешком?

Мишка искоса посмотрел на незнакомого мужика.

Тимофей Владимирович сказал:

— У меня здесь машина. Могу подвезти куда нужно.

— Спасибо, не надо, — буркнул Александр. — Мы на этом танке поедem. — Он показал подбородком на бандитский джип.

Колдун изумился такой простоте.

— И что вы будете врать гаишникам?

— Правду скажем.

— Расскажите, как вы у банка «Индустриосервис» ошивались?

И в самом деле, подумал Александр, с этой мусорки они вполне могут прямиком в ментовку попасть. Они еле на ногах держатся, какие там из них водилы. А в ментовке уж придется рассказать, как они хотели Захребетного замочить, и про эти трупы объяснять. Что они объяснят, про черную собаку начнут гордиться, что ли?

Нет уж. Избави нас боже и от бандитов, и от мен-
тов.

Александр проворчал:

— Лады, Тимоха, с тобой поедем. Показывай, где
тут твоя «БМВшка».

— Это не в двух шагах, придется по лесу немного
прогуляться. Давай-ка я немного подлатаю вас обоих,
чтобы вы не на карачках ползли.

Мишка недоуменно смотрел то на своего приятеля,
то на колдуна. Они как будто знали друг друга, вот
чудеса. И как будто не очень были друг к другу распо-
ложены.

Тимофей Владимирович направился к Мигунову.
Мишка, едва сохраняя равновесие от слабости, попятился
назад. Его остановил окрик старшего Коршунова:

— Мишок, не ссы. Сейчас мой брательник нам ко-
сти на место поставит, а не то ты до своего дядьки не
доедешь.

— Это твой брат? Родной брат?

— Куда уж роднее..

Подойдя к Мигунову, колдун отстегнул подвеску с
яхонтом, молча коснулся камнем широкого Мишкиного
лба. В момент касания яхонт ярко вспыхнул. Затем
колдун коснулся камнем подбородка Мигунова и его
груди над сердцем, и всякий раз камень вспыхивал.

Мишка почувствовал заметное облегчение. Боль
ушла куда-то, словно сила камня выжгла ее, а телесная
слабость как будто растворилась во вспышке красного,
буйного цвета.

Пока Мишка, с радостным удивлением гукая, ощу-
пывал себя, старший Коршунов как бы нехотя прибли-
зился к Тимофею Владимировичу.

Колдун точно так же своего брательника-гордеца
попользовал, после чего возвратил подвеску на место.
Окинув взглядом трупы бандитов, Тимофей Владими-
рович бросил:

— Пошли, пока смердеть не начало.

Он быстро двинулся к узкой тропинке, убежавшей куда-то в овраг.

Мигунов зашагал за колдуном, на этот раз не оглядываясь на Александра. И то, его тело перестало болеть, в голове прояснилось, исчезла тошнота. Ссадины на руках, правда, оставались, и синяки уж наверное с морды никуда не делись, но это так, временные косметические дефекты.

А брат Коршунова, верно, сильный экстрасенс, думал Мишка. Вроде так называют этих людей, которые не таблетками и не уколами лечат.

Странно только, что кобеля экстрасенса все не было видно. Хотя... Здесь, на свалке, конечно, немало дворняжек кормится, неужто черный кобелина за какой-то сучкой увязался?

Однако брательника Александра отчего-то не больно беспокоило исчезновение собственной животины.

Мишка не выдержал.

— А собачку свою вы что же не подзовете? — бросил он колдуну в спину.

Тимофей Владимирович промолчал, зато Александр, хмуро вышагивавший рядом с Мишкой, процедил сквозь зубы:

— Ну и дурак же ты, Мишок, хоть мне и друг.

...

Тимофей Владимирович высадил Мишку у станции метро Менделеевская и дал ему денег на жетончик, после чего погнал машину домой. Вообще-то Тимофей Владимирович не возразил бы, сойди Александр вместе с Мигуновым, но Александр не сошел, дубленая кожа.

Оказавшись дома, Тимофей Владимирович пошел на кухню кофейничать. В этот день он изрядно поистратил силенок, теперь только кофей и пить.

Александр в свою комнату направился.

Колдун наполнял сахарницу сахаром из декоративного бочонка, когда в дверях Александр появился —

в потертом длиннополом плаще защитного цвета, с портфелем-старинушкой в руке.

— За сегодняшнее спасибо, — молвил Александр. — А теперь прощевай, брат.

Этого Тимофей Владимирович от брательника никак не ожидал. Надо же, Александр даже не предложил выпить за свое благополучное избавление от бандитских рук.

— Постой, — заволновался Тимофей Владимирович. — Куда ты на ночь глядя?

— Найду куда. А ты больше под ногами не мешайся. Заботливый какой, без твоей заботы обойдусь.

Тимофей Владимирович чувствовал себя все более неуютно.

— Да подожди ты, дурень. Чего взъерепенился? Завидуешь, что у меня есть дар, а у тебя нет?

— Дар. — Александр зло хохотнул. — Хороший дар, брата в галошу сажать. Или ты про этот дар, про колдовство свое? Старушкам грыжи вправляешь, старичков кочетами делаешь, очень мило. Деньги лопатой гребешь. Сереге вот оградку поставил, какой молодец.

Колдуна взяло за живое.

— Ты Серегу не трогай, — произнес он утрюмо.

Александра затрясло всего.

— Ты, великий колдун! И ты еще про свой дар говоришь? И что, что ты сделал для Сереги, ты, слизняк? Оградку поставил, а те, которые на Серегиной крови разжирели, как жировали, так и жируют?

— Хочешь сказать, что ты ради Сереги собирался банк грабануть? Месть такая, да?

— Банк грабануть? Чего ты мелешь? Это ты про «Индустриосервис», что ли? Еще чего не хватало, банк грабануть! Я управляющему кишки пушу, а за бабли его сраные пусть наследники грызутся.

Тимофей Владимирович смутился. Его брат говорил правду, это Тимофей Владимирович почувствовал совершенно явственно, не зря же колдун носил на шее фиолетовый аметист.

— И с чего тебе так припекся этот управляющий?

— Значит, есть с чего. Ну да некогда мне с тобой балакать. Прощай, колдун.

— Постой!

Александр, никогда не отличавшийся покладистостью, развернулся и пошел к входной двери.

Краска бросилась Тимофею Владимировичу в лицо. Голос колдуна громовым эхом понесся по дому:

— Стой, Александр!

Два пятнистых дога, собаки колдуна, выбежали в коридор и басовито залаяли. Преследовать Александра они не стали, колдун не посмел удержать брата собаками. Вместо этого Тимофей Владимирович сжал пальцами жемчужину у себя на груди.

Жемчужина вспыхнула белым светом. Жемчужины, вмонтированные в стены по всему дому, вторили ей яркими вспышками.

Залязгали, закрываясь, замки всех дверей дома колдуна.

Александр толкнул входную дверь. Заперто. Он пришел в ярость. Офицер стукнул в дверь плечом, стукнул еще раз, горячась все более. Ну нет, брательнику его не удержать!

Колдун подбежал к Александру, заговорил быстро:

— Да ты стой, чего разошелся-то, дурень? Сейчас дверь разобьешь. Дай мне два слова сказать, и я сам тебя выпущу, катись на все четыре стороны. Что ты делаешь, осел?!

Дверь трещала, трещал дверной косяк. Вот-вот Александр должен был вместе с дверью вылететь на крыльцо.

Колдун разозлился:

— Ты думаешь, я — гнида, мне на Сережку наплевать? А кто тебе дал право так думать? Оградка тебе моя не понравилась, что ли? Да может, я для Сережки делаю в сто раз больше, чем ты собираешься. Да я...

Александр, красный и потный, с удивлением и не-

доверием взглянул на Тимофея Владимировича. Чего это городит брательник?

Колдун запнулся. Идиот, он едва не сболтнул о сокровенном, о чем непосвященному не положено было знать. Продолжил Тимофей Владимирович тем же гневным тоном, но слова его были иными:

— Я тебе помогу, Саша. Мы идем разными путями, но я тебе помогу, Саша. Я дам тебе частицу своей силы. Ты сможешь отомстить.

— Ты... ты дашь мне часть своей силы? — Александр медленно переваривал удивительные слова. — Значит, я смогу... Смогу, как ты...

— Допустим, не совсем, как я, — проговорил Тимофей Владимирович спокойнее, — но уж пару новых русских ты сумеешь, как это называется, замочить.

Александр опустил глаза. Вся его обида на брата ушла, как вода в песок, и ему стало стыдно за себя. А ведь Тимоха прав был: он, Александр, ему завидовал, завидовал его колдовской силе, завидовал и сколько раз собирался попросить брата, чтобы тот хоть малой частью своей силы с ним поделился. Упрямая гордость всякий раз удерживала Александра от подобных просьб.

— Если поможешь мне, спасибо скажу, — произнес Александр глухо.

Тимофей Владимирович подозвал одну из собак, показал псу на портфель брата, на спальню Александра, похлопал дога по холке:

— Давай, трудись.

Пес потащил портфель Александра в его комнату.

Александр скинул плащ, и братья вернулись на кухню.

Они молчали, обоим было как-то неловко. Кофей успел остыть, и Тимофей Владимирович поставил кофейник на огонь. Затем колдун водки «Абсолют» в чашки плеснул. Братья молча выпили, закусили печеньем.

— Вот такие камешки получишь, — сказал колдун, показывая на свое ожерелье. Как бы подтверждая его слова, драгоценные камни засветились сильнее. — Эти

камешки тебе силу дадут и от пули оборонят. Конечно, в самое пекло не лезь, а не то мои камни помочь помогут, а спасти — не спасут.

— В пекло мне лезть ни к чему, я этого черта снаружи подстерегу, — отозвался Александр. — Только ты должен рассказать мне подробно, какая сила в твоих камнях. Вооружение надо знать.

— За этим дело не станет. Завтра все узнаешь и камни получишь.

— После того как я Захребетного убью, к Сергею съездим.

— Само собой.

Братья помянули своего младшего брата, Серегу. Тут и о родителях, давно в земле покоившихся, вспомнили. Помянули и их. Через час, покрасневшиеся, братья заговорили почти одновременно, вспоминая детство. Отец был кадровый офицер, а это значит, вечные переезды: Тамбов, Елец, Ростов, Нефтекумск... Где-то на квартире жили, где-то в общежитии. Потом, как отец в отставку вышел, в подмосковном Новоникольском обосновались. Там у них домишко был, колодец с журавлем...

Мало-помалу Александр стал похрапывать за столом, прямо на скатерть валиться. Тимофей Владимирович тоже нализался как зюзя, что с ним случалось крайне редко, но он, в отличие от брата, носом не клевал. Возбужденный Тимофей Владимирович в приливе братских чувств принялся толкать Александра в бок:

— Слышь, Сашка, а знаешь, какое мое колдовское имя? Хочешь, скажу?

— А?

Александр разлепил свинцовые веки, неверной рукой полез в тарелку с крупно нашинкованной соленой капустой. Капусту он растерял по пути ко рту. Он уже собрался завалиться мордой в тарелку, но получил от брата локтем в бок. Александр пробормотал:

— Что, имя твое? Знаю, ты мой брат, Тимоха...

— Да нет, не это имя, у меня есть еще другое, насто-

ящее, колдовское, — осердился Тимофей Владимирович, — Это тайна, тсс-с... Но я скажу тебе, Сашок, ты ведь один у меня остался. Скажу, только тсс-с... Слушай сюда. Меня зовут... да не спи ты! Меня зовут Ветизоар. Понятно? Ветизоар!

Едва колдун полушепотом протянул последнее слово, как задрожал стоявший на столе кофейник, задрожал и зазвенел крышкой. Вдруг под эмалированным носиком расползлись толстые губы, и кофейник забулькал радостно и громко:

— Ветизоар! Ветизоар!

Зазвенели тарелки в мойке:

— Ветизоар! Ветизоар!

Выключенный чайник на плите пустил тутую струю дыма и засвистел на все лады:

— Ветизоар! Ветизоар! Ветизоар!

Колдун вскочил. Его лицо, доселе кирпично-красное от обильного возлияния, побледнело, как у трупа. Он прохрипел:

— Я знал, что ты здесь! Я знаю, ты всегда здесь! Но погоди... еще посмотрим...

С лицом, искаженным яростью, Тимофей Владимирович обхватил пальцами сразу все камни своего ожерелья. В пальцах у него словно звезда вспыхнула, разноцветные лучи окрасили комнату во все цвета радуги, и тут же белые молнии вырвались из звезды. Ослепительные разряды ударили в кофейник, в чайник, в тарелки. Кофейник покорежило, под носиком образовалась дыра с оплавленными краями, откуда остатки кофе хлынули на стол и по столу до Тимофея Владимировича добрались. Тарелки звенящими осколками посыпались на пол. Чайник расплавился, согнулся уродливой гармошкой, подобно раздавленной шляпе-цилиндру.

В комнате установилась тишина.

Тимофей Владимирович упал на стул. К глазам он поднес горстку серой пыли. Это был прах умерших камней его ожерелья: белоснежной жемчужины, кроваво-красного яхонта, нежно-зеленого хризопраза, сине-

зеленого аквамарина. Не устоял даже божественный аметист.

Плохо, конечно, что камни погибли, но у него был достаточный запас драгоценных камней. Он вставит в оправы новые камни. А вот хватило ли силы его ожерелья, чтобы...

Тимофей Владимирович оттащил бесчувственного братца в его спальню, после чего поплелся на кухню убирать. До кухни колдун не добрался: ноги сами привели его к дивану в гостиной. Рухнув на бархатное покрывало, Тимофей Владимирович забылся.

...

Александр Коршунов проснулся поздно, в одиннадцатом часу. Голова немного побаливала (и то хорошо, что не раскалывалась от боли, как с ним обычно бывало после обильного, до усрачки, застолья). Он обмочился, конечно.

Опахмелившись из походной фляжки, Александр быстро сменил одежду. О чем они с братом прошлым вечером говорили, он помнил хорошо, но только за время, пока они не набрались до положения риз. Впрочем, концовка их беседы вряд ли была интересной. Главное, разумеется, было сказано вначале: Тимофей Владимирович обещал ему помочь.

И что там кривить душой, без помощи брата он к Захребетному не подберется. И даже с колдовской помощью еще неизвестно, сумеет ли он Захребетного замочить. Игорь Ильич Захребетный о здоровье заболел, вон какая кодла его охраняла.

Постой-ка. А что это он так рассуждает, будто он в одиночку, с одними только колдовскими камешками, на Захребетного пойдет? А как же Мишка? И Валька Трунин, вот бы его из тюрьги выгнать! Да они втроем любого захребетного по косточкам разложат. Тем более, если каждый из них колдовской силой вооружится.

На завтрак были окорочка, фаршированные грибами (из ближайшего ресторана Тимофею Владими-

ровичу приносили завтрак), и молоко с приторным вишневым вареньем.

— Кофе хочу, — сказал Александр. — Где кофейник?

— Небольшая авария. Возьми растворимый, кипяток в кастрюльке.

Доставая из шкафа жестянку с кофе-порошком, Александр увидел в мусорном ведре покореженный, оплавленный чайник.

— Пожар был?

— Вроде того. Хорошо, что крыша не обвалилась.

И Тимофей Владимирович мельком взглянул на свое ожерелье. В оправках блестели новые камни того же сорта: аквамарин, аметист, жемчужина, яхонт, хризопраз. Огранка была та же самая.

После завтрака Тимофей Владимирович усадил брата на диван в гостиной, велел подождать немного. Вернулся он с тремя перстнями, в каждом из которых был драгоценный камень.

Показав, какой перстень на какой палец надеть, колдун сказал:

— Красный камень — рубин, вот это бирюза, а этот синий — сапфир. Рубин тебе в нужную минуту телесную силу придаст. Захочешь силу загодя получить, дотронься до него или, лучше, в пальцах сожми. Бирюза тебя от пуль и от ножа защитит, а сапфир рану залечит. И помни: дурака никакой оберег не спасет.

Поколебавшись, Александр прикоснулся к рубину:

— Посмотрим, что это за гусь лапчатый.

Камень мигнул ему красным глазком, и Александр почувствовал вдруг, как в его мышцы полилась сила. Отвисший животик вобрался сам собой, в теле появилась легкость, и даже как будто он выше ростом стал.

Тимофей Владимирович произнес:

— Можешь часа два мышцами играть, потом все к исходной придет.

— А я думал...

— Это так не бывает, чтобы сила ниоткуда пришла

и за здорово живешь у тебя осталась. Это же и к моим камням относится: в каждом из них сила рано или поздно иссякнет.

— Значит, ты эти камешки вроде аккумуляторов зарядил, — растолковал Александр. — И на сколько заряда хватит?

— Это в зависимости от того, как часто ты к силе камней прибегать будешь.

— Так на одно дело мне их хватит, на два?

— Смотри что за дело, — уклончиво сказал колдун. — Бирюза, к примеру, с десяток пуль от тебя отдаст, а если пули на взлете будут, то больше. Да еще калибр пули учесть надо: чем крупнее калибр, тем сложнее будет бирюзе с пулькой справиться. Рубин даст тебе часов тридцать силы, но если ты примешься всякие акробатические трюки вытворять, то может получиться, что колдовства рубина не хватит даже на час. Сапфир... Тут смотря какую рану лечить надо. Если грудь разбита вдребезги и сердце на жилке висит, никакой сапфир не спасет.

— Ясно. — Александру действительно как будто стало ясно, как камешки работали. Здесь принцип бронежилета был: пистолетную пульку на взлете «броневик» задержит, а с прямым попаданием артиллерийского снаряда даже двадцатикилограммовый бронежилет не справится. — Теперь, Тимоха, вот что скажи, — продолжил Александр. — Ты не смог бы двум моим друзьям подсобить? Ну, камешки им дать такие же. Понимаешь, вдвоем нам сподручнее было бы действовать.

Тимофей Владимирович сделался недоволен.

— Сегодня — двум приятелям помочь, а завтра ты ко мне полк приведешь! — Колдун помолчал, кривя губы. И нехотя сказал: — Ладно, на этот раз по-твоему будет. Пригласи этих двоих сюда.

Александр кашлянул.

— Я не сказал, один мой друг... Ну, один — Мишка Мигунов, толстый тот, а другой... Вальке Трунину подойти сюда будет затруднительно. Он в тюрьме сидит.

Тимофей Владимирович взорвался:

— И наглец же ты, Сашка! Думаешь, запряг меня, можно погонять? — Короткая пауза. — В какой тюрьме этот твой — Трунин, что ли, — сидит?

— В «Серебряных колокольцах».

— Изнасилование, никак?

— Обижаешь. Трунин одну собаку застрелил, своего полкана.

— Полкана? Смеешься, что ли?

— Полкового командира, то есть. В генералы лез по солдатским костям, сволочуга.

Пробарабанив пальцами по полированному столу танец караса на сковородке, Тимофей Владимирович спросил:

— У тебя фотография этого Трунина есть?

— Есть. На моей свадьбе снялись: я, Валентин, там еще Мишка был... Принести?

— Если ты про свою первую свадьбу, можешь не стараться. Мне фотография двадцатилетней давности не подойдет.

— Я про четвертую, прошлогоднюю.

— Тогда тащи.

Хорошенько рассмотрев маленького лупоглазого офицера, Тимофей Владимирович сказал:

— Ночью мы твоего приятеля из тюрьмы заберем. Ты можешь понадобиться, так что к вечеру дома будь. Об этом деле — молчок, понятно?

— Еще бы не понятно. Сейчас я к Мишке Мигуну поеду. Про камешки сказать-то можно?

— Сказать скажи, только много не говори.

Разговор был закончен, и Тимофей Владимирович направился в свой приемный кабинет. Александр окликнул его:

— Тимоха, постой. Объясни, почему ты мне три камня дал, а у тебя на шее целых пять болтаются?

— Думаешь, брат зажил ли парочку? — усмехнулся колдун. — Нет, Саша, тут в другом дело. Это простых камней ты можешь хоть пуд на шею повесить, а

колдовских... Колдовские камни — что люди, двое-трое вместе еще уживутся, а если на общей кухне сотня коммунальщиков сойдется, без драчки не обойтись. Редко какой колдун может управиться больше чем с пятью камнями зараз. А ты ведь не колдун.

...

Во втором часу пополудни одно из окон дома колдуна распахнулось настежь, и из окна в бурьян выпрыгнул большой черный пес. Пес скачками понесся к ограде, легко перемахнул через нее и прыснул по улице.

Окно комнаты медленно закрылось, щелкнули шпингалеты. Комната была та самая, ручкой двери которой служила маленькая медная голова тигра с обсидиановыми глазами.

Рассматривая фотографию Трунина, колдун сразу уловил его ментальный запах. Однако Тимофей Владимирович не был уверен, что ночью он вот так сумеет прочувствовать Трунина через тюремную стену. А может, несколько стен будут отделять Трунина от свободы.

Только в обличии адского пса колдун мог учуять самый слабый ментальный запах известного ему человека. Отправиться ночью к тюрьме Тимофей Владимирович собирался вместе с Александром, однако бежать рядом с Александром адским псом колдуну вовсе не хотелось. Колдовское действо тайну любит, да и не к чему Александра лишний раз изумлять.

Путь до тюрьмы занял у Тимофея Владимировича сравнительно немного времени, менее часа, это все-таки не так далеко было. Кружа около следственного изолятора, Тимофей Владимирович ловил множество ментальных запахов, и даже кое-кого из обитателей «Серебряных колокольцев» он сумел колдовским зрением разглядеть. В конце концов Тимофей Владимирович вычленил из мешанины ментальных следов след Валентина Трунина. Увидеть Трунина ему не удалось, но он по запаху сумел распознать, в какой камере нары

Трунина находились. Это-то колдуну и требовалось узнать.

Поздно вечером Тимофей Владимирович с Александром и Мигуновым за Труниным отправились, на машине колдуна. Мишка настоял, чтобы и его взяли, как же без него, без него не обойдутся.

Они оставили «БМВ», с километр не доехав до тюрьмы. Еще не хватало, чтобы машина Тимофея Владимировича в эту ночь у тюрьмы засветилась. Мишке было велено в машине сидеть, мало ли, фулиганство какое, и поминай как звали «БМВшку».

На расстоянии тридцати метров от ограды СИЗО все деревья были вырублены, свободную полосу неярко освещали прожектора. Так-то на полосе должно было быть светло, как днем, но добрая половина прожекторов не работала. Частью лампы перегорели, и боя хватало, и энергию следовало экономить.

Тимофей Владимирович подошел к намеченному месту, сказал, находясь в тени:

— Сейчас быстро придется шевелиться. Эту стену проскочим, дальше еще одна будет. За ней — камера, где твой Трунин прохлаждается.

— А собаки?

Словно подчеркивая вопрос Александра, неподалеку, за тюремной оградой, забрехала собака.

— Собаки не тронут. Пошли!

Они быстро пересекли освещенный участок.

У стены Александр задрал голову. Метра три, пожалуй, будет, и еще колючка по верху змеится. Он с ожиданием посмотрел на брата.

Тимофей Владимирович вытащил из кармана замшевую коробочку, в каких драгоценности хранятся, и извлек из коробочки сухую травинку. От стебелька два тонких острых листа отходили, на конце стебелька синий цветок башмачком сидел. «Разрыв-трава», — прошептал Тимофей Владимирович в ответ на взгляд Александра.

Колдун пальцем очертил на стене полукруг с ос-

нованием у земли. По ходу пальца колдуна стена слабо зафлюоресцировала. Тимофей Владимирович пошел на цветок. Раз, другой...

Вдруг на глазах у Александра листья цветка дрогнули, лепестки зашевелились. Цветок на глазах наливался соками. Лепестки замерцали.

Колдун прикоснулся цветком к стене.

Не было ни шума, ни грохота. Просто очерченное колдуном место в стене осыпалось серой пылью. И одновременно с камнем рассыпалась пылью травинка в руке колдуна.

Тимофей Владимирович первым вошел в открывшийся проем.

Они попали в тюремный двор, само здание тюрьмы было метрах в тридцати от ограды. Колдун, не задерживаясь, зашагал к тюремной стене. Александр не отставал, но, в отличие от колдуна, по сторонам посмотрел.

Краем зрения он заметил две тени. Собаки! Их еще не хватало.

Александр все же не стал принимать оборонительную позу, помня, что Тимофей Владимирович только что к лаю собак отнесся спокойно. Подбежавшие овчарки, в самом деле, повели себя дружелюбно. Повизгивая, они махали хвостами, просили поиграть.

Колдун, не поворачивая головы, сделал собакам знак, убирайтесь. Собаки сразу присмирели и затрусили назад, откуда еле слышно доносились звуки радио и где от четвероногих охранников ожидали совсем иного отношения к ночным визитерам.

Оказавшись у тюремной стены, Тимофей Владимирович достал из замшевой коробочки еще одну сухую травинку, точную копию предыдущей. И, как и в прошлый раз, указанный колдуном участок стены от прикосновения травинки рассыпался в пыль.

Вслед за колдуном Александр, пригнувшись, прошел в образовавшееся отверстие.

Камера была маленькая, наверное, на двух человек рассчитанная. Но здесь находились шестеро. Четверо

спали, двое зеков светили сигаретками. Если бы они курили анашу и были в кайфе, то они, наверное, так и остались бы кайфовать, но они дымили «примой», всего-то.

— Это че, Леха? — протянул лысый здоровый мужик, обращаясь к маленькому, крысоватому.

— Не пойму. Мужики какие-то... Мужики, вы че, стену проломили?

— Я за Валентином Труниным, — тихо сказал Тимофей Владимирович. — Кто хочет слинять, линяйте на здоровье, дорога свободна.

У лысого мужика глаза совсем сделались рачьими.

— Как это, мужик? То есть...

Александр уже заметил Трунина (пришлось приглядываться, на ночь в камере включали одну тусклую лампочку). Валентин долго тер глаза, тряс головой. Признал друга, наконец.

— Ты как это сумел, Сашка?

— Потом узнаешь. Пошли! — поторопил Александр.

— Надо ребят разбудить. Может, еще кто отсюда смыться захочет.

Продрав глаза, сокамерники Трунина живо смекнули, в чем дело, и схватились за пожитки. К этому времени двоих курильщиков, первыми увидевших проход в стене, уже след простыл.

Шустро, как мыши, подследственные друг за дружкой юркнули в ночь.

В машине Трунин спросил:

— Сашок, ума не приложу, чем вы стену проломили?

— Есть одно спецсредство, — усмехнулся Александр.

— Из секретной лаборатории новая разработка?

— Из НИИ Колдасских Проблем.

— Откуда? — не понял Трунин.

— Скоро увидишь, откуда. Как раз туда едем.

Парня, который на свалке бросил карабин и дал от Тимофея Владимировича деру, звали Колька Огурцов. Прозвище Огурец у него было.

Огурец не сбавлял прыти до самых ворот бандитской заимки. И только у ворот Огурец заметил, что Мандря не просто вышел на улицу покурить: Мандря рожу кривил, к калитке наручниками прикованный.

— Ты чего, Мандря? — не понял Огурец.

— По соплям бы тебя, вот чего, — пробурчал Мандря, в бандитской иерархии стоявший на ступеньку выше Огурца.

Только теперь Огурец увидел наручники. Парень побежал в дом за зубилом.

Огурцу пришлось повозиться: сталь оказалась на удивление крепкой, даром что изделие было отечественного производства. Однако же в другом наши производители не изменили своей марке. В замке наручников что-то заело: как только колдун скрылся из глаз, Мандря попытался освободить себя с помощью имевшегося у него ключа от наручников, да не тут-то было. Уж раз дерьмо, то делали бы все дерьмово, а наши нет, дерьмо обязательно карамельками обложат.

Потирая освобожденные от наручников запястья, Мандря задал вопрос, задавать который он не торопился, потому что об ответе догадывался.

— Остальные где, Огурец?

— Остальные у чертовой бабушки куличи пекут.

И Огурец, запинаясь от страха, что ему веры не дадут, рассказал о происшедшем на свалке.

Мандре немного стало легче. Не один он оплошал, раз уж Мороз пленников упустил, то с него, мелкой шушеры, большого спроса быть не может. А он уж собрался деру дать, дурак. С другой стороны, Морозу-то все равно теперь, раз он ласты откинул, а вот ему, Мандре...

И все-таки вряд ли его Захребетный замочит. По

головке не погладит, ясно, раз Мандря того мужика на «БМВ» в раскорячку у стены не поставил, но и замочить не должен. Вот если бы Захребетный узнал, что он мужику правильное направление показал, где пленников искать, тогда другое дело, тогда бы Захребетный точно ему кишки на яйца намотал. Но откуда Захребетному про ту его слабину прознать?

— Пошли, позвонить пахану надо, — буркнул Мандря и в дом направился.

Огурец, увидев грудью лежавшего на подоконнике Тихоню с окровавленными волосами, что-то спросил дрогнувшим голосом, но Мандря вопрос прослушал, некогда было.

С самим Захребетным, как и следовало ожидать, ему говорить не пришлось. Трубку взял Роман Павлович Сиворылко по прозвищу Сивый, один из телохранителей Захребетного. Этот Сивый в последнее время быстро в гору шел.

Сивый выслушал донесение спокойно, он вообще был не базарный мужик. Через пять минут он перезвонил, передал приказ Захребетного: Мандря и Огурец должны были на базе дожидаться, когда за ними приедут, сохрани бог отлучиться куда.

За парнями приехали быстро. Спокойно, без битья, их сопроводили в «Индустриосервис» и там в подвале до вечера продержали. За день два раза пожрать принесли.

После закрытия банка Мандрю и Огурца подняли на лифте на третий этаж и провели в кабинет управляющего.

Захребетный, моложавый сорокалетний мужчина с тонкими усиками, как будто и не слышал, какие Сивый вопросы парням задавал и что те мямлили, отвечая. Игорь Ильич с отсутствующим видом рисовал в блокноте дамские головки. Когда парней увели, Захребетный покосился на присутствовавших в его кабинете. Азербайджанец Галиев за газету спрятался. Старый друг Костик Щекочихин минералку похлебывал.

Старая язва, Василий Васильевич Замытов, занимавший очень полезную должность в Новосимбирске, ерзал худым задом по диванной коже.

— Пока этот ваш нефтепровод через Чечню протянется, я успею десять раз ноги протянуть, — невесело пошутил Захребетный.

Галиев газету опустил, сказал с неизменной улыбкой, словно прилипшей к его сытой физиономии:

— Не горячись, Игорь Ильич, зачем горячишься? Война кончилась, нефтепровод уже прокладывать начали. А как чеченам не помогать? Если бы ваши верх взяли, этот нефтепровод латать устали бы, а ваших нефтяников — хоронить.

— Ты, Илья, поверил никак, что эти офицеришки со злобы тебя пришить хотят? — спросил Щекочихин.

— Никаких ниточек к московским авторитетам от них не тянется. Теперь вот что послушайте. — Захребетный к Сивому повернулся: — Что там у тебя по владельцу «БМВ»?

— Владелец «БМВ» — Тимофей Владимирович Коршунов, брат одного из этих офицеров. Сильный экстрасенс.

— Сильный шарлатан, — ввязался Щекочихин.

— Говорят, он здорово лечит, — возразил Сивый. — Хромые, безногие, безрогие у него перед воротами роются. Экстрасенс живет на улице Ватрушкина, дом 7. Частное владение. Домина у Коршунова добрый, но на охране в ментовке не стоит.

Захребетный, закулив сигару, произнес:

— Прямо не знаю, что делать.

— Да одиночки это, Игорь Ильич, дорогой, — протянул азербайджанец.

— Замочить их. И без разговоров! — проскрежетал Щекочихин.

Игорь Ильич, выпустив дым тонкой струйкой, обратился к Сивому:

— Ребят к Коршунову этой ночью пошли. Кого-нибудь посмышленнее, четверку Гороха, что ли. Чертов-

щиной им головы не забивай, чтобы крыши не поехали. Утром о результатах доложишь.

Перед тем, как выйти, Сивый спросил:

— А этих двоих, Мандрю и Огурца, с ними что?

Захребетный ввинтил указательный палец в полированную крышку стола, давя воображаемую тлю.

Как только Сивый вышел, партнеры принялись одно заманчивое дельце обсуждать. На этот раз разговор потек с участием Замытова, без него тут было не обойтись.

Речь шла о взаимном кредите.

Взаимный кредит — это когда администрация территории кредитует банк под пять процентов годовых, а на следующий день берет у банка ссуду под сто процентов годовых. Очень выгодная сделка.

...

На Ватрушкина, 7 Сивый послал лучших киллеров кода. Это была постоянная группа из четырех человек: два бывших спецназовца, бывший офицер-гэбэшник и старший группы, Ленка Горохов по кличке Горох.

Горохов был личностью примечательной, даром что смотрелся неказисто, малорослый, веснушчатый и губастый. Леонид Горохов в свое время за бугром на КГБ трудился и ни разу не засыпался. Потом, когда КГБ почил в бозе, Горох в Москву вернулся. Пять заказов киллер выполнил на «отлично», а дальше, дурень, на иглу сел. В тюрьму попал за грабеж. Горохов у почты подстерег старикана с пенсией, пенсию отнял, а старикану дал леща ниже поясницы. Дед боевой оказался, бывший военный, две пенсии получал. Получил по заднице — и бегом на почту, 02 крутить. Ну и на Горохова навел, приметы и все такое.

Большие деньги Захребетного досрочно выпустили Гороха из тюрьмы и от наркомании киллера вывели. После того как Горох с блеском выполнил два задания, Мороз поручил ему подобрать себе группу. У

Захребетного большие дела затевались. Горох к брату долго приглядывался, Мороз даже ворчать начал, зато группа у Гороха получилась отменная. Шесть раз Захребетный гороховцев использовал, в том числе два раза в Чечне, и осечки не было.

Выслушав задание, Горох зашипел, как это так, ноги в руки и поезжай — мокрушничать, он так не работает, ему нужно меслц-два на разведку. Однако приказ есть приказ, и пришлось-таки гороховцам в синюю «вольво» погрузиться и на Ватрушкина, 7 отправиться.

У дома Тимофея Владимировича Сивый выставил наблюдателей. Парни Гороху доложили: в ноль часов из ворот «БМВ» выехала и вон туда покатила. Отпустив наблюдателей, Горохов позвонил Тимофею Владимировичу. Трубку на том конце не взяли. И свет в окнах дома не горел.

Горохов к дому послал бывшего гэбэшника Мослачева, кликуха Мосол, со звуковым сканером. Ботику, молодому бугаю, было поручено Мослачева прикрыть, то есть Ботик должен был проследить, не высунется ли откуда-нибудь снайпер.

Вернувшись, Мосол сообщил: в доме, по всей видимости, никого не было. Только собака гавкнула.

Киллеры еще с полчаса примеривались к усадьбе Тимофея Владимировича, прежде чем Горох решил, что им можно во двор перебраться.

Оказалось, в доме находились две собаки. Поворчав, псы замолкли, как будто от старости у них уж и сил не было голос подать. Горохов подумал-подумал и велел корешам во дворе разместиться. Если устраивать засаду в доме, нужно было бы собак убить, а отсутствие приветственного лая могло хозяина дома насторожить.

Со снайперскими винтовками, снабженными глушителями и прицелами ночного видения, киллеры расположились во дворе коршуновского дома. Откуда объекты ждать, нетрудно было предположить. Наблюдатели показали, из каких ворот «БМВ» выехала, очевидно, через эти ворота машина и назад вкатится.

Накануне гороховцам показали фотографии жертв, так что киллеры заранее распределили цели. Ботик на Мигунова глаз положил, Мосол старшего Коршунова выбрал, Киселеву, то есть Киселю, Тимофей Владимирович понравился. Путаницы не должно было получиться, жертвы были фигуристые. Сам Горох тоже прилег с винтовкой за перилами беседки, на подстраховке.

«БМВ» подъехала к воротам коршуновского дома в третьем часу ночи.

Как только Тимофей Владимирович, выйдя из машины, подошел к воротам, он сразу незваных гостей учуял. Колдун не спеша раскрыл створки ворот. Бандиты были ребята серьезные — позы, лица, — вон как сосредоточились.

Устраиваясь на водительском сиденье, Тимофей Владимирович негромко сказал:

— Пригнитесь, у нас гости.

Спутники колдуна, люди военные, немедленно так и сделали. Да Тимофей Владимирович и не сомневался, что его братец с приятелями быстроотреагируют, без всяких там уточняющих вопросов.

Машина на полной скорости влетела во двор.

Два киллера, Кисель и Мосол, в цветочной клумбе залегли. Тимофей Владимирович колесами «БМВ» раскроил им черепа и подавил внутренности. Все случилось так быстро, что ребята даже боли не почувствовали, легкую смерть приняли. Крикнув своим: «Не высываться!», колдун выскочил из машины.

Горох успел выстрелить, но вот о результативности своего выстрела узнать не успел. Он увидел только, как в прицеле все поле зрения залила вспышка яркого света — и умер. Для Ботикова, выглядывавшего из-за угла дома, убийство Гороха смотрелось весьма зрелищно. Ботиков увидел, как на шее у мужика, владельца дома, вспыхнула ярко-красная звезда. Электрический разряд вылетел из звезды, как молния вылетает из тучи, и поразил в голову старшего киллерской группы.

Не выдержав энергетического накала, один из камней ожерелья колдуна, крупный рубин, рассыпался.

Ботик лихорадочно принялся выпуливать в Тимофея Владимировича одну маслину за другой. Всякий раз он мазал, и с каждым разом паника охватывала его все больше. Тут высокий мужик обратил внимание на него — и пошел прямо на него, улыбаясь.

Винтовка разорвалась в руках Ботика. Парню палец оторвало, мочку уха как ножом срезало. Один осколок Ботику в плечо угодил и остался там, вгрызшись в кость.

— Отстрелял свое, сынок? — насмешливо проговорил Тимофей Владимирович.

Ботика охватило отчаяние. Иногда безумный страх побуждает к активным действиям, на которые не способна храбрость. Здоровой левой рукой Ботиков выхватил нож. Его учили левой рукой как правой владеть, так что рукоятка ножа легла в ладонь, как влитая.

На мужике, верно, хороший бронежилет был, поэтому Ботик ударил Коршунова в голову, с размахом.

Головы колдуна нож не коснулся. Ботик вдруг ощутил резкую боль в запястье, хрустнула косточка. Нож вывалился из онемевших пальцев киллера.

Теперь Ботик был полностью обезоружен: правая кисть недосчитывалась указательного пальца и из раны кровь хлестала, левая рука была вывихнута и сломана в запястье.

Бывший спецназовец задрожал и покрылся холодным потом, как облитый. Сердце гулко забухало, на ватных ногах нечего было и мечтать деру дать.

Тем временем из машины офицеры вышли и к Ботику приблизились.

— Ты чей, парень? — спросил Александр.

Ботиков тянул с ответом, и Александр с силой сжал то плечо киллера, где рубашка была окровавлена.

Ботик, охнув, пробормотал:

— От Захребетного, Игоря Ильича... Сивый послал... Александр посмотрел на Мигунова, на Трунина.

Тимофей Владимирович уже отошел, предоставив возможность офицерам самим с киллером разобраться.

— Отпустить парня, что ли? — спросил Коршунов. — Пусть накажет папаше смирененько нас дожидаться.

Мишка хохотнул, повернул Ботика к себе спиной и что есть силы ногой пнул:

— Катись, стрелок, пока яйца не отстрелили!

Ботик пушечным ядром вылетел за ворота.

Офицеры помогли Тимофею Владимировичу прибраться во дворе. Они перетаскивали бандитское оружие в сарай, тем временем Тимофей Владимирович с трупами управился: что-то пошептал, полил из бутылки, и фьють, человеческая плоть, взявшись синеватыми огоньками, вонючим дымом, в черное небо упорхнула.

Тимофей Владимирович приятелей брата в своем доме разместил. Трунину вообще некуда было идти, а Мишке поздно было к дяде Сене на ночевку ехать, уж рассвет приближался.

Прежде чем заснуть, Трунин спросил Александра про его перстни. Что это, дурость или мода пошла такая? Александр скупно рассказал про брата, заметил, что Трунину с Мигуновым завтра схоже придется приукраситься. Трунин заворчал было, бред какой-то все эти ваши камушки, но он сам не верил своему ворчанию. Что ни говори, а Тимофей Владимирович сумел без всякой техники ограду и стену СИЗО «Серебряные колокольцы» проломить.

Наутро колдун собрал офицеров в гостиной, спросил у Трунина и Мигунова, не говорил ли им Александр про некие чудесные перстни. Офицеры сказали, что говорил. Тимофей Владимирович подал три перстня Трунину — с желтой яшмой, красным гранатом, с маленьким изумрудом. Мишка получил перстни с оранжевой яшмой, красным турмалином и ярко-зеленым хризолитом. Колдун назвал камни, указал, на какие пальцы перстни надеть, пояснил:

— Красный камень даст вам физическую силу; зе-

ленный здоровье укрепит и, в случае нужды, рану заживит; яшма от пули и от ножа убережет. Но помните, камни, как люди, любят помогать сами по себе, без принуждения. Так что на камни надейтесь, но рассчитывайте только на себя.

Александр предложил камешки обмыть. Грех было бы отказаться от такого предложения. На кухне Тимофей Владимирович накрыл стол, опустошив свои запасы горячительного. Он, однако, не стал с офицерами засиживаться. После первой же стопки колдун отправился к своим пациентам, и так несколько дней у него из-за Александра все шло наперекосяк.

Оставшись без колдуна, офицеры стали службу вспоминать. Прорыв из окружения, арабские наемники, литовские женщины-снайперы, «белые колготки», и все такое. Тут Трунин про свою нуждишку помянул, рассказал, какой у него к генералу-лейтенанту Воротомордову счетец был. Александр с Мишкой сразу же вызвались приятелю помочь. А потом он им поможет по-приятельски, это про Захребетного.

Постепенно офицеров на фантазии потянуло, и эта тяга становилась тем сильнее, чем длиннее делалась шеренга пустых бутылок на полу. Загадывали: Тимофей Владимирович будет им колдовские камни поставлять, а они станут новых русских одного за другим потрошить. Мечтали: МВД, ФСБ, всякие там альфы да омеги ничего с ними, колдовством вооруженными, не сделают, а их таких постепенно целая армия наберется. Назовут они себя «Армия Справедливости». (Мишка предложил другое название: «Справедливые Потрошители», но приятелям оно не понравилось). Бредили: постепенно всю Россию от плесени преступности очистят, и снизойдет на российскую землю благодать на века.

Пьянка продолжалась до вечера: после того как спиртовые запасы Тимофея Владимировича улетучились, Мишка дважды бегал в «комок» за водкой. Потом Мишка с Труниным поехали к Мишкиному дяде

Сене (Трунин сказал, что на постое у старика-пьяницы ему спокойнее будет, чем в доме колдуна), а Александр поплелся в свою спальню.

Ночью у Коршунова начались кошмары. То черная гора на него катилась, то он в какую-то пропасть падал, падал и не мог упасть. Вдруг какая-то паутина его облепляла, и со всех сторон к нему пауки в милицейской форме острыми клювами тянулись. Один паук все-таки до него дотянулся и впился ему в палец.

От боли в указательном пальце правой кисти Александр проснулся.

Комната была в дыму. Как ни странно, Александр даже не закашлялся, и в голове у него ясная погода стояла. Только мучительно болел палец, словно током пробивало.

Александр взглянул на палец. Золотистый прозрачный камень (Тимоха, кажется, его сапфиром назвал) то разгорался, то гас. По мере того, как ярче становился камень, усиливалась боль у Александра в пальце.

Но, как будто, боль уже была не такой, как вначале. В самом деле, боль в пальце медленно стихала.

Но что же стряслось, откуда этот дымище?

С Тимохой что?

Александр опрометью кинулся вон из комнаты.

Сначала он в спальню брата сунулся, но там Тимофея Владимировича не оказалось. Александр заглянул в гостиную. Пусто. Тут он заметил: дым клубами валил из комнаты, которая всегда была закрыта.

На этот раз дверь с ручкой в виде головы тигра была распахнута настежь.

Вбежав в комнату, Александр увидел круглый стол, стоявший посередине, книжные полки во всю стену, дымящиеся пучки трав под потолком. На паркете плясали язычки пламени. Большая старинная книга, лежавшая на столе раскрытой, ярко пылала; сам стол дымился с краев.

На полу подле стола лежал Тимофей Владимирович. Колдун находился в центре аккуратного круга из

огненных языков. В одном месте круг был нарушен, в паркете зияла дыра.

Александр подбежал к брату, приподнял его за плечи. Тело кодуна было дрябло, голова бессильно склонилась на бок. Александр со страхом всмотрелся в лицо брата и тут же обозлился на себя. Да что там паяться, скорее на улицу, на воздух!

Как только он вытащил Тимофея Владимировича в коридор, в комнате что-то взорвалось. Александр, на мгновение коснувшись красного камня в перстне, подхватил брата на руки и кинулся к выходу. В одном месте ему пришлось прыгать, чтобы не наступить на трупы собак Тимофея Владимировича. Доги лежали рядом друг с другом в луже крови, и смерть глянула на Александра их тусклыми глазами.

Едва Александр выбежал из дома и опустил брата на землю, как в доме прогремели один за другим несколько взрывов. Не только оконные стекла повывлетали — крыша дома взлетела на воздух, и огонь выметнулся из всех оконных проемов.

Александра обдало жаром. Здесь нельзя было оставаться. Он опять подхватил брата на руки и выбежал за ворота. На улице уже показались люди. Какая-то женщина запричитала. Александр положил Тимофея Владимировича на желтеющую траву и, трепеща, попытался вернуть его к жизни.

О том, что такое искусственное дыхание и непрямой массаж сердца, он имел некоторое представление. В армии эту тему на санподготовке проезжали. Александр нагнулся над братом. Четыре энергичных толчка скрещенными кистями в середку груди — один вдох рот в рот. Когда Александр надавливал, в груди у Тимофея Владимировича что-то трещало, должно быть, ребра ломались. Александр силу толчка не сбавлял, он помнил, как седоватый майор медслужбы сказал однажды: «Правильно — это когда в процессе такой процедуры хотя бы одно сломанное ребро будет».

Иногда Александр останавливался, с замиранием

сердца смотрел, не задрожит ли грудь брата сама собой. Он и про свои перстни вспомнил, и про то, как Тимофей Владимирович его с Мишкой лечил. И так, и сяк Александр прикладывал камни к телу колдуна, но все было бесполезно. Тимофей Владимирович не подавал признаков жизни.

Рядом загудела пожарная машина, кто-то из соседей догадался 01 позвонить. Заметались какие-то люди со шлангами... Мокрый от пота, Александр наконец поднял голову и увидел людей в белых халатах, милую женщину в очках и толстуху с железным сундуком в руке.

— Скорее! — заорал Коршунов. — Где носилки?

— Не кричите, мужчина, — строго сказала медичка в очках. — Никаких носилок у нас нет. Да он уже не дышит, вы посмотрите.

Она вставила в уши затычки фонендоскопа, нагнулась и металлическим диском потыкала Тимофея Владимировича в грудь.

— Мертвый, — сказала докторша авторитетно. — Экзитус леталис, как говорится. Вы родственник, да? Сообщите фамилию умершего.

Продиктовав бесчувственными губами имя брата, Александр услышал, в какой морг Тимофея Владимировича повезут. Потом он отнес брата в машину, медицинский «рафик», и уложил там на днище, на жидкое байковое одеяло. И, как чумной, Коршунов поплелся в темноту.

Толстуха в белом халате догнала его:

— Возьмите, мужчина. А то скажете потом, что мы ваше сокровище украли.

Александр в недоумении сжал в кулаке черную от сажи цепочку с какими-то железками на ней. Вдруг он осознал, что это было ожерелье Тимофея Владимировича.

Ожерелье, вернее, то, что от него осталось, Александр поднес к своим глазам.

Пять подвесок болтались на цепочке как пять пустых глазниц. Камней в оправе не было.

Сунув цепочку в карман брюк (он в одежде завалялся спать, поэтому сейчас не красовался голяком), Александр сел прямо на асфальт, сжал виски кулаками. Невольно его взор обратился в сторону пожарища, и он увидел: огонь потоком неся в небо, разрывая черноту ночи, а вокруг мельтешили фигурки людей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Тимофея Владимировича похоронили рядом с младшим братом, на Кузьминском кладбище. Дознаватель из ментовки недолго мучил Александра. Что там, все ясно: пьянка, кто-то с сигаретой во рту закимарил, сигарета на ковер, пожар. Погорельца пожалели, не стали с него стоимость услуг пожарников сдирать. А вот по-хорошему надо было бы хотя бы этого, оставшегося в живых пьянчугу наказать, как по закону положено.

Александр у Мишки Мигунова поселился, следом за Труниным. Так что в однокомнатной квартире дяди Сени, родного дядьки Мигунова, весело стало, все-таки четыре мужика на восемнадцать метрах жилой площади. Дядя Сеня, так тот даже в пляс пошел: хлебнул из пузыря, и давай коленца выкидывать.

Друзья решили сперва, засучив рукава, с Ворото-мордовым разобраться, а уж потом к Захребетному подступить. Понадобились деньги. Только на разъезды сколько уйдет, но ведь и на зуб время от времени кидать надо, и на запивон деньжата требовались. На Мишкину-то пенсию здорово не разговеешься.

Тут Александр про Новокряковский рынок вспомнил. Бандиты, которые рынок держали, в тот раз его славно отметили, но то тогда было, а теперь, глядишь, иной поворот делу выйдет.

Офицеры не стали брать с собой стволы: рынок все-таки, людей тьма, еще сгоряча заденешь какую-нибудь тетку с ананасами. С перстнями же колдовскими они не расставались, и перед тем как на рынок поехать, каждый из офицеров к своему красному камню прикоснулся.

Было раннее утро, продавцы только раскладывались, тем не менее старички с сумками на колесиках уже колготились: шиняли между рядами, приценились, ничего, разумеется, не покупали. Ждали тамбовскую картошку, астраханские помидоры, пензенский лук. Народу быстро прибавлялось, кишечник рынка начинал гулять вовсю, поглощая и извергая все большие порции людей.

Офицеры с бутылками «Жигулевского» встали на площадке, где торговали с машин. Присматривались они недолго, и что там было присматриваться, все топорщилось, как на ладони.

Кавказцы, кулаком в пять человек, споро меж машин сновали, дань собирали. Еще шестеро неподалеку стояли, наблюдали. Страховали, значит, на неожиданный случай.

Опустив пустые бутылки в мусорную урну как добропорядочные граждане, офицеры подошли к шестерым кавказцам.

Александр негромко сказал:

— Вот что, чернявые, по сто баксов с носа гоните. Живо.

Тощий кавказец свирепого вида, прямо волк после голодной зимы, прошелестел:

— Тебе мозги вправить, а?

Не дожидаясь, что ответит наглец русский, друтой кавказец улыбнулся в черные усы:

— Давай отойдем, получишь свои баксы.

Между бетонной стеной рынка и вереницей киосков теснилось свободное пространство, узкий проход куда был загорожен ржавыми мангалами. Кавказцы,

отодвигая мангалы, пошли по проходу. Офицеры зашагали за ними.

В закутке мужчины встали друг против друга хищно, кавказцы в карманы полезли.

Трое безумных русских начали драку первыми и немедленно, без матюков и демонстрации накачанных мышц. Для хозяев рынка это было настолько неожиданно, что только один из них успел вытащить нож.

Первым ударом Александр разнес печень ближайшему противнику, второму вырвал пальцами горло. Мишка, боров жирный, руками сразу две бычьи шеи сдавил, бандиты только ножками подрывали. Парню с ножом Трунин руку сломал, в которой был нож, и резаным ударом в голову сбил его с ног. Трунин нагнулся, надо бы прикончить, Мишка в это время повалил на асфальт высокого худого бандита.

Вдруг с треском распахнулась задняя дверь одного из киосков. В проеме рослый мужик стоял, рыжий, курносая морда. «Калашников» запрыгал у него в руках, звуки выстрелов разорвали воздух.

Сработал рефлекс: офицеры на асфальт попадали и немедленно перекатом в сторону ушли, спасаясь от пуль. Но чтобы из зоны обстрела уйти, нужно было до того прохода добраться. А как до него доберешься, если стреляют в упор.

Глядя, как пули вгрызаются в асфальтовое покрытие в нескольких сантиметрах от его головы, Александр вдруг вспомнил, что говорил ему брат про свойства камней-талисманов.

Коршунов поднялся в полный рост и двинулся на автоматчика.

«Готов», — подумал курносый про Александра, нажимая на спусковой крючок. Курносый так и продолжал жать на спусковой крючок, валясь на асфальт, вплоть до последнего мгновения своей жизни.

Это была новая истина: при стычке с безоружным

иной раз быстрые ноги могут оказаться полезнее хорошего оружия.

Как только отгрохотал последний выстрел, в закуток донеслось, какая паника поднялась на рынке.

Пора было сматываться.

Офицеры, раскидывая мангалы, выскочили из закутка. Большая группа кавказцев, человек пятнадцать, не меньше, двигалась прямо на них. Увидев трех мужиков с жесткими лицами, бандиты стушевались, никак не ожидали такого. Рыжий по рации сказал, наглецы, мол, без оружия. Рыжему сам бог велел их очень просто замочить, из автомата-то.

Трунин было вперед вырвался, но Александр удержал его и быстренько-быстренько они вбок подались, к широкому проходу между торговыми рядами. За кавказцами два или три мента промелькнули, да и силу перстней побереечь для будущих дел следовало.

Офицеры побежали. Торговцы испуганно глазели на них, бараньи головы из-под прилавков. Взвизгивали женщины. Наконец, до ментов дошло, что наделавшие столько шороха мужики в самом деле без оружия были. Когда менты с табельными «Макаровыми» вперед пробрались, офицеры уже скрылись за оградой.

Только у турникета станции метро офицеры вспомнили, зачем они на рынок поехали. Ну как же, башли нужны были, они собирались бандитов бомбить. Как это у них память отшибло? Вот пожалуйста, теперь у них денег только на два жетончика набралось.

Пришлось Александру, как самому старшему, страшный грех на себя взять, без жетончика следом за Труниным через турникет проскочить.

Дома у Мишки лежала пятидесятитысячная бумажка в загорелом. Дядя Сеня вызвался к «комку» сбегать, но дяде Сене благоразумно денег не доверили. Мишка сам за пузырем сходил.

За успех не пили, выпили за братьев Александра — Серегу и Тимофея Владимировича. Боевых товарищей своих, головы в чужой земле положивших, помянули.

Когда дядя Сеня принялся храповицкого давить, о Воротомордове заговорили.

Летом Воротомордов всегда на даче жил, с престарелой женой. В дачном поселке Завидущево земельные участки по полгектара были, так что соседи, небось, не всполошатся немедленно, поднимись ночью какой шум у Воротомордова на даче.

Но прежде чем у Воротомордова шум поднимать, нужно было узнать точное месторасположение его дачи. В Завидущево полно всяких чиновничьих дач было. Начать расспрашивать, обзвонить штабы и коммунальные службы? Но так можно и любопытство пробудить, и себя тем самым выдать. Остается одно: они должны сами в Завидущево отправиться, своим ходом, и там, на месте, все выяснить.

А как адресок Воротомордова станет известен, можно будет, не откладывая, и визит ему нанести.

И опять, деньги нужны.

Когда денег нет, а очень надо, смотрят, что можно обратиться в деньги.

За любой из перстней, подаренных Тимофеем Владимировичем, в ювелирной комиссионке кучу денег предложили бы, но о продаже хотя бы одного перстня не могло идти и речи. Оставались обручальные кольца. Александр свое кольцо спустил давным-давно. Валька Трунин не собирался с женой расходиться, но все-таки с пальца кольцо стянул и на стол положил. К этому кольцу Мишка добавил свое толстое, какое-то погнутое, которое только свинье в нос вставлять. Да что там придирайтесь, золото есть золото.

Продавать кольца послали Мишку. Продать не проблема, на ближайшем рынке сдыхает, вот только за какие деньги.

После того как Мишка ушел, Трунин, помявшись, сказал:

— Знаешь что, Сашок. Я к жене должен слетать. Она с дитем здесь, в Москве живет, у сестры на Кутузовском.

— С ума сошел? Думаешь, менты тебя в тюрьме стерегут, у той дыры в стене?

— А перстни на что?

— Перстни помогают, пока их сила не вся потрачена.

— Я на них воду возить не собираюсь.

— Остряк!

— Извини, Сашок, очень жену повидать надо.

Валька Трунин уже кроссовки зашнуровывал.

Александр сунул Трунину лежавшие на столе бумажки, остаток от пятидесятитысячной купюры:

— На такси поезжай, жене «Шанель номер 5» купи, кило «Ассорти» ребенку и еще на ресторан останется.

Сжав деньги в кулаке, Трунин выскочил из квартиры.

К высотному дому на Кутузовском проспекте Трунин подошел не сразу. Он сошел с автобуса за две остановки до дому, сначала мимо него протопал, в хлебный зашел, потом к дому той же дорогой вернулся. Ничего подозрительного не замечалось, да и что он мог увидеть, оцепление, что ли? Квартиру его свояченицы, верно, пара оперативников стерегла, где-нибудь во дворе дома ребята маялись. Ведь не ОМОН здесь будет в полном составе.

Трунин обогнул дом с торца, чтобы попасть на сторону, куда выходили подъезды. Во дворе немало людей толкалось. День был солнечный, детвора и выспала как горох, бабушки собачек выгуливали, доминошники у мусорного бачка сидели в кружке. Во дворе с полсотни легковушек стояло, и в любой могли оперативники сидеть.

В окна машин Трунин заглядывать не стал, да и попробуй разгляди чего через тонированные стекла. У нужного ему подъезда три тетки сплетничали на лавочке. Трунин быстро пошел к подъезду. Если «наружка» где-то здесь, его на выходе станут брать. Ведь мало его увидеть и с фотографией сличить, нужно еще и к задержанию подготовиться.

Ни у входа в подъезд, ни в подъезде никто не ки-
нулся ему руки крутить. Трунин по лестнице поднялся
на седьмой этаж, позвонил. Дверь открыла Надежда,
сестра жены.

Баба охнула, отступила на шаг.

Он быстро прошел в квартиру, запер дверь. Спросил:

— Оксана где?

— Оксана! Оксана! — закричала Надежда, как оглашенная.

На крик из спальни высунулся Алексей Петрович, муж Надежды, вечный безработный интеллигент.

— Валентин? — Алексей Петрович подслеповато прищурился.

На кухне захныкал ребенок. Не его ребенок, сразу различил Трунин.

Из задней комнаты Оксана вышла — и остановилась, кусая губы.

Алексей Петрович разродился вопросами:

— Какими судьбами, Валентин? Амнистировали, что ли?

Надежда, баба умная, в кухню забежала, капризницу-девочку на руки схватила и к мужу:

— Пойдем, Леша.

Строгим взглядом Надежда муженька в спальню впихнула, сама с дочкой за ним прошла и дверь за собой закрыла.

Оксана к мужу подошла.

— Убежал? — спросила тихо.

— Ага.

— Спрашивали тебя.

— Само собой.

— Милиционер сказал, вышка тебе выйдет, если сам не объявишься.

— Если объявлюсь, уж тогда точно вышка выйдет. Как вы? Володя где?

— Володя в детском саду, а я дворничихой устроилась.

Трунин насупился. Помолчав, он спросил:

— Сестра не обижает?

— Нет, что ты. Только трудно им. Надя с ребенком сидит, Алексей безработный. У меня заработок, сам понимаешь, какой. Наверное, к матери в деревню уедем. Это ничего все, я...

Заплакать он ей не дал: рванул на груди халатик, впился губами в тугие округлости. Вот так и встретились, в коридоре на коврике у двери.

Он застегивал штаны, когда в дверь позвонили. Трунин помог Оксане одеться, быстро подвел ее к двери, за которой Крысины затаились. Поцеловав Оксану, он открыл дверь, легонько толкнул Оксану в комнату, а Крысиным бросил:

— Не высовываться, если жизнь дорога!

Алексей Петрович ничего не сказал, только задрожал мелко. Надежда, умная баба, зажала рот ладонью, чтобы не закричать. Больше Трунин не смотрел, пошел дверь открывать. И пора было, а то «гости», в дверь колотя, могли себе в кровь кулаки разбить.

Хитрые переговоры Трунин вести не стал, просто дотронулся до красного камня в перстне и дверь открыл.

Оперативников было трое. Молодые, ретивые ребята с ходу на Трунина набросились, как борзые бросаются на загнанную дичь. Приставленный к виску пистолет Макарова Трунин проигнорировал. Двух здоровенных парней он стряхнул с рук, словно пиявок, другого, с пистолетом, он ударил ногой в пах. Теперь путь был свободен, и Трунин выскочил на лестничную площадку. -

Во след офицеру загрохотали выстрелы. В подъезде акустика была такая, что можно было подумать, будто стены обрушились.

Выскочив во двор, Трунин понесся по пешеходной дорожке быстрее титулованного спринтера. Когда оперативники вывалились из подъезда, матерясь, беглеца уже не было видно.

Оперативники — к приподъездным теткам, зубными протезами поблескивавшим:

— Этот, маленький, в солдатской рубашке защитного цвета — куда, на чем, куда?

Тетки закочевряжились:

— Экое дело, удостоверение, разве трудно удостоверение подделать? И почему вы не в форме, ребята?

Оперативники, действительно, в самых затрапезных одеяниях были: какие-то рваные джинсы, футболки с американским флагом... Одна тетка пошла звонить 02, надо же узнать, из милиции ребята или бандиты. Закончилось тем, что оперативники поплелись к машине послушать по рации, какие они говнюки и дармоеды.

...

Мигулин за оба кольца всего-навсего триста тысяч «деревянных» получил. Мишка крыл цыганок на чем свет стоит, националист. Александр, проверив деньги, урезонил друга: хорошо, хоть фальшивок не оказалось.

Утром поехали в Североград, первой электричкой. В Северограде Трунина многие знали, но никто не остановил его, не окликнул, пока друзья по городу шли. Может, везение сработало, а вернее, это потому, что слишком уж люди замордованы жизнью были.

Некоторое время к дачному поселку Завидушево офицеры по дороге шагали, потом в «зеленку» свернули. До дач они добрались к вечеру. У въезда в поселок как раз пригорок был, сверху вниз посмотришь — дорога как на ладони лежит, только машины и высматривать.

В Завидушево из Северограда возвращались «ситросны», «вольво-850», «мицубиси». Генеральскую «волгу» Трунин хорошо знал, но вот ее все не было видно. Уж не просмотрели ли они генеральскую машину, пока вдоль дороги по лесополосе шли?

Генеральская «волга» появилась в десятом часу, уже темно было. За «волгой» два «УАЗика» вырулили, должно быть, с ребятами из взвода снайперов. Отогнув

ветку орешника, хорошо можно было увидеть, как «волга» к дому-абракадабре повернула.

У железных ворот «волга» остановилась, за ней и машины сопровождения встали. Из «волги» вышел генеральский адъютант, хорошо знакомый Трунину Лешка Пискунов. Пискунов с тремя ребятами в камуфляже в калитку прошел, и только после того как они вернулись, «волга» во двор въехала.

Ворота закрыли, «УАЗики» с охранниками и адъютантом укатили. Очевидно, на даче у генерала особая охрана была.

Офицеры обсудили задачу. Створки ворот на сигнализации были, поверх ограды проволока поблескивала с пропущенным по ней током. Было слышно, как за оградой собаки тявкали. Тогда в тюрьме собачки повели себя смирно, но ведь теперь в их компании нет колдуна, а колдовские перстни, судя по пояснению Тимофея Владимировича, не были способны на расстоянии собачек утихомирить.

У офицеров с собой была адская машина для подрыва ворот, как по первоначальному плану шло. У Трунина на этот счет кое-какие навыки имелись, а у Мигунова необходимые компоненты нашлись. Но приведет ли взрыв к нужному результату? Неподалеку строилась дача, вилла с колоннами, рядом строительная техника стояла. Коршунову первому пришло в голову асфальтоукладчик использовать.

Завести машину без ключа зажигания было делом трех минут.

Тяжеленным асфальтоукладчиком Мишка протаранил ворота генеральской дачи и, не сбавляя хода, в вычурный портал врезался. Собаки, три немецкие овчарки, оказались негостеприимными, но пули их быстро утихомирили. Главное было — не потерять темпа. Не обращая внимания на рев сирены и свет прожекторов, Трунин разбил «Калашниковым» оконное стекло на первом этаже. Один за другим офицеры скрылись в оконном проеме.

Они попали в просторный холл с громадными хрустальными люстрами. Наверх вели две расходившиеся лестницы со статуэтками на перилах. Рассмотреть статуэттки и недурственные картины, висевшие на стенах, друзьям не пришлось.

Из боковых дверей вылетели охранники, шесть человек. Два парня были в милицейской форме, четверо — в тренировочных костюмах. На ходу охранники открыли пальбу из автоматов. Ребята сделали ставку на натиск, на плотность своего огня: стреляя, они и не думали укрыться за колоннами.

Парни, конечно, никак не могли предположить наличие у налетчиков коловских перстней.

Офицеры открыли встречный огонь, у каждого было по «Калашу» в руках и по пистолету наготове.

Пять охранников скончались на месте, один, раненый в бедро, сумел добраться до двери, откуда он только что с таким энтузиазмом выскочил. Автомат парень выронил, в шоке был, бедняга.

Офицеры еще не успели задуматься, по какой из лестниц им пойти, когда на правой лестнице показался человек в генеральском кителе. Внизу пижама, китель поверх. Воротомордов спускался спокойно, с достоинством. Можно было подумать, что у него в доме не смертоубийством занимались, а петарды с шутихами пускали.

В руках у генерала оружия не было.

Офицеры невольно опустили автоматы.

Воротомордов вплотную подошел к людям, готовым застрелить его в любую секунду. Трунина он узнал сразу.

— Подполковник Трунин? Чем обязан?

— Суд офицерской чести постановил вас расстрелять, господин генерал, — четко, по-военному сказал Трунин, загораясь лицом.

— Я подаю на кассацию, господин подполковник.

— Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

— В таком случае, я подаю прошение об амнистии.

Разговор был какой-то дурацкий. Воротомордов явно тянул время. Наверное, в Североград позвонил и теперь ждал помощи, сволочь.

Справившись с оцепенением, Трунин собрался выстрелить. В этот момент раздался хлопок, словно бутылку шампанского открыли. Одна из гипсовых статуэток разлетелась.

Тут же раздались новые хлопки. Там, наверху, как будто целый ящик шампанского затеялись разом открыть.

Пожалуй, было пора отсюда линять.

Каждый из друзей выпустил в Воротомордова по очереди. Генерал упал, задержался, кровеня полированные дощечки паркета.

Офицеры покинули дом через разбитое окно, чтобы с дверью не возиться.

Они у проема в ограде были, где раньше стояли ворота, когда у них за спинами раздался звериный крик. Офицеры вздрогнули одновременно, у Мишки опустились плечи. Через минуту они скрылись в «зеленке», со всех сторон окружавшей дачный поселок.

Кричала генеральша, Любовь Франциевна Воротомордова. Над трупом мужа мощная старуха в ночной рубашке била себя в дряблые груди, вскидывала морщинистое лицо вверх, и слезы текли на воловью шею.

В старушечьем крике невозможно было услышать еще один, последний хлопок, раздавшийся этой ночью в холле. Напоследок Иван Архипов, отличник Московской школы снайперов, выстрелил куда удачнее: пуля «ПС» как раз над ухом снайпера кружок проделала.

...

Офицеры до Северограда полянками да лощинками добрались. Когда вдоль дороги шли, видели, как пронеслись с воем по дороге милицейские «мигалки», по-

том два фургончика с армейской пехотой проехали. По лесу офицеры где шли, а где бежали. И чего им не побегать, если видели они этой безлунной ночью, как кошки, в теле усталости не чувствовали.

Утром менты с армейскими принялись лес прочесывать. Собаки след не взяли, так что пришлось плотными рядами идти. Ментов со всего Северограда собрали, а уж солдатиков было видимо-невидимо.

Тем временем офицеры на электричке в Москву ехали, в разных вагонах.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Максима Васильевича Сафронова вызвал начальник:

— Яйца катаешь, Сафронов?

Генерал-майор Поддубный, начальник 1-го следственного отдела, был прост на язык, а сейчас к тому же еще и зол. Ширококостный, плешивый, басовитый, он выглядел рассерженным медведем, выслеженным егерями в овсах.

— Тебе работать положено, а не яйца катать. Что там по розыску Трунина? Фотографии постовым розданы, Североград прочесывают, это все ты ерунду говоришь. Башку бы кое-кому причесать хорошим кулаком. Ты знаешь откуда мне звонили? — Генерал ткнул пальцем с грязным ногтем в потолок. — Мне оттуда звонили. Дали неделю сроку, так что... Тебе, кажись, два года до пенсии? Вот и думай. Все дела отставить, одним Труниным чтобы занимался. Кого в помощь возьмешь?

Сафронов двоих назвал, капитана Евгения Степановича Погорельцева, опытного оперативника, и старшего Петруненко Димку. Петруненко у Сафронова в стажерах был, паренек азартным и смекалистым оказался.

О побеге Трунина с сокамерниками из тюрьмы осведомители Сафронова никакой информации не дали, вот Сафронов и послал Погорельцева своих агентов потормозить. Сам Сафронов, взяв с собой Петруненко, в Завидушево поехал.

С генеральшей оперативникам поговорить не удалось. Старуху в североградской психушке в чувство приводили, пока безуспешно. Что касается генеральской дачи, то тут кто уж не успел побывать, все были, включая высоких чинов из Министерства обороны и следователей Главной военной прокуратуры. Сафронову с Петруненко оставалось посмотреть на сорванные ворота, засохшие лужи крови на полу да на роскошь генеральских покоев. Пули, гильзы — это хозяйство следователи оприходовали. Трупы на судебно-медицинскую экспертизу повезли.

Из Завидушево оперативники поехали в Североградскую городскую больницу, где в хирургическом отделении страдал с прострелянным бедром единственный оставшийся в живых телохранитель Воротомордова.

Парня звали Алексеем Русаковым. Это он заявил прибывшим на дачу ментам из Североградского ГУВД, что узнал одного из налетчиков, Трунина Вальку. С Труниным он некоторое время в одном полку служил, знал он и о том, что Трунин в розыске находился. Об этом вся часть знала, про побег Трунина из тюрьмы. Вот так информация о Трунине наверх пошла, а там и до Сафронова в виде начальственной головомойки добралась.

Русаков был ранен в бедро навывлет, пуля не задела кость и крупные сосуды, так что его сразу после операции в общую палату перевели.

Разговор состоялся внизу, на скамейке перед входом в больницу.

Высокий и плечистый Русаков, отводя глаза, начал с того, как он спать отправился, его очередь была спать. Только он задремал — снаружи грохот раздался. То ворота рухнули. Все они, семеро охранников, в следующую

секунду на ногах были. Снайпер, Ванька Архипов, на второй этаж побежал, там у него место было оборудовано, остальные — автоматы в руки и вперед. Никаких бронежилетов на бандитах не было заметно, а если и были у них бронежилеты под рубашками, то легкие, не способные от пули автомата защитить. Что же касается его, Русакова, то он по головам бил, и с близкого расстояния, промахнуться было невозможно. Тем не менее бандиты охранников постреляли, а сами живыми убралась.

— Из бандитов даже ранен никто не был? — уточнил Сафронов.

— Вроде так. Не только мы, внизу, и Архипов сколько палил. Ни одного гада не оцарапало.

— Значит, вы, натасканные стрелки, палили что есть мочи, — и без толку, — подытожил Сафронов. — Как ты думаешь, почему так получилось?

— Откуда я знаю, — пробурчал Русаков. — Стрелял я куда положено, так. Руки у меня не дрожали, так. Меня на алкоголь десять раз проверили, нет алкоголя. Нарколог крутил-вертел, и ничего, разве не знаете?

— Знаю, — отозвался Сафронов, а про себя подумал: «При иных обстоятельствах стоило бы иное проверить, не были ли телохранители генерала подкуплены бандитами. Однако честность охранников неопровержимо доказывали неподкупные свидетели, их трупы».

Больше от Русакова ничего не удалось узнать, и Сафронов отправил его бедро долечивать.

В машине, Сафроновской «пятерке», Петруненко предположил:

— Все-таки накурились ребята какой-то дряни.

— Ты в это веришь?

Петруненко пожал плечами.

— Правильно, что не веришь, а проверить не мешает. С судмедэкспертами сам поговори. Потом в местную ментовку поезжай. Интересно, как это они нашего подопечного со товарищи не смогли по горячим следам задержать? На вокзал загляни, бомжей расспросишь, неужели никто не видел мужика с фотографии?

Кто видел, тому пузырь. Только смотри, за пузырь эта братия и черта увидит.

Проинструктировав Петруненко таким образом, Сафронов высадил его у морга, а сам на своей задрипанной «пятерке» в Москву покатил.

...

В Москве Сафронов отправился по своим агентам: по вокзалам поехал, по бардакам, по «малинам». Попутно оперативник кое-кому из авторитетов позвонил, которые были у него на коротком поводке. Конечно, это не очень крупные авторитеты были, окуньки примерно с ладошку.

Новостей о беглецах из СИЗО «Серебряные колокольцы» не было никаких.

Вздрычив всех, Сафронов отправился в МУР.

Капитан Погорельцев его дожидался. Со сведениями от агентуры, надо полагать.

— Как там твои кроты, Женя? — поинтересовался Сафронов.

— Глухари они, а не кроты. — Погорельцев выругался. — Ничего не слышали, блеют.

— У меня тоже хорошего мало. — Сафронов коротко рассказал про свою маету. — А чую я, где-то в Москве залег этот офицеришка. Фотку на вокзалах повесили?

— А как же, проверил.

— Надо информацию в «Криминальном полдне» дать.

— Сделаем

— Из пулегильзотеки есть новости?

— Час назад звонил, еще не определились ребята. Перезвонить?

— Давай.

К вечеру стала поступать информация. На даче Воротомордова бандиты стреляли из автоматов Калашникова, за которыми криминального следа не было, в

трущобах подмосковного Реутова отловили Жорку Нефедина по прозвищу Шпиндель, одного из сокамерников Трунина, слинявшего из тюрьмы вместе с ним. В ходе энергичного допроса Шпиндель сообщил, что стену тюрьмы проломили два каких-то мужика. Никого из них Шпиндель раньше не видел, их лица в полутьме камеры не разглядел. Одного из них Трунин как будто назвал по имени, но это имя у Шпинделя в одно ухо влетело, в другое вылетело. Как мужики стену проломили? А хрен его знает, как они исхитрились.

Шпинделю за полезную информацию и скопченную обещали, и, чего греха таить, для пользы дела стукнули его раз или два, но больше ничего из Шпинделя выдать не удалось. После допроса Шпинделя в камеру под руки поволокли, на ногах не стоял, урод.

Прошло четыре дня из отведенной Сафронову недели. Результатов было кот наплакал. Не считать же результатом увольнение из органов трех вообще-то неплохих ребят, упустивших Трунина, когда он на квартиру к жене приходил. Что же касается расследования, так то ниточек немало тянулось, во всякое дерьмо. Граждане телефон в ментовке оборвали: «Этот, как его, Трунин, ну, которого разыскивают, на платформе станции метро Павелецкая стоит. Скорее приезжайте. Только он рыжий и с усами, перекрасился, паразит, а усы наклеил».

Каждый день генерал вызывал Сафронова на работу. Да тут хоть каждый час вызывай, что толку-то, если не везет.

Когда пошел шестой день отпущенной недели, розыскники приуныли. Вечером, набегавшись за день, они собрались в маленьком кабинетике Сафронова: Сафронов, Погорельцев и Дима Петруненко. Сидели, глотали кофе. Молчали.

Зазвонил телефон.

— Опять Поддубный, — поморщился Сафронов и потянулся за трубкой.

В это время Поддубному было не до того, чтобы Сафронову звонить. Генерал парился в сауне с двумя друзьями детства и одним ящиком пива.

...

По возвращении в Москву офицеры для начала решили проверить, не изменил ли Захребетный своему обычаю в банк «Индустриосервис» к одиннадцати часам являться. Одновременно следовало уточнить, не усилил ли банкир свою охрану, и так ли бесстрашно он в банк с центрального входа заходит.

Наблюдатели Захребетного засекли бы в два счета Коршунова и Мишку Мигунова, своих старых знакомцев. Значит, на разведку Трунин должен был отправиться. Правда, один из бандитов Захребетного видел Трунина, тот самый рыхлый малый, которого Александр со двора Тимофея Владимировича живым отпустил. Однако вряд ли парень, едва спасший свою шкуру, Трунина в лицо запомнил. Да и ночь тогда безлунная была.

В банк Захребетного Трунин вошел свободно и вышел оттуда свободно, без всяких лапаний за плечо и стрельбы в спину. Выяснилось, что банкир своей привычки не изменил. Захребетный ровно в одиннадцать в стеклянные двери «Индустриосервиса» вошел, и охраняли его всего-то двое верзил.

Теперь можно было планировать операцию.

...

Напрасно офицеры были столь невысокого мнения о Лешке Ботикове: Ботик в темноте видел неплохо, и лицо Трунина он запомнил. Другое дело, что зрительная память Ботика очень скоро оказалась бесполезной для кого бы то ни было, включая его самого. Киллера, не справившегося с заданием, Игорь Ильич Захребетный приказал умертвить той же ночью, что и было исполнено при помощи капронового шнура.

Игорь Ильич Захребетный узнал о Трунине иным способом. Наблюдатели Захребетного сняли видеокка-

мерой Трунина и Мигунова, выходявших из дома Тимофея Владимировича, а вскоре фотографии Трунина появились на всех стендах «Их разыскивает милиция». Потом следы Трунина затерялись. Дом экстрасенса сгорел, старший Коршунов мелькнул в погребальной конторе и исчез, и на этом ниточка оборвалась.

Вот оно, когда Валентин Николаевич Трунин выплыл.

У Захребетного была специальная группа наблюдения, следившая за входом в банк и его окрестностями. Валерий Александрович Стрелянный, старший группы, с видеопленкой сразу к Захребетному отправился.

Просмотрев пленку, Игорь Ильич марокканской сигарой затянулся, молвил в селектор:

— Роман Палыч, ко мне поднимись.

Сивый к шефу немедленно прошел. Молчал, просматривая пленку.

Как пленка кончилась, Игорь Ильич произнес:

— Раз Трунин здесь крутился, значит, жди с визитом господ офицеров. Так, что ли, Роман Палыч?

— Найдем, чем офицеришек встретить, — Сивый зло насупился.

— Найти-то найдем, только как бы эти офицеришки нас на ежа голой задницей не посадили, — задумчиво проговорил Захребетный. — Если они какую-то там несусветную шишку в погонах сумели замочить со всеми шишкарями, хм... Чую, эти кореша у экстрасенса, брата Коршунова, всю его силищу стырили, а его пришили. Дом подожгли, чтобы следы замести. Короче, эти ребята не промах.

Некоторое время Игорь Ильич шевелил бровями, показывая, как у него в голове мысли шевелятся, потом изрек:

— Надо ментов натравить на говнюков, вот что. Пусть они друг в дружку пополят. Здесь, перед банком, нашим стрелять не резон. Стрельба, все такое, еще менты куда не надо сунутся. А без стрельбы с офицеришками не обойтись.

Прочитав на лицах подручных облегчение, Игорь Ильич усмехнулся и взялся за телефон.

Это был тот самый звонок.

После нескольких любезных фраз Игорь Ильич заявил Сафронову, что его люди видели разыскиваемого. Да, того самого Трунина. Ошибки быть не может, пленочка имеется. Бандит у центрального отделения банка «Индустриосервис» крутился, не иначе как вознамерился банк ограбить.

— Мне этот Трунин позарез нужен, — сказал Сафронов. — Так что вы там не очень тряситесь, спутнете еще.

— Вам преступника задержать нужно, а я вклады своих клиентов сберечь должен, — произнес заботливый Захребетный.

— Я сейчас же выезжаю с опергруппой.

— Это сколько вас будет? Три человека? Пять?

— Достаточно будет. Мало не покажется.

— По телевизору ту дачу генеральскую показывали, я смотрел. Трунин там с подельщиками двадцать человек застрелил, что ли.

— Про двадцать вы преувеличиваете. Да и кто там был, на даче, солдаты-первогодки. А один наш сотрудник десятерых таких сопляков стоит.

— Там не первогодки были... По телевизору сказали...

— Игорь Ильич! Вы себя должны вести как обычно — приезжайте на работу, уезжайте, и охрану не увеличивайте. Если сейчас вы Трунина спутнете, это значит, он пожалует к вам позже. Может, не в банк, а к вам домой пожалует. Вы меня поняли, Игорь Ильич?

Игорь Ильич пробормотал, что, дескать, все понял.

— Опергруппа сейчас будет. — Сафронов положил трубку и повернулся к оперативникам: — Немедленно к этому дерьмовому «Индустриосервису» дуйте. Пролежневская, 15. А я к генералу. Пусть людей дает. Этого Трунина с пристебаями нужно в ежовых рукавицах брать.

Генерал Поддубный повеселел, выслушав донесение Сафронова.

— Жареным запахло, а, Васильич? — Поддубный загоготал.

— Говном, товарищ генерал.

Поддубный посерьезнел.

— Людей я тебе дам. — Генерал нажал кнопку, вызывая секретаршу. — Наших десять человек возьмешь. Еще взвод СОБРовцев, я договорюсь.

— Целый взвод? Зачем столько?

— Лишних людей в таком деле не бывает.

— Это ведь не заложников освобождать. Наш брат оперативник привык по чердакам да подвалам сиживать, а СОБРовцы — ребята шумные, ну и...

— Много рассуждаешь, Сафронов. У тебя все?

Тут только Сафронов догадался, зачем Поддубный СОБРовцев привлечь вознамерился. Как же, если бандитам удастся живыми утечь, у Поддубного отговорка будет. Мол, не одни его ребята подкачали, вот и СОБРовцы вляпались.

Сафронов боялся, что бандиты у «Индустриосервиса» появятся прежде, чем он сумеет людей расставить. Обошлось. Машины с СОБРовцами Сафронов расположил в двух улицах от «Индустриосервиса», в темном дворике, чтобы бандитов не спугнуть. Сам Сафронов на чердаке дома залег, прямо напротив банка.

Прошло два дня. СОБРовцы ворчать начали, чего их зря в машинах маринуют. Еще через два дня и кое-кто из оперативников стал похмыкивать, как бы Сафронову в дураках не остаться. Сам Сафронов надежды не терял. Наоборот, с каждым днем в нем прибывала уверенность: банда Трунина должна была вот-вот появиться. Непременно, непременно бандиты должны были появиться!

И вместе с этой уверенностью Сафронов испытывал тревогу или, скажем без околичностей, страх перед предстоящей встречей. За долгие годы работы в УГРО Сафронов уж повидал криминального элемента,

от пьянчуг, убийц на почве бытового охрещения, до киллеров-виртуозов и мафиозных главарей. Перед серьезной стычкой Сафронов испытывал страх и раньше, но в этом его страхе было что-то особое, доселе неизвестное ему, холодное и мерзкое, как оскал змеи.

Эта особенность сквозила в смерти Воротомордова и его телохранителей, в разрушенной тюремной стене, в животной дрожи банкира, Игоря Ильича Захребетного. О Захребетном Сафронов кое-какие справки навел. На Игоря Ильича в криминальных кругах Москвы не рекомендовалось наезжать, и вот на тебе, Игорь Ильич из страха перед какими-то офицеришками к помощи ментов прибегнул.

На чердаке старинного особняка Сафронов с Погорельцевым спали по очереди. Когда пришел черед Сафронова прикорнуть, он буркнул: «Отлучиться надо ненадолго». Погорельцев, разумеется, не стал расспрашивать своего старшего, куда тот наострился.

А поехал Максим Васильевич Сафронов на улицу Шаромыжникова, где в трехэтажном доме, унылождавшемся капитального ремонта, жила Варвара Степановна Серебрякова. У нее была двухкомнатная квартира на втором этаже, на двоих с пушистым черным котом. Эта пожилая дама (назвавший ее старухой нанес бы ей смертельное оскорбление) изредка заявляла о своем существовании в «Коммерческом вестнике» объявлениями типа: «Гадаю на картах, на кофейной гуще, по бараньей лопатке. Читаю линии руки, предсказываю по фотографиям. Снимаю сглаз, порчу, венец безбрачия».

Поднявшись на третий этаж, Сафронов нажал на пипку звонка. Вскоре за знакомой дверью зашаркали шлепанцы, и дверь приоткрылась на толстой цепочке.

— Максим Васильевич?

Морщинистое лицо Серебряковой не выдало ни радости, ни удивления. Хозяйка открыла дверь, показала манерно:

— Милости просим, Максим Васильевич.

Сафронов попал в длинную прихожую, вдоль стены которой стояли мягкие стулья с обивкой темно-синего бархата. Эти стулья предназначались для клиентов. Обычно в прихожей тосковали одна-две дамочки, дожидаясь своей очереди, но сейчас никого не было. И то, позднее время для визитов, что ни говори.

Серебрякова жестом предложила Сафронову пройти в комнату, где она принимала своих клиентов.

Он уже бывал здесь. С того времени, а прошло около полугода, в этой комнате ничего не изменилось. На большом квадратном столе с краю лежала колода карт. В углу комнаты стоял старинный комод. На комод тускло блестел витой бронзовый подсвечник в пять свечей. Пол комнаты был покрашен черной краской. На черном фоне пола белел круг, выписанный жирной чертой. Круг заключал в себя стол и два придвинутых к нему стула. В воздухе витал запах каких-то трав.

— Клиентов хватает, Варвара Степановна? — вежливо и вместе с тем по-свойски поинтересовался Сафронов, усаживаясь на стул.

— Ничего, идет помаленьку народец. А я за большим не гонюсь, только бы мне и котика на молочко.

Серебрякова погладила кота, который, выгибая спину, с мурлыканьем терся о ее гамашу.

— Варвара Степановна, ваша помощь требуется.

— Ась? — Серебрякова наклонилась вперед.

— Варвара Степановна, вы знаете, чем я занимаюсь.

— Мазуриков ловишь.

— Варвара Степановна, посмотрите на этого человека. — Сафронов достал фотографию Трунина, положил ее перед Серебряковой. Та пошарила у себя по дряблой груди, поймала очки в дешевой пластмассовой оправе и водрузила их на нос. Затем придвинула к себе фотографию. — Варвара Степановна, — продолжал Сафронов, — это — убийца. Он девять человек убил. Он очень опасен, он не просто старушек-поби-

рушек душил, он мужчин в силе убивал, опытных бойцов. В него стреляли — попасть не могли, прямо как заколдованный. Из тюрьмы он ушел через дырку в стене, стена трухой осыпалась. Вы можете сказать, что это за птица такая?

Сафронов по натуре не был склонен к мистике и, тем не менее, ответа гадалки принялся ждать со всем вниманием. И все потому, что он в свое время убедился: ремесло Серебряковой заключалось не в черном с золотом одеянии и не в туманных рассуждениях. Серебрякова на самом деле соприкасалась с неким таинственным миром. Можно сказать, с потусторонним миром.

Познакомились они так. Как-то пришлось Сафронову убийством одного предпринимателя заниматься, господина Кирьянова.

Вадим Львович Кирьянов известным промыслом лапки мозолил, строительством финансовой «пирамиды» кормился. Когда его фирма, как водится, отказалась вклады возвращать, обманутые зашумели, конечно. И надо же такому случиться, что среди тысяч обманутых один отчаянный нашелся.

Илья Пантелеевич Серебряков был видный мужик, с лошадиной силой и лошадиными зубами, один изъян, что пьяница. Серебряков обиды не стерпел. И то, как было мужику не рассердиться. Серебряков квартиру продал, на материны деньги купленную, думал через год две квартиры купить. В одной жить собирался, другую сдавать в наем, на выпивку с бабами хватит и работать не надо. Такие мечты, и фигу тебе: «Ваши деньги кончились, граждане, не обессудьте».

Илья Пантелеевич «обессудил».

Хотя при Кирьянове завсегда было охранников до черта, Серебряков сумел-таки до обидчика с кухонным ножом добраться. Вадима Львовича он ножом по шее полоснул, а тут охранник тюк, пульку Серебрякову в затылок.

Получилось, что Серебряков зря трепыхнулся: его,

очень просто, кормить червей определили, а Вадим Львович двумя месяцами больницы отделался.

И вот, когда газеты уже стали забывать о покушении на крупного предпринимателя, этот предприниматель возьми да ласты откинь. И чудно как-то. Не инфаркт, не инсульт, не рак — чума, чума-матушка согнула господина Кириянова в бараний рог. Септическая форма. Кириянов скончался через сутки от начала болезни. В Москве чума давно не регистрировалась, это в Латинской Америке и Африке она еще встречалась, но в жаркие страны господин Кириянов сроду не выезжал. Вот в Париж, Вашингтон Вадим Львович наезжал частенько. И еще было странно, что больше никто чумой не заболел, ни дома у Кириянова, ни в фирме. А ведь чума — зараза прилипчивая.

Как только Вадим Львович очоурился, все в полный голос про байку заговорили, которая среди кирияновских обманутых вкладчиков ходила. Серебряков, прежде чем на Вадима Львовича с ножом броситься, с неделю грозился у пивного ларька: не вернет Кириянов его вклад с процентами, так мать Серебрякова, ведьма известная, на Кириянова порчу найдет. Отольются блошке кошкины слезки.

Как только эта байка Сафронову в уши впорхнула, он к Варваре Степановне отправился. Поднимается Сафронов на второй этаж, открывается дверь... Тут-то он и увидел впервые в жизни Бабу-Ягу.

Губы у Серебряковой были накрашены, а так, прямо Баба-Яга из сказки. Сморщенная, громадный нос крючком и на горбе черный кот изогнулся.

Оперативник терпеливо удочку перебрасывал: где была гражданка Серебрякова в день смерти гражданина Кириянова, где была накануне, кто может подтвердить ее слова. Поскольку в ответах Серебряковой доказательств ее виновности не просматривалось, Сафронов в лирику ударился. Интересно, а что думает гражданка Серебрякова о гражданах наподобие граж-

данина Кириянова? Ох, как горько быть обманутым бедолагой! Кроме того, скажем прямо, ее сын был господином Кирияновым обобран и охранником Кириянова убит.

Гражданка Серебрякова отвечала, что до инвестобъестов ей дела нет. Что же касается сына, то сына ей жалко. Хоть и непутевый он был, все же сын.

Тогда Сафронов спросил прямо:

— Варвара Степановна, поговаривают, что вы Кириянова... как это называется... извели. Что вы на это скажете?

— Извела? Глупости какие. Нет, молодой человек, в тюрьму я не хочу, холодно там и промозгло для моих старых костей.

— Значит, Кириянова вы не убивали. И ничего не делали, что могло бы вызвать его смерть?

— Если словом можно убить, сколько раз я его убивала! Всплакну, ну и прокляну этого Кириянова-то.

— Я не про слова. Вы действия какие-то совершали, которые могли бы вызвать смерть гражданина Кириянова?

— Только языком шевелила да деснами щелкала, этого господина проклинаячи.

Сафронов еще долго словесную паутину плел, но старуха никак не хотела на дурика ловиться. Так оперативник и убрался от Серебряковой ни с чем, намереваясь, однако, еще разок навестить ее, а можно и повестку прислать. Вот только он кое-какую информацию соберет, про чуму у Кириянова и про то, чем старуха занималась. Там, глядишь, к Серебряковой конкретные вопросы возникнут.

Вечером Сафронову позвонил один из его осведомителей, официант ресторана «Медведь» Генка Толмачев, в агентурном деле под кличкой «Чубчик» проходил (Генка был плешив и брюхаст).

— Максим Васильевич, был Славик Кириянов.

Вячеслав Львович Кириянов приходился младшим братом Вадиму Львовичу Кириянову. Славик Кирия-

нов одно время промышлял мелким рэккетом, потом брательник помог, дал денег водочный цех открыть.

— И что? — заинтересовался Сафронов.

— Кириянов хвастал, что та старуха-колдунья этой ночи не переживет.

— С чего бы ему хвастать, о таких делах помалкивать нужно.

— Пьяный был, в компании. Он и... А за брата отомстить ему непременно надо, чтобы в авторитете остаться.

— Кириянов болтал, сам к бабке поедет, или пошлет кого?

— Он двум парням дал поручение задушить старуху подушкой. Этой ночью задушить.

— Двум? Для дряхлой бабки и одного хватило бы.

— Может, она и дряхлая, только колдует здорово, так что... Максим Васильевич, знаете Проняева, директора молокозавода? Иван Петрович вчера у нас был, рассказывал. Про старуху-то. Эта старуха, Серебрякова, ему в прошлом году захарканый колодец нагадала. И точно, так и оказалось: девчонка, с которой он жил, с пацанами баловалась. Старый муж — на завод вкалывать, а девчонка — ляжками сверкать. Если старуха верно гадать умеет, может, и чего другое...

После разговора с Чубчиком Сафронов не медлил, кобуру с «Макаровым» нацепил и к Серебряковой отправился.

У двери старухиной квартиры он постоял, прислушиваясь. Старуха с котом разговаривала. Жива старая, значит.

Оперативник не стал в дверь звонить. Он поднялся на этаж выше и там затаился.

Гости пожаловали за полночь. Два парня, разглядел Сафронов. Парни повозились у двери с отмычкой, но дверь не открыли, изнутри засов был задвинут. Пошептались. Тренькнул звонок.

После короткой паузы послышался по-старчески надтреснутый, но удивительно бодрый голос:

— Кого надобно, соколики?

— Бабусь, милиция. Открывай.

Серебрякова без долгих разговоров открыла дверь. «С ума бабка спятила, что ли?» — воздосадовал на такую беспечность Сафронов. Он рассчитывал, что старуха дверь не откроет, и бандиты начнут к ней в квартиру ломиться, тут-то он их и прищучит.

Из квартиры старухи донесся шум. Убийцы сбросили маски. Во всяком случае, теперь им не отвертеться, теперь они не скажут, что хотели у старухи водицы попить, и что старухе пригрезилось, будто они ментами назвались.

Сафронов, прыгая через три ступеньки, понесся вниз. Парни дверь старухиной квартиры не заперли, это облегчило Максиму задачу. Толкнув дверь, Сафронов услышал вопль. Вопили не в той комнате, где старуха принимала клиентов, а в другой, жилой. И голос был не старухин.

Вбежавший в комнату оперативник увидел следующую картину. Старуха брыкалась на кровати, отбивалась от наседавшего на нее бандита. Вопил другой парень, рябой, и вопил во всю глотку. Джинсы у этого парня были спущены до колен, выше висел старухин черный кот, котяра сжимал зубами половой член бандита. Парень тискал окровавленными пальцами кота, по ногам бандита текла кровь.

Оказывается, прежде чем задушить старуху, ребята собрались маленько с ней порезвиться.

Сафронов бешено наставил пистолет на парня, атаковавшего старуху, крикнул:

— На пол! Руки за голову!

И кое-что из мужского лексикона подпустил.

Парень слабоват оказался: pokrылся испариной, бедняжка, повалился кулем на пол. Так бандиту и не пришлось узнать, какой подарочек с зубами дожидался его в старухиных юбках.

Сафронов носком ботинка раздвинул парню ноги в раскоряк.

Теперь можно другим донжуаном заняться.

Рябой продолжал вопить. Некоторое время Сафронов раздумывал, что делать, положить парня на пол вместе с котом или сначала помочь бедняге от кота избавиться. Жалость взяла верх. И то сказать, зрелище было не для слабонервных: окровавленная плоть, когти кота так и мелькают и челюсти как будто двигаются.

И быть бы Сафронову исцарапанным, а может, и искусанным, если бы старуха не выручила. Серебрякова встала с кровати, сунула ноги в шлепанцы и, оправляя юбки, проворковала:

— Васенька, сынок, довольно. Подь сюда!

Кот немедленно подчинился: раздвинул челюсти, убрал когти. Прыгнув на край кровати, куда ему показала старуха, котяра принялся лапой мыть перемазанную в человеческой крови морду.

Про то, что увидел Сафронов в том месте, где потрудился кот, лучше не рассказывать.

Парень орать перестал, как только кот оставил его в покое. Рябой посмотрел, что там у него делается ниже живота, и потерял сознание.

Перед звонком в ментовку пришлось Сафронову в «неотложку» позвонить.

Сафронов ушел из квартиры Серебряковой на расвете. Прощаясь, он попенял гадалке, что это она так неосторожно незнакомым людям ночью дверь открывает. Этих «ментов» нужно было попросить хотя бы удостоверения в дверной глазок показать. Старуха ничего не ответила, усмехнулась загадочно.

Парням дали по пять лет. Женщину-судью ничуть не смягчило то обстоятельство, что у одного из насильников от мужского достоинства один пенек остался. Оба бандита на Славика Кирьянова показали как на заказчика злодеяния, но следствию доказательств этого собрать не удалось. Так Вячеслав Львович Кирьянов избежал ответственности «за недоказанностью».

Через месяц после того как суд вынес приговор, Вячеслав Львович Кирьянов приказал долго жить.

Умер Славик Кирьянов страшно: вдруг слабесть начал, обнаружили дифиллоботриоз, это такой солитер под двадцать метров в кишечнике поселяется. Стали давать экстракт мужского папоротника, чтобы солитера изгнать. Ночью солитер у Кирьянова из заднего прохода вылез, обернулся вокруг шеи предпринимателя раз десять и сдавил шейку потуже. Кирьянов и не всхлипнул. Утром просыпается молодая жена, поворачивается к мужу, чтобы поцеловать, нащупывает рукой его дряблый член... Поскольку мужик член не напряг и губами не отозвался, Виктория Яковлевна (бывшая Вичка-парикмахерша) расплющила глаза.

Кирьянова — в морг, а госпожу Кирьянову в психушку повезли, крыша поехала.

Эта смерть также наделала немало шума. Сафронова и сюда сунули: смертью старшего Кирьянова занимаешься, заодно смертью младшего займись.

Максим Сафронов не нашел убийц. Да их и в природе не существовало, убийц, поскольку самих убийств не было. Оба брата-акробата от болезни преставились, и точка.

И вот теперь, через полгода, Сафронов явился к Серебряковой уже по другому поводу: не ее под увеличительным стеклом рассматривать, а чтобы она его болянь разглядела.

Старуха долго смотрела на фотографию Трунина, пару раз провела над ней ладонью, пожевала губами. Произнесла, отодвигая фотографию:

— Человек это простой, нет в нем тайной силы. Однако наша сила его со стороны оберегает, только не много той силы осталось. — Она помолчала. — Этого тебе достаточно?

- Его можно убить?
- Убить можно любого.
- Я могу его убить?
- Можешь, только придется постараться.
- Пуля его возьмет?
- Возьмет, если он не увернется.

— И что, он очень увертливый?

— Увертливый, только, говорю тебе, конец той силы близко.

Сафронов несколько приободрился. Поблагодарив старуху, он собрался уходить. Серебрякова задержала его жестом, потом долго сидела, словно в раздумье, глаза в стол.

Наконец, колдунья прошептала:

— Ты-то убить его можешь, только и он зубаст. — Она запнулась, продолжила туманно: — Сейчас время у тебя такое, и-и... Поостерегся бы, сынок, под пули иди.

— Я каждый день под смертью хожу, — отмахнулся Сафронов.

...

Трунин объявился на другой день, к банку Захребетного на легковушке подъехал, побитой «восьмерке». Угнали машину, понятно. Припарковавшись, Трунин в банк зашел, потолкался на первом этаже. Не торопясь, в машину вернулся. Уехать не уехал. Сидя на водительском сиденье, взялся газетку читать. Время к одиннадцати шло, скоро «линкольн» Захребетного должен был появиться.

Трунина пока не трогали. Он был один, застрелишь его или он сам застрелится — и все, его подельщиков не отыскать. Было решено за Труниным проследить. Сначала пусть лежище банды покажет, а уж потом брать можно будет.

Захребетный к банку подъехал аккуратно в одиннадцать. Игорь Ильич как будто растолстел за последнюю неделю. Это его так уродовал десятикилограммовый бронежилет, под верхнюю одежду надетый.

Когда Игорь Ильич стал по лестнице портала подниматься, охранники по бокам, Трунин вышел из машины. В следующую секунду действие закрутилось быстро: из «восьмерки» Коршунов и Мигунов выскочили, с автоматами оба, а у Трунина в руке пистолет появился.

Как это иной раз бывает с самыми прожженными доками, оперативники на простейшем промахнулись. Трунин подъехал к банку не один. В машине, согнувшись в три погибели, Коршунов и Мигунов покакивали.

Загрохотали выстрелы. Стрелял один Трунин. Пули точно в три затылка вошли: в два широких, плоских затылка «быков» Захребетного и в шишковатый, лысоватый затылок самого Игоря Ильича.

Оперативники стали стрелять. Погорельцев пальцем по кнопкам радиотелефона заскакал, скорее СОБРовцев сюда. Сафронов вниз побежал с «Макаровым», уж на этот раз бандитам не удастся так просто уйти.

Зазвенело, осыпаясь, толстое тонированное стекло, украшение банка. Только что из серого «понтиака» вышли трое мужчин, банковские клиенты. При первых звуках выстрелов мужички дружно на асфальт упали. Их баба, покрашенная, старая, зажала уши руками и задергалась, нервная.

Коршунов с Мишкой начали из автоматов поливать оперативников. Откуда выстрел, туда и очередь. Сафронов к этому времени вниз спустился, из-за угла трансформаторной будки палить затеялся.

Пуля из «Калаша» попала оперативнику в сердце. Боль он не успел как следует прочувствовать. Накатила темнота, и Сафронов упал, пистолет в руке, душа в Космосе.

Офицеры не могли удрать на своей «восьмерке»: машина была изрешечена пулями. Трунин подбежал к серому «понтиаку». Владелец дверцу не успел закрыть и противоугонную систему не включил, но ключ зажигания из гнезда вынул. Трунин навис над мужиком-автовладельцем, рывком повернул его лицом к себе.

В этот момент погас красный камень, тускло светившийся в перстне Трунина. За ним погасли и два других колдовских камня офицера, изумруд и яшма.

Чья-то пуля попала Трунину в горло. Он упал на владельца «понтиака», заливая его кровью.

Подъехали СОБРовцы. Рассредоточившись, ребята открыли ураганный огонь по двум еще живым бандитам.

В колдовских камнях Коршунова и Мигунова силы было не намного больше, чем в камнях Трунина, так что отстреливались офицеры недолго. Убив четырех ментов и двух СОБРовцев, они сами затопали кирзовыми солдатскими сапожищами по пыльной, избитой тысячами ног дороге с односторонним движением.

Случалось, Варвара Степановна Серебрякова раскладывала карты не для клиента и не из собственной надобности, а просто так, любопытства ради. Никаких особых чувств к менту, однажды едва не упрятавшему ее за решетку, она не испытывала, ни добрых, ни злых. Сафронов был мужик простой, служака исправный, что еще про него скажешь. А с парнями, которые ее пытались изнасиловать, она и сама справилась бы.

В последнюю их встречу Варвара Степановна явно увидела смертельную прозелень в глазах оперативника. Что поделать, все умрем. Но странно было, что вместе с этой смертельной прозеленью в глазах Сафронова светилось нечто сильное и живое. Прозелень иного мира обычно сочеталась с темными, унылыми цветами мира сущего, а тут... Или она слабеть зрением стала, углядела, чего не было?

Серебрякова подумала-подумала и карты кинула. Дорога, смерть — все это было понятно. Смерть, вот она, Сафронов со своим «Макаровым» у трансформаторной будки развалился. «Скорая» подъехала, труп на носилки положили и с головой простыней накрыли. Все было обыденно и обрыдленно, и все-таки что-то тут было не то.

Колдунья взяла медное блюдце (серебро уже давно ее было заказано), плеснула на блюдце талой воды. Вода не успокоилась, растекшись по донцу, так и дро-

жала мелкой рябью. И в этой ряби стали выплывать все более четкие картины.

Обычная комната стандартной квартиры. Какие-то фотографии на стенах, как будто свадебные, пианино у стены... Рядом с пианино женщина висела удушенная, молодая, носки в сине-белую полоску. Черный стул-вертушка без спинки валялся на полу. Эта женщина была женой Сафронова, Надежда. Из ментовки позвонили, ей к мужу и захотелось, бедняжке.

Потом старуха увидела мальчика, сына Сафроновых. Женя был чернявый, в мать, с крупными мягкими губами, невысокого роста. Вытянется еще. Мальчик в школе на уроке сидел. Ему только предстояло увидеть, как его мать парила под потолком.

Так было в настоящее время.

Но колдунья умела и будущее вопрошать.

Злясь на себя, вот дура любопытная, и потянуло же за блюдце взяться, старуха подошла к комоду. Вернулась она к столу со щепотью коричневого порошка, как будто семена какого-то растения то были. Порошок Серебрякова в блюдце кинула.

Вода в блюдце немедленно окрасилась в синий цвет. Колдунья провела над блюдцем высохшей рукой, и случилось странное: вода в блюдце забурлила, хотя никакого огня поблизости не было видно, и краска разошлась по краям. В центре блюдца проступила новая картинка.

Это было будущее.

Сафроновы жили в квартире на двух хозяев, две комнаты они занимали, а в третьей Захарыч бедовал, горький пьяница. До Захарыча Сафроновы соседствовали с бабой Феней, тихой старушкой, матерью Захарыча. Два года назад баба Феня померла. Бабку на унитазе кондрашка застала, и сразу насмерть. Тут Захарыч и объявился.

Захарыч был в мать, даже пьяный не бузил. Одно плохо: в туалете стало вечно блевотиной вонять. Сафронов ждал отдельную квартиру, да так и не дождался.

Месяц, как Захарыч жил не один, бабу к себе привел. Маленькой, кругленькой, сальненькой Глафире пятый десяток шел, как раз Захарыч тех же годов был. Глафира быстро с Сафроновыми сдружилась, драила общую площадь в очередь и без очереди, а для Женечки Сафронова всегда держала леденец.

Глафира узнала первой, что Надежда Сафронова повесилась. Баба сунулась к Сафроновым в комнату, посочувствовать соседке насчет мужика, и остолбенела. Батюшки светы, Надька на мужнином поясе висит, язык наружу!

Восстановив дыхание, Глафира к сожителю с докладом побежала.

Захарыч по сменам работал, сторожем в школе. В этот день у него отсыпной был. Он и отсыпался, выпив двести граммов для сладости. Глафира сожителя растолкала, затараторила, едва он глазами заблюмкал:

— Леша, вставай! Соседка повесилась! Ты слышишь? Надька повесилась!

— Что? К... какая Надька?

— Сафронова баба, какая же еще!

Захарыч сел на кровати, провел заскорузлой ладонью по мятому лицу.

— Надежда п... повесилась? А ты не врешь?

— Сам посмотри.

Захарыч поднялся. Пошатываясь в такт перезвону в голове, он прошел к комнате Сафроновых, на которую Глафира указала. Пьяница заглянул в комнату — и сразу дверь захлопнул. Повернулся к жене, медленно трезвея. Пробормотал:

— В милицию позвонить надо.

Как только Глафира увидела удавленницу, она так и подумала: сначала Лешку разбудить, потом в милицию позвонить. Однако пока Захарыч чесал брюхо и по квартире тащился, у Глафиры в голове другой расклад вышел.

— Милицию вызовем, но не сейчас, — проговорила Глафира.

- Это... как это не сейчас? А когда?
- Квартира не приватизированная, так?
- Так.
- Значит, если с соседями... Мало ли что бывает. И тогда их комнаты нам достанутся.
- Ты про что? Не пойму. — Захарыч потряс головой, чтобы мысли потекли быстрее. — Теперь Максим с сыном отсюда выпишутся, думаешь?

Глафира всплеснула руками.

- И ты не слышал?
- Что?
- Не слышал, как Надька убивалась? Ей из милиции позвонили, я трубку взяла, ее кликнула. Ейного мужика застрелили. Насмерть. С бандитами чего-то не поделил, что ли.

— Это Надежда тебе сказала?

— Она самая. Трубку повесила, побледнела, как кипень. Я — к ней. Мол, ты чего, Надюша? Максима убили, говорит. И к себе пошла. Я за ней, а она глазами зырк-зырк, дура.

Захарыч, наморщив лоб, изрек:

— Тетка у них в деревне. Приедет, здесь жить будет. За пацаном присмотрит пока. А ты — квартира, квартира.

Захарыч покрутил пальцем у виска.

Глафира с улыбочкой собралась продолжить разъяснение, но в эту минуту в квартиру позвонили. Два коротких звонка, значит, это к Сафроновым.

Глафира пошла открывать. Так и есть, это был Женька Сафронов. Мальчик удивился, что не мать открыла ему:

— Тетя Глаша, а мамы нет дома?

То краснея, то бледнея, то покрываясь пятнами, Глафира проворковала:

— Дома мама, дома. Занята она.

— А что...

— Иди руки мой, там мама приготовила тебе что-то вкусненькое.

Женя разулся, скинул ранец на половичок у входной двери и вприпрыжку понесся в ванную комнату.

Глафира повернулась к Захарычу. Тот непонятливо таращился: зачем врать пацану, что мать живая, если сейчас все откроется? Вместо объяснения Глафира, показывая на ванную комнату, стала что-то изображать странными жестами.

Захарыч постоял-постоял, крутанул пальцем у виска и пошел к себе. Надо же соседей помянуть.

Глафира собралась задержать его, но тут в ванной комнате перестала бежать вода. Значит, мальчишка руки вымыл и вот-вот должен выйти в коридор.

Раздраженно махнув рукой в сторону удалявшегося сожителя, Глафира шмыгнула в ванную комнату.

Захарыч вынул из шкафа пол-литра початых, достал стакан. Он не видел и не слышал, как Глафира соседского мальчика задушила — голыми руками, обхватив тельце жирными ляжками.

Трупик Глафира отнесла в комнату Сафроновых, где Надежда висела, и на диван положила. Вспомнила, в боевиках вечно про отпечатки пальцев болтают. Носовым платком протерла тонкую мальчишечью шею. Что еще? Помедлив, Глафира руки мальчику скрестила, как покойникам положено, перекрестилась. Теперь ладно. С подрагивающими пальцами Глафира пошла к сожителю.

Захарыч второй стакан допивал.

— Леша! — Ей пришлось толкнуть его в спину раз пять, чтобы он обернулся. — Леша, горе какое, соседка повесилась!

— Ты че? Знаю я уже. Вот, помяни. — Он забулькал из бутылки в стакан.

— Надька сама повесилась и сыночка с собой увела!

Пьяница рыгнул от удивления.

— К... как, увела? Он только из школы пришел... Совсем спятила, да? — Захарыч потянул руку к виску, чтобы пальцем покрутить.

— Да ты что, Лешенька! — Глафира залилась слезами. — Сам посмотри, он в ихней комнате лежит, и ручонки она ему скрестила, Надежда-то!

Захарыч медленно поставил стакан в шкаф, еще медленнее (сколько раз его торопливость губила бесценную жидкость) поставил в шкаф бутылку. Теперь можно пойти посмотреть, что там Глашка врет.

Захарыч едва не упал, тронувшись с места. В последнее время он пьянел очень быстро. Плача, Глафира поддержала сожителя.

Пьяница долго смотрел на синее лицо мальчика, на его жалкое тельце, на черные губы. Вдруг Захарыч резко обернулся, едва удержавшись на ногах, и проревел:

— У него волосы мокрые. Умывался, значит, обсохнуть не успел. Ты че, задушила мальчика, падлюка?

Он размахнулся, но равновесие не сохранил и растянулся на полу. Избежав удара, Глафира, покрасневшая, как подгнивший помидор, заверещала:

— Ты, падла, что такое болтаешь? Может, это ты его задушил? С тебя станется, пьяница несчастный! Смотри у меня, только от своей дури вякнешь чего, живо тебя к ответу притяну! Это Надежда мальчишку своего задушила, понял?

Глафира долго вразумляла сожителя: кричала на Захарыча, убеждала, поила его водкой. Когда он заснул мертвецким сном, она в ментовку позвонила, приезжайте, два трупа тут. К этому времени волосы мальчика уже высохли, да они и подмочены были слегка. Женя голову не мыл, только лицо ополоснул.

Потом были похороны, поминки, и Глафира много плакала. Пьяненький Захарыч из бутылки два месяца не вылезал. Само собой, с работы его уволили, но особо горевать не приходилось: трехкомнатную Захарыч продал, купил двухкомнатную в Подмоскovie, счет в банке открыл и на Глафире женился. И больше ничего не напоминало дряхлеющему забулдыге, циррознику и сер-

дечнику, о том далеком дне, когда он смотрел на Глафирины пальцы и видел извивающихся змеенышей.

В блюде события разворачивались значительно быстрее, чем об этом мог поведать рассказчик. Вот мелькнул блочный дом, где жили Сафроновы с Захарычем, на миг возникла хорошая подмосковная квартира, Глафирой присмотренная, вид сверху, и «скорая» повезла Захарыча, ветерана и инвалида, в реанимацию с сердцем.

Вода в блюде замутилась.

Уже в блюде ничего не было видно, а Серебрякова смотрела и смотрела в подрагивающую синь. Позже, придя в себя, она стала обдумывать, что можно было сделать.

Или ничего не сделаешь?

У Сафроновых и Захарыча был телефон, что же, позвонить Глафире, припугнуть, пока та не натворила дел? Или позвонить в милицию?

Серебрякова, пошептав, с силой дунула на жидкость в блюде.

Ничего не изменилось, колдовское зеркало продолжало равнодушно синеть.

Гадать на воске колдунья не стала. Ей с самого начала было понятно, что она сама не смогла бы тут ничего изменить. К Глафире она не сумела бы дозвониться, милиционеры опоздали бы. Женя Сафронов должен был умереть, говорило зеркало, хоть ты тут наизнанку вывернись.

Серебрякова схватилась за виски и застонала, как от зубной боли. Ей мало оставалось жить, совсем мало. День ее смерти, он... И этот день мог...

У колдуньи сердце заколотилось, как бешеное. Давление подскочило. Старуха нащупала в кармане пузырек с клофелином, положила таблетку под язык. По дряблым щекам потекли бессильные слезы.

Она никогда еще не испытывала такого отвращения к себе.

И это отвращение внезапно пробудило в душе колдуньи гнев.

Щеки Серебряковой запылали злым румянцем, слезы высохли, бесцветные старческие глаза заблестели.

Что, разве она — старая бабка-песочница, дура, вопящая в больничной палате: «Доктор, жить! Жить!»? Разве она не освящена колдовской силой? И зачем ей дана эта сила, разве не для того, чтобы...

Нет, она не даст какой-то мрази задушить ребенка.

Она сделает это. Она не побоится. Она, Эдиора.

Серебрякова поднялась, подошла к комоду. Обратившись к столу она вернулась с коротким обоюдоострым ножом. Черные знаки усеивали его рукоятку и лезвие, как пауки.

Не медля ни секунды, колдунья полоснула себя по запястью. Будь она помоложе, она обошлась бы укусом в мякоть пальца, но сейчас она не была уверена, что ее стылая старческая кровь натекла бы из мякоти пальца в должном количестве.

Темная густая кровь закапала в блюдо. Старухе показалось, что кровь течет недостаточно быстро, и она надрезала вены на другой руке. Теперь дело пошло веселее. Вскоре содержимое блюда достигло края, но через край не полилось, хотя кровь продолжала капать в блюдо.

Лицо старухи покрылось холодной испариной, она начала дрожать. В глазах у колдуньи загустела темнота. Очень хотелось опуститься на стул, но если она опустится, ей потом будет тяжело подняться, а ведь ей вскоре придется отойти от стола.

Эх, некудышняя у нее кровь.

Серебрякова подумывала, не вскрыть ли жилу на шее, когда блюде наконец завращалось вокруг собственной оси, все быстрее и быстрее.

Колдунья отошла от стола, прошептала: «Едет человек стар, конь под ним карь. Как захочет стар назад поворотиться, конь карь ему подчинится». Это было

начало заклинания, останавливающего кровь. Кровотечение у колдуньи немедленно прекратилось, еще не хватало собственную кровь полчаса уговаривать.

Из блюда взметнулось пламя.

Огненный столб поднялся над столом на локоть, округлился, и вдруг огонь принял очертания нечеловеческой, дьявольской головы.

Демон был с короткой щегольской бородкой. Из огненной шевелюры выглядывали маленькие рожки. Оскалившись, он заговорил, меж острых звериных зубов затрепетал раздвоенный язык.

— Понадобился, старая карга? А я думал, без моего причастия помрешь!

Круг, очерченный около стола, демон заметил сразу. Тем не менее он выпростал из блюда огненную руку с кривыми когтями и потянулся ею к старухе. Зная повадки демонов, Серебрякова не зря вышла из круга: рука демона словно наткнулась на невидимую стену и, разлетевшись огненными брызгами, потекла по этой стене огненным киселем. Белый круг впитал раскаленную массу, как губка.

Демон рыкнул, будто обжегся, потряс культей руки. Рука на глазах восстановилась, но демон не повторил попытки дотянуться до колдуньи. Огненная рука перетекла в блюдо. Демон прорычал:

— Чего надо, старая, выкладывай! Я тороплюсь, у меня много таких трухлявых, ко всем поспеть нужно!

— Посмотри в блюде, — коротко сказала колдунья.

Голова демона изогнулась вопросительным знаком, глаза вперились в основание огненной шеи. Демон засопел, будто принюхиваясь, и его изогнутая голова заворачивалась напоподобие волчка.

Потом он посмотрел на колдунью:

— И что тебе, старая, надо? На квартиру претендуешь, что ли?

— Мальчик должен остаться жив. Тебе это по силам.

Демон какую-то минуту раздумывал, затем весь ощерился:

— Идет, старая. Сохраним шейку пацану! Свою плату знаешь?

— Знаю.

Демон извлек из блюда старинный кубок, поставил его у самой черты.

— Пей!

— Убери граблю, — буркнула Серебрякова.

Демон, поморщившись, убрал руку в блюдо. Только после этого колдунья взяла кубок и поднесла его к губам.

Пустым кубком она запустила в хохочущую огненную голову.

Не успел кубок коснуться безобразной рожи, как демон исчез, огненным столбом ушел в блюдо. Блюдо немедленно прекратило свое вращение.

Серебрякова, пошатываясь, подошла к столу. Жаден демон, и следов ее крови в блюде не осталось. Колдунья всмотрелась в синеватую муть. Повинуясь властному взору, муть разошлась, открыв колдовское зеркало.

В чистой, как хрусталь, воде проступила картинка: городская квартира, двое в узком коридоре с грязными обоями, пьяный мужик и низенькая баба-пампушка.

Из ванной комнаты доносился шум воды: пока Серебрякова разговаривала с демоном, Женя из школы домой вернулся. Тетя Глаша сразу послала его руки мыть, «мама приготовила тебе что-то вкусненькое».

Глафира жестами показывала Захарычу, что нужно сделать. Тот недоуменно хмурился, потом pokrutil пальцем у виска и в свою комнату потащился, к пузырю.

Разбитная бабенка плюнула, засеменила к ванной комнате. Она уже собралась дверь раскрыть, но тут ее кто-то ущипнул за плечо.

Все-таки мужик догадался, не бабье это дело.

Глафира оглянулась — и затряслась. Запрыгали толстые щеки, заколыхались студнем жирные телеса.

Перед ней стоял черт. В точности такой, каким в церквях путают: с копытами, хвостом, острыми рогами и козлиной бородой. Он почти доставал до потолка, был широк в плечах, густая шерсть покрывала все его тело за исключением живота и паха, в этих местах шелковился короткий подшерсток. Черт беззвучно захохотал. Он был совершенно гол, бесстыдник, гол и возбужден. Член топорщился, как у жениха перед брачной ночью, и да простят сентиментальные леди это вольное сравнение. Заиграв тазом, черт жгучими пальцами принялся щекотать бабенку.

А пальцы у черта были очень даже жгучие: бабья кожа враз пузырями пошла.

Глафира тоненько завизжала, попробовала мимо черта проскочить. Вторя ей, черт тонко, по-бабьи захохотал, так что совершенно невозможно было уловить, где смех, а где вопли.

Бабенке удалось к черту за спину нырнуть — и не потому что она была такой уж акробаткой, а потому что черт не пытался ей помешать. Она понеслась в комнату к мужу, а черт — за ней, со своими щекотками.

— Леша! Леша!

Захарыч, замычав, оторвал голову от подушки.

— Леша! Леша! Леша!

Пьяница раскрыл зенки.

Его сожительница изгибалась колесом, крутилась, словно у нее по телу бегала мышь, вопила дурным голосом вперемешку с дурацким смехом.

Сошла с ума баба.

Захарыч привычно покрутил пальцем у виска. Ему не дано было увидеть черта, а черные дырочки, будто сигаретой прожженные на кофте и юбке сожительницы, он не разглядел.

До Глафиры дошло, что ей от мужика помощи не дожидаться, и она с ревом кинулась вон из квартиры.

Черт не препятствовал ее передвижениям, но и не отставал от нее. Хохоचा дурным голосом, он помчался за бабой, продолжая прохаживаться по ее ребрам, ягодицам и ляжкам. Так-то, может, Глафира и сама захохотала бы от таких ласок, если бы ей не было так страшно и если бы пальцы черта не жгли раскаленными коцережками.

Глафира побежала по лестнице вниз, стуча во все двери подряд. Может, кто-то из соседей и решился полюбопытствовать, что там такое, только к этому времени Глафира уже выскочила из подъезда.

Баба понеслась по двору с невидящими глазами и незакрывающимся ртом. Выпустила на Рижский проспект, полетела по пешеходной дорожке. Прохожие оглядывались, что такое с женщиной, припадок, что ли.

Глафира свалилась с ног у киоска «Мороженое». Здесь она стала такие непристойные позы выдрючивать, что поднялась паника: мальчишки засвистели, старушки закрестились, интеллигентные тетечки интеллигентно заругались, две старые девы заматались с требованиями прекратить это безобразие. Только один пьяный мужичок, не разделяя общего негодования, восхищенно заматерился.

Вызвали милицию. После того как «канарейка» подъехала, кто-то в толпе разглядел: а ведь баба неспроста ногами сучит. Еще бы не разглядеть, у Глафиры из юбок дым повалил.

Прибывшие менты вызвали «неотложку». Фельдшерница, поохав, повезла Глафиру в гинекологию. Та уже не корчилась, только стонала: черт справил нужду, утолил похоть и отстал, отправился дальше по своим чертячьим делам.

Вера Степановна Лютикова, гинеколог с тридцатилетним стажем, никогда не видела такого: у женщины был ожог 2—3-й степени женских половых органов, здесь же чернели капельки смолы. И это не считая более легких ожогов туловища и бедер. Какое изуверство!..

Колдунья усмехнулась, подняла глаза, и изображение в блюде пропало. Серебрякова пошла мыть блюдо «Аризлем», а там одна частая посетительница пожаловала.

И долго еще старуху не оставляло чувство, что она сделала не все.

...

Жизнь Глафиры спасли, а вот остальное спасти не удалось. Все удалили: матку с придатками, влагалище.

К Захарычу она вернулась после полугода стационаров (три месяца в гинекологии, три месяца в психушке). Комнаты Сафроновых оказались заняты. На бывшей Сафроновской площади жила молодая семья, лейтенант милиции с женой и ребенком.

Женя исчез вскоре после похорон родителей. На пути в школу исчез. Так и не нашли, чье это было злодейство. Захарыч в это время в следственном изоляторе прохлаждался, у него все выпытывали, что же он за изверг, так над сожительницей измываться. Насилу отпустили.

Вскоре Захарыч от алкогольного цирроза помер. Глафира пилила мужика до самой его смерти, как же он не подсуетился, пока она по больницам моталась, не выхлопотал сафроновскую площадь. А ведь можно было выхлопотать, раз мальчишка с концами исчез.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Толстый, как бревно, «сникерс» скалил с рекламного щита арахисовые зубы. Немного подальше махнул «сникерс» со щита поменьше, этот был с батон вареной колбасы. Еще один «сникерс», в руке у толстого мальчишки с вымазанными в шоколаде зубами, лукаво подмигнул: «Проголодался, малыш?»

Мальчик, худенький, светленький, в спортивном «адидасовском» костюмчике, и в самом деле проголодался. Недовольно ворчал живот, сосало под ложечкой, рот заливала слюна. Еще бы, вокруг этих «сникерсов», «марсов» и «челленджеров» всяких столько пестрело, что глаза разбегались.

Мальчик подошел к коммерческому киоску. Постучал продавщице, показал, «сникерс» дайте. Продавщица, молоденькая девчонка, настороженно назвала цену, а чего там называть, цена написана была. Мальчик, наморщив лоб, полез по карманам. В одном оказалась губная гармошка. А ведь деньги выглядели не так.

И их, этих денег, у него не было.

Мальчик покраснел и под внимательным взглядом продавщицы отошел от киоска.

Денег у него не было, но есть хотелось очень-очень.

Рядом вокзал находился. Плавились люди. Чемоданы, необъятные сумки, авоськи, рюкзаки. Ананасы,

апельсины, газировка, машины мясокомбината с колбасами и окороками. И, странное дело, как-будто все вокруг жрали. Две девчонки уплетали эскимо. Усатая бабка медленно перетирала деснами пирожок с картошкой. Три мужичка лопали гамбургеры, запивали пивом, чтобы не подавиться.

Мальчик, как сомнамбула, подошел к мужичкам. Один гамбургероед «козу» сделал: «У-у-у...» Мальчик отшатнулся, опрометью кинулся прочь. Мужики заржали.

Мальчик остановился у подземного перехода. Здесь благоухал бачок с мусором. Голод пересилил отвращение: мальчик заглянул в бачок. Смерд, жирные зеленые мухи... Мальчика чуть не вырвало.

А ведь еды кругом дразнилось достаточно, только, вот беда, все эти блага были за деньги.

Мальчик, без особой на то цели, опустился в подземный переход.

В подземном переходе в одном ряду с колготочниками и журналистами стоял «коммерсант» иного рода, привычного для Москвы. Пацаненок, с виду одноклассник мальчика, в грязном пиджаке большого размера, тыкался в души прохожих жалостливыми словами на картонной табличке: «МАМА УМЕРЛА ПОМОГИТЕ ПОХОРОНИТЬ». У ног пацана стояла картонная коробка, куда кидали деньги. Мальчик заметил: пацан периодически выбирал мятые бумажки, не давая коробке наполниться.

Мальчик, подрожав сердчишком, решил испробовать скорбный промысел. Картонку он в мусорном бачке возьмет, а что плаксивое написать? «У меня все сторе-до» или про храм чего-то? Нет, это не его слова. «Хочу есть»? Пожалуй, вот это он напишет: «Хочу есть». И еще надо найти, чем написать.

С картонной табличкой мальчик подошел к торговке всякой канцелярской мелочью. Услышав, что мальчишка хочет за здорово живешь полстержня написать, торговка, рыхлая бабеч в шароварах, окрысилась:

— Нужна ручка — покупай, а нет денег — иди себе, мальчик!

Пришлось мальчику приступить к работе без рабочего инструмента.

Он встал как будто на хорошем месте, людской поток так шуровал мимо него, да только все попусту шуровал. Мальчика не замечали, его коробку без конца футболили, так что ему пришлось несколько раз догонять коробку и расправлять ее растоптанные бока.

Потом он понял: слишком хорошо он был одет и слишком уж чист был его костюмчик, безобразно чист. Мальчик стал раздумывать, как выйти из положения: и не хотелось нарочно в грязи мазаться, и такому чистюле денег не собрать.

Это толпа не замечала мальчика, а вот пацан, стоявший неподалеку, живо раскусил в нем конкурента.

Пацан бросил на мальчика пару злобных взглядов и, даже не нагнувшись к коробке за мелочью, двинулся на конкурента с насупленной мордочкой и сжатыми кулачишками, дополнением к чему служил великолепный синяк под правым глазом.

— Ты, чувырло! — И пацаненок так поддал ногой пустую коробку мальчика, что та, взлетев, перевернулась в воздухе. — Брысь отсюда!

Далее последовала длинная фраза, которая вызвала бы гром аплодисментов в любой пивной.

Мальчик перепугался не на шутку. С замирающим сердцем он побрел вон из подземного перехода. Спирной он ожидал хорошего тумака, а там ему такой фонарь засветят...

Пацан не стал преследовать мальчика.

Мальчик промаялся у подземного перехода допоздна, все ожидал, когда пацан уберется. Наконец, пацан исчез вместе со своей душещипательной табличкой. Мальчик обнаружил в мусорном бачке синий халат, какие носят грузчики, дырявый и грязный. В этом халате он опустился в подземный переход и устроился там у стены в жалкой позе, с картонной коробкой в ногах.

Люди оценили видуху, в картонку полетели мелкие бумажки.

Вскоре начался хороший клев. Мальчик заулыбался исподтишка. И быть бы нашему рыболову с хорошим уловом, если бы только он один рыбачил этим вечером.

Мальчика-побирушку увидели три патрульных постовика, обходивших свой участок. Менты живо смекнули, что по этому пацану детский приемник-распределитель плакал, прямо слезами заливался.

Менты не торопясь зашагали к мальчику. Вдруг по переходу гулким эхом разнесся истошный женский крик. Людское движение не замедлилось ни на секунду, но менты-то на службе были, пришлось им на крик повернуть.

Кричала «курица», то есть невысокая, задастая женщина средних лет, второй свежести. «Курица» в синей кофточке-самовязке присматривала себе какую-то безделицу у торговки бижутерией. Почувствовав толчок, будто что-то упало на нее, она тут же посмотрела на это место и увидела на возвышенности бюста маленькую мышь. Не лабораторную белую мышку с красными глазами, что было бы «курице», школьному биологу, не так неприятно, а обычную домовую мышунью, серую мышку с грязным хвостом и черными бусинками глаз.

Мышь, похоже, тоже растерялась, потому что, вместо того чтобы прыгнуть на кафельный пол подземного перехода или по кофточке вниз поползти, она поползла наверх, к воротничку.

«Курица» трепещущей рукой схватила с лотка расческу и, несмотря на матерную брань продавщицы, несколькими быстрыми движениями скинула мышку на пол.

Тут-то и подошли менты. Пришлось биологичке купить у лоточницы эту расческу, на чем происшествие и завершилось.

Пацана на прежнем месте менты не увидели, из-за чего, впрочем, ни один из них слезу не пустил.

Тот самый пацан, удачливый конкурент мальчика, развел мальчика с ментами. Звали пацана Димка Махоров, кликуха Махорик. Когда Махорик опять увидел беленького мальчишку, он было вознамерился отколо-тить настырного салажонка, но тут менты вывернулись, а ведь нельзя было допустить, чтобы пацана менты за-мели. Махорик постоянно держал при себе для при-кола или мышь, или ужака, на этот раз это была серень-кая мышка, чьей отвратительностью (в глазах всяких «куриц» и «индюшек») он и воспользовался.

Когда менты отвлеклись, привлеченные женским криком, Махорик схватил мальчика за рукав и пота-щил за собой: «Менты к тебе рулили, слепой, что ли? Линяем!»

На улице Махорик отпустил мальчика и зашагал не оглядываясь. Мальчик едва за ним поспевал. Они долго шлепали по грязи, дважды повернули, прошли че-рез темный двор. У жилого дома Махорик остано-вился, показал мальчику на подвальное окно, полезай. За мальчиком в подвал опустился и Махорик.

Перелезая через сплетения водопроводных труб, они пошли на свет. Там, в одном месте, покачивался, привязанный веревкой к потолку, электрический фо-нарик.

В закутке под электрическим фонариком на ка-ком-то грязном тряпье сидели две девочки лет двенад-цати-тринадцати и пацаненок, года на два младше Ма-хорика. Пацаненок курил «Приму», только что из ушей вонючий дым не шел, девчонки ели колбасу, фантой запивали.

— Ты кого привел, Махор? — спросил Антошка, так звали пацаненка.

Махорик и сам не знал, кого он привел. Он повер-нулся к мальчику:

— Ты кто такой, пацан?

Мальчик болезненно сморщился, пробормотал:

- Не знаю. Не помню ничего.
- Ты дурачок, что ли? — предположил Махорик.
- Н... не знаю я.

Антошка спросил:

- Хоть как тебя зовут знаешь?

Мальчик пожал плечами.

Костлявая девочка с короткой стрижкой, помада на губах, хмыкнула:

- Какой-то debil. Зачем ты его привел?
- Он в переходе блох давил, на моем месте.
- Дай ему по шее и пусть проваливает, — предложила девочка.

— Пусть поест сначала, — сказала другая девочка, пухленькая, с толстой русой косой и совсем не детской грудью.

Стриженная девочка, помедлив, сунула мальчику в руку кусок колбасы:

- Жри.

Одним этим куском щедрые девочки не ограничились, так что мальчику удалось насытиться, и даже фанты ему дали хлебнуть. Потом Антошка сунул ему в рот свой бычок:

- На, покури.

Мальчик закашлялся. Беспризорники весело засмеялись, надо же, какой маменькин сынок попал в их компанию. Со слезами на глазах мальчик выплюнул окурок. Махорик, ободряюще тронув новенького за плечо, спросил:

- Так ты вспомнил, кто ты такой?

Увы, утоление голода отнюдь не улучшило память мальчика. Он отрицательно мотнул головой, готовый зареветь в полный голос.

- Значит, будешь Артемом, — сказал Махорик.

— Прямо Артем вернулся, — захихикала стриженная девочка.

— Сейчас получишь, — пообещал Махорик, Артем был его лучшим другом, год назад этому Артему припавший бомж-алкоголик спьяну горло перерезал. Алка-

ша в тот же день местные прибили, только Артему от этого лучше не стало.

Девочка, не столько из злорадства, сколько из желания позлить Махорика, продолжала ехидно хихикать. Махорик двинулся на нее — она заверещала:

— Только тронь, тебе Зеля потом голову открутит!

— Срал я на твоего Зелю!

— А вот я ему все расскажу!

Махорик залепил девочке оплеуху. Та завизжала, кинулась на него с ногтями. А ногти у девочки были загладение: остренькие, розовым лаком покрытые и золотыми опилками сверху присыпанные.

Они шумно завозились. Новонареченный Артем, как новичок в компании, мог только таращиться да от сытости икать, чем он и занялся. Антошка с пухленькой девочкой, однако, тоже не стали разнимать дерущихся. Антошка воззрился на потасовку с неподдельным интересом, пухленькая девочка лениво затанула: «Да хватит вам...»

Стычку прервал появившийся откуда ни возьмись грузный мужик, прямо медведь в штанах. Мужик двумя руками растянул малолеток и по затрещине отвесил, да так, что у девочки сразу вспухла скула, а у Махорика рассеклась губа. Как ни в чем не бывало мужик сказал Махорику:

— Сопли утри и давай деньги.

Махорик высморкался кровью, нехотя вынул из кармана пачку разномастных купюр, довольно толстую. Мужик, не считая, сунул деньги себе в карман и тут только заметил незнакомого мальчика.

— Кто это у вас?

— Его Артемом зовут, — буркнул Махорик.

Мужик наклонился над мальчиком.

— Ты, парень, от родителей сбежал или как?

Мальчик залепетал:

— Я... не знаю... не помню ничего...

Махорик пояснил:

— У него память отшибло. Наверное, здорово били.

— Ты, пацан, не ври, — по-хорошему предупредил мужик. — Если легавые подослали, лучше сразу тикай. А не то долго рассусоливать не буду, вниз головенкой в канализацию спущу. Пока, ребята!

— До завтра, дядя Жора, — серьезно сказал Махорик.

Остальные не успели попрощаться: в подвале появился новый человек. Это был высокий парень лет двадцати пяти, в черных джинсах, вельветовой рубашке. В расстегнутом вороте золотой крестик поблескивал.

— А, Зеля... — протянул дядя Жора с усмешкой. — Как сейчас на малолеток спрос?

— Ничего спрос. — Зеля, хмурясь, разглядывал стриженую девочку. — Тебя это кто?

— Дед Пихто, — огрызнулась девочка.

Зеля размахнулся, но ударить не ударил. Он быстро осмотрел остальных находившихся в подвале детей. Упершись взглядом в Махорика, сутенер проревел:

— Знаю, кто это тебя разукрасил!

Махорик рванулся, собираясь дать стрекача, но Зеля ловко схватил его за ухо и, как поросенка, потащил в темноту.

Дядя Жора вмешался:

— Оставь парня, Зеля.

— Отвяжись!

Дядя Жора был не из тех, кто повторяет дважды. Не говоря худого слова, он шагнул за Зелей, размахнулся — и Зеля оказался на цементе пола.

— Ты эдак со своими клиентами разбирайся, а моих пацанов не тронь, — проворчал дядя Жора. — Ты понял?

Над головой Зели свинчаткой взлетел тяжелый кулак, и сутенер поспешно подтвердил:

— Понял, понял. Да ты чего, Георгий. Я маленько поучить мальчишку хотел, что уж... — Поднявшись на ноги, Зеля пробормотал: — Твой пацан товар испортил, а мне каждый день знаешь, сколько отдавать надо?

— Ладно, не реви. А ты... — Дядя Жора показал Махорику кулак, после чего бугай неторопясь удалился. За ним ушел и Зея, взяв с собой пухленькую девочку.

Некоторое время над остатками колбасы царило молчание. Затем Махорик принялся за еду, а стриженная девочка достала из модной сумочки пудреницу с зеркалом на крышке и ну давай корчить рожи. Через некоторое время Махорик сказал мальчику:

— Ты в натуре на Артема похож. Да, Антошка?

— Похож, — отозвался беспризорник.

— Кто этот Артем? — спросил мальчик.

— Друг у меня был. — Махорик затянулся сигаретным дымом. — Его один бомж зарезал, Слюнявый. Дядя Жора потом Слюнявому мозги вышиб. Даже глаза вывалились. Видел, какие у дяди Жоры кулаки?

Мальчик кивнул. О чем спорить, кулаки в самом деле у дяди Жоры были здоровущие. Стриженная девочка, приподавившись и припудрившись, встала:

— Чао, мальчики. — И пошла, покачивая худосочными бедрами.

— Трахаться пошла, — сказал Махорик. — Знаешь, как это делается?

Артем покраснел (мальчик сам стал называть себя Артемом, надо же было как-то себя обозначить).

— Покажу когда-нибудь, — сказал Махорик.

Махорик затушил сигарету, и Антошка предложил:

— Глюканем?

Антошка достал аэрозольный баллончик, на котором был изображен таракан лапками кверху, и три полиэтиленовых пакета. Побрызгав из баллончика в каждый пакет, он один пакет подал Махорику, другой положил перед Артемом, оставшийся быстро натянул себе на голову.

Махорик бросил Артему:

— Натягивай, мультики увидишь.

Артем неуверенно поднес пакет к лицу. Из пакета на него пахло какой-то едкой гадостью, он несколь-

ко раз чихнул и положил пакет на тряпки. Он готов был откинуть пакет в сторону, но он опасался, как бы его новые друзья не обиделись.

Махорик и Антошка тем временем уж кайфовали вовсю и слюни пускали. Артем, вдоволь насмотревшись на них, привалился к теплой трубе и начал подремывать. Очнулся он от испуганных окриков:

— Антош, а, Антош!

Махорик, уже без шлема из полиэтиленового пакета, тряс за плечи Антошку, при этом Антошкина голова болталась, как на ниточке.

Артем придвинулся к Махорику с круглыми от страха глазами. Махорик и хлопал Антошку по щекам, и щипал его, и снова тряс. Потом он вдруг швырнул детское тельце на цементный пол:

— Доглюкался Антошка.

— Он умер?

— Подох, как таракан, от этой канифоли. — Махорик ударил аэрозольный баллон ногой.

— Ты тоже подохнешь, как таракан.

Махорик был заметно напуган.

— Не. Я больше не буду глюкать.

Антошку они вытащили из подвала. Артем предложил оставить трупик на лавке у ближайшего подъезда, но Махорик не согласился: жильцы шум поднимут, менты крутая делать будут, ну и придется им из подвала убираться. Так что Антошку они вынесли на улицу и — быстрее, быстрее, пока улица безлюдна — на тротуар посередке положили.

Ни один из ночных прохожих на Антошку внимания не обратил. Только на рассвете пьяный мужик, споткнувшись о детский трупик, пробормотал: «Чего здесь разлежся, паря?» Этот мужик, хоть с матюгами, но «неотложку» вызвал, а там и кумушки из соседних домов у трупя собрались.

«Скорая» подъехала на удивление быстро, немного погодя подкатил ментовский «жигуль», а там Антошку на носилки положили, одеялом с головой накрыли.

«Куда вы его, сынки?» — «В морг, куда же еще, бабушка».

— Пошли. Будешь сегодня мне помогать, — сказал Махорик Артему, когда машина с Антошкой скрылась из виду.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вероника Савелиевна Паршина возвращалась из клуба на белом «мерседесе» типа «кабриолет». За рулем сидел Федька Рванов по кличке Рваный, уголовный авторитет средней руки. Рваный давал «крышу» ночному клубу «Махаон», а Вероника при клубе в певичках состояла. Так-то авторитеты ночных певичек по домам не развозили, разве что из прихоти когда подвезут после секса, но тут прихоть или жгучая любовь были не при чем. Этой регулярной транспортной услугой Рваный кланялся матери Вероники, Дарье Софроновне Паршиной. И тут не нужно было высматривать растянутый презерватив: Рваный был просто почтителен к Дарье Сафроновне, почтителен, и только. А такие крутые парни вроде Рваного, смекаем, в отличие от всяких там интеллигентиков бывают почтительны отнюдь не из благоговения, но лишь из-за страха.

Дарья Софроновна Паршина особо не выпячивалась на людях, ее имя не гремело по Москве медными тарелками, тем не менее в определенных кругах тетку Дарью хорошо знали. Тетка Дарья как будто была дальним потомком воинственных амазонок: резкая, грубая, жесткая, она являлась прекрасным образчиком женщины-воина, или, говоря по-русски, бой-бабы. Иными словами, у бабы проявлялись явственно признаки гермафродита, и тем не менее она сумела дочку родить. Без мужа, но уж, естественно, не без мужчины.

Работа у тетки Дарьи была такая: она в качестве телохранителя сопровождала авторитетов на всякие теп-

лые и горячие встречи. На «стрелки» и на разборки, то есть. Очень уж она не зарабатывалась: она постоянно не служила никому, ее нанимали на раз, и нанималась она, если деньги кончались. Потребность же пополнить денежные запасы появлялась у нее не часто, поскольку аппетиты тетки Дарьи были скромные, а платили ей очень и ~~не~~ хорошо. Куда там в оплату было до нее всяким «белым колготкам», памперсам и подкладкам с крылышками! И то сказать, тетка Дарья умела, что простому человеку сроду не сумеет, хоть целыми сутками качайся и по мишеням пали.

Про нее рассказывали чудеса: будто она ловила ртом пули и выплевывала их, как вишневые косточки, будто однажды видели, как она расхаживала по потолку наподобие мухи, и еще одну таджикскую историю вспоминали, когда она завалила взвод ОМОНа в считанные минуты. Так оно было или нет, но уж, несомненно, тетка Дарья не входила в число тех мошенников, которые заряжают по телевизору соки-воды.

Проще говоря, тетка Дарья была взаправдашной ведьмой.

Дочь тетки Дарьи, Вероника Паршина, сама тайной силой не обладала, но грозная слава матери служила ей надежной охраной. Хорошо помнили давнюю историю: Вероника только начала в «Махаоне» выступать. Какой-то матерый хохол в Москву по делам и погулять приехал, ну и как-то вечером в «Махаон» и сунься. Хорошо набравшись, хохол прямо со сцены Веронику в подсобку потащил. Охрана «Махаона» не без труда образумила гуляку, тот со своей охраной был, получилась заварушка. Думали, на этом все и кончилось, ведь в бутылочку хохол не сумел залезть, облапил только. Дарья Паршина решила иначе.

Тетка Дарья пожаловала в гостиничный номер к хохлу ближайшим утром. Два телохранителя матерого, дремавшие в передней комнате, навсегда вышли из строя: одного позже обнаружили мертвым, с вывалившимися глазами, другой сделался идиотом. Вырубив телохрани-

телей, тетка Дарья прошла в спальню. Под иканье пьяной шлюхи она вырвала своему обидчику горло. Что она сказала перед тем как сомкнуть пальцы на шее авторитета, передавали по-разному. Романтики декламировали по-шекспировски: «Ты посмел коснуться моей дочери — ты умрешь». Женщины легкого поведения пересказывали ее слова иначе: «Ты, мразь, хохляцкое дерьмо, попомни мою дочь!» Мужички грубой сборки в этом месте только матерились, вправду сказать, тетка Дарья была умелой матерщинницей. Закончилась эта история тем, что тетку Дарью немного пожурили ментовские начальники: «Ваши чувства понятны, Дарья Софроновна, но сразу мочить, нельзя же так». И все. Свидетелей этого убийства не нашлось, та пьяная шлюха куда-то исчезла, а связи у тетки Дарьи были ай-ай.

С той поры и взялся Федька Рванов Веронику Паршину домой отвозить. Так надежнее, а не то... Случись что с девкой по пути, еще тетка Дарья подумает, будто в «Махаоне» случилось, и с него, Федьки Рваного, спросит.

Паршины, мать с дочерью, жили в престижном доме на Воздвиженке. Рваный остановил машину у подъезда и предложил Веронике проводить ее до квартиры. Девушка от этой любезности отказалась.

Скоростной лифт поднял Веронику на седьмой этаж. Она открыла дверь своим ключом, не захотела мать будить. В коридоре был полный порядок. Не ожидая ничего худого, Вероника направилась в свою комнату. Мимоходом она заглянула в зал и... застыла, как громом сраженная.

На полу, прямо напротив раскрытой настежь балконной двери, лежала ее мать.

Дарья Софроновна, несомненно, была мертва. Куда там, тетка Дарья заостенела уже. Крови не было видно, только на губах у покойницы темнела кровавая корочка. Причина смерти колдуньи бесстыдно глазела черным струпом с ее груди. Вероника, хотя и не обладала тайной силой, тайным знанием владела вполне.

Этот черный струп на груди ее матери был так называемой вурдалаческой деструкцией. Вурдалак оставлял такой след своей рукой, когда он высасывал жизненные соки из своей жертвы.

Вурдалаки убивали и простых людей, и обладателей колдовской силы. Чтобы поддерживать в себе жизнь, вурдалакам была нужна жизненная сила обыкновенных людей; чтобы поддерживать в себе колдовской огонь, вурдалакам была нужна колдовская сила, которую они могли взять только у ее обладателей. В отличие от колдунов, вурдалаки не могли подпитывать свою колдовскую силу от земли, от светил или от огня, так было заповедано. Причем сила, обычная ли человеческая или колдовская, передавалась вурдалаку только в убийстве, поэтому вурдалак должен был убивать.

Мать Вероники носила в себе колдовскую силу второго знака, то есть она была довольно могущественной колдуньей. Тем не менее какому-то вурдалаку удалось подобрать ключик, одолеть тетку Дарью и убить ее, и высосать из нее колдовскую энергию.

Осунувшаяся, почерневшая, страшная, Вероника опустилась на колени перед трупом матери. Она долго смотрела на корявый струп, потом ее взгляд упал на мертвенно-бледное лицо ведьмы, и она потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, в комнате было все то же: тишина и труп ее матери на полу. Первые секунды она надеялась, что ей мерещится страшный сон, ужасный кошмар. Но нет, вот ее мать, лежит бездыханная, с запекшейся кровью на губах.

Мир рухнул, и Вероника зарыдала.

Казалось, мучению девушки не будет конца. Она то затихала, как бы цепenea, то опять закатывалась в плаче, то порывисто целовала маленькие руки ведьмы, то в бессилии падала навзничь. Так продолжалось, пока Вероника не вспомнила про снотворное. Она выпила три таблетки радедорма, затем еще две. Какая-то мучительная тяжесть навалилась на нее, и она отключилась.

Проснулась Вероника в пятом часу пополудни. Ее мозг долго был в дремотном оцепенении, видно, сказывалась доза снотворного. Немного придя в себя, она перенесла мать на диван и, бесчувственная, нервы словно обрубили, занялась похоронами.

Первым делом Вероника позвонила влиятельному Бороде: пусть ее мать не вскрывают, а как это сделать, его забота. Следом пошли звонки другим нужным людям: место на кладбище в черте Москвы надо было выхлопотать, и вся эта организация, похоронная процессия и все такое. О том, чтобы пойти по официальным каналам, Веронике и в голову не пришло. Пойти по официальным каналам, значит, привлечь внимание ментов, а Вероника с молоком матери впитала в себя аксиому: все, что имело отношение к тайному знанию, должно было оставаться тайной.

На похороны людей собралось тьма. Хоронили тетку Дарью в полированном гробу красного дерева, с серебряной инкрустацией. Впервые увидев гроб, Вероника обомлела, от всей этой роскоши так криминалом и несло. Ее еле убедили, что иначе нельзя. Больше половины пришедших, да куда там, абсолютное большинство этих людей было Веронике незнакомо. А может, это у нее от горя память притупилась. Четверых, которые заправляли всем, она, правда, знала хорошо. Один был Рваный, другой — Борода, рыжий толстый бородач, третий — Медник, вор по фамилии Медников, славившийся своей лютостью, четвертый — Бобер, Иван Григорьевич Бобров, бывший гэбэшник, сутулый очкарик. Авторитеты держались с Вероникой безукоризненно вежливо, но ей все мерещилось в их глазах ехидство: «Что, пташечка, отпела свое? Теперь по-другому придется чирикать!»

Из родственников на похоронах были трое, две тетки Вероники из деревни, тетя Маша и тетя Поля, и муж тети Поли, носатый дядя Боря. Болтливая тетя Маша, когда шли с кладбища, не выдержала: «Что, Вероника, девочка моя, передала тебе мать или нет?» Вероника

поняла, тетя Маша спрашивала про ДАР, то есть про способность колдовать. Девушка хотела правду сказать, но заметила, как насторожился вышагивавший рядом Борода. Вместо ответа Вероника загадочно усмехнулась.

Отожрались поминки, и Вероника осталась одна. Тетки даже на одну ночь не остались. Суровая тетя Поля, святоша еще та, буркнула: «Нечисто тут». Тетя Маша, эта, может, и осталась бы, да одной в деревню возвращаться не хотелось, дороги-то нынче какие, еще ограбуют средь бела дня.

Три дня Вероника приходила в себя, и все эти дни она дома просидела. Когда боль немного притупилась, девушка стала задумываться.

Мать, сколько Вероника себя помнила, все готовила ее к принятию ДАРА: «Придет время, все тебе передам. А теперь вот это запомни хорошенько». И мать сообщала ей какую-то очередную колдовскую премудрость, велела повторить или указывала, какое место в колдовской книге она должна была накрепко выучить. Пусть эти знания для Вероники пока что были мертвым грузом, но потом, когда она сама стала бы колдуньей, они ейгодились бы. Так считала ее мать, так думала Вероника, а что получилось? Вероника знала наизусть сотни колдовских рецептов, множество тайных обрядов, ей были ведомы пружины, сущие в сверхъестественном мире, и эти свои знания Вероника никак не могла применить. Не имея ДАРА, Вероника не могла колдовать, то есть, конечно, она могла бы выписывать руками магические пассы, шептать заклинания, мешать колдовское зелье, только все это напрасно было бы, таинства не произошло бы. Вероника была в положении ученика, с блеском прошедшего обучение и собиравшегося приступить к самостоятельной работе, а тут ему взяли да отрубили руки.

Впрочем, руки ей не отрубили.

Все-таки она кое-что могла, ведь у нее были знания, и она не была калекой.

И у нее была злость, ее сила, и у нее была воля, ее опора, и она пылала местию, светившей ей наподобие путеводной звезды. Местию к тому, кто отнял у нее все.

Вурдалак отнял у нее и мать, и ДАР, который она должна была от матери получить. Так неужели этот сквернавец останется жить?

Так неужели она, всю жизнь готовившаяся однажды слиться с чудным миром сверхъестества, так просто сдастся, покорится этому извиву судьбы?

Так неужели она на всю жизнь останется певичкой в ночном клубе? То есть даже не на всю жизнь, а пока ее прелести не наскучат и хозяин не выгонит ее вон.

Вероника страшно захохотала. И резко оборвала смех. Нет, так просто она не покорится. Она не из тех, кто валится на колени, получив затрещину. Пусть вечные глаза матери будут свидетелями ее клятвы. С этого момента она не заплачет, не разнюнится, что бы с ней ни произошло.

Она станет ведьмой. Это ее решение. И пусть все вурдалаки, все колдуны, все демоны Вселенной будут препятствовать ей, все равно она станет ведьмой. И убьет вурдалака, убившего ее мать.

На стене в зале висел портрет Дарьи Паршиной, писанный маслом. Колдунья была изображена художником, как Аленушка на знаменитом полотне Васнецова, только в выражении лица этой Аленушки сквозила не печаль, а сила. И не нужно было быть колдуном, чтобы принять эту нетленную силу в себя.

Вероника прошла в рабочий кабинет матери.

Со дня смерти ведьмы она не заходила сюда. «А ведь теперь это все мое», — с некоторым удивлением подумала Вероника, обводя глазами полки с книгами, пучки трав, всякие магические предметы: хрустальные шары, подсвечники с черными и белыми свечами, медные и серебряные зеркала, глиняные и оловянные фигурки людей и животных.

Девушка приблизилась к книгам, пробежала пальцами по корешкам. Знакомые все лица: сочинения Корнелия Агриппы, Сведенборга, Парацельса, Галлеса, великого фантазера Папюса... Вероника сунула руку между томом «Натуральная магия» Иоганна Порты и трудом Авраама Вормсского. Там, загороженный книгами, находился вводный пульт кодового замка. Набрав код, Вероника подошла к стальной двери. Теперь дверь была отперта, и девушка открыла ее.

Щелкнув выключателем, она ступила в маленькую комнату без окон. В центре комнаты на медной подставке-треножнике лежала большая книга. На коричневой краске пола белела жирная линия, заключавшая треножник с книгой в круг.

Вероника подошла к книге. Это был знаменитый Некрономик, книга, обладавшая самостоятельной колдовской способностью. Если прочие книги, в том числе и колдовские, отвечали на вопросы языком своих создателей, то Некрономик отвечал на вопросы собственным языком.

В этой книге должен быть рецепт, как ей обрести умение колдовать, подумала Вероника. Если ДАР не был дан с рождения и не был передан кем-либо, им все-таки можно было возгореться, для этого требовалось оказаться в нужное время в нужном месте, и сделать в этом месте определенные действия. Разумеется, время, место и эти действия для каждого человека были особые. Иными словами, ДАР можно было получить из рук случая, великой силы, ничуть не менее значимой по сравнению с другими силами природы. Эта сила могла катастрофически обделить, как случилось с Вероникой, но могла и сказочно одарить. Некрономик обладал свойством всезнания, почти абсолютного всезнания, Некрономик просто должен был назвать ей выигрышный номер лотереи, называемой жизнью.

Вероника раскрыла книгу посередине. То есть девушка заглянула в настоящее, тогда как, раскрой она

книгу в начале, она спросила бы прошлое, а сведения о ее будущем хранились в конце фолианта. Вероника надеялась, что этот ее счастливый случай был не в прошлом и не в далеком будущем, а где-то рядом. Она надеялась, она трепетала, она так мечтала об удаче, и...

У Вероники упало сердце.

На нее глянули пустые листы.

Она собиралась с силами, наверное, с четверть часа, только потом она осмелилась заглянуть в будущее, пролистать книгу вперед. Может, хотя бы в отдаленном будущем, пусть за тысячу верст от Москвы, ее поджидало счастье?

Все страницы книги были пусты. Веронику начала охватывать паника, и тут она рассмеялась. Нельзя сказать, что ее смех был очень уж веселым, и все-таки ей стало намного легче, когда до нее дошло, в чем заключалось дело.

Не потому Некрономик молчал, что счастье оставило ее, а потому что Некрономик был мертв. Она вопрошала о будущем мертвеца, труп Некрономика, его прах. Вон как крошились его страницы и переплет книги совсем развалился, хотя она листала фолиант со всей осторожностью.

Со смертью колдунов их Некрономики всегда умирали, таково было одно из правил сверхъестества. И как она могла забыть про это? Видно, горе не шутя помutilо ее рассудок.

Вероника вышла из комнаты-сейфа. Стальную дверь она не стала запирать, к чему укрывать за запорами труп.

Зазвонил телефон. Вероника взяла трубку. На проводе была Ирка Блендочкина, ее подруга, певичка из «Махаона».

— Никунчик, привет, — затараторила Блендочкина. — Понимаю, что там говорить, такое горе, такое горе... Я сама в себя никак прийти не могу. Твоя мама такая здоровая женщина была... Откуда эти инфаркты на нашу голову берутся? Слушай, Никунчик, у нас

сегодня программа «Дуэт с дождем». Твоя любимая. Гришук сказал, финны будут. Ты не подъедешь?

— Ты с ума сошла, Ирина, — сказала Вероника в сердцах.

— Подожди, Никунчик, не серчай. Я знаю, как тебе тяжело, а попоешь, глянь-ко, и легче станет. А, Никунчик?

— Мне не до того, как ты не поймешь...

Настырная Блендочкина не отставала. «А почему бы и нет?» — в конце концов подумала Вероника. Эта программа была в миноре и совсем без пошлости, так что она не осквернит память своей матери, если поучаствует. Может, ей в самом деле легче станет. Во всяком случае, осветлить тоску не помешает, а то прямо как камень какой-то на душе.

— Приеду, — сказала Вероника и опустила трубку.

Она опоздала на полчаса. Гришук, обычно нетерпимый к таким вещам, участливо отнесся, даже не постучал ногтем по стеклышку наручных часов. Казалось, все было как всегда. Официанты к ней — со всем уважением (Блендочкину защипали всю), гости себе не позволяли больше сального взора (Блендочкину при первой же возможности хватали за ляжки). После представления Гришук заплатил ей как за полную смену и за прошлые дни заплатил, когда она из-за похорон на работу не ходила. Вот это уж было слишком, при всем внешнем лоске Гришук сострадательностью испорчен не был. Все объяснилось, когда одна из танцующих (так называли девчонок, сопровождавших песнопение всякими пикантными позами) подошла к Веронике и тоненьким голоском попросила: «А вы мне не погадайте, Вероника Станиславовна?»

Вот все и раскрылось. Все думали, что мать перед смертью передала ей ДАР, то есть способность колдовать, поэтому с ней осторожничали. Ведь все помнили, что означало хотя бы взглядом задеть тетку Дарью. Эх, знали бы они... А девочке Вероника ответила: «Мне пока не до твоих гаданий».

Этой ночью Рваный был занят, разбирался с кем-то, поэтому домой Веронику отвез один из «быков» Рваного.

Отпустив «быка», Вероника вошла в подъезд. Поднимаясь в лифте на седьмой этаж, она подумала, а ведь теперь ей никуда не деться, теперь она просто обязана стать колдуньей. Иначе ее однажды раскусят, и тогда ее примутся щипать и хватать за ляжки, как Блендочкину. И даже с удвоенным жаром.

Поднявшись на седьмой этаж и выйдя из лифта, Вероника вздрогнула. Что такое? Дверь ее квартиры была приоткрыта.

Неужели она не заперла дверь, когда уходила? В ее положении с ней такое вполне могло случиться. Однако она хорошо помнила, что заперла дверь. Еще и толкнула дверную ручку пару раз, проверила, заперто ли.

Вероника открыла дверь и вошла в прихожую.

Как будто в зале что-то шуршало.

Она зажгла свет и двинулась по коридору.

Они выскочили из гостиной: крепыш в спортивном костюме и другой, рыжий, в ковбойке и рваных джинсах. Воры вихрем пронеслись мимо нее.

Вероника привалилась спиной к стене.

Спустя малое время, она, собравшись с силами, прошла в гостиную.

Здесь все было перевернуто вверх дном: ворюги ценности искали. На полу стояли две большие клеенчатые сумки. Вероника заглянула в сумки. Их с мамой хрусталь, серебряный сервиз, видеомаягнитофон... Упакоевались уже. Даже старенький радиоприемник «Орион» в сумку сунули.

А золото?

Шкатулка стояла на прежнем месте, на серванте. Уже по ее весу Вероника определила: обчистили... И точно, шкатулка оказалась пуста. А ведь в ней хранилось немало драгоценных вещичек, в общей сложности, пожалуй, тысяч на пятьдесят «зеленых».

А еще Вероника раздумывала, надеть ли ей на этот

вечер что-нибудь броское, или траур соблюсти. Вот тебе, поскромничала!..

Она готова была зарыдать от бессилия, нарушив тем самым свою клятву. Она бы так и сделала, но тут она услышала окрик:

— Гони баксы, шалава!

В дверях гостиной стоял тот самый вор в тренировочном костюме, плечистый, с массивной нижней челюстью в прыщах. Его рыжий поделник выглядывал у него из-за спины.

Воры, очевидно, знали, что Вероника певичкой в «Махаоне» работала, и знали, что хозяин «Махаона» расплачивался с девочками после каждого их выступления. И жадность пересилила страх: воры вернулись назад за ее сиротским заработком. Вероятно, и за клещеными сумками заодно.

А как же им было не вернуться? Если бы в ведьмачей дочке была хоть капля ведьмачей силы, разве она напугалась бы так, до дрожи в поджилках, когда их увидела?

Крепыш, не дожидаясь, пока Вероникаотреагирует, вырвал у нее из рук сумочку, вытряхнул содержимое сумочки на стол. Блендочкина прятала свой заработок в чулок, другие девочки использовали для этой цели более потайные места, а Вероника... Пачка «зеленых» оказалась на столе, две тысячи баксов, деньги, которые ей дал Гришук.

Плечистый сунул баксы в карман, бросил рыжему, кивая на сумки:

— Взяли!

Согнувшись под тяжестью сумки, рыжий успокоил Веронику:

— Не реви, с такими ляжками вдвое наживешь.

Парни вышли из гостиной. В коридоре крепыш на секунду задержался, взял с полки телефон, отключил его и сунул в сумку. Нечего добру оставаться. Как-никак, аппарат был японский, multifunctional.

Хлопнула входная дверь.

Вероника на подкашивающихся ногах потащилась в коридор. А, телефон украли. Теперь в ментовку не позвонишь. Или позвонить от соседей?

Она стала надевать шлепанцы. Дрожь пробирала ее с головы до пят, и ноги никак не хотели попасть куда надо. Это промедление сослужило ей добрую службу: она опомнилась. Она, наследница колдуньи, в чьей груди полыхала колдовская сила второго знака, станет нюнить в телефонную трубку, унижаться, да еще в присутствии соседей? Нет, не бывать тому. Не бывать.

Вероника подошла к окну. Внизу тянулись ленточкой автомобили, каждый второй — иномарка. На остановке дрались двое пьяниц в окружении заинтересованной толпы. Старуха слепо тыкалась клюкой, переходя дорогу, водилы сигналили ей, не сбавляя скорости. У припаркованных машин сновали мальчишкимойщики.

Она станет колдуньей во что бы то ни стало, стиснула зубы Вероника.

Дядя ей поможет, вот что.

ДАР был дан с рождения им обоим, брату и сестре, Дарье Паршиной и ее брату Леониду. Только, в отличие от сестры, Леонид Софронович Паршин стал колдуном внешней силы, а не внутренней. Вероника про дядю не забывала, да только решиться обратиться к нему для нее было не просто. Между ее матерью и Леонидом Паршиным словно черная кошка пробежала, они совсем не общались. О причине такой взаимной неприязни Дарья Паршина не имела привычки распространяться. Вероника видела дядю всего один раз, на похоронах деда. Было это пять лет назад. Леонид Паршин красавцем смотрелся: высокий, черноусый, томные глаза виноградинами. Тогда брат с сестрой не перемолвились ни словом. На похороны сестры Леонид Паршин не приехал, хотя Вероника посылала телеграмму.

Ехать к дяде не хотелось, но иного пути к колдовскому могуществу Вероника не видела.

Жил Леонид Софронович Паршин в Подмоскowie, в деревеньке Дрозды. Работал Паршин лесником в за-казнике.

* * *

К дяде Вероника отправилась на первой элект-ричке. В семь утра она сошла на станции Дрозды. Деревенька Дрозды встретила ее пением петухов, ко-ровьими лепешками и воркотней древней бабки, ко-торая, далеко отставив сухопарый зад, набирала воду из колодца.

Вероника подошла к старухе:

— Бабушка, извините, вы не знаете, где живет Пар-шин, лесник?

Старуха странно посмотрела на девушку. «Глухая, что ли», — подумала Вероника и повторила вопрос. Ничего не ответив, бабка подхватила ведра и рысцой побежала к завалившейся набок избенке. На бегу ста-руха как-то взбрыкивала, словно у нее в тапочке тор-чал гвоздь, но ходу не сбавляла.

«Маразм», — диагностировала Вероника. Непода-леку проходила интеллигентного вида женщина в оч-ках, с сумочкой в руке. Деревенская учителька, должно быть. Вероника нагнала женщину и остановила ее вопросом:

— Извините, вы не подскажете, где Паршин жи-вет? Он лесником работает.

— Паршин? — Женщина нахмурилась. — А ни хрен ли мне, где твой Паршин живет?

Женщина обошла Веронику и быстро засемила по своей надобности. Тут Вероника увидела двух де-ревенских баб с тяпками на плечах: обе толстозадые, толстоикрые, румяные и грудастые. Словом, в самом соку бабенки. И уж сплетницы, верно, завзятые.

Вероника дождалась, когда женщины подошли, и обратилась к ним с прежним вопросом.

— А зачем тебе Паршин нужен? — спросила баба постарше, косынка узлом на затылке завязана.

— Я его племянница. В гости приехала.

— Племянница? Что скажешь, Настена?

Вторая баба, остроносая, с крысиными глазами-бусинками, съехидничала:

— Со своей племянницей милый спать завалится.

И продолжила уже серьезно:

— Ты бы, девушка, подальше от своего дяди держалась.

— Дурная о твоём дяде слава, — сказала матерая баба. — Ты сама-то откуда?

— Из Москвы. И какая же это у моего дяди слава?

— Будто не знаешь.

— Не знаю. Я дядю пять лет не видела, а тогда...

В памяти Вероники всплыл образ черноусого красавца.

— Пять лет не видела, и молодец, нечего на него пялиться.

— Я не пялиться, я по делу.

Бабы переглянулись. Старшая показала рукой:

— Видишь, мужики в машину садятся? С ними попросись. Паршин в лесу живет, подбросят тебя.

Когда Вероника подбежала к машине, в кузов карабкался последний мужичонка. Вероника сунулась к водителю, кадыкастому пожилому мужику:

— Не возьмете? Мне к Паршину, я его племянница.

— Как Марк Антонович скажет. — Водитель покосился на плотного мужчину, сидевшего рядом с ним.

Вероника с мольбой посмотрела на Марка Антоновича.

— Знаем мы этих племянниц, — пробасил Марк Антонович, мазнув по ней взглядом. — Полежай в кузов.

Мужики помогли Веронике в кузов залезть.

— Ты куда? — спросил один.

— К Паршину.

- А, к Паршину...
- Вы покажете, где мне сойти?
- Сашок притормозит, небось.

Машина пылила по грунтовке больше часа, прежде чем Сашок затормозил. Грузовик остановился в лесу, кругом не было видно никакого жилья.

- Слазь, деваха, — пробурчал пожилой мужик.
- И куда мне идти?
- Прямо шагай, — мужик махнул рукой.

Выбравшись из кузова, Вероника потопала по заросшей травой широкой тропинке.

Очень скоро тропинка стала делиться. Какие-то тропки отходили от нее, одни пошире, другие поуже, потом справа показалась речка. Должно быть, это была Десна. Когда грузовик в одном месте проезжал мимо моста, Вероника прочитала название речки на синем придорожном указателе.

Когда от плутания по тропинкам у Вероники заболели ноги, она поняла, что на дом лесника она выйдет только чудом. Хоть бы на проезжую дорогу выбраться, подумала она, оглядывая заросли терновника. И тут она увидела старичка с лукошком. В синей болоньевой куртке, с неопрятной бороденкой, старичок тыкал под деревом кривой палкой.

Вероника напрямик к старичку понеслась. Там лужа была. Вероника — через нее, ну и подмочила трусики, лужа оказалась на удивление глубокой.

Старичок с тихой улыбкой смотрел, как она из лужи выбиралась. Заалевшись, Вероника спросила:

- Дедушка, вы не знаете, где тут лесник живет?
- Это Паршин, милая?
- Да.

Тогда со мной пойдем. Я как раз к Паршину собирался заглянуть.

И губы старичка растянулись в улыбке, от чего его лицо стало похоже на сусальный пряник.

Вероника почувствовала облегчение. Она обрадовалась бы словам старичка куда больше, если бы не

одна деталь: в лукошке у старичка лежали сплошь мухоморы.

Они пошли по поляне к едва просматривавшейся тропинке. Вероника хотела обратить внимание старичка, мол, дедушка, ты не тех грибков набрал, но старичок затеялся болтать без умолку. Вероника свой вопрос никак не могла вставить.

Старичок балакал:

— А ты сама откуда? Из Москвы? Племянница Паршина, говоришь? Хорошо, хорошо. Тебе наши бабы уже наплели про Паршина-то, а? Какую только сплетню не пустят про хорошего человека! Мужик в заказнике зачнет дерево рубить, собственным топором по руке получит — Паршин виноват. Парень с девкой в кусток, девку в филейную часть гадючка тюкнет — Паршин виноват. Передерутся мужики на лесной дороге — и тут Паршина винят. А бабка Прохоровна такую околесицу сплела, будто в малиннике с ней мишка-косолапец согрешил. И тут без Паршина не обошлось, ясно дело. И знаешь, почему то болтают? Потому что Паршин — лесник справный, у него не поозорует. Хошь ты генеральского звания будь, озорство Паршин не спустит. Так-то, милая.

Старичок все балагурил и балагурил, всякие истории про Паршина рассказывал, которые то ли были в действительности, то ли нет. То как один бракуша отучился проказничать, его члены потом долго по лесу собирали, то про пьяного тракториста, парень гусеницами васильковый лужок испоганил, закимарил, а ему лиса тем временем срамной орган отгрызла. «Но это, конечно, сказки все, про Паршина-то», — всякий раз добавлял старичок, неприятно хихикая.

— Вона твоего дядьки хоромы, — вдруг сказал старичок.

Сквозь ветви орешника Вероника увидела справный дом, крыша коньком, широкое резное крыльцо. К дому подходила грунтовая дорога, вся в кочках, как в прыщах, с травинками-волосиками наверху. Ограды

вокруг дома не имелось, а сам дом стоял не на поляне и не на пригорке, а в самой древесной гуще, так что ветви деревьев лезли в окна.

Старичок и Вероника направились к дому лесника. Случайно заглянув в лукошко старичка, Вероника не увидела там ни одного мухомора: лукошко доверху было наполнено кряжистыми боровиками.

Старичок поднялся на крыльцо, поставил лукошко и ну давай бухать кулаком в дверь и подпрыгивать при каждом ударе:

— Эй, Паршин! Паршин-Маршин, хрен из замши, отворяй! Отворяй, медведь, лиса пришла!

Долго выплясывал старичок так-то, пока не умирался. И только тут дверь распахнулась.

Леонид Софронович Паршин, Вероникин дядя Леня, ничуть не изменился за последние пять лет. Разве что его лицо стало несколько одутловато. Не иначе, выпивал, сердяга.

Вероника не удивилась бы, если бы Паршин спустил старичка с лестницы пинком ноги, но вместо этого колдун захохотал с шутливой злостью:

— Что, старый сучок, расшумелся? Уж замуж невтерпех? А, беяков принес. Давай сюда!

Старичок с ужимкой подал Паршину корзинку, и тот сунул ее куда-то в прихожую. Наконец Паршин заметил Веронику.

Поначалу колдун смутился, даже глаза отвел. Тряхнув головой, словно отгоняя наваждение, он опять возвратился на Веронику и, спустя недолгую паузу, произнес с хрипотцой:

— Племянница? Зачем пожаловала?

— Мама умерла. Я вам телеграмму послала, вы не получили?

— Получил, отчего же не получить. Сдается мне, твоя мать умерла непросто... Что скажешь?

— Вурдалаческая деструкция, — коротко ответила Вероника.

— Я так и думал. Вурдалаки, они сосуны еще те.

Такая уж наша участь колдовская, любой колдун столкнуться с вурдалаком рискует. Твоя мать очень самостоятельная была, пхе-хе. Так мать успела передать тебе ДАР, или...

Вероника нахмурилась.

— Не успела.

— Вот как? — Смерив ее долгим взглядом, колдун повернулся к старичку: — Что там барские, готовятся?

— Вовсю шустрят. Ряженных понагнали с пукалками, только что на елках вместо ворон не сидят. Пхи-хи.

— Значит, как решили.

— Как решили, как решили, как решили, Паршинушка!

— Пошел прочь.

— Как решили, как решили, как решили...

Старичок, дурашливо напевая и приплясывая, поскакал к тропинке, что привела их с Вероникой к избушке лесника. Только он скрылся за гущей орешника и его голос смолк, через мгновение из зеленой гущи вылетела большая птица. Ухая в такт напеву старичка, филин полетел в сторону от избушки, едва не задевая крыльями верхушки деревьев.

— Тебя Вероникой зовут? — уточнил колдун. — Заходи, Вероника.

Дом у Паршина был большой, прихожая вела в просторную гостиную, откуда можно было пройти в три комнаты поменьше. В гостиной было все, как в обычном деревенском доме: стол, несколько стульев, черный шкаф и черный буфет старой работы, стопа газет на широком подоконнике, печка-голландка, горка чистой посуды на маленьком столике.

— Садись, — Паршин показал на стул. — Так что тебе от меня нужно, племянница?

— Мою мать убил вурдалак.

— Я уже слышал.

— Из-за этого я не получила ДАР. Вурдалак отнял у меня ДАР. Без ДАРА я не могу отомстить вурдалаку. Вы — брат моей матери. — Вероника говорила отрыв-

висто, она очень волновалась. — Вы бы могли помочь мне отомстить.

— То есть ты предлагаешь мне отомстить вурдалаку вместо тебя?

— Нет. Если бы только вы помогли мне обрести ДАР...

Паршин рассмеялся.

— Ах, вот оно что. А я уж начал верить, что девочка жаждет встретиться с вурдалаком. Оказывается, девочка просто хочет стать колдуньей.

— Если я не получу ДАР, мне ни за что не справиться с вурдалаком, и вы это прекрасно знаете.

— Знаю, знаю, кхе-хе... — Паршин закашлялся от смеха. — Все я прекрасно знаю!

Вероника разозлилась.

— А что, я не имею права на ДАР? Моя мать была ведьмой, вы — колдун, а я, я не имею права на ДАР?

— Допустим, кое-какие права на ДАР у тебя, в самом деле, есть, — проговорил колдун успокаиваясь. — Чисто умозрительные права. И какую же помощь ты хочешь от меня? Уж не должен ли я передать тебе свой собственный ДАР?

— Такой жертвы я от вас не требую. У вас, дядя, есть Некрономик?

— Допустим.

— Вы могли бы позволить мне заглянуть туда. Некрономик подскажет, когда и где мне ловить мой случай, мою удачу. Он...

— Да-да, понятно. Это известный способ нахаляву получить дар: надо оказаться в нужное время в нужном месте, сделать, что нужно, ну и ДАР свалится прямиком тебе на голову.

— Так вы поможете, мне, дядя?

— А разве ты не знаешь, любезная моя племянница, что Некрономик, прежде чем ответить, забирает у своего владельца частицу жизни? Ты будешь спрашивать Некрономик, а я буду за это своей жизнью плачиваться? Нет, так не пойдет.

Вероника не знала, что на это сказать. Если бы было возможно, она расплатилась бы с Некрономиком частью собственной жизни, но иной порядок вещей был определен. И Паршину она не могла передать частицу своей жизни в уплату за его услугу.

Она могла только сказать, что ее дядя — великий свинтус.

Во входную дверь стукнули два раза, и полный человек вошел в дом, не дожидаясь приглашения войти. Вытирая на лбу пот огромным носовым платком, мужчина упал на стул и спросил одышливо:

— Что, Софронич, у тебя все на мази? С мишками не оплошаешь?

— Все тип-топ, Валерьян Прокопыч. Прикормил мишек, ништо. Они такие овсянники.

— Ты смотри того, не подведи. А не то, знаешь, что бывает...

— Будьте спокойны, Валерьян Прокопыч, не подведу.

— Сколько будет косолапых?

— Самец и две самки.

— Хорошо. Чтобы каждому по медведю. Значит, завтра.

— Завтра, стало быть.

— А это что за краля у тебя? — обратил внимание на Веронику Валериан Прокопиевич.

— Племянница.

— Хороша девка, — похвалил начальник. — Не замужем?

— Нет, — буркнула Вероника.

— А зря. Откуда сама?

— Из Москвы. Дядю проведать приехала.

— Ну проведывай.

Обрисовав бесстыжими глазами девушку, Валериан Прокопиевич покинул дом лесника.

— Так что с Некрономиком не получится, племянница, — сказал Паршин.

— Это я поняла. Но хотя бы перстень с силой вы

мне можете дать? Вы — колдун внешней силы, вы могли бы зарядить рубин или агат...

Паршин посмотрел на Веронику как на глупенькую.

— С колдовским перстнем против упыря, в котором колдовская сила второго знака? — Тут Паршин догадался, что имела в виду Вероника. — Или девочка за цветом папоротника жаждет податься? Какая смелая! Цвет папоротника, не спору, это сила, с ним ты могла бы раздобыть ДАР, но... Да ты понимаешь, девчонка, что это такое, цвет папоротника сорвать?

— Я слышала от мамы...

— Слышала! Слышать — не знать. Когда вступишь на этот Путь... Да что я. Все это глупости, детка.

— И все-таки если бы вы дали мне шанс...

— Дать тебе перстень со своей силой? Да тут даже не в Пути дело. Разве тебе мама не говорила, чем это может аукнуться колдуну, передать камень со своей силой другому колдуну? Забыла? Силу колдуна можно обратить против него самого, если...

— Я же не колдунья! — не выдержала Вероника.

— А вдруг тебе все-таки удалось бы сорвать цвет папоротника? Тогда ты смогла бы стать колдуньей, а у тебя оставался бы перстень с моей силой...

Вероника, до боли прикусив губу, встала. И зачем эти уговоры, зачем это унижение? Совершенно ясно, никакой помощи от дяди она не добьется.

Она посмотрела в глаза колдуну, собираясь сказать горькие прощальные слова, и поймала его настороженный, но отнюдь не враждебный взгляд. Прежде чем она раскрыла рот, Паршин произнес:

— Вот что, Вероника. Поживи у меня. Посмотрим, может быть, я... хм... найду способ помочь тебе. Кто его знает, чего он моргает.

Паршин улыбнулся своей прибаутке. Вероника осталась серьезной, ей было совсем не до улыбок. Конечно, топнуть ножкой и с горделиво приподнятой грудкой удалиться, это смотрелось бы ярко, но... Ее един-

ственная надежда обрести колдовскую силу связана с дядей, поможет он ей или нет. Никуда она не пойдет, пока оставался хоть один шанс вымолить у дяди помощь.

— Хорошо, дядя. Я поживу у вас, — сказала Вероника и спокойно посмотрела в поблескивавшие сумасшедшими огоньками черные глаза колдуна.

Паршин отвел ей одну из боковых комнат, маленькую комнатку с двумя узкими окнами и низкой кроватью, излишне широкой для одного человека. Еще в комнате был стол, чью функцию выполняла крышка большого сундука. Дверь в эту комнату не запиралась, однако вряд ли Веронике стоило по этому поводу сокрушаться. Все равно ни один замок не сумел бы воспрепятствовать воле колдуна, кроме колдовского замка.

Попотчевав Веронику овсяными хлопьями в молоке, Паршин предложил:

— Прогуляешься со мной? Мне надо участок обойти.

— Прогуляюсь, — кивнула Вероника.

Перед тем как выйти из дома, Паршин вынул из-под лавки короткий посох. Посох был четырехгранным, его дерево почернело от времени. По посоху змеились вязью колдовские знаки.

Взглянув на Веронику, Паршин сказал:

— Вижу, поняла. Этот посох мне колдовские камешки заменяет, хотя бижутерией я не брезгую, иногда и камешками надо попользоваться. Его я из одного древнего славянского идола вырезал. Не знаю, сколько уж там кровищи наши пращуры у идола пролили, только посошок получился — во! Лучше всяких камешков.

Начинало припекать. Птицы тренькали меньше, а вот неугомонный дятел долбил и долбил вдалеке. Вероника этого дятла услышала, еще когда со старичком к лесниковой избушке подходила.

Паршин с Вероникой пошли по узкой тропинке,

лощины да буторки считать. Паршин молчал, молчала и Вероника. Временами лесник останавливался, прислушивался к чему-то. Кроме звуков леса, хотя и довольно разнообразных, Вероника ничего не слышала.

В одном месте, где тропинка пошла на подъем, кусты впереди затрещали, и прямо на тропинку вылетел кабан. Кабанчик был ничего себе, туша порядочная, клыки такие, что упаси господи. Вероника в первое мгновение испугалась, но виду не подала. Свинья как свинья, и дядя-колдун все-таки рядом, успокоила она себя.

Кабанчик подкатил к Паршину, мягко ткнулся рылом в сапог лесника. Паршин потрепал зверя по холке:

— Что, Васек, проголодался? А вот мы тебе конфеток натрясем.

Колганов стукнул посохом по стволу крепкого дубка, мимо которого они проходили. Вероника отчетливо увидела, как по посоху пробежала синяя искра. Дерево, откликаясь на приказ колдуна, вздрогнуло всеми своими ветвями, словно от порыва ураганного ветра. На прелую листву градом посыпались желуди.

Оставив Васька жировать под дубом, лесник с Вероникой пошли дальше.

Когда кусты затрещали снова, Вероника ничуть не испугалась, ей только любопытно было. На этот раз поприветствовать Паршина вышел медведь. «Миша, Миша...» — и Паршин сунул косолапому в рот кусок сахара. Лесник всегда держал при себе сахар специально для такого случая.

Так они ходили по лесу часа два. Паршин то гладил лису: «Блохи не кусают, Патрикеевна?», то приманивал к себе на рукав сокола: «Много крови сегодня испил, голубок?», то сажал землеройку на ладонь и сюсюкал с ней. Словом, зверья за эти два часа Вероника повидала всякого, а вот из людского племени они никого не повстречали.

Вероника мало-помалу начала уставать, и Паршин, заметив это, проговорил:

— У меня еще кое-какая работа будет, а ты можешь возвращаться. Не заплутаешься, провожатого дам.

Паршин свистнул по-разбойничьи, два пальца в зубы. Вероника думала, из кустов конь сиганет, а она в седле сроду не ездила. Беспокойство оказалось напрасным: на тропинке заяц показался. Заяц был крупный, жирный, такого бы на жаркое.

— Вот тебе провожатый, — колдун показал на зайца. — Э нет, погоди. — Паршин принялся. — Кажись, кострище жгут.

Вероника тоже ощутила запах дыма. Однако приходилось гадать, в какой стороне находился его источник. Запах был слабый, а ветерок переменчивый.

Затруднение испытал и Паршин. Покружив на месте, он раздраженно кашлянул. Впрочем, предаваться унынию лесник не стал. Он взмахнул посохом, посох вспыхнул в его руке, и концом посоха Паршин коснулся своего носа.

Нос Паршина вытянулся вперед, да нет, вперед вытянулась вся нижняя часть его лица, быстро преобразовываясь в волчью пасть. Вооруженный звериным носом, Паршин немедленно определил направление, откуда тянуло дымом. Он быстро пошел вперед, через несколько шагов свернул с тропинки в заросли ивняка. Вероника не отставала от него, ничуть не напуганная произошедшими с лицом колдуна изменениями (ее мать проделывала и не такое). Заяц-провожатый, видя, что в его услугах перестали нуждаться, ускакал в кусты.

Когда впереди показалась поляна с людьми, Паршин вернул своему лицу человеческий облик. Теперь он выглядел как заправский лесничий: сапоги, куртка цвета хаки с эмблемой лесничества на правом рукаве, форменная фуражка с околышем.

А на поляне «крутые» из Москвы оттягивались. Две иномарки погнали траву, синяя «тойота» и серебристая «БМВ», рядом стояла оранжевая палатка. Перед палаткой четверо парней сидели у костерка, жарко им было, до пояса растелешились. Один, бульдогого-

ловый, жевал шашлык. Другой балдел, уставившись в небо с «косячком» в зубах. Двое других со своими «телками» занимались: один пальцами в бедрах у девки лазил, другой титьки тискал. Еще две девки, гогоча — выпили девчата, — в некотором отдалении скакали по поляне с теннисными ракетками. Негромко мурлыкал магнитофон.

Паршин пошел на костерок, не то чтобы очень быстро, но и не медленно, с чинной уверенностью. «Дядя, мне с вами?» — окликнула его Вероника. «Тебе будет интересно посмотреть, но близко подходить не советую», — отозвался Паршин с торжествующей ноткой в голосе.

За деревьями Вероника прятаться не стала, но и с Паршиным к костру не пошла. Она осталась стоять у края поляны, для удобства прислонившись к стволу черноклена.

Паршин остановился у самого костерка. Парни хотя оставив свои занятия, с угрозой уставились на него, только анашист так и остался тащиться с глазами в небо. Что до девок «крутых», то те ни малейшего беспокойства не проявили. Девахи у костра с нетерпением ожидали представления, теннисистки продолжали метаться по поляне, догоняя удиравший от них теннисный мячик.

— Здесь нельзя костер жечь, ребята, — строго сказал Паршин. — И насвинячили вы тут. — Он показал на пустые жестянки из-под пива и водки.

— Ты кто такой правильный, мужик? — лениво протянул белокрысый парень, только что мявший голые титьки. Девчонка соплячка еще была, а титьки стояли, как у секс-бомбы.

— Я лесник. — Паршин показал удостоверение в раскрытом виде, честь по чести. — Костер потушите, мусор соберите, с собой возьмете, на память. И штраф вам надо заплатить, ребята. Пятьдесят тысяч.

Бульдогоголовый парень, кинув шампур на тарелку, начал вставать, но белокрысый остановил его:

— Отставить, Бурак.

Белобрысый извлек из кармана джинсовой куртки комок из зеленых бумажек, одну протянул Паршину:

— На спиртишко с молочишком, мужик. Квитанции не надо.

Словно не видя стодолларовую банкноту, Паршин проговорил:

— Я сказал, штраф пятьдесят тысяч рублей.

— Больной, что ли? — Белобрысый покосился на худощавого парня, только что мочившего пальцы в женском лоне. — Винт, есть рубли?

Винт мокрыми пальцами выудил из кармана несколько сотысячных купюр, одну подал белобрысому, тот, в свою очередь, протянул купюру Паршину:

— Держи, мужик, и чтобы я тебя через минуту здесь не видел.

Паршин бумажку взял, быстро выписал квитанцию. Лесник положил квитанцию и пятьдесят тысяч рублей сдачи на газету, служивую компании скатертью, затем отчеканил:

— Костер потушить, мусор собрать. И чешите отсюда.

Белобрысый вздохнул:

— Я этого не хотел, мужик. Бурак, Винт!

И белобрысый сделал движение пальцами, как будто растирал блоху.

У девах, блаженствовавших у костра, округлились глаза, что-то сейчас будет. Две девчонки, прыгавшие по поляне с ракетками, наконец, оставили свое занятие и с любопытством направились к костру.

Парни не успели Паршина ударить, ни приземистый Бурак, ни Винт, двухметровый дылдабон. Едва они, поднявшись, двинулись на лесника, с посохом Паршина произошло удивительное превращение. Паршин убрал руку, но посох остался стоять сам по себе, и его очертания начали меняться. Только что это была просто палка, мертвое дерево, убитое сотни, если не тысячи

лет назад, и вот уже на месте посоха покачивалась крупная кобра. Кобра стояла на хвосте, раскрыв капюшон. Наверное, немало азиатской крови пролилось у древнеславянского истукана, из которого был вырезан посох, раз посох обернулся не какой-то серой гадючкой, а коброй.

Винт и Бурак, не успевшие опомниться, получили в глаза по змеиному плевку.

С воплями крутяки схватились за глаза. Им бы промыть глаза чем-то, хоть пивом, хоть мочой, но боль была такая, что туманился разум. Смываться, смываться, смываться, — наверное, одно это слово застучало в виски Винту и Бураку, то-то они суматошно понеслись к машинам.

Белобрысый выхватил пистолет из сумки с провизией и открыл пальбу. Стрелял он в Паршина и кобру попеременно, опустошил всю обойму, но ни одна пуля, как и следовало ожидать, не произвела желаемого действия.

Одна «телушка» повизгивала по-щенячьи, у других отнялись языки. Белобрысый полез в сумку за новой обоймой. Тут кобра превратилась в посох, и колдун протянул посох в сторону белобрысого.

Посох стал на глазах удлиняться. Вдруг на месте набалдашника возникла чудовищная голова, не то змеиная, не то звериная. Только теперь белобрысый понял: надо делать ноги, — но было уже поздно. Голова ринулась вперед, вцепилась белобрысому в плечо, брызнула кровь. Голова терзала плечо белобрысого до тех пор, пока не вырвала у него из плеча кусок мяса. Проглотив этот кусок, голова клацнула челюстями и дернулась за следующим.

Девчонки, воя, наперегонки понеслись к машинам. Впереди них летел белобрысый, в последний момент сумевший увернуться от хваткой пасти.

Наконец очнулся наркоман, до этого безмятежно блаженствовавший с косячком в зубах. Парень вско-

чил, замахал руками, отгоняя то ли мух, то ли бесов. Что бы ему ни померещилось, но решение он принял верное. Побуйствовав немного, он на неверных ногах побегал своих приятелей догонять.

Крутяки со своими «телками» кое-как расселись по тачкам. За рулем одной машины устроился белобрысый, сохранивший глаза, за рулем другой — самая жирная девчонка. Иномарки, виляя, понеслись по поляне к видневшейся неподалеку грунтовой дороге.

«Напаскудничали-то, напаскудничали», — пробурчал себе под нос лесник, обозревая следы пикника.

Паршин обернулся к Веронике:

— Возвращайся в избу. Да, провожатого тебе дать.

Колдун свистнул, и на поляну кубарем выкатился матерый русак.

— А вы, дядя?

— Мне тут прибраться надо. И еще есть кое-какие дела.

Вероника пошла за зайцем. По пути она принялась размышлять, какими же возможностями козырял перед ней дядя этим днем. Не было ничего удивительного в том, что Паршина звери слушались, так они повели бы себя с любым колдуном внешней силы второго знака. Иное — этот его посох. Несомненно, посох Паршина обладал самостоятельной колдовской силой, поскольку простую деревяшку ни один колдун не сумел бы превратить во что-то живое. Паршин сказал, что он вырезал посох из тела древнего идола, наверное, в этом и было дело. Скорее всего, этот идол был каким-то колдовским знаком. Интересно, сможет ли другой человек использовать силу посоха Паршина?

Вернувшись в избу колдуна, Вероника прощлась по полкам и уж наелась от души (она терпеть не могла скромницу из себя строить). Затем девушка принялась методично осматривать, а точнее сказать, обыскивать жилище колдуна. Колдовской камень или воплощение какого-то колдовского знака могли бы помочь ей сорвать цвет бессмертника. Не то чтобы она с са-

мого начала собиралась обворовать Паршина. Она решила бы потом, что делать с находкой. А вот заглянуть в Некрономик она, безусловно, не отказалась бы.

Из трех маленьких комнат одна отводилась гостям (как раз здесь Паршин велел располагаться Веронике), другая служила спальней самому Паршину, в третьей находилась библиотека колдуна и кое-что из колдовских приспособлений, так, по мелочи. Среди книг Паршина Вероника не обнаружила Некрономика.

А что она хотела, разве хоть один колдун станет своими первейшими помощниками разбрасываться? Убедившись в бесплодности поисков, Вероника села за стол дожидаться Паршина. Уж Некрономик у Паршина точно был, но колдун, конечно, устроил так, что до этой книги не так-то просто было добраться.

Колдун вернулся на вечерней зорьке. Паршин был весел, точнее сказать, навеселе. Поставив посох у двери, он проговорил со смешком:

— Что, племянница, все углы облазила? Ничего не нашла? Успокойся, получишь свое.

Он загоготал.

— Получишь свое!

Да он не то что навеселе, или, как говорят по-благородному, подшофе, он-таки хорошо набрался, подумала Вероника, всмотревшись в лицо Паршина.

Отсмеявшись, колдун принялся рассказывать, как он со своим приятелем («Тот самый старичок, племянница, старичок-Трутовичок, хе-хе») забавлялись на дороге. Паршин с Трутовиком встали голосовать на обочине. Руками они махали, только когда иномарку видели, разумеется. Из четырех водителей лишь у одного хватило ума остановиться и подвезти их до ближайшего поворота, остальные и не подумали помочь ближнему. С двумя иномарочниками приятели поступили по-простецки: машины, вдруг перестав повиноваться своим водителям, на малом ходу съехали в тянущуюся вдоль дороги заболоченную лощину. Невежи едва успели выскочить со своими пассажирами, а грязи в ло-

щине оказалось как раз машине по крышу. С третьего невежливого иномарочника Паршин предложил для разнообразия взять штраф.

В этой машине, белом «мерсе», баба одного черемушкинского авторитета ехала. Сама Эмма Львовна баранку не крутила, на то человек полагался. Еще при Эмме Львовне был охранник, здоровенный парень, спортсмен и чемпион, и гомосексуалист (обслугу для своей бабы ревнивый авторитет подобрал из гомосексуалов, это чтобы похоть ненароком не выиграла).

Едва Эмма Львовна миновала голосовавших мужиков, как у ее «мерса» два задних колеса с оси соскочили и в разные стороны покатались. «Мерс» съехал на обочину, едва в дорожный знак не врезался.

Пассажиры иномарки отделались ушибами и ссадинами. Пока Эмма Львовна скандалила, а водитель разводил руками, Паршин с Трутовиком к машине подошли. Мерзкий Трутовик с ходу начал у Эммы Львовны допытываться, как в Москве, мода какая, красят женщины лобки или нет, — его старуху очень интересует. Эмма Львовна сперва побагровела, затем побледнела, ну и «быку» своему мигнула. Парень размахнулся. С этого размаха его как взяло вертеть да крутить, как пошел он кружиться да подскакивать (все Трутовика проделки), что и силком его остановить нечего было пытаться. Пока Трутовик с охранником упражнялся, Паршин со своим вопросом к Эмме Львовне полез: она женщина интеллигентная, городская, не знает ли она, зачем к прокладкам крылышки, не улетит ли его жена к любовнику. Водитель, высаживаясь, вздумал ответить на столь явную насмешку затрепиной. Паршин только коснулся водилы посохом — у бедняги отнялись руки и язык. В финале Трутовик и Паршин показали обществу зверские личины: голова Паршина вдруг стала головой хряка с пяточком и свиными ушами, голова Трутовика — головой осла. Осел радостно закричал по-ослиному, хряк, глядя на Эмму Львовну, сладострастно облизнулся. Эмма Львовна не выдер-

жала. С паническим воплем она кинулась прочь от чудовищ, за ней помчались оба ее спутника.

Последний иномарочник, ставший жертвой колдовства, был пройдоха еще тот, работник МИДа. Он у голосовавших мужиков не притормозил, но когда у него спустили сразу все шины и одновременно заглох двигатель, он живо смекнул, что «мерс» без задних колес на обочине торчал неспроста. Когда к нему Паршин с Трутовиком подошли, он оказался сама любезность: «Эх, ребята, только хотел вернуться вас забрать, а видите... Теперь вот аварийку ждать (мидовец успел звякнуть по радиотелефону). Выпьем, что ли, мужики?» Колбаса сырокопченая, хлебушек, бутылка «Русской» и французский коньяк были при пострадавшем.

Мидовец расстелил газетку, и они уселись за выпивон. Трутовик не столько ел и пил, сколько давился и кашлял, причем содержимое его рта летело прямо на рубашку мидовца. Мидовец не обращал внимания на такие мелочи, а когда Трутовика стало на колени мидовца рвать, прощелыга-мидовец взялся смехом заливаться. Паршин с Трутовиком мидовца поддерживали, давай хохотать, и при этом Трутовика не переставало наружу выворачивать. А тут еще Паршин затеялся мидовцу в стакан зеленых чертиков пускать, чтобы они испражнялись там, так что мидовцу в тот день смеха до самой задницы было.

Мужика выручила подъехавшая «аварийка». Не то чтобы Паршин и Трутовик с «аварийкой» не справились бы, просто им развлекаться надоело.

В этом месте рассказа Паршин, противно засмеявшись, спросил Веронику:

— Хочешь полюбоваться, какую я рожу состряпал той дуре-бабе? Смотри!

Колдун протянул руку. Посох, стоявший у двери, скользнул ему в ладонь. Паршин взмахнул посохом, и вокруг его лица словно пыльный смерч закрутился. Через несколько секунд Вероника увидела голову хряка. Только это была не обыкновенная свиная голова,

какие на базаре на прилавках выставляют. У этой свиньи глаза горели зеленым огнем, клыки распирали безгубый рот, а когда рыло захохотало, оказалось, свинтус имел раздвоенный язык, похожий на змеиный, только гораздо крупнее.

Вероника засмеялась:

— Да, неплохая работа! Но моя мать сварганила бы кое-что почище.

Колдун обескураженно замолчал. Он и не надеялся, что при виде такой зверской личины Вероника упадет в обморок со страха, но на ее изумление он рассчитывал.

Паршин немедленно принял человеческий вид и, не в силах скрыть раздражение, сказал:

— Да уж, твоя мать испекла бы колобок на загляденье, но это если бы она была жива. А так и колобка нет, и матери твоей нет, и ДАРА у тебя нет. Кстати, о ДАРЕ. Знаешь, я бы, пожалуй, мог помочь тебе. Ведь я не простой колдун.

— Я уже поняла. Вы, дядя, колдун второго знака внешней силы.

— Ты умна, прямо в мать, пальцем в небо угодила. Мой второй знак могущества — штука не последняя, но у меня еще кое-что есть. Что ты на это скажешь?

Паршин подошел к цветку, стоявшему у него на подоконнике. Это был кактус, Вероника не любила кактусы. Кактус цвел, единственный розоватый цветок украшал его верхушку. Колдун сорвал цветок, и на глазах у Вероники с цветком произошло превращение.

Цветок, только что небольшой и неяркий, заметно укрупнился, одновременно налившись красным цветом. И форма его изменилась, теперь он напоминал цветок лилии вместо опрокинутого ночного горшка. Еще несколько мгновений, и чудесный цветок засветился, затем загорелся ослепительным алым огнем, и каждый его лепесток теперь казался живым лепестком пламени.

Из семи колдовских трав, то есть трав, обладавших

собственной колдовской силой, только одна трава имела вид огненного цветка. Вероника ни разу не видела воочию цвет папоротника, но не угадать его в этом цветке она не могла.

Цвет папоротника, 78-й знак колдовства, в колдовском травнике назывался скипетром колдуна. Цвет папоротника не только открывал тайное и укрывал явное, цвет папоротника являлся бичом и ужасом демонов. Колдовское начало, заключенное в нем, могло не только защитить от сверхъестественной силы, но и привести эту силу к повиновению, и уничтожить ее при определенной сноровистости колдуна. Всякий колдун мечтал заполучить цвет папоротника в свое распоряжение, однако осуществить это было чрезвычайно сложно. Вообще колдовские травы так просто в руки не давались, что же касается цвета папоротника, наделавшего властью над демонами, то с ним история была особая. Немало колдунов на пути к нему не только все силы свои потратили, но и жизни лишились.

Паршин усмехнулся Веронике в лицо.

— Что, племянница, не прост твой дядя? А ты, верно, думала, что я такой же простачок, как старый гриб Трутовик. Нет, не прост твой дядя, не прост... И не просто мне этот цветик достался. Увидеть бы тебе ночной лес накануне Иванова дня по-нашенски, по-колдовски... За цветом папоротника пойти — это все равно что по зубам дьявола выйти прогуляться, так-то, племянница. И все-таки вот он, цветочек, вот!

Паршин хвастливо махнул цветком, прочертив в воздухе огненный зигзаг.

— А теперь посмотрим, что еще у твоего дяди имеется в загашнике, — осклабился колдун.

Колдун подошел к стене напротив окон и мазнул по бревнам огненным цветком. В этом месте стена легонько заколыхалась, вместо бревен замерцал клубящийся туман. Паршин поманил цветком, и из тумана выдвинулся высокий двухстворчатый шкаф.

— Посмотрим, что тут у нас, — проговорил колдун,

как бы предвкушая удовольствие от созерцания собственных богатств, и распахнул створки шкафа.

Сверху донизу шкаф был заставлен книгами, мешочками, пузырьками и коробочками.

Паршин принялся перечислять свои сокровища, доставая то один предмет, то другой:

— Кровь единорога, перо Феникса, семя плакун-травы... А вот это — зуб вурдалака, преполезная вещь. Уж пришлось мне с упырем повозиться. Да, ты спрашивала про Некрономик? Вот он, Некрономик.

Колдун вынул из шкафа толстый фолиант. Еще когда книга в шкафу стояла, Вероника углядела ее черный переплет с зеркально гладкой поверхностью и знак на корешке: дракон, пожирающий солнце.

— Так ты хочешь заглянуть сюда, племянница? — Паршин, как бы в раздумье, взвесил книгу на ладонях.

Не выдержав, Вероника протянула к книге руки. Паршин хмыкнул, книгу сунул в шкаф, цветком папоротника приказал шкафу вдвинуться в стену. А там — рябь по стене, и ничто уже не напоминало о том, что в этой стене была схоронена колдовская сокровищница.

— Может, я все-таки помогу тебе стать ведьмой, — произнес Паршин. — А может, не помогу. Посмотрим на твое поведение. Поживи пока у меня, а там видно будет.

Колдун взглянул на наручные часы и потянулся в зевоте.

— Спать пора. Завтра мне раненько встать надо. Медвежатины московским обжорам захотелось, будет им медвежатины с котятиной. Хе-хе.

И все-таки ей было бы спокойнее, если бы хотя бы на крючок можно было закрыть дверь ее спальни, подумала Вероника, засыпая в своей комнате.

В полночь девушку разбудил волчий вой. У Вероники спросонья мурашки по телу побежали. А, это дядя занимается, подумала она, уяснив, что вой доносился из гостиной. И повернулась на другой бок.

Она быстро заснула, и понапрасну, Паршин дал

целый концерт: вой сменился мычанием, мычание сменилось блеянием, затем настал черед поросячьему визгу, и завершило программу воронье карканье. Крики майского кота Паршин оставил на следующий раз.

Утром колдун спросил у Вероники:

— Как спалось, племянница?

— Ничего, только в полночь очень уж сверчки расчихвостились.

— Они у меня такущие. — Колдун помолчал. — На псовой охоте была?

— Я только на грибной охоте была, больше ни на какой.

— Значит, со мной пойдешь. Сегодня знатная охота будет, zalюбуешься!

На завтрак был грибной супчик. Уж не из тех ли стариковских грибов сварен, подумала Вероника, помешивая в тарелке ложкой. Когда Паршин налил себе добавки, Вероника решилась. Ее дядя любил своим колдовским могуществом покрасоваться, так что, если бы он хотел ее убить, он бы избрал для этого какой-нибудь колдовской, зрелищный способ. Для Паршина было бы слишком банально накормить ее ядовитыми грибами.

Только они встали из-за стола, как в избу без стука вошел Трутовик.

Подав непонятный знак Паршину, старичок ласково обратился к Веронике:

— Мяко спала, деточка?

— Мяко, — буркнула Вероника.

— А стелил тебе дядя, небось, ой, как жестко! — И Трутовик шутливо погрозил Паршину пальцем.

Паршин отмахнулся:

— Молчал бы. — И, Веронике: — На охоту пора, идем.

Колдун взял посох, показал старичку и Веронике, выходите первыми. Когда он вышел из избушки, при нем никакого посоха уже не было, он держал мелкокалиберную винтовку.

Винтовку Паршин понес в руке. Втроем они пошли по наполненному птичьим гомоном утреннему лесу, и старичок забалакал, замолол языком, и все попусту: «Хорош денек, ах, хорош денек! Ох, старенькие косточки разморило. Ох, миленькие, разморило. Ох! Ох! А сколько этих деньков нам осталось... Лиса Патрикеевна, сколько их, сладеньких, нам осталось?» Старичок гладил лису, наподобие щенка резвившуюся у его ног, правым глазом на Паршина щурился, а левым Веронике подмигивал. Паршин шел молча, то хмурясь, то усмехаясь, как бы о чем-то сосредоточенно думал. Из своей задумчивости он выходил три раза на долю секунды, и всякий раз его старичок из себя выводил. Первый раз Паршин, как будто ни с того ни с сего, бросил старичку: «Отставить, пень трухлявый!» Второй раз колдун ткнул старичка кулаком в бок: «Не понятно?» На третий раз Паршин прикладом винтовки хлопнул старичка по худосочному заду, старичок заверещал. В этот последний раз Вероника углядела: проклятый старичок, вместо того чтобы спокойно болтать себе по-стариковски, пакостную штуку вычудивал. На старичке были шаровары, ну так он и высовывал из-под поясной резинки длинный хвост, похожий на ослиный, с пышной кисточкой с проседью. Этой кисточкой дрянной старичок лез щекотать Веронику между ягодицами (а она думала, то ветки кустов ее задевают).

В центре большой поляны красовался терем-теремок, находившийся на балансе заказника и построенный якобы для привлечения денежных средств во внебюджетный фонд заказника. Чтобы природу охранять, деньги нужны. На самом деле охотничий домик был построен Григорием Алексеевичем Крамсковым, который давал «крышу» директору заказника. Домик построили, чтобы Крамскову было где нужных людей ублажать. Крамсков, бывший полковник КГБ, президентствовал в страховой компании «Никос». Григорий Алек-

сеевич находил для отечественного бизнеса зарубежных инвесторов, сводил людей, давал кое-какие гарантии безопасности вложения и на посредничестве брал свои комиссионные.

В этот день охотничьему домику-теремку предстояло принять первых гостей.

Крамсков задумал устроить охоту на медведей для Боба Джексона, менеджера высшего звена американского банка «Бруклинский кредит», и двух претендентов на этот самый кредит. Один из претендентов, Лавр Герасимович Дубасов, владел компанией «Русская сталь» (бывший оборонный завод «Знамя Ильича»). Другой, Богдан Данилович Слезов, с Останкинского часового завода кормился.

Отечественные хозяева стоворились с американцем, однако еще не все бумаги были подписаны, так что не грех было бы для верности деловые отношения дружеской связью укрепить. Джексон сам заикнулся про охоту, он заядлым охотником был, а у Крамскова как раз в охотничий домик мебель завозили.

У терема было оживленно. Бегали тетки с кастрюлями, носились собаки, кучкой стояли егеря. Немного в стороне от терема на заасфальтированной площадке блестели две «вольво», «девятка» и микроавтобус «фольксваген-транспортёр».

Вероника и не заметила, как старичок Трутовичок отстал, так что на поляну они вышли вдвоем с Паршиным. К ним тотчас подошел спортивного вида молодой человек: Крамсков обеспечивал своим клиентам не только развлечение, но и безопасность. Паршин объяснился. Молодой человек достал рацию. Тут же появился Валериан Прокопиевич, начальник Паршина.

— Ты почто, Леонид, опаздываешь? — произнес Валериан Прокопиевич со слезой. — Я уже за тобой посылать хотел. А племянницу зачем с собой взял?

— Хочет на охоту посмотреть.

— Спектакль, что ли? Пускай девочка домой идет, нечего ей здесь делать.

— А если ей очень-очень хочется на охоту посмотреть?

— Издеваешься?

Подшел плотный мужчина среднего роста, пегий «бобрик» на голове. Расслышав конец разговора Валериана Прокопиевича с Паршиным, он произнес:

— Пусть девушка остается. Только у нас сложа руки не сидят. Иди на кухню, спросишь...

— Я на твоего бугра кухарить не собираюсь, — заявила Вероника.

Хворин, заместитель Крамского, еле приметно улыбнулся. Примерно таких слов он от девушки и ожидал.

— Как тебя зовут? Вероника? Прекрасное имя. С таким именем грех жариться на кухне. Проводи Веронику к девушкам, Егор.

Паршин легонько подтолкнул Веронику:

— Иди. Видишь, как все устроилось.

Веронике не улыбалось ни к каким девушкам идти, да и вообще здесь оставаться у нее охоты не было. И все-таки она на этот раз промолчала. Паршин какую-то игру затеял, ладно, она сыграет. Лишь бы только он помог ей в ее деле.

...

Пройдя пост охраны у входа в терем, Вероника с Егором стали подниматься по лестнице. Здесь половозрелый Егор ее ущипнул, а второго щипка у него не получилось, она мигом зажгла ему щеку пощечиной. Будь это в ином месте, плакала бы Вероникина невинность, но сейчас отсидевший за изнасилование Егор струсил, Крамского он боялся куда больше народного суда. В комнате, где Егор оставил Веронику, скучали три девушки. Прежде чем уйти, Егор кивнул на Веронику: «Вместо Могилы». Вероника проводила его презрительным взглядом. Напрасно она отнесла этот эпитет на свой счет: Могилой звали девушку, вместо которой Хворин определил ее. У Могилы на пути в теремок живот скрутило, дизентерия, что ли, началась. Хво-

рин собрался уж в Москву за другой девушкой послать, чтобы каждому из господ по девушке было, а тут Вероника подвернулась.

Проститутки накурили так, что было не продохнуть. Вероника закашлялась. Она сама покуривала, но это она баловалась, а девчонки курили для кайфа, чтобы никотин обязательно в кровь всосался.

Вероника открыла окно.

Девчонки не возразили. Белокурая крошка, кровь с молоком, хрипловатым голосом спросила:

— Ты откуда, девушка?

— От верблюда.

Вероника совсем не была расположена к пустопорожней болтовне. Она все больше злилась. Паршин явно замыслил какую-то гадость, но что именно, она никак не могла понять. И какую роль отвел ей Паршин? Роль наблюдательницы? Или он постарается и ее испачкать в дерьме? Или его план в том и состоит, чтобы вымазать ее в дерьме?

Вероника опустила в плетеное кресло — мрачная, напряженная.

— Суtener побил, что ли? — предположила маленькая брюнетка, черт в постели.

— Не. Клиент попался оторви задница, — ответила за Веронику самая старшая из девушек, рыхлая «бегемотиха».

На этом девчонки о Веронике как бы позабыли и принялись болтать о своих проблемах: какие сутенеры бесстыжие, еще поганее ментов, какой клиент пошел дрянной. Теперь мужикам все телятинку подавай, чтобы не старше двадцати, а ведь малолетки никогда не сработают с должным качеством.

...

Ровно в десять утра к терему подъехал кортеж автомашин. Крамсков вышел с американцем из черного «роллс-ройса», Лавр Герасимович Дубасов выскочил из белого «мерседеса», Богдан Данилович Слезов долго

выбирался из синей «БМВ». Из джипов сопровождения высыпала охрана.

На поляне был накрыт стол, для придания сельского колорита рядом поставили широкие деревянные лавки. Дубасов, великий чревоугодник, сразу у стола оказался, одного салата в рот, другого, и рукой американцу замахал:

— Боб! Боб!

Дубасов жестами показал, как вкусно. Словами Лавр Герасимович с американцем объяснить не мог, Лавр Герасимович был ни бум-бум в английском. А уж сколько он потратил денег на репетиторов, не приведи господи. Видно, когда способностей не больше, чем у пробкового дуба, деньги не помогут.

Господа принялись перекусывать. Американец что-то одобрительно залопотал по-своему, Слезов тост предложил: «За удачную охоту». Американец, знавший несколько слов по-русски, слюбезничал: «За русский стол и русский охота». Насытившийся Дубасов затеребил Крамскова: «Где мой медведь?», затем на американца переключился: «Русская охота — во! Русский зверь — во! Русский мужик — во!» Слезов медленно жевал лягушачью лапку.

Крамсков все поглядывал на часы. В одиннадцать тридцать он встал из-за стола. Пора.

Место для охотников было подготовлено заранее: складные стульчики, тент на случай дождя, прохладительные напитки. Здесь же — два человека с видеокамерами, событие увековечить, и четыре автоматчика Крамскова. Охота охотой, но безопасность прежде всего.

...

Валериан Прокопиевич, директор заказника, в числе ближней obsługi неподалеку от охотников стоял, стоял и дрожал. Как бы Паршин не подвел, крутилось у него в голове, как бы не подвел, сукин сын! Паршин

был мужик с чудиной, в деревне про него плели бог знает чего, но работу он справлял отменно. Поначалу Валериан Прокопиевич опасался, как бы этот правильный лесничий не стал копать под него, выискивать у него грешки, но нет, Паршин оказался не из таковых. Он вообще был мужик понятливый, то есть понимал, что у него зарплата маленькая, а у начальника не намного больше. Когда Валериан Прокопиевич сказал, что из двадцати бурых медведей, присланных в заказник, придется списать штук несколько, Паршин только пальцы послунывил.

И все-таки что-то было в Паршине, что не давало Валериану Прокопиевичу покоя. Медведи уже должны были появиться, почему их нет? Две тысячи баксов Валериан Прокопиевич получил от Крамскова, как же тут не беспокоиться.

Издали донесся собачий лай. Валериан Прокопиевич подслеповато прищурился. Лай собак быстро приближался. И, похоже, собаки не впустую лаяли, зверя гнали.

Наконец на тропинке показались два медведя. Звери были крупные, отличные шкуры. Только почему их двое? Оставалось надеяться, что Паршин не подведет с третьим мишкой.

На ходу перебив хребты трем или четверем псам, медведи побежали куда нужно, то есть напрямик на охотников. С этими двумя косолапыми полный порядок, но где же третий медведь?

Охотники начали стрелять. Валериан Прокопиевич видел, как целился американец: поправит очки и прицелится, поправит очки и прицелится. Крамсков не стрелял, давал гостям показать себя, хотя карабин у него в руках имелся.

Черт возьми, да они что, с такого расстояния все никак не могут в зверя попасть?!

Медведи разогнались хорошо, охотники в них пульки слали, а они на охотников пулями летели. Когда рас-

стояние между медведями и охотниками сократилось до критической черты, недоумевающий Крамсков подал знак автоматчикам. Крамсков не сомневался, что его гости, включая американца, охотники были аховые, но он, почему он, проводящий в тире каждую неделю по три часа, почему он ни разу не попал? Правда, он сделал всего три выстрела, и все-таки...

Затрещали автоматные очереди.

Звери бежали как ни в чем не бывало.

Первым запаниковал Дубасов. Отшвырнув винтовку, Лавр Герасимович кинулся наутек. У Слезова винтовка заходила ходуном. Американец впал в какое-то оцепенение, очки свалились у него с носа, он не нагнулся за ними.

В тот самый момент, когда Крамсков хладнокровно собрался последовать примеру Дубасова, медведи, до этого бежавшие бок о бок, как бы в связке, вдруг разделились. Один побежал налево, другой метнулся вправо. Собачья свора тоже разделилась. Минута, другая, и лай собак затих вдаль.

Крамсков нагнулся к американцу с пачкой «Мальборо», спросил по-английски, не желает ли сэр закурить? Сэр желал. Слезов, всегда такой значительный, кинул винтовку на землю, дорогушая оптика разлетелась вдребезги. Рядом раздался матерок Дубасова, не успевшего отбежать далеко. Лавр Герасимович материл свой кишечник, не сумевший сохранить достоинство.

Таким образом охота обернулась для охотников неприятностью, но тут им некого было винить, сами зазевались, а вот Валериан Прокопиевич пострадал от медведей совершенно невинно. То есть он от одного медведя пострадал, от того, который повернул направо. Как-то разом рядом с Валерианом Прокопиевичем образовалась пустота — и вдруг на него налетает медведь, опрокидывает его на землю, хамкает ему в лицо и в заключение пускает ему в голову струю испражнений. Валериан Прокопиевич цел остался, но на некоторое

время он даже позабыл о предстоявшем ему неприятном разговоре с Крамсковым.

Тем временем Крамсков метался в мыслях, как исправить положение. Действовать он начал почти одновременно со своими метаниями. Фляжка с коньяком всегда при нем находилась. По сто пятьдесят каждому охотнику — и стресс как рукой сняло. А у кого не сняло, просим к столу, там будет, чем стресс снять.

Стол на поляне бабы успели заново накрыть. Через полчаса господа уже смеялись. Действительно, как забавно: они палят в медведей, а звери — ни гу-гу! «Завтра мы им шкуры подпортим, завтра!» — воодушевлял Дубасов, одетый во все чистое. Правда, качество одежды не соответствовало его положению, поскольку костюмчик, рубашка и нижнее белье были взяты у одного из охранников.

«А на самом деле, — подумал Крамсков, — почему бы завтра не продолжить охоту? Нельзя же вот так уехать! Оружие было неисправно, понятно, оружие заменят».

Крамсков хотел позвать Валериана Прокопиевича, но передумал. Эти мишки в заказнике очень шустрые. Лучше послать человека в зоопарк, уж одного медведя им продадут, тем более, если попросить старого и больного. Один медведь на троих, конечно, маловато, но не возвращаться же им в Москву без медвежьей шкуры. А может, в зоопарке двух медведей-старичков продадут... Распорядившись потихоньку насчет зоопарка, Крамсков позволил себе расслабиться.

К ночи все перепились. Слезов, тот прямо за столом заснул, а Дубасова устали из-под стола вытаскивать. Американец все горланил какую-то американскую песню, в перерывах бегал в кусты плевать. Крамсков, видя, что время ко сну отходить, поднялся: «А теперь баю-баю. В спальнях вас ждет сюрприз, господа!»

Вечером Веронику отвели в просторную комнату с

громадной кроватью под балдахином. Глухонемой парень, которого проститутки звали Грыжа, положил на столик рядом с лампой стодолларовую бумажку, мол, твои деньги. Это ее унижение, очевидно, входило в замыслы Паршина, не думал же он, что с ней будут обращаться как с принцессой, сказала себе Вероника. Ладно, посмотрим, как дальше дело пойдет. Пока ее не насилюют, так что можно подождать со скандалом.

А дальше все пошло, как и должно было пойти: в десять вечера в коридоре заплюхали шаги, и в комнату к ней ввалился невысокий толстячок с красной пьяной рожей. Лавр Герасимович Дубасов, увидев Веронику, засалился, засюсюкал:

— Сюда, сюда, моя цыпочка!

Неловкими движениями крепко выпившего человека Дубасов принялся расстегивать штаны. Вероника кинулась к двери. Лавр Герасимович, на краткий миг растерявшись, попытался преградить ей дорогу (шутки с ним вздумали шутить, что ли?). Вероника увернулась, выскочила в коридор. И попала прямоком в объятия Грыжи.

Немой обхватил ее сильными руками, загнул, просунул меж слоновьих ног. Шалава хотела удрать от клиента, это был страшный проступок. По-хорошему ее стоило бы изнасиловать, но немой собрался только отшлепать девку по заднице (впрочем, до оргазма он себя при этом все равно довел бы).

Первый хлопок был, как доской Веронику ударили. Второго, к счастью, не последовало. На оголенную поясницу Вероники полилось что-то мокрое. Сперма, подумала она сначала. Жидкости было столько, что там, под ней, наверное, лужа образовалась. Вот мерзость какая.

Вероника посмотрела под себя.

Жидкости и в самом деле на полу собралось немало, только то была кровь.

Великан раскачивался все сильнее, и совсем не от экстаза. Наконец, продолжая сжимать ляжками Веронику, Грыжа рухнул на пол.

Она сильно ушиблась, но как будто не сломала ничего. Освободившись от гадкого обхвата, она увидела: прямо перед ней на задних лапах стоит медведь, гримадина головой под потолок.

Медведь рявкнул, почесал лапой брюхо. В этот момент из спальни вышел Дубасов. Разъяренный хозяи-чик собрался пойти к Крамскову, обматерить его как следует за такую охоту.

Лавра Герасимовича замутило. Медведь двинулся на него, и он потерял сознание. Пожалуй, это был лучший из вариантов, как мог отреагировать организм Дубасова, потому что в следующее мгновение медведь об-лапил Лавра Герасимовича, не дав упасть, и отгрыз ему голову.

Вероника опрометью кинулась к лестнице. Вдруг по дому, до этого мертвенно-тихому, разнеслись крики людей, зазвучали выстрелы. Она сбежала по ступень-кам вниз. В холле первого этажа бесчинствовал дру-гой медведь, это в него палили бойцы Крамскова. На пути до выхода Веронике пришлось перепрыгивать че-рез трупы.

Выскочив из терема, девушка как оглашенная по-неслась в темноту. Она бежала не разбирая дороги, пока исцарапанные ноги не стали отказывать, и тогда она, обессиленная, опустилась на жухлую листву.

Постепенно сердце стало успокаиваться, дыхание выравнилось, и Вероника начала рассуждать.

Кто были те неуязвимые медведи, она поняла сра-зу: Паршин и Трутовик, кто же еще. Но с чего ей взбрело в голову, что то Паршин по ее душу явился в медвежьем облике? Он мог бы сожрать ее и в своем домике, к чему весь этот спектакль с охотой? Да и, если бы он непременно хотел ее убить, почему он дал ей уйти? Ему ничего не стоило задержать ее там, на втором этаже.

Скорее всего, это он просто выпендривался перед ней, решила Вероника.

Уж не влюбился ли он в нее?

Вернее сказать, уж не замыслил ли он с ней переспать?

Попользоваться собою она ему не даст, здесь для нее была полная ясность. Видно, придется ей все-таки убраться отсюда, так и не получив от дяди колдовскую помощь.

Вероника вздрогнула. Что такое? Она встала на ноги, отодвинула ветки... Совсем рядом, в нескольких шагах от нее, чернела избушка лесника.

Леший, что ли, привел ее сюда? Или тут вмешалась судьба?

Вероника осторожно приблизилась к избушке. Похоже, в избушке никого не было. Ну конечно, ведь в это время колдун разбирался с охотниками.

Она поднялась на крыльцо и толкнула дверь.

Вероника не очень удивилась бы, если бы деревянный настил под ней обвалился и сила тяжести увлекла бы ее прямоенько в ад. Оказалось, дверь не охранялась колдовством, и даже на самый обыкновенный замок она не была заперта.

У входа Вероника увидела посох колдуна. Прислоненный к стене, посох светился, как светятся гнилушки, синеватым тусклым светом. Вероника долго не могла оторвать от него алчного взора: вот он, верный помощник Паршина, сосредоточие его колдовской силы. И если действительно посох обладал собственной колдовской силой, тогда его верность Паршину могла не быть абсолютной. И тут появляется надежда, что...

Определенно, посох засветился сильнее. Красноватые огоньки стали пробегать по нему и вдруг сложились в вереницу колдовских знаков. Если бы Вероника была колдуньей, она смогла бы прочесть эти знаки, а так...

Вероника не стала трогать посох. Как можно дальше обойдя посох, она прошла в избу и зажгла свет.

Первое, что она увидела в гостиной, увидела еще в темноте, был кактус на подоконнике. Цвет папоротника, замаскировавшийся под цветок кактуса, заклю-

чал в себе ее шанс обрести колдовскую сущность. По хорошему Веронике надо было литературу поднять, выяснить в деталях, каков характер у колдовского знака 78 «Цвет папоротника». Времени не было, не будет же Паршин развлекаться в охотничьем домике до самого утра.

Может, она коснется цветка и умрет, подумала Вероника, протягивая руку к блеклому цветку.

Цвет папоротника дал к себе прикоснуться.

Вероника с застучавшим сердцем сорвала цветок, и в руке у нее с цветком произошло то самое превращение, которое случилось с ним в руке у Паршина.

Сжимая пламенеющий цветок, Вероника с облегчением отметила, что его огонь совершенно не жег ей пальцы. Иными словами, цвет папоротника не проявлял ни малейшего неудовольствия, что он находился у нее в руке. И значит, можно было попытаться воспользоваться его колдовской силой.

Вероника подошла к стене, откуда выдвигался черный шкаф, и провела по бревнам огненным цветком так, как это тогда на ее глазах сделал Паршин.

Стена колыхнулась, как в тот раз, и исчезла. На месте стены за клубился туман. Вероника опять повторила жест Паршина, и из тумана в комнату вполз черный шкаф.

Она раскрыла створки. Где же он? А, вот. Вероника бережно сняла Некрономик с полки и положила на стол. Что же, можно приступать. Хотя книга принадлежала Паршину, Вероника знала точно, что Некрономик не расплющит ей пальцы между страницами.

Итак, она хочет узнать, когда и в каком месте ее будет ждать удача и что ей нужно сделать, окажись она в нужное время на этом месте, чтобы получить колдовской дар из рук случайности.

Она с минуту держала ладони на корочках книги, пусть Некрономик хорошенько уяснит ее вопрос, и только потом раскрыла книгу посередине.

Она увидела пустые страницы.

Но Некрономик был жив, потому что Паршин был жив, листы книги не рассыпались, как обгорелые. Значит...

У Вероники захолонуло сердце. Значит, в ближайшем будущем ей счастливой случайности не видать ни за что.

Она полистала книгу к концу. Все страницы были пустыми. Некрономик говорил: даже в отдаленном будущем ей не выпадет случай стать колдуньей.

Ой, что-то там мелькнуло на странице!

Вероника вернулась на страницу назад. Медленно, как бы нехотя, на белом листе проступили черные, в красных завитках буквы:

«Жди ДАР в шестьдесят лет семь месяцев и пять дней. Место не имеет значения. В этот день ты должна будешь сжечь две спички, раз чихнуть и два раза поперхнуться.

Если доживешь».

Потемнев лицом, Вероника захлопнула книгу.

Горечь недолго перчила ей нервы: она разозлилась. Ждать, когда ей исполнится шестьдесят? Дудки! При чем еще неизвестно, доживет ли она до шестидесяти. Ее надежды на счастливый случай оказались тщетны, ладно же. У нее есть цвет папоротника, а цвет папоротника годится не только для того, чтобы туда-сюда двигать шкаф.

Цвет папоротника давал власть над демонами. Не абсолютную власть, конечно. Цвет папоротника не делал колдуна, своего хозяина, князем ада, но все-таки немалую власть над демонами он давал. Допустим, она вызовет демона, для чего совершенно не нужно было обладать колдовской силой, дальше что? Сможет ли она силой цвета папоротника принудить демона принести ей ДАР? И вообще, могут ли демоны наделять способностью колдовать?

Перед Вероникой был универсальный ответчик на вопросы, Некрономик, и Вероника решила им воспользоваться.

«Могу я получить ДАР от демона?» — спросила она книгу.

«Да» — появились буквы.

«Что я должна для этого сделать?»

«Вызвать демона. Уберечься от демона. Заставить демона».

«У меня есть цвет папоротника. Этого достаточно, чтобы уберечься от демона?» — спросила Вероника.

«Да. Если ты захочешь уберечься от демона».

Ответ Некрономика Веронике не понравился. В нем была какая-то двусмысленность. Подумав, она задала новый вопрос:

«У меня есть цвет папоротника. Если я вызову демона, что я должна сделать, чтобы уберечься от демона?»

Некрономик был краток:

«Оставайся за чертой. Проси и молчи».

Получение ДАРА происходило при весьма тесном контакте дарителя и одариваемого, то есть в этот момент между демоном и Вероникой никак не могла проходить черта. Иными словами, способ уберечься от демона, подсказанный Некрономиком, для Вероники был непригоден.

Но были же другие способы уберечься от демона. Вероника уточнила вопрос:

«У меня есть цвет папоротника. Я вызову демона. У демона я потребую для себя колдовскую способность. Я должна буду пересечь черту, чтобы от демона эту колдовскую способность получить. Что я должна сделать, чтобы демон меня не сожрал?»

«Не бояться».

«И этого достаточно?»

«Нет».

Веронику бросило в пот. Попробовать изменить вопрос?

«У меня есть цвет папоротника. Уф... Я вызову демона. У демона я потребую для себя колдовскую способность. Я должна буду пересечь черту круга, что-

бы от демона эту колдовскую способность получить. Черту круга я пересеку с цветом папоротника. В каком случае демон не сможет меня убить?»

«Если демон будет по всем граням размеренности слабее цвета папоротника, демон не сможет тебя убить».

«Как такое может быть?»

Вероника и сама не знала, как у нее вырвался этот расплывчатый, как будто совершенно непригодный для общения с Некрономиком вопрос. Тем не менее книга поняла ее. Прежде чем она успела сформулировать новый вопрос, Некрономик сказал своими черными буквами в красных завитках:

«Вызови слабого демона. Требуи у слабого демона. Возьми ДАР у слабого демона».

«И какой демон самый слабый?» — тут же спросила Вероника.

Страница Некрономика осталась чистой: вопрос был задан неправильно.

«Что это я, — удивилась сама себе Вероника. — Где мои знания по демонологии? У демонов сила переменчива, и еще от обстоятельств многое зависит». Она задала вопрос иначе:

«Вот сейчас, какой демон по отношению к цвету папоротника самый слабый?»

«Демон Закиел».

«И как долго такое положение будет сохраняться?»

На странице показались какие-то цифры, но осознать их Вероника не успела. Рядом с ней раздался голос:

— Занимаемся, так сказать, упражняемся в колдовстве? Очень хорошо, племянница.

Вероника быстро посмотрела на край стола, куда она положила цвет папоротника.

Цвета папоротника на столе не было.

Цвет папоротника горел в руке у Паршина.

«Все пропало», — похоронно пробил колокол в голове у Вероники.

— Любознательная у меня племянница, однако.

Паршин, согнав с лица улыбку, сунул Некрономик в шкаф и взмахнул цветком. Створки шкафа захлопнулись, шкаф плавно въехал в стену, тут же принявшую свой обычный вид.

Паршин обернулся к Веронике:

— А ты смелая. Вся в мать. Или не вся в мать?

Колдун небрежно швырнул цветок на стол, затем растопырил ноги и с самым недвусмысленным видом двинулся к Веронике.

Вероника попятилась к стене. Бросив затравленный взгляд по сторонам, она увидела, что одно окно гостиной по летнему времени приоткрыто. Девушка собрала все свои силы и бросилась к окну.

Она так рванула на себя раму, что полетели стекла. У них в клубе для девушек-певичек велись занятия аэробикой, так что перемахнуть через подоконник ей не составило труда. Да и страх — хороший подгоняла.

Паршин и не подумал задержать ее в доме, хотя, наверное, несмотря на всю ее быстроту, он это смог бы. Не шевелясь, колдун с минуту смотрел на окно, в котором исчезли ее трусики, потом усмехнулся. Не уйдет.

Колдун направился к двери. Выходя из избы, он взял свой посох.

Избушка лесника уже скрылась за деревьями, светила луна, было тихо и торжественно. Вероника неслась, как ошпаренная. Единственное, о чем она думала, так это как бы не свернуть в сторону, а не то повернешь раз, другой, и опять окажешься перед избушкой лесника.

Лес долго благоволил к ней: ни тебе буреломов на пути, ни лесных озер. И вдруг все изменилось. Покорный нечеловеческой силе, лес пришел в движение. Деревья потянулись к ней тысячами веток, колючие кустарники стали цепляться за ее икры, и даже трухлявый пенек не преминул козырнуть Паршину. Когда Вероника пробежала мимо трухача, тот выпростал из-под

земли длинный корень и ухватил им Веронику за лодыжку. Вероника непременно упала бы, если бы гнилой корень не оборвался.

Идя по следу Вероники, Паршин все больше раздражался. Он и не предполагал, что девчонка сможет так далеко удрать. Наконец, отбросив чинность, колдун побежал. На ходу его ноги превратились в козлиные ноги сатира с копытами. Так было удобнее бежать.

Вероника бежала из последних сил, она задыхалась, она всю свою волю сосредоточила на том, чтобы не упасть, и вдруг деревья, расступились. Впереди в лунном свете блестела водная гладь.

Насколько Вероника помнила, колдун внешней силы мог приказывать деревьям и зверям, но не мог приказывать воде. В этом месте речка широко разливалась, Вероника могла бы побежать вдоль берега, но в речной воде она увидела спасение, и она, не сбавляя хода, бросилась в воду.

Здесь было мелко. Пробежав по мелководью с десятков шагов, Вероника попала ногой в ямку. Она не упала, только пошатнулась. И оглянулась.

Паршин стоял у самой воды. К Веронике он протягивал свой посох, принявший форму волосатой руки со многими суставами. Стоило Веронике замешкаться, и когтистые пальцы ухватили ее за плечо. Она вскрикнула от боли: острые когти глубоко погрузились в нежное девичье мясо.

Набухли жилы, которыми посох врос в правую руку колдуна. Хватка была сильной.

Веронику неумолимо потащило к берегу.

Вне себя от боли и страха, девушка закричала.

В это время река, насколько хватало глаз, была безлюдна, ни тебе отчаянных бракуш (в речке водились одни пескари да гольцы), ни сердобольных бомжей, ни милых любовников. И тем не менее помощь к Веронике пришла, откуда она и не чаяла ее получить.

Зеленоватое пламя заплясало по воде в том месте, над которым был простерт посох колдуна. Огненные языки лизнули волосатую руку. Колдовская сила пламени, видно, была очень велика: посох Паршина немедленно принял свою первоначальную форму, и тем самым Вероника освободилась от цепкой хватки.

Паршин выругался. Однако колдун не стал демонстрировать свое красноречие. Выпустив пару матюгов, Паршин громко и четко начал произносить заклинание Исхода, заклинание, собиравшее все силы колдуна в единый кулак.

Посох Паршина загорелся ровным алым светом и начал удлиняться. На конце посоха стал формироваться острый крючок, как у багра. Возможно, этим посохом-багром Паршину и удалось бы подцепить Веронику, которая стояла по колено в воде ни жива ни мертва от страха, но тут между колдовским посохом и девушкой возникла преграда.

Зеленоватый огонь загорелся ярче, от огня по воде волнами пошло зеленое свечение, и из центра пламени поднялась женщина в легких белых одеждах. Слабое сияние исходило от ее одежд и от бледного, без единой кровинки, лица.

Русалка взялась за острый конец колдовского посоха. Ярко-красный, будто раскаленный докрасна, посох просвечивал через ее руку. Она потянула посох на себя, и Вероника увидела, как вздрогнул колдун, силясь сохранить равновесие. Судя по всему, русалка не чувствовала боли ни от острия посоха, ни от огня его колдовства.

— Убирайся, Алеура, — с угрозой произнес колдун и дернул посох на себя.

Из ладони русалки, в которой она сжимала острие посоха, вылетел сноп синих искр, но посох она в руке удержала.

— Ты умрешь, Карзоар! — сказала русалка убежденно и засмеялась, как колокольчик зазвенел. — Ты умрешь, Карзоар!

Если бы сейчас был день, можно было бы увидеть, как лицо колдуна покрылось испариной, как задрожал он, напрягая все свои силы, и без того взбудораженные заклинанием Исхода. Алеура выгодный момент подстерегла: сейчас его силы были подточены подвигами в охотничьем домике, кроме того, в своей погоне за Вероникой он забыл об осторожности и подошел к реке слишком близко, у него под ногами стояла вода.

Для Паршина было небезопасно подходить к реке, русалочьей вотчине, с тех пор как он Алеуру изнасило-вал.

Дернув посох на себя еще раз, Паршин понял, что без дополнительной энергетической подпитки ему с Алеурой не совладеть. Тогда всю свою силу Паршин вложил в кодовской голос. Он воззвал к земле, источнику своей кодовской энергии. Он не мог выполнить нужный ритуал, но в исключительных случаях земля без церемоний отвечала на зов своих колдунов.

На этот раз земля не отозвалась. Зато у ног Паршина закружили зеленоватые огоньки. Земля в этом месте была насыщена водой, поэтому Алеура сумела заглушить для земли его голос.

Вот оно как? Подхваченный яростью, Паршин прибегнул к другому средству. Он считал себя непревзойденным мастером превращения, и он пошел на одно колдовство превращения, которое относилось к запретным.

Колдун стал ниже и шире, у него отросла борода, борода и усы быстро поседели. Он постарел лицом, его ноги искривились, живот сделался необхватным.

Паршин думал, что в образе демона подземелий он без труда прильнет к земле, но не тут-то было: и его голос демона оказался бессилем проникнуть сквозь заглушку, поставленную русалкой. Или это потому, что его превращение несовершенно? Кажется, он должен был наизусть прочитать описание демона Орра из «Каталога кодовских знаков», а он этого не сделал.

Память у Паршина была отменная, и он принялся

быстро воссоздавать в уме нужный текст. Тут русалка потянула посох на себя. Потерять посох для Паршина означало потерять голову, и он, на миг отвлекшись, выпустил из рукава огненную змею. Гадина, обвиняясь вокруг посоха, устремилась к русалке. Из рукава Алеуры выполз окутанный зеленоватым пламенем тритон. Когда змея и тритон встретились, Паршину стало не до воспоминаний.

Очнувшись, Вероника ощутила такой упадок сил, что ей нечего было и мечтать о противоположном берегу реки. Паршин с русалкой схватились не на шутку, колдуну сейчас явно было не до нее, и Вероника бочком-бочком выбралась из воды.

Пока Паршин занят с русалкой, не вернуться ли ей в избушку?

При Паршине был его посох, значит, вряд ли он захватил с собой цвет папоротника: колдовские силы, не наделенные разумом, с трудом соседствовали друг с другом. Да и к чему Паршину брать с собой цвет папоротника, если он хотел всего-то настичь простую девушку, а не дьяволицу и даже не колдунью?

Вероника пошла к избушке лесника, как это она себе представляла. Заклятие, наложенное Паршиным на окрестность, силой которого лесные тропинки выводили Веронику к дому лесника, должно было помочь ей. Если только Паршин наложил такое закливание на лес.

Немного поплутав, Вероника вышла на избушку. Войдя в дом колдуна, девушка в сторону окна посмотрела, на месте ли кактус с цветком.

Кактус был на месте, кривился себе на подоконнике зелеными лепешками в колючках. Никаких цветков на нем не было.

Цвет папоротника должен был находиться в избушке, где же он?

Вероника принялась за поиски. Когда она в деся-

тый раз осматривала полки со всякой хозяйственной дребеденью, она обратила внимание на черную пепельницу.

Девушка взяла пепельницу в руки. Пепельница была тяжелая, как бы свинцовая, она имела форму змеи, свернувшейся в три кольца. Над кольцами поднималась треугольная змеиная голова с острозубой пастью.

Эту пепельницу Вероника раньше не замечала. Кроме того, пепельница была совершенно чистой, без всяких следов пепла.

Цвет папоротника мог по воле колдуна маскироваться под любой предмет. Чтобы цвет папоротника вернул себе первоначальный облик, нужно было только сказать ему об этом по-хозяйски. Вероника уже знала, что цвет папоротника признавал своим хозяином любого, у кого он оказывался в руке.

Девушка сжала пепельницу в руке посильнее и прочитала про себя пару строк из гимна «Силе колдовства пою». Тут же вещество пепельницы будто вздохнуло у нее в руке, и вместо пепельницы у нее в руке заалел колдовской цветок, знаменитый 78-й знак колдовства.

Силой цвета папоротника Вероника призвала в комнату черный шкаф Паршина. Раскрыв створки, девушка вдела цветок в петлю блузки, так цвет папоротника сохраннее будет.

Вероника поначалу хотела уточнить у Некрономика, как ей следовало себя вести с демоном Закиелом, чтобы наверняка от него колдовскую способность получить. Однако время сейчас работало не на нее. Ей следовало спешить, в любой момент могла наступить развязка в схватке Паршина с русалкой. Если бы колдун выжил, он мог бы помешать Веронике на ее пути к колдовской силе. Если бы колдун погиб, его смерть могла бы помешать ей. Все явления колдовских знаков, находившиеся в услужении у колдуна, умирали с его смертью. Цвет папоротника должен был увянуть или исчезнуть, если бы Паршин умер. А если это произойдет во время разговора Вероники с демоном?..

Дело само покажет, как ей следует себя вести, решила Вероника. Она принесла из боковой комнаты внушительный том Зигфрида Розенблюма «Практическая демонология» и быстро нашла по алфавитному указателю коротенькое слово «Закиел».

Закиел был демоном озер и болот. Чтобы его вызвать, требовалось лягушачье вымя, семя остролиста и сердце ужа. В шкафу у Паршина Вероника, хотя и не без труда, нашла все эти компоненты. Колдовской круг Вероника чертить не стала. К чему он ей, если с ней цвет папоротника, а Некрономик ясно сказал, что на данное время этот самый Закиел слабее цвета папоротника. Вот только когда это время истекает и не истекло ли оно? Ах, кругом столько дряни! Ни к чему еще и думать о плохом!

Накропив в серебряное блюдце полуночной воды из бутылки, Вероника принялась читать заклинание. Поочередно в ход пошли семя остролиста, сердце ужа и лягушачье вымя. Когда над блюдцем поднялся желтоватый пар с запахом сероводорода, Вероника столовым ножом надрезала себе палец. Кровь закапала в зелье, отвратительный запах усилился. Наверное, Вероника могла бы и без этой жертвы вызвать Закиела, ведь в ее распоряжении был могущественный цвет папоротника, но она не знала, как цветом папоротника воспользоваться. А на поиски разъяснений в колдовских книгах у нее не было времени. Когда блюдце задрожало, Вероника схватила его и выплеснула содержимое блюдца на пол. По классическому варианту она должна была выплеснуть зелье на свежевскопанную землю, но книга не исключала и такую модификацию.

Зелье, растекшись по полу, изо всех сил продолжало пузыриться. И испарения вдруг начали принимать человекоподобную форму.

И уже не было никаких испарений. На полу стоял карлик, покрытый с головы до ног желтоватой шерстью, в одной набедренной повязке. С кривыми руками и ногами, с развитой нижней челюстью, карлик сма-

хивал на обезьяну. Это и был демон озер и болот Закиел.

— Чего надо, дура? — раздраженно спросил демон надтреснутым куклячьим голоском.

— Видишь этот цветик?

Вероника повертела огненный цветок в пальцах.

— Цвет папоротника, и что?

Девушка смешалась. А в самом деле, и что? Как силой цвета папоротника заставить демона повиноваться? Что она должна приказать цветку, и как ей следует это сделать, простыми словами, или тут нужны определенные формулы?

Она будет говорить с цветком папоротника без всяких формул, подумала Вероника. Когда ей эти формулы искать. Теперь другой вопрос. Что может испугать демона? Пригрозить ему смертью в случае неповиновения?

Демоны были смертны, но, не зная до конца своей силы, Вероника посчитала за лучшее пока ограничиться не столь суровой угрозой.

— Я хочу получить ДАР, — сказала Вероника. — Ты можешь мне его дать. Или я засажу тебя в булыжник на дороге. Будешь сидеть там, пока булыжник не рассыпется.

— Ты хочешь получить ДАР? — демон зло хохотнул. — Скромное желание. Да знаешь ты, что это значит, мне предоставить тебе ДАР? Это не пристебая твоего за уши из болота вытащить! Я должен буду... Да что тебе, дуре, объяснять! Не получишь ты от меня ДАР!

Дрожавший от ярости демон начал быстро погружаться в грязевую жижу, в которой он стоял. Вероника совсем не желала исчезновения демона.

— Стоять, Закиел!

Цвет папоротника то вспыхивал, то угасал в такт ее словам, а когда она закончила, ослепительный луч вырвался из огненного цветка. Луч ударил Закиелу под ноги. Лужица, в которой стоял демон, мгновенно высохла и одновременно ссохлись, почернели кривые

ноги Закиела. В это время Закиел уже погрузился в пол до колен. С яростным выражением лица демон дернулся пару раз и, убедившись, что с места ему не сдвинуться, проскрежетал:

— Ты слишком много от меня хочешь, девочка. Мне пришлось бы опустошить все запасы своей колдовской силы, чтобы добыть единый язычок колдовского пламени для тебя... А это значит, еще много лет я не смог бы повысить свой разряд. Вот что я предлагаю тебе, девочка. Я готов служить тебе, как колдовская сила служит колдуну. Служить всю твою жизнь. Тебе не понадобится умение колдовать.

«Это пока у меня в руке цвет папоротника, ты такой любезный», — подумала Вероника и вслух произнесла:

— Я хочу делать, что мне нужно, своими руками. Ты доставишь мне ДАР немедленно!

Задрожав своим маленьким телом, демон взревел. И Вероника услышала:

— Я принесу тебе ДАР и ты станешь колдуньей, но... — Обезьянья мордочка демона ходила ходуном от ярости. — У тебя не будет страшнее врага, чем демон Закиел!

— Отправляйся за колдовским огнем, Закиел, — сказала Вероника. — И не очень там тани, я долго ждать не буду.

Цвет папоротника вспыхнул, под ногами у демона запузырилась мутная лужица, и Закиел исчез, рухнул в эту лужицу с головой.

Демон быстро обернулся. Прошла минута или две, и он в облаке желтого пара поднялся над полом.

Эти две минуты, несомненно, не были минутами отдыха для Закиела. Демон едва держался на своих кривых ногах. Его тело было в рваных ранах, словно ему пришлось выдержать схватку с чудовищем не менее страшным, чем он сам. Из ран лениво текла вязкая сине-зеленая кровь. Что касается лица Закиела, то лицо демона сейчас скорее можно было бы назвать маской боли, чем маской ярости.

— Забери свой ДАР, — произнес демон задыхаясь.

В руках у него ничего не было, но Вероника и не стала ничего высматривать у него в руках. Как получают колдовской ДАР, ей было известно. Девушка подошла к демону, нагнулась и, ни секунды не колеблясь, впилась губами в толстые губы демона.

Сначала она ощутила вкус блевотины. Демон с силой выдохнул. Жаркий воздух с горчинкой, напоминавшей горечь полыни, ворвался в ее легкие. Теплая волна пробежала по ее телу, растворяя боль и усталость. За первой волной последовала другая. Вероника задрожала все сильнее и сильнее, и в какое-то мгновение мир перед ее глазами изменился. Отчетливо, как днем, она увидела лес с высоты птичьего полета и домик лесника, в котором она находилась. Тут время как будто понеслось вспять. Вероника увидела шумные игрища древних славян, и их кровавые жертвы богам-идолам, и ритуальные танцы волосатых пралюдей с каменными топорами, и первые руны, изображенные неловкой рукой в темной пещере. И перед глазами Вероники вдруг предстали доисторические времена, времена гигантских ящеров, и вдруг она увидела себя в круговерти планет, комет и светил. Здесь на какой-то миг Веронике показалось, что она постигла смысл сущего, смысл исхода и конца, и единого мига между ними. То был миг откровения.

В следующее мгновение из глаз Вероники, недвижимо стоявшей с цветом папоротника в руке, исчез колдовской огонь. Но уголек колдовства в ее груди не погас, он горел ясно и ровно, и она его хорошо чувствовала.

Она чувствовала, что стала колдуньей.

Закиела рядом не было, но к чему он ей теперь. Убрався, и скатертью дорога.

Веронике не терпелось испытать свое новое качество. Она подошла к шкафу Паршина. Маленькое усилие, и уголек в ее груди загорелся сильнее, и всю вереницу склянок с колдовскими снадобьями она увидела

иначе, не так как видела их, будучи обычным человеком. Изображение раздвоилось, Вероника сейчас видела и сам предмет, и его ментальную тень, заключавшую в себя знание о прошлом и будущем этого предмета. Вероника взяла с полки косточку из крыла летучей мыши. Рассматривая ментальную тень косточки, молодая колдунья увидела чердак, где мышка некогда висела вниз головой со своими товарками, потом Вероника мельком увидела Паршина, и все расплылось. Вероника еще была неопытна, не умела держать перед глазами картинку.

Рассмотрев еще пяток предметов, Вероника пообвыкла со своим новым состоянием. Новизна ощущений прошла, и к девушке вернулось ее прежнее беспокойство. Да, теперь она — колдунья, но она — простая колдунья, то есть у нее есть колдовская способность, но нет реальной колдовской силы. То есть, если можно так сказать, она не обладает колдовской силой непосредственного действия. Она будет неплохой гадалкой, и на врага она сумеет такую порчу навести, что тот быстро окочурится. Но попытайся ее изнасиловать в темной подворотне пьяный пэтэушник, и ей пришлось бы утешаться тем, что уж потом она ему отомстит.

Веронике мало было обладать колдовской способностью уровня простой колдуньи: она хотела быть сильной в колдовстве, иначе ей не отомстить. Она пойдет по пути силы, сказала себе Вероника. Выбрав путь силы в колдовстве, она немало теряла. Так, колдун силы не мог предвидеть будущее и заглядывать в прошлое, однако в настоящем колдун силы обладал непосредственной силой, силой немедленного действия.

Были две колдовские дороги силы, дорога внутренней силы и дорога внешней силы. Колдун внутренней силы брал энергию у огня: у живого огня, у луны, солнца, у созвездия, под которым родился. Колдунов внешней силы наделяла энергией земля. Колдун внутренней силы обладал колдовской властью над собственным телом: в быстроте он находил неуязвимость, в фи-

зической силе — силу, он мог значительно усиливать восприимчивость органов чувств, а со второго уровня могущества он обладал способностью к превращениям. Колдун внешней силы тоже мог придать своему телу все эти замечательные свойства, но только с помощью подручных средств: драгоценных камней, колдовских посохов, некоторых других вещей. В этом было ограничение возможностей колдуна внешней силы в сравнении с колдуном внутренней силы, однако в ином колдун внешней силы имел преимущество. Колдуну внешней силы в той или иной степени, в зависимости от его мощи, были послушны животные, растения и некоторые неодушевленные предметы, обладавшие собственной энергетикой, тогда как колдун внутренней силы как колдун был для окружающего мира чужд.

Возиться с колдовскими талисманами Вероника считала занятием утомительным. Ее мать была колдуньей внутренней силы, она пойдет по пути своей матери.

Однако одного желания стать колдуном силы было мало, чтобы из обычного колдуна сделаться им. После выбора пути силы колдун тратил годы для приобретения мощи первого знака, и десятилетия — для приобретения могущества второго знака.

Столько времени у Вероники не было. Вурдалак, убивший ее мать, чего доброго, успеет издохнуть, если она станет с такой медлительностью возвращать свое могущество. С другой стороны, попытаться отомстить вурдалаку, будучи простой колдуньей, с ее стороны было бы безрассудством. Вурдалак сумел засосать ее мать, колдунью второго знака, значит, с ней, Вероникой, упырь справится без труда.

Мысли Вероники пошли по проторенной дорожке: а не получить ли ей дополнительную колдовскую силу у демона?

Она обратилась к Некрономику. Да, ответила книга, было возможно прибавить в колдовском могуществе таким способом. Тогда Вероника спросила у Некроно-

лица имя демона, у которого ей было бы сподручнее всего это дополнительное могущество требовать. Если бы Некрономик опять указал на Закиела, Вероника попросила бы назвать кого-нибудь еще, и это не от жалости. Закиел, каким он от нее убрался, безусловно, не был способен на новые подвиги в том месте, где демоны брали колдовскую силу. Задавать дополнительный вопрос Некрономику Веронике не пришлось: умная книга, вероятно, сама соотнесла возможности Закиела с запросами Вероники. Некрономик выдал иное имя: демон Варроз, его следовало Веронике вызвать.

Чтобы вызвать Варроза, демона пыльной бури, нужно было иметь хвост гюрзы, глаз землеройки, семя омелы, семь сортов песка, коготь ехидны... В «Практической демонологии» список необходимых компонентов занимал полторы страницы. Вероника сунулась в черный шкаф. С чувством, что ничего у нее не выйдет, попробуй разыщи все эти компоненты, она вынула из шкафа банку с маринованными глазами землеройки, потянулась к пакетику с семенем омелы... Тут она прочла этикетку на одной из склянок: «Сбор к извл. зн. 567». Колдовской знак 567 — это и был демон Варроз... Она взяла склянку с полки. Так и есть, это была смесь для извлечения, то есть для вызова демона Варроза, в которую входили все нужные составляющие. Вероятно, Паршин частенько пользовался услугами Варроза, раз он для упрощения своей работы по вызову демона держал в шкафу эту смесь.

Для вызова Варроза блюдце было не нужно. Вероника кинула на пол пригоршню дряни из склянки, следом плеснула полуночной воды и прочитала заклинание. Красно-бурый дым поднялся над лужей. И надо же такому случиться, именно в этот момент цвет папоротника, только что ясно горевший у нее в руке, начал меркнуть. За считанные секунды лепестки цветка почернели и свернулись, стебель старчески искривился. Еще немного, и цвет папоротника рассыпался в пыль.

Это означало смерть Паршина. Там, на берегу реки, русалка одержала верх над своим обидчиком.

Вероника не растерялась. Молодая колдунья быстро провела вокруг себя белую линию, благо, мелки в шкафу она сразу заприметила. Она едва успела. Когда она распрямилась, из облака красно-бурого дыма уже выходил Варроз.

Этот демон был ростом под два метра, внешне он напоминал вышибалу в борделе: мускулистый, дьявольски красивый, в джинсах и кроссовках, словом, мужчина хоть куда.

Мозгов у Варроза, судя по всему, было немного: сразу после своего появления он попытался приблизиться к Веронике, словно не замечая колдовского круга, охранявшего ее. Варроз замыслил бесстыдство, о чем откровенничал его возбужденный пах, однако никакого бесстыдства у Варроза не получилось. Колдовской круг колыхнул огнем, и демону пришлось спешно ретироваться, махая обожженной ногой.

Без цвета папоротника Вероника не могла приказывать демону. Но теперь она была колдуньей, а значит, ей было чем заплатить демону за его услугу. Часы, дни, годы жизни колдуна, именно колдуна, не обычного человека, для демона являлись желанной пищей. В своей «Демониане» Шаппарель объяснял это тем, что демоны-де могли поддерживать свою жизнь исключительно жизнями колдунов.

— Я хочу получить могущество колдуна второго знака внутренней силы, — отчеканила Вероника.

Прыгая на одной ноге, демон проревел:

— Ты уверена, что сможешь столько заплатить, молодая ведьмочка?

Вероника посмотрела на Некрономик. Книга могла бы сказать ей, хватит ли ее жизни, чтобы купить у демона нужное ей могущество. Однако книга была мертва. Взглянув на стол, Вероника увидела покореженный, растрескавшийся корешок, желтые ветхие листы...

С Некрономиком Паршина случилось то, что случилось с Некрономиком ее матери: книга не могла пережить своего хозяина.

Было общее правило: сначала колдун расплачивался за услугу, затем демон оказывал эту услугу. Уклониться от работы, получив плату через кубок Печати, демон не мог, так заповедал творец. Кубок Печати сам отмерял ту часть жизни, которую колдун отдавал, и демонскую услугу. И случалось, что колдун умирал раньше, чем кубок Печати был им осушен до дна.

Вероника совсем не хотела умереть в момент внесения платы за услугу Варроз.

— Ты знаешь, сколько мне будет стоить могущество колдуна первого знака? — спросила Вероника демона, умерив свой аппетит.

— Нет, — рявкнул Варроз.

— Хрен с тобой. Давай кубок!

Демон тут же прекратил свои прыжки и достал откуда-то из-за спины старинный кубок на высокой ножке. Кривым ногтем демон полоснул себя по груди и прислонил кубок к ране. Доверху наполнив кубок черной кровью, он протянул его Веронике:

— Плати по счету, ведьмочка!

Вероника поднесла кубок к губам. Когда она доедала остаток горькой, как желчь, влаги, у нее в ушах застучало, в глазах помутилось. И все-таки она сдюжила, не потеряла сознание. С усмешкой она отдала демону пустой кубок.

Варроз исчез вместе с кубком.

Девушка вышла из своего колдовского круга и принялась ждать.

Она представляла себе, как это будет, но очень прилизительно, поэтому поначалу испугалась. Только что ничего не было, и вдруг с потолка на нее сошло пламя. Огненный смерч закрутился вокруг нее. Веронику приподняло, несколько раз перевернуло в воздухе. Огонь запульсировал, и с каждой его вспышкой Веронику

высоко подбрасывало вверх. Пульсации все учащались, и после одной из ослепительных вспышек Вероника потеряла сознание.

Очнувшись, колдунья быстро ощупала себя. Она уже не была девушкой, чего и следовало ожидать. Это кодовской ДАР передавался через поцелуй, а для наделения большим могуществом, конечно, требовалось более серьезное действо. Однако не пролил ли засра-нец Варроз колдовскую силу мимо?

Она скинула блузку, скинула комбинацию, для полноты обзора сняла лифчик. Взглянув себе на грудь, она перевела дух: символ первого знака силы, злобный дракон, чернел у нее на груди. Дракон слегка двигал челюстями и помахивал зубчатым хвостом, еще не вполне успокоившись.

Вероника оделась. Теперь можно отсюда убраться, ее ждали дела в Москве. С сожалением она посмотрела на раскрытый шкаф. Немало полезных вещей сумел собрать Паршин за свою жизнь колдуна, однако теперь наиболее значительными из них невозможно было воспользоваться. Вероника потянула носом воздух, и запах тления защекотал ее ноздри.

Оберегать свое знание от людей считалось первой кодовской заповедью. Вероника побрызгала из керосиновой лампы на стол, пол и стены комнаты.

Молодая девушка легко бежала по темному лесу, с грациозностью лани перепрыгивая через поваленные деревья и ямины, а у нее за спиной поднимался в небо огненный столб. То горел дом колдуна.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вот как оно бывает: жил человек, вертелся, богател, планы строил, женщин трахал и все смотрел, где бы еще урвать и кого бы еще трахнуть, — и нет его, человека. Уж каким Федор Поликарпович Оленников

мужчиной был — богатым, по-мужски красивым в свои пятьдесят с проседью лет, и ведь здоровым, по утрам в Битцевском парке такие кругалю давал. Но то было. А теперь Федор Поликарпович, свет Оленников, в гробу лежит, в богатом полированном гробу, шелковое кружевное покрывало сверху.

Федор Поликарпович владел строительной фирмой «Мастерок». Несмотря на простенькое название, фирма была крупная, богатая. Впрочем, Оленников своим рабочим платил как все, немного и с задержкой в два-три месяца, хотя мог бы рассчитываться по-божески. Федору Поликарповичу и в голову не приходило, что господь бог может вот так рассчитаться с ним, не как положено, в дряхлые восемьдесят лет, а в цветущие пятьдесят.

Хитрил-хитрил мужик, а бог взял да его перехитрил, — лукавились глаза рабочих Оленникова, шедших в толпе за гробом. И надо же такую смерть принять, нет чтобы кирпичом по голове, это хоть по специальности было бы, а то молнией мужика шарахнуло. Дурацкая смерть. Вот уж действительно божий промысел.

Федор Поликарпович Оленников не ленился, свои пробежки совершал в любую погоду, здоровье берег для жратвы, выпивки и траханья. Тот день дождливый выдался. Как будто дождь был обложной, не грозовой, а все-таки молнии, видать, проскакивали.

Все свое состояние Федор Поликарпович оставил единственному сыну. Тридцатилетний Роман Оленников, широкогрудый, мускулистый, в какой-то спецчасти офицерствовал. Приятели Федора Поликарповича, такие же воротилы-грабилы, за гробом семеня, все гадали, как наследник поступит, сам ли заправлять делом начнет, или через управляющего. А глядишь, прокутит все, и такие ведь наследнички попадают.

Полированный гроб в земляную утробу опустили и землей забросали, как это и с обычными гробиками бывает.

В роскошной пятикомнатной квартире на Крутицкой набережной Роман Оленников остался один. Крутобедрую сожительницу отца он быстренько спровадил, едва поминки отревелись, сунув ей тугую пачку «зелени» на посошок. Матери у Романа не было, она умерла, когда ему было пять лет. Аборт, эндометрит, заражение крови, смерть, вот как. Сожительницы у отца одна за другой менялись, но это потому что грешная плоть бесилась, а сам отец у Романа хороший был. Федор Поликарпович не допускал, чтобы Роман хоть одну из бабищ матерью назвал, хотя примазывались к мальчишке с материнскими ласками многие.

Это все враки, что его отца молнией убило, думал Роман, меряя шагами пустую квартиру. Роман Оленников служил в ФАЦе, Федеральном Антитеррористическом Центре, а там была такая присказка: чем случайнее случайность, тем умнее враг.

Его отца убили. Роман не засомневался бы в этом, если бы даже молния поразила его отца на его глазах.

А раз имеется убийство, значит, есть и убийца.

И убийца должен быть наказан.

Роману отпуск дали, два месяца. Значит, у него было два месяца, чтобы найти и наказать убийцу. Итак, с чего начнем?

Прежде нужно выяснить, кому была выгодна смерть его отца. Такие типы, конечно, имелись. Его отец был состоятельным человеком, а состоятельные люди всегда кому-то мешают. Понятно, чтобы пробиться к кормушке, нужно кого-то оттеснить.

Роман позвонил заместителю отца Степану Андреевичу Голове, попросил подъехать. Голова сумел подъехать только к вечеру, он долго извинялся: дела, дела, дела.

Выслушав Романа, рыжеусый Голова, красная кирпичная морда, возразил:

— Не, Роман Федорович. Не заказное это. Федор

Поликарпович сроду не кидал никого. Ну и предупреждения были бы, я бы знал.

— Зарплату задерживаете?

— От мужичков наших услышали? По-божески задерживаем, на два месяца. Может, на два с половиной кое-кому, у «Пирамиды Хеопса» семь месяцев задержка.

— А если...

— И не думайте. Мужички скрипят только. Уркаганов не держим.

— Среди скрипучих хоть один падлючий найдется.

— То просто было бы, арматурным прутком по затылку или из ствола — хлопнуть. Коли ты думаешь, что твоего отца того... Что это за оружие было, ты сечешь, Роман Федорович?

В груди у трупа зияла огромная рана с обугленными краями. Ребята из бюро судебно-медицинской экспертизы не знали оружия, которое оставляло бы такой след. И Роман не слышал ни о чем подобном. Отсюда эксперты сделали вывод: шаровая молния напакостничала.

Роман, не ответив на вопрос Головы, сухо простился с ним. Едва Степан Андреевич вышел, Роман позвонил в бухгалтерию отцовской фирмы. Главбух, Роза Иннокентиевна, еще на месте бумаги перебирала. Кое-что она прояснила: отношения у Головы с отцом Романа сложились хорошие, смерть Федора Поликарповича никак не могла быть Голове выгодна.

Повесив трубку, Оленников в который раз перелистал записные книжки отца, прослушал диктофонные записи, опять покопался в персональном компьютере. Он не нашел и намека, что жизни Федора Поликарповича что-то угрожало.

Возможно, у «крыши» есть, что ему сказать, подумал Роман. Странно, что эти ребята до сих пор ему не позвонили. Чтут его скорбь? Какие деликатные.

Крышевой организацией у Федора Поликарпови-

ча Оленникова была не какая-то разухабистая банда, но группа «Беркут» ФСБ, ребята сильные и трезвые. Роман сам мог бы над отцом «крышу» соорудить, он был не последний человек в спецслужбе, но тут следовало дистанцию соблюдать. Он сам по себе, его отец вроде как сам по себе, так оно лучше со стороны смотрелось. А беркутовцы, разумеется, знали, чем сын Федора Оленникова занимался. Ребята понятливые, они с кем, с кем, а с «Мастерком» не безобразничали, честно свою партию вели.

Позвонив по заветному телефончику, Роман договорился о встрече.

База спецотряда «Беркут» находилась близ Дедовска. На другое утро на железнодорожной станции Романа встретил подполковник Бурлаков, крепыш, каких поискать. До этого они виделись раза три или четыре, последний раз месяц назад, на дне рождения у отца Романа, так что угадывать друг друга им не пришлось.

— Убили моего отца, Юрок, — проговорил Роман в ответ на соболезнование Бурлакова.

— Убили? — Бурлаков задрал кустистые брови. — Ты чего, Роман? Его же в грозу молния...

— Грозы никакой не было. Так, дождь моросил. Молний никаких не было, а мой отец мертвый.

Помолчав, Бурлаков спросил:

— Из какого же это оружия шуганули?

— Не знаю, из какого. Ты бы по своим каналам спецлаборатории пощупал.

— Сделаю. Будет что, позвоню.

От Бурлакова ему ничего не узнать, понял Роман и сунул беркутовцу ладонь:

— Бывай.

Руку Оленникова Бурлаков немного задержал в своей, спросил:

— Что с фирмой думаешь делать?

— Фирму продам.

— А, понятно.

— Новому хозяину тебя представлю, разумеется.

— Само собой.

Последние слова Бурлакова были:

— Ты там смотри, Роман. Мы твои должники, если так. Найдешь этого мочилу, захочешь разобраться, свистни. Мы подмогнем.

Ближайшая электричка унесла Романа Оленникова в Москву.

Если не удастся распутать клубок с одного конца, нужно начать с другого. Черт с ним, с этим заказчиком, подумал Роман, возьмемся за исполнителя. Пусть киллер никакой ненависти к его отцу не испытывал, он просто делал свое дело, все-таки он не менее заказчика заслуживал смерти. А там через киллера можно будет выйти на заказчика.

По прибытии в Москву Роман, не заезжая домой, отправился осматривать место происшествия.

Оленников навыками следственной работы не владел, не следователем он трудился, а служил в силовом подразделении. Освобождение заложников, ликвидация бандгрупп, обезвреживание террористов-маньяков — это было по его части. Однако подчас для выполнения следственной задачи не обязательно иметь опыт следователя, достаточно житейской рассудительности.

Оленников знал, где обнаружили его отца. У магазина «Пистоны», что на Кировоградской улице. Под какой-то там аркой труп лежал.

На Кировоградской улице былолюдно. Как тут можно незаметно человека убить? Хотя, правда, его отца не в это время убили, а утром. Федор Поликарпович в четыре утра вставал на свои пробежки. Смерть наступила в половине пятого. В Битцевский парк старший Оленников в тот день не попал.

А вот и магазин «Пистоны». Под проклятой аркой Роман осмотрел каждый сантиметр асфальта. Ничего. Даже пятен крови он не обнаружил. Ну конечно, ведь его отца убило молнией.

Теперь надо осмотреть окрестности.

Роман пошел вдоль улицы. В одном месте его внимание привлекли люди в оранжевых робах. Рабочие возились у фасада ресторана «Континенталь», что-то там подмазывали, подкрашивали...

Следы от пуль, вот что.

На доме напротив висела мраморная плита: «Здесь жил видный деятельный общественник...» Ну, и так далее, как полагается. На плите следы пуль были заметны очень хорошо, тут-то выбоины никто не пытался замазать.

Ресторан был закрыт. Сквозь стеклянную дверь розовела табличка: «РЕМОНТ». Ремонт, не ремонт, но за дверью маячил швейцар в униформе с галунами, брюхастый старик.

Роман толкнул дверь. Оказалось не заперто, и он прошел в ресторан.

Старик швейцар раздраженно подлетел, выпятил у него на пути икрное брюхо:

- Не видишь, парень, что написано? Ре-монт!
- Что тут у вас произошло? Стреляли?
- Кто стрелял? Никто не стрелял.
- А там что замазывают? Птички стену поклевали?
- Иди, иди себе, парень.

Швейцар попер на него, брюхо вперед.

Роман развернулся и вышел из ресторана.

Чего ему там ловить, когда можно все у следователя узнать. Только нужно сначала мосты навести. Хотя он и майор госбезопасности, вот так сразу в МУРе или в Московской горпрокуратуре ему информацию по этому стрельбищу не предоставят.

Роман позвонил своему начальнику. Льву Константиновичу Деревянко. Деревянко поворчал: «Крыша у тебя поехала, майор», но все-таки устроил все, что можно в таких случаях устроить. В Мосгорпрокуратуру Роману соваться было нечего, а вот в МУРе пообещали удовлетворить по возможности любопытство коллеги.

Оперативник, седовласый худощавый мужчина, замученный женой и изжогой, глядя в стол, проговорил:

— В «Континентале» на той неделе, в пятницу, замочили управляющего банком «Земляничный» Лугового Давида Иудовича. Выстрел из «Макарова», и прямо в переносицу. Вдобавок к Луговому замочено четыре бойца одного авторитета, некоего Рыбальченко. Составлен фоторобот преступника.

— Я могу взглянуть?

— Да. Мы уже три дня показываем его в «Криминальном поддне».

С карточки на Романа посмотрел мужчина лет сорока, усатый, с правильным лицом манекена.

— Я могу это взять?

Роман показал на карточку.

— Берите.

Взглянув еще раз на фоторобот, Роман спросил:

— Вы что-нибудь выяснили про него?

Оперативник покачал головой, пробурчал:

— Ведется оперативно-розыскная работа.

С фотороботом в кармане Роман вышел из здания МУРа.

Было вполне вероятно, что между убийством управляющего банком «Земляничный» и убийством его отца связь отсутствовала. Ну не странно ли, в ресторане киллер палит по-старомодному из пистолета, а на улице убивает случайно увидевшего его прохожего каким-то новым оружием. И все-таки об этом ресторанном киллере стоило навести справки.

Роман вернулся на Кировоградскую. С карточкой-фотороботом он принялся обходить дома, но не рядом с рестораном «Континенталь», а рядом с магазином «Пистоны».

Начал Роман с дома, в котором магазин «Пистоны» располагался. Во дворе дома было полно старушек, и Роман взялся обходить бабок от кучки к кучке. Все старушки были в курсе, знали они и про убийство в «Континентале», и про мужика, которого молнией ша-рахнуло. Роман представлялся сотрудником милиции, красная корочка была при нем, и показывал фоторо-

бот. Бабки бдили, некоторые просили корочку к самым очкам поднести, чтобы лучше рассмотреть. Потом старенькие мягчели, задавали вопросы, что да как, мил человек, и кто этот убийца. А фоторобот в «Криминальном подне» показывали, кто его не видел.

Болтали бабки много, да все без толку. Небось, дрыхнули в то утро за милую душу. Ничего не узнав, Роман перешел во двор дома напротив той самой арки.

Тут повторилась та же история: словоохотливые старушки лезли с расспросами, а сами как будто не знали ничего путного. Одна, правда, подсказала: «Ты, милоч, к Трясогузкиным зайди. Семнадцатая квартира. Там у Петровны сын дебил, он ночью не спит, а днем отсыпается. И все любит по окнам пялиться. Может, он чего углядел».

Роман поднялся на четвертый этаж, по пути думая, как же это он будет с дебилем объясняться.

Дверь открыла пожилая женщина, круглое лицо без единой морщинки в седых бровях. Узнав, что Роману нужно, и мельком взглянув на его корочку, она предложила ему пройти в квартиру.

Двухкомнатная квартира была вся обклеена конфетными обертками, включая потолок. Были тут и незамысловатые фантики от карамелек, и бумажки от больших шоколадок, и вырезанные картинки с конфетных коробок. «Сыночек занимается, все развлечение мальчику», — пояснила хозяйка на ходу.

Они вошли в меньшую комнату. Здесь на большом круглом столе горой лежали заготовки, фантики и пустые конфетные коробки. Вероятно, эта красота покрывала стены в несколько слоев. У окна сидел парень лет двадцати — двадцати пяти. Дебил с блаженным выражением лица занимался онанизмом.

Роман кашлянул, краснея и злясь, хотя чего там кашлять, сам он не был кастратом и при своей холостой жизни точно такие штуки вытворял время от времени. Только что не прилюдно.

Трясогузкина спокойно сказала Роману:

— Подождите минутку.

После того, как сперма дебила брызнула на обертку конфеты «Мишка на севере», она не спеша подошла к сыну:

— Сенечка, к нам гости пришли.

Неловкими движениями застегивая ширинку, Сенечка покосился на Романа. Дебил спросил гундосо:

— Картинки есть? Картинки принес?

— Это фоторобот называется, про что вы говорили, да? — спросила хозяйка Романа. — Давайте ваш фоторобот сюда.

Карточку она поднесла к самому лицу сына.

— Сенечка, ты видел этого человека? Там, в окне? Она показала на окно.

— Ты видел когда-нибудь этого человека в окне?

Дебил наморщил лоб, потом постучал себя костяшками по лбу:

— Думать надо. Ду-умать.

— Вспомни, Сенечка, — терпеливо сказала мать. — Ты видел этого человека? Там, в окне?

Вдруг дебил забеспокоился.

— Да, да, — слюни потекли у него изо рта. — Там, двое... Второй... Да, да... Дебил забормотал что-то нечленораздельное, затрясся и закатил глаза.

Трясогузкина тревожно произнесла:

— Сейчас судороги начнутся. Возьмите вашу карточку. — Она отдала фоторобот Роману и быстро вышла из комнаты.

Роман достал из кармана фотографию своего отца, подошел к дебилу и показал ему сразу фотографию отца и фоторобот киллера:

— Они были вместе?

Дебил закивал головой, все более выпучивая глаза.

— Что они делали?

Сенечка попытался что-то показать жестами, но тут вернулась Трясогузкина с эмалированной кружкой в руке и запахом валерианки.

Она зло взглянула на Романа:

— Оставьте мальчика в покое.

Напоив сына, Трясогузкина с помощью Оленникова довела его до постели, уложила.

Постепенно дебил начал успокаиваться. На этот раз обошлось без судорог.

— Пойдемте.

Трясогузкина пошла к входной двери, недвусмысленно показывая, пора и честь знать. Перед тем как закрыть за Романом дверь, она произнесла:

— Больше не приходите. Знать не хочу, что там у вас случилось. Больше не приходите, не пущу.

Во дворе Роман продолжил свои расспросы, затем пошел по квартирам. На Кировоградской в этот день ему не удалось ничего узнать дополнительно, но и того, что он узнал от дебила, было немало. Ему нужно искать киллера из «Континенталья», вот что. И у него имелся фоторобот убийцы его отца.

На пути домой Роман не переставал думать, что же ему делать дальше, как вести расследование. И одна мысль пришла ему в вагоне метро. След на теле его отца от орудия убийства напоминал след молнии. Что, если ознакомиться со статистикой, как часто в Москве регистрируется смерть от удара молнии и какова раскладка по районам. Может, у этого киллера была маниакальная страсть убивать прохожих каким-то электрическим оружием? И если в каком-то районе такие смерти, как будто от удара молнии, случаются значительно чаще, чем в остальных...

Деревянко долго ворчал, но все-таки связал Романа с нужным человеком. Нужный человек работал в аналитическом отделе ФСБ. Вручая Роману распечатку, лысоватый аналитик пошутил:

— Громоотводы будем в небо тыкать, что ли?

Несмотря на интерес в глазах аналитика, Роман смолчал.

Дома он внимательно изучил распечатку. Получалось, в районе Строгино люди от удара молнии гибли чаще всего. Было ли это случайностью, сказалось ли

тут распределение в земле железосодержащих пород или это маньяк с электрическим ружьем орудовал?

Начиная с завтрашнего утра, он будет целыми днями колесить по району Строгино с фотороботом и со всем своим вниманием, решил Роман. Возможно, ему повезет. Ведь везет не одним бандитам.

У Романа был пистолет «ТТ» с правом на ношение оружия. Оленников игрушку любовно разобрал и смазал. Такое время настает, оружие должно быть в полном порядке.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Домой Вероника вернулась колдуньей первого знака и мстительницей. Свою силу она успела проверить, испытав в электричке маленькое приключение. Как нарочно, она попала в пустой вагон. Раньше она перешла бы в другой вагон, но сейчас с какой стати было бы ей, колдунье, себя ронять. На следующей остановке в вагон вошли три парня. Раннее утро, а они уже неавеселе. Что называется, судьба. Парни сперва на другом конце вагона гоготали. Проехав половину пути до следующей остановки, они подсели к ней. Ребята были молодые, лет по восемнадцать — двадцать, самый бесшабашный возраст. Один, высокий, синеглазый, должно быть, красавцем себя мнил, ногу на сиденье закинул, загораживая Веронике проход, спросил:

— Ты, герла, куда намылилась?

— Не твое собачье дело, мальчик, — усмехнулась Вероника.

— Нет, мое, — и мальчишка по-хозяйски сунулся шарить у нее на груди.

Прятели синеглазого сосунка — веснушчатый лохмач и худосочный онанист — дружно заржали.

Вероника неплохо подпиталась от огня, в котором погиб дом Паршина. Внезапно она схватила похабни-

ка за запястья. Сквозь хохот парней пронесся шершавый звук: то хрустнули, ломаясь, кости. Красавец взвыл от боли. Приятели синеглазого подавились своим дуррацким смехом, и в этот момент Вероника ударила по ноге, загораживавшей ей проход.

Нога парня переломилась в колене, как гнилая спичка.

Вероника не спеша перешла на другое место, через три сиденья от парней. Приятели синеглазого даже не попытались задержать ее, отнюдь не горя желанием услышать хруст собственных костей.

Когда первая волна боли прошла, покалеченный парень взялся материться. Очень скоро Веронике надоело слушать эту навязчивую серенаду. Она встала, двинулась к парням.

— Убью, суку! Убью! — это и много чего столь же приятно кричал ей похабник, ковыляя к двери. Она-нист поддерживал его под руку, веснушчатый лохмач топал позади. Онанист и лохмач как-то странно щерились. Вероятно, как и всякие сявки, они радовались посрамлению своего лидера.

Оказавшись дома, Вероника зарылась в колдовские книги, материнское наследство. Она должна была соизмерить свою силу и силу вурдалака, своего врага. Она обладала колдовской силой первого знака, причем она была колдуньей внутренней силы, а вурдалак? Что она знала о нем?

Вурдалак сумел убить ее мать, колдунью с силой второго знака. Значит, по меньшей мере силой второго знака вурдалак обладал. Однако и в «Истории упырей» Ландмайера, и в «Физиологии вурдализма» Гершеля прямо говорилось, что вурдалаки не могли устойчиво находиться на каком-то одном уровне силы, и их продвижение по уровням силы, в отличие от колдунов, совершалось не только вверх. То есть это сразу после убийства ее матери вурдалак мог распоряжаться силой второго знака, а вот сохранил ли он такое могущество до сих пор, был вопрос.

Подумав, Вероника решила исходить из того, что ее противник обладал колдовской силой второго знака. Скорее всего, так оно и было. Если же она преувеличивает силу упыря, не беда, тем легче ей будет справиться с ним. А если он сильнее, чем она предполагает... Нет уж, об этом лучше не думать, иначе руки опускаются.

Вообще-то колдуны третьего знака силы, равно как и вурдалаки — обладатели силой третьего знака, — существовали только в книгах по истории колдовства. «Мы на земле живем, нечего на звезды заглядываться», — как-то сказала мать Веронике, когда та спросила, почему же ее мать не пытается увеличить свое колдовское могущество.

Так значит, ей придется иметь дело с колдовской силой второго знака. Но возможно ли ей, колдунье первого знака силы, одолеть более сильную силу?

Это было возможно, утверждал Эрих Крокк, довольно известный колдун раннего средневековья, в своей книге «Балансы колдовства». Да, конечно, обладатель силы второго знака мог больше, чем обладатель силы первого знака. Так, сила второго знака, в отличие от силы первого знака, наделяла способностью к превращениям. Но ведь известно, что человек вполне может победить зверя, тигра там или носорога, если будет должным образом вооружен. Кроме того, иногда бывает, что случайности (шальная пуля, подвернувшаяся нога, внезапное нездоровье) определяют конечный результат.

Однако на счастливую случайность лучше не надеяться, тем более что несчастливая случайность не менее вероятна. Куда умнее постараться как следует вооружиться. То есть, говоря практическим языком, ей, Веронике, следует попытаться дополнить свою силу какой-то самостоятельной колдовской силой.

Вероника взяла с полки толстый том «Каталог колдовских знаков». Всего колдовских знаков, то есть колдовских начал, обладавших собственной силой, в этом каталоге описывалось больше тысячи. Сколько их было

на самом деле, вряд ли кто знал. Некоторые знаки способны были наделить особенными колдовскими возможностями, другие использовались, так сказать, непосредственно, как колдовское орудие или оружие. Так, царь-хамелеон, знак 55, мог одарить нечеловеческой способностью маскироваться; ворота града Китежа давали свойство делаться невидимым; знак 73, водяной ключарь, мог дать силу ходить по воде. Непосредственно использовался, к примеру, тот же знак 78, цвет папоротника. Сам он никакой колдовской способностью колдуна не наделял, но, пока он находился в руке колдуна, колдун мог пользоваться его силой. Некоторые колдовские знаки для российского колдуна были совершенно бесполезны. Так, к чему Веронике была бы способность превращаться в орангутангшу или ходить по раскаленной лаве, или повелевать койотами?..

Из этого множества колдовских знаков молодая колдунья постаралась выбрать что-нибудь подходящее для себя. С одной стороны, она нуждалась в дополнительной силе, способной не то чтобы развлечь ее, но способной помочь ей убить вурдалака. С другой стороны, получение этой силы для нее должно было быть реальной задачей. Чтобы добраться до колдовского знака, нужно было пройти Путь, описание которого находилось здесь же, в «Каталоге колдовских знаков». Разумеется, к разным колдовским знакам вели разные пути. Так, едва начав читать описание Пути к цвету папоротника, Вероника перевернула страницу. На этом Пути она загнется раньше, чем дотянется до цветка, и ее мать останется неотомщенной.

Пожалуй, она воспользуется силой знака 80, подумала Вероника. Знак 80, это была трава колюка, одна из семи главных колдовских трав. Окулив этой травой оружие, можно было стрелять не глядя, все равно попадешь. Допустим, стрелять не глядя во владельца колдовской силы второго знака она не станет, к чему такое безрассудство. Она очень даже хорошо прицелится. И если ее пистолет будет окурен колюкой...

Путь к знаку 80 был довольно прост. Однако, перечитав еще раз описание Пути, Вероника испытала разочарование. Ей нужно было ждать осени, когда колюка наливалась колдовской силой. То есть ей пришлось бы маяться месяц или два, и только потом она смогла бы вступить на Путь. Столь длительное безделье показалось Веронике нестерпимо.

Порыскав по каталогу, Вероника в конечном итоге остановилась на знаке 188. Относительно этого знака в «Каталоге» имелась следующая информация:

«Знак 188.

Колдовская кошка.

Явление знака 188: корона колдовской кошки, т.н. Острозубый Венец.

Описание колдовской кошки.

Колдовская кошка — кошкообразное существо черного цвета, от кончика носа до кончика хвоста 1 м. Длина когтя 2 см, длина клыка 3 см.

Внимание! Вышеизложенная информация действительна только для женщин! Для мужчин см. Знак 189, колдовской кот».

Далее следовало описание Пути, в сущности, ничего особенного. Немного ума, побольше наглости, и у Вероники все должно было получиться.

Ступить на Путь она могла когда угодно. Для этого следовало только выпить Напиток Входа.

Вероника еще раз все обдумала. Если она притаится в образе колдовской кошки в засаде, вурдалак не сумеет ее унюхать. Она выждет удобный момент и махнет вурдалаку прямиком на грудь. Или на загривок, как получится. Заживить раны, нанесенные колдовской кошкой, вурдалаку будет не просто, несмотря на его силу второго знака. Так что тут их шансы на победу уравниваются или даже у нее будет какое-то преимущество.

Вероника занялась «Напитком Входа». Для приготовления этого напитка требовались: хвост крысы, лягушачье брюхо, пепел летучей мыши, специи. Ну и, как

обычно, полуночная вода. Пепел летучей мыши и полуночную воду Вероника взяла из материнских запасов, за крысой и лягушкой ей пришлось съездить в ближайший зоомагазин. Когда она тупыми ножницами отчекривала крысе хвост, грызунья укусила ее за палец. С лягушкой вышло проще. Лявва только противно вякала, когда Вероника порхала ножничками в ее брюшке.

Зелье Вероника варила ровно два часа пятнадцать минут, как это полагалось по рецептуре. Потом она выбросила разварившиеся крысиный хвост и лягушачью требуху в помойное ведро, насытила бульон специями. Корень мандрагоры, трава хвоща, листья крапивы пошли в дело. Теперь напитку нужно было настояться. Вероника заглянула в книгу: «Настаивать двадцать четыре часа и три минуты».

Девушка вышла из кухни. Эти сутки не будут ею даром потрачены. Одно дело висело на ней, которым она до поры до времени пренебрегала, видя перед собой главную цель. Ту самую историю, как ее нагло ограбили, следовало закруглить.

«Надо бы прибраться», — подумала Вероника, ставя на полированный стол высокий витой подсвечник с белой свечой. На столе пыль лежала таким слоем, хоть пальцем пиши.

Вероника зажгла свечу, поднесла ладонь к самому огню. Ее руку окутала золотистая дымка, и вскоре дракон на ее груди зашевелился.

Когда энергия перестала поступать (впиталось, сколько могло впитаться), Вероника задула огонек.

Ментальный след обоих бандитов она хорошо чувствовала и без того, но теперь он прямо забарабанил по ее колдовскому чутью, резко и отвратительно.

Выходя из квартиры, Вероника вспомнила: где-то за книгами револьвер лежал. А, справится она с братьями и без револьвера.

Двигаясь строго по ментальному следу, Вероника на кафешку вышла, это в двух трамвайных остановках

от ее дома. Видно, бандюги заходили сюда, с полными-то сумками, удачу отметить. Вероника тоже зашла, выпила стакан апельсинового сока. Не помешало бы подзакусить, но, по опыту Вероники, в кафешке, бывшей пельменной-тошниловке, отвратительно готовили (дело держалось на ночном стриптизе).

Апельсиновый сок приободрил, все-таки Вероника, хотя и колдунья, ночь не спала и с раннего утра была в хлопотах. Она отправилась дальше, тщательно прощупывая след.

Через три дома след свернул в подворотню. Парни посидели под деревянным грибком, наверное, добычу разделили, потому что на выходе из дворика их следы потянулись в разные стороны. Прыщавый крепыш с челюстью, как у Щелкунчика, повернул направо, а рыжий прямо пошел. Не то колдовское чутье у Вероники было такой силы, не то у девчонки воображение разыгралось, но она вдруг ясно представила себе, как поручкались кореша, отпуская в ее адрес веселые непристойности, и, довольные друг другом, разошлись.

Вероника пошла прямо, по следу рыжего.

Ей не пришлось петлять по Москве с толкучкой в метро и пробками на дорогах. Рыжий жил неподалеку, в Хорошевском переулке. О том, что здесь, в брежневской пятиэтажке, рыжий действительно жил, а не просто зашел в подъезд отлить, Веронике сказали его следы. Плотность его следов у одного из подъездов была такая, словно он раз по десять на день выходил из дома.

Вероника поднялась на третий этаж. Вот эта дверь, надо же, стальная, воров бояться. Под звонком было нацарапано: «Витек» и дальше шло нехорошее слово. Парня звали Витьком, понятно.

Вероника позвонила.

За дверью послышалось: «Ма, открой». Это был голос того самого рыжего парня. Лязгнул замок, и Вероника увидела в дверном проеме рослую бабенцию с золотыми серьгами в ушах и дымящейся сигаретиной в пальцах.

— Витька можно? — спросила Вероника, глядя на свои золотые сережки.

— Витенька, тебя, — мужичьим голосом позвала баба сына.

Баба отошла от двери, оставив дверь открытой. Может, Вероника разобралась бы с Витьком на лестничной площадке, если бы она не увидела своих сережек, но тут ее взяло за живое. Она вошла в квартиру.

Рыжий Витек как раз выходил из кухни. Увидев Веронику, парень обомлел. Сигарета выпала у него из обмякшего рта, даже веснушки, казалось, побледнели.

Вероника прошла мимо Витька, как мимо соляного столба, напрямик в большую комнату, куда баба завернула.

Баба уже устроилась в кресле, об телевизор зенки мозолить. По телеку футбол показывали. Мяч так и летал туда-сюда, в клубах табачного дыма.

Вероника увидела свой магнитофон «Сони», на столе стоял. Так, хорошо, но магнитофон — это мелочь. Она постучала по крышке стола:

— Ал-ле...

Баба оглянулась, заблмыкала глазами.

— Ваш сын у меня золотишко спер, — сказала Вероника. — Вот эти сережки, которые на вас, и еще. И этот магнитофончик мой.

Баба начала приподниматься. Еще не встала, а кулаки в бока уперла.

— А где мой видак? — поинтересовалась Вероника.

Баба, наливаясь свекольным цветом, задышала как паровоз.

— И еще две тысячи баксов моих. Где они? Я жду, — закончила колдунья.

Вытаращив глаза, Витькова мать забухала медвежьим басом, задрожала золотыми сережками:

— Ты что, курва, мелешь? Какое такое твое мое золото? Да пошла ты вон, дура, дрянь!

В дверях показался Витек, все еще бледный, но как

будто под прикрытием матери начавший приходить в себя.

Вероника не стала вступать в перепалку с разъяренной бабой. Она потянулась к Витьку, притянула его к себе, но прежде чем она завершила свою задумку, мать-гренадерша ринулась на нее танком. Так что пришлось Веронике отвлечься на Витькову мать.

Все случилось быстро: колдунья ударила бабищу под дых, и та, закатив глаза, рухнула на пол. К счастью для Витьковой матери, она не успела вцепиться Веронике в волосы, а не то колдунья вприбавок переломала бы ей руки.

Гренадерша пришла в себя на полу. Вероника посадила ее, прислонив к стене, чтобы та едва очнулась — и сразу все увидела.

А увидела баба вот что: черноволосая девка у стола стояла, а ее Витек на столе лежал и стонал, бедняжка. Девка держала на пальцах красную жилку, которая высовывалась из раны у Витька на шее. Было заметно, как жилка пульсировала.

— Сонная артерия, — произнесла Вероника, отвечая на яростный материнский взгляд. — Сейчас я сделаю вот так, — она слегка дернула сосудик, — и Витек в ад отправится. Верующие люди говорят, там для воров и грабителей места держат. — Колдунья выдержала паузу. — Снимай сережки.

Баба дрожащими пальцами сняла сережки, положила на край стола, куда ей показала Вероника.

— Мой видак и две тысячи баксов, — приказала Вероника.

Баба подошла, шатаясь, к настенному ковру, полезла за ковер. Там кармашек для денег был пришит.

Рядом с золотыми сережками легла грязная куча бумажных денег.

В куче бумажек Вероника разглядела только одну зеленую купюру. Ведьма взяла купюру. Так, сто баксов.

— Про видак не знаю ничего, — проквакала баба.

— Что еще из золота Витек принес?

— Больше ничего. Ничего не видела. А эти сережки он мне подарил. Мое это. — Баба потянулась к сережкам, но, взглянув на сына, заревела. Женщина мясистая была, полноводная, так что слезы, слюни, сопли, все это добро в три ручья полилось.

— Вот так бы сразу, — одобрила Вероника. — Что еще хорошего твой сынок в последние дни приносил? Мое пальто кожаное должно было быть, — начала вспоминать колдунья, — туфли красные, французские...

Она долго перечисляла, что у парней в две большие сумки уместилось, а баба только мотала головой да выдавливая сквозь слезы: «Нет, нет...»

От этой каланчи ничего не добиться, подумала про себя Вероника. Теперь мать Витька никакой опасности не представляла, и Вероника убрала руку с шеи парня. Витек пребывал в прострации, при этом душераздирающе стонал.

Вероника плеснула ему в лицо водой из вазы с увядшими гладиолусами. Как будто взгляд Витька сделался осмысленным, но стонать он не перестал. Рана, должно быть, беспокоила. Пришлось Веронике слегка подлечить ему рану, а не то не услышишь ничего вразумительного.

Под воздействием светлой энергии, излученной руками колдуньи, рана на шее у парня закрылась. Между тем Витек продолжал стонать, и как бы не сильнее.

Вероника стащила его со стола и кинула в кресло слозно мешок. На какой-то миг Витек перестал стонать, а потом с новым усердием принялся выводить свои рулады.

Колдунья была резка:

— Замолчи, а то охрипнешь.

Икнув, Витек замолчал.

Искоса поглядывая на его безутешную мать, Вероника проговорила:

— Я вижу мои сережки, вот эти сто баксов мои, и «Сони». Где остальное?

Голос у Витька дрожал, как овечий хвост:

— У меня больше ничего нет... У Стаса остальное... Все у Стаса...

— Из моих двух тысяч баксов Стас тебе только сотню дал?

— Пятьсот дал... Я картошки купил... И это... пуховый платок матери...

Витек затрясся в плаче.

— Ладно, поверим, — сказала Вероника. — Где мне этого Стаса искать? — Она могла бы вернуться на то место, где она след Стаса оставила, и по следу на Стаса выйти, но к чему ей попусту ноги топтать.

— Докучаевка, 36, — промямлил Витек. -- Квартира 20...

— Не врешь?

Витек замотал головой, поддел ногтем зуб:

— Во! Век свободы не видать! — Ему показалось, что сумасшедшая девка все еще смотрела на него с недоверием. Он истоиво оглянулся на икону, Серафим Саровский висел на стене в соседстве с календарем и термометром. — Богом клянусь!

Витек начал креститься.

Вероника вышла из квартиры, взяв с собой «Соню» и золотые сережки. И сотню баксов, конечно.

«Соню» она в первый же мусорный бачок выкинула, чтобы с собой не таскать. Магнитофон доброго слова не стоил, за последний год он не столько магнитной ленты прокрутил, сколько изжевал. Освободившись от ноши, Вероника поехала на Докучаевку.

Дверь ей открыла загорелая девка, нарумяненная, искусственные ресницы в три сантиметра, ярко накрашенные губы.

Вероника ладонью толкнула девку в грудь — та так и запорхала по коридору — и вошла в квартиру.

Врезавшись в стену, девка завизжала.

Кроме этой девки в двухкомнатной квартире никого не было, убедилась Вероника. А обставлена квартира была не бедно: мебель натурального дерева, ви-

деодвойка «Сони», аудиокомбайн «Филипс», хорошие ковры на стенах. Веронике в глаза не бросилась ни одна из ее вещей. А туда ли она попала? Она обернулась к девке.

— Замолчи! (Девка застыла с открытым ртом). Стас здесь живет?

Девка кивнула:

— Д... да...

Одной проблемой меньше.

— Стас у меня кое-что из вещей взял без спроса, надо бы вернуть. Золотые украшения он на той неделе, на этой приносил? Или барахло какое?

Девка замотала головой.

— Ты не ври, — предупредила Вероника. Колдунья подошла к шкафу, раскрыла дверцы. Затем полезла по ящикам серванта. Ничего. — Стой, где стоишь, — приказала она девке и перешла в другую комнату.

Здесь Вероника продолжила обыск. Она действовала быстро, руку туда, руку сюда. Если бы под рукой у нее оказалась какая-то знакомая вещица, она бы ее не видя почувствовала.

Вероника даже за диван заглянула, но обнаружила там только использованный гондон.

Она собралась вернуться к девке, чтобы продолжить допрос. Она развернулась — и увидела смуглянку с ножом в руке. Это пока она комнату обыскивала, девка на кухню смоталась.

Дракон, вытатуированный на груди Вероники, шевельнул хвостом и оскалил пасть. Девка не могла увидеть дракона через одежду колдуньи, а жаль. Возможно, она удержалась бы от нападения, тем самым удержав Веронику от активных действий.

Девкину руку с ножом Вероника сломала, как соломинку. Хорошо, что не оторвала по плечо, пожалела деваху. Нож упал на пол. За ним, закатывая глаза, на пол повалилась девка. Болевой шок.

Выйдя из квартиры, Вероника напрягла свое колдовское чувство. Среди множества ментальных следов

она быстро различила следы Стаса, определила, какой из следов был самым свежим.

Ментальный след привел Веронику к большому дому на Дмитровском шоссе, высотной «сталинке». Она поднялась на восьмой этаж, шла по лестнице, чтобы след не потерять. След привел к стальной двери, отделанной деревом.

Вероника позвонила. Посмотрели в глазок. Мужчина с едва заметным акцентом спросил:

— Тебе кого, красавица?

— Стас здесь?

Мужчина с задержкой ответил из-за двери:

— Да.

— У меня к нему разговор.

Заскрипел, отодвигаясь, засов. Лязгнул замок. Вероника увидела молодого мужчину с тонкими усиками.

Прежде чем пропустить ее в квартиру, мужчина бросил внимательный взгляд на лестничную площадку.

В прихожей Вероника увидела олени рога на стене и длинную вешалку с множеством кожанок на крючках. Еще в подъезде она поняла, что здесь было бы опасно действовать наскоком, слишком много мужичков собралось в квартире. Перед дверью ментальные следы клубились облаком.

Закрыв дверь, усач направился в конец коридора. Вероника, видя, что усач не оглядывается, потихоньку затрусила за ним, хотя он показал ей, стой здесь.

На входе в комнату усач сказал:

— Стас, там к тебе. Девушка какая-то.

Он оглянулся без задней мысли.

И увидел Веронику.

Это была большая комната, хрустальная люстра на потолке, диваны у стен. На диванах и на стульях, и в креслах сидели люди, ребята до тридцатника, может, кто-то немного старше был. Двое молодых парнишек на подоконнике притулились.

Под потолком сизоватый дым клубился: сигареты, косячки. Стас ее узнал сразу. Не испугался — разо-

зился. Дура, радовалась бы, что они тогда не трахнули ее на пару с Витьком, так она туда же, в легавые записалась.

Вероника подошла к развалившемуся в кресле бандиту, произнесла:

— Чего раскотятился? Мое золото гони, на пятьдесят тысяч баксов было золота. Двадцать тысяч баксов за вещички. Всего восемьдесят, — «ошиблась» в счете Вероника. Вещи назад она не потребовала, подумав, что не помешало бы ей обновить свой гардероб. И видак поновее надо бы. Так что лучше деньгами.

Стас медленно поднялся.

— Во баба, а? — Ощерясь, он обвел глазами корешей. Парни смотрели на происходившее с интересом, за исключением двоих, накурившихся анаши и теперь дремавших в креслах. — Долго не трахалась, что ли?

Бандит рванул на себе рубаху, полетели пуговицы. Обнажилась волосатая, фигуристая, очень даже сексуальная грудь. Двое парней стали поспешно расстегивать ремни. Наверное, хотели в начало очереди попасть. Один прыщатик достал лавинообразно набухавший член из спортивных штанов и приготовился дрочить. Да что там, все парни заволновались, а их в комнате человек двадцать было. Даже гомосексуалист Женечка затрепетал, очень уж Стас сексуально выглядел.

Стас нащупывал застежку «молнии» на джинсах, когда Вероника ударила его. Он видел, что она хочет ударить, и нетерпеливо ждал удара. Его возбуждало, когда женщина дралась.

Ладонь Вероники, как тесак, рассекла трапецевидную мышцу и ключицу бандита. Подключичный сосудистый пучок лишь случайно остался неповрежденным. Тем не менее кровь сразу побежала струйками, множество мелких сосудов оказались рассечены.

Стас потерял голову от боли и ярости. Ему показалось, что Вероника ударила его бритвой. Он ринулся на нее, собираясь ухватить ее за руки. Хороший удар в лоб бандита остановил. Как бык на бойне, получив-

ший удар молотом по лбу, Стас замотал головой и повалился на колени.

Парни, кроме двух анашистов, повскакивали с мест и с волчьей сноровкой обступили Веронику. Хищники оскалились кастетами, ножами, даже две «пушки» колдунья увидела. Ее ничуть не тянуло вступать в потасовку со всем этим козлом, для этого у нее все-таки силенок было недостаточно. А видно, придется ей силой отсюда пробиваться. Эх, не хотелось бы, чтобы Стас одним этим порезом отделался.

Вероника заколебалась, поглядывая то на Стаса (бандит начал приходить в себя после нокаута), то на парня с «пушкой», стоявшего у двери. Тут в комнате раздался спокойный, чуть насмешливый голос:

— Что, хоровод будем водить? Я бы тоже с вами встал, да в пояснице стреляет.

Все повернулись на голос.

Пока братва тащилась и базарила в большой комнате, в соседней комнатухе главарь наркобанды Гришка Судаков разбирал деликатный вопрос с одним постоянным клиентом. Разобравшись, Судак с клиентом, патлатым парнем из музыкантов, вышел из комнатки. Оказалось, в большой комнате было жарковато.

— Бобер, проводи гостя, — главарь показал на музыканта. Избавившись от посторонних ушей, Судак подошел к молодой колдунье. — Вероника, кажется? Зачем пожаловала, Вероника? Певицы нам, вроде, не нужны, мы сами кому хочешь споем, только налей. Да, ребята?

По комнате пробежал вежливый смешок.

Вероника немного знала Судакова, он в «Махаоне» изредка появлялся, садился у самой эстрады, взглядом ее пощипывал. Так-то Судаков всегда с ней был вежлив. Верно, он разуверился в ее колдовских способностях, отсюда такие шуточки.

Вероника подошла к Стасу, а тому уже в здоровую руку нож передали. Она сделала вид, что хочет ударить. Стас замахнулся ножом, и колдунья ловко схва-

тила его за запястье. Со всей своей колдовской силы она дернула его за руку по направлению к полу. Бандит с воплем упал на вывихнутую руку и к тому же головой о пол неслабо ударился.

Братва заволновалась. Судак знал о Веронике куда больше, чем его парни, они видели каратистку, а он увидел колдунью. Когда Вероника повернулась к нему, он проговорил совершенно нейтральным голосом, без тени угрозы:

— Что ты хочешь от моего кента?

— Этот поганец меня обокрал, — сказала Вероника. — Золото, вещи, все вынес. Попутно две тысячи баксов у меня из горла выдрал. Я тогда больна была, не смогла ответить. Теперь выздоровела.

Судак задумчиво спросил у окровавленного, с разбитыми губами и заплывающими глазами бандита:

— Это правда, Стас?

— Правда, правда.

Стас, правая рука рука Судака, не выдержал, застоял.

— Как же так, Стас? Такая хорошая девушка, а ты ее обокрал. Стыдно, Стас, — укорил главарь.

— Будто ты только узнал, — пробормотал парень сквозь стоны. — Вата, бинт, где там у тебя? Мне перевязаться надо.

— Разве ты мне что-то говорил? — удивился Судак.

Стас, какой ни был разбитый, все-таки понял, что сморозил глупость.

— А, черт, Судак, вру я. Я тебе хотел сказать, но забыл. Забыл. Да, дерьмово я поступил. Деньги нужны были, а я под газом был.

— Дерьмово? Это не то слово, Стас. — Главарь обратился к Веронике: — И на сколько же он вас? Каков ваш ущерб?

— Восемьдесят тысяч баксов, я считаю.

— Ого! Стас, кент ты мой разлюбезный, вещички вернуть надо.

Парень буркнул:

— Разошлось уже все.
— Пусть деньгами вернет, — встала Вероника.
— Ты слышал, Стас?
— Эхма, восемьдесят тысяч баксов!
— Восемьдесят тысяч баксов, Стас, — подтвердил
главарь.

— Нет у меня с собой ни шиша! И вообще столько
нет.

Судак вздохнул.

— Ничего не поделаешь, придется мне за тебя рас-
платиться. Подождите, Вероника... э...

— Просто Вероника.

— Подождите, Вероника, я сейчас.

Из маленькой комнаты Судак вернулся с цвета-
стым полиэтиленовым пакетом, против ожидания Веро-
ники, которая готова была его увидеть с автоматом в
руках. Пачки зеленых купюр посыпались на стол.

— Восемьдесят тысяч баксов, — сказал Судак. —
Будете пересчитывать?

— Буду.

Вероника медленно пересчитала деньги. Раз пере-
считав, пошла по новому кругу. Где-то в середине ее
занятия в комнате раздался глухой звук. Это упал Стас,
наверное, от кровопотери потерял сознание. Ведь рана
у него на плече так и продолжала кровоточить. Судак
смолчал, поэтому никто не почесался прийти Стасу на
помощь.

— Все правильно, — подытожила Вероника, скла-
дывая пачки в пакет. — Надеюсь, больше не увидимся.

— А мне было бы очень приятно опять встретиться
с такой милой девушкой, — залулся Судак в улыбку.

Он лично проводил Веронику до входной двери,
еще раз извинился перед ней за Стаса («Стас — па-
рень ничего, но иногда на него находит. Тяжелое дет-
ство, знаете ли»).

Проводив Веронику, Судак вернулся к братве со-
всем не таким джентльменом, каким он раскланивался
с девушкой.

Судак подошел к Стасу, кулем валявшемуся на полу, и стал пинать его ногами:

— Вставай, поднимайся, рабочий народ!

Стас открыл глаза, застонал.

— Что, сумел заработать без Судака, срань такая?

Стас пробормотал что-то невнятное и опять отключился.

Судак обвел глазами кентов. Пацанам была наука: вперед батьки в пекло не лезь. Ему никогда не нравилась эта дурацкая идея Стаса квартиру покойной ведьмы обворовать. Только очень уж нянькался Стас со своей затеей, ну он и не стал перечить. Потом, когда все как будто удалось, у Стаса авторитета в банде прибавилось, да только этот авторитет дешевый был. Теперь кто хочешь мог полюбоваться, как Стас в отключке ногой дрыгал.

— Перевяжите его, — бросил Судак. — Ваты там, йода побольше. Джон, звякни по этому телефону. Спросишь Владислава Терентьевича, хирурга нашего херового. Пусть приезжает с инструментом.

Вернувшись домой, Вероника положила деньги в сейф, где ее мать Некрономик хранила, там они сохраннее всего будут. Напитку еще настаиваться почти что двадцать часов. Наконец-то она может выспаться.

Когда подошло время, Вероника достала медный, с прозеленью кубок, и наполнила его пенистым зельем. Этот кубок специально для Напитка Входа предназначался: зелье так и заиграло в нем, запузырилось, разбрызгивая янтарные капли. Видно, она все сделала верно, раз кубок зелье принял.

Колдунья вышла на середину гостиной. Стараясь не вспоминать, из чего зелье сварено, она быстро осушила кубок. Маленькую паузу она сделала в конце, взглянула в кубок. Там для нее была специальная картинка.

Вероника упала на ковер. Прошла минута, другая. Вдруг ослепительная искра очертила контур тела колдуньи.

И Вероника исчезла.

...

Трое мужиков сидели на ржавой трубе. В одном из дворов по Валдайскому проезду понакопали ям, что-то там с канализацией не ладилось. Рабочие не появлялись третью неделю, на месте раскопок копошились дети, да вот алкаши подошли выпить, труба была — как раз на ней посидеть.

Откупоривая пузырь, один из алкашей громко выпустил нехороший воздух и загоготал. Приятели подхватили его смех, правда, не так весело. Водка забулькала в грязный стакан.

Внезапно раздался громкий треск. Приятели разинули рты: «Гля!», «О!», «У!» Прямо перед ними по земле бегала электрическая искра, очерчивая контур, похожий на человеческий. Потом искра сделала зигзаг, очертила какой-то другой контур, что-то хлопнуло, как хлопает елочная хлопушка, и в центре контура появилась черная кошка.

Кошка, выгнув спину дугой, мяукнула.

Алкаши с перепуганными лицами бочком, бочком убрались со двора.

Вероника выбежала на улицу. Цель колдунье была известна: нежилое полуразвалившееся здание. Рядом находился ориентир, дом из белого кирпича, магазинчик внизу, вывеска: «Рыба». Эту картинку показал ей кубок, и еще он показал ей, какой она будет на Пути. Так что к своему новому обличению Вероника была готова.

На ходу приноровляясь к телу кошки, Вероника побежала по тротуару. Вероника не боялась старушек с кошелками и влюбленных парочек, а вот ватажки мальчишек она дважды переживала в подворотне. Дети есть

дети, подвяжут кошечку к палке и примутся поджаривать на медленном огне, что с них взять.

На дворника, собиравшего в совок битое стекло, Вероника особого внимания не обратила. Мужичок лет пятидесяти в черном дворницком халате мел и мел себе с флегматичным видом. Он оказался удивительно проворным, этот мужичок. Когда кошечка пробегала мимо, он быстрым движением схватил ее за шкурку и сунул в мешок, к окуркам, битому стеклу, бумажкам от конфет и прочему уличному мусору.

Отчаяние охватило Веронику, и она забилась в мешке, раня мягкие лапки об осколки стекла.

Дворник деловито опрокинул на Веронику содержимое совка, внимательно следя, чтобы она не выскочила из мешка. Вынув из нагрудного кармана окурков и спички, он закурил. Подпитавшись никотином, дворник швырнул окурков в решетку водостока, поднял мешок и не торопясь зашагал к проходу между домами.

Дворник жил бобылем, от ЖЭУ была у него однокомнатная квартира на первом этаже. В квартире отвратительно воняло прогорклым жиром. Кошачьи шкурки висели на распорках в прихожей и на кухне. На раздрыганным кухонном столе стояла кастрюлька, в которой мариновалось мясо для шашлыка. Для собственной надобности Михеич использовал только филейную часть, а всем остальным, что от кошечек оставалось, он дворовых собак потчевал.

Насвистывая навязчивую песенку из репертуара «Золотого околотка», Михеич оставил мешок в прихожей, а сам пошел на кухню нож подточить. Только он взялся за точильный брусок, как в дверь позвонили.

Пришел скорняк Глеб Устинович Бурбуля, которому Михеич шкурки поставлял.

— Как, шкуродер, кошки еще глаза не выцарапали? — пошутил скорняк, проходя на кухню.

— Они у меня воспитанные, — ухмыльнулся Михеич.

Дворник кинул на стол ворох кошачьих шкурок.

Скорняк быстро осмотрел шкурки, назвал цену. Михеич возмутился: «Да ты что, Глеб Устиныч, ты смотри, какой ворс. Подкрасить маленько, под куницу любая сойдет». Скорняк немного прибавил цену, Михеич пустил слезу. На ста восьмидесяти тысячах сошлись.

Когда Михеич открыл дверь, провожая скорняка, из мешка, стоявшего в прихожей, раздалось жалобное кошачье мяуканье.

— Прямо как человек, — вздохнул Глеб Устинович.

— Такая щас жисть: кто не твякает, тот визжит, — изрек Михеич.

Прощаясь, Михеич хотел поручкаться со скорняком, но тот, чистоплюй, уклонился.

Скорняк ушел, и Михеич отправился точить нож. Пару раз ширкнув лезвием по точильному бруску, он не вытерпел. Деньги за шкурки, вот они, на столе лежали.

Михеич погнал за пузырем.

Дворник вернулся с бутылкой «Русской». У него в квартире выпивка никогда закупоренной не стояла, а он был не из тех, кто нарушает традиции.

После двух стаканов Михеич взялся нож дотачивать.

Кошка в мешке продолжала мяукать. Она уже больше часа слух раздражала, и Михеич принялся точить нож довольно торопливо. Не то чтобы у него были очень нежные уши, ему-то было наплевать, мявкает кошка или тихонько болтается на распорке, но вот соседи у него были капризные. Особенно доставала бабка из квартиры напротив. Старая без устали в милицию ябедничала, и только по фатальному наплевательству стражей правопорядка разделочный цех Михеича до сих пор не прикрыли.

Михеич попробовал пальцем острие. Довольно, пожалуй. Он взял специальную попонку, чтобы кошку держать, прошел в прихожую и распустил узел на мешке.

Вероника молнией проскочила у него между ладо-ней.

Дворник заматерился.

Вероника прыснула куда глаза глядят и очутилась на кухне. Вскоре Михеич показался на кухне с ватным одеялом в руках, не руками же и не попонкой обезумевшее от страха животное ловить.

С первого раза Веронике не удалось разбить оконное стекло, кошачий вес был слишком мал. Во второй раз она прыгнула на окно с разбегу, насколько можно было разбежаться на столе.

Оконное стекло разбилось, посыпались со звоном осколки. Вместе со стекольными осколками Вероника вылетела во двор.

У Михеича случалось, что кошки из мешка выскакивали, но подобного не бывало ни разу. Ему даже матюки не сразу на язык пришли.

Когда Михеич высунулся в разбитое окно, кошки уж нигде не было видно.

Избежав волосатых рук живодера, Вероника опрометью выскочила из двора и помчалась по улице. Она перевела дух, только когда очутилась у магазина с неоновыми буквами «Рыба» и мордой осетра на витринном стекле. Чуть дальше находился тот самый старинный дом, показанный ей кубком. Вернее, то был не старинный дом, а старые развалины.

Она обследовала эти развалины, но не обнаружила той вещицы, которая в описании колдовского знака 188 называлась «явлением колдовского знака». Оставалось обследовать подвал.

В подвале дома, не успела она как следует осмотреться, на нее накинудись два кошачьих скелета. Это был добрый знак: значит, она на верном пути.

Свое нападение стражи знака сопровождали страшным воем, хотя было непонятно, откуда могли взяться эти звуки, если голосовые связки кошечек давным-давно сгнили. Красные огни горели в мертвых кошачьих глазницах. Что-что, а вот зубки у кошек не сгнили, та-

кими зубками, как у этих скелетов, могла бы похвастаться молодая пантера.

Вдруг Веронике стало страшно. Да, она была колдуньей и она воспитывалась как колдунья, так что внешний вид стражей ее не изумил. Испугало ее другое. Она неожиданно засомневалась, хватит ли у нее сил пробить себе дорогу к Знаку. Кто его знает, какова была мощность сгустков сигма-плазмы, двигавших скелетами.

Однако страх означал конец. Пересилив себя, Вероника ринулась в бой.

Скелеты-стражи рассыпались, едва коснулись ее новенькими челюстями.

Вероника замерла, умиряя сердце. Ее шерсть, вставшая дыбом, уже улеглась, а она все никак не могла прийти в себя. Ей повезло: кошачьи скелеты оказались просто страшилками. Судя по книгам, страшилки частенько попадались на Путиях к Знакам, но плохо приходилось тому, кто, встретив стража, действовал в надежде на то, что повстречал стража-страшилку.

Немного успокоившись, Вероника прошла в закуток, который охраняли скелеты. Здесь она увидела его, колдовской знак 188, или, строго говоря, она увидела так называемое «явление колдовского знака 188».

Поверх горстки кошачьих костей, вероятно, принадлежавших предшественнице Вероники, лежал Острозубый Венец, обруч из чистого золота с длинными острыми зубцами. Корона колдовской кошки была таких размеров, что только кошке ее и носить.

Вероника не без труда надела Острозубый Венец себе на голову, все-таки кошачьи лапы — не человеческие руки. Как только корона устроилась у нее на голове, она потеряла сознание.

Очнувшись Вероника в своей квартире.

Девушка по-прежнему сжимала в правой руке ножку кубка, и лежала она в прежней позе, как будто не расставалась с ковром. Но теперь у нее на голове го-

рел золотом Острозубый Венец. И не казалось, что он был ей мал.

Вероника встала на ноги и коснулась венца руками. Корона немедленно исчезла, только красноватый след остался на лбу колдуньи. Вскоре исчез и этот след.

Острозубый Венец исчез, но это он внешне исчез, тогда как невидимо он со всей своей мощью остался с Вероникой. И девушка-колдунья знала это. Она не обладала колдовской силой второго знака, поэтому она не могла превращаться во что ей заблагорассудится, но стать кошкой она смогла бы в любую минуту. И не просто кошкой, а колдовской кошкой, зубы и когти которой превосходили крепостью любую сталь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Это случилось на другой день после того как Дарья Паршина, мать Вероники, была убита.

В сумерках раннего утра к ресторану «Континенталь» подъехала синяя «вольво». Из машины вышел высокий мужчина лет сорока, черноусый, с жесткими, глубоко посаженными глазами, худощавый. Он был в строгом сером костюме, на галстук поблескивала булавка с бриллиантом.

Дверь в ресторан была открыта. Пройдя в нее, мужчина попал в длинный холл с массивной вычурной лепниной на стенах и потолке. Швейцар, пожилой квадратный дядечка, выскочил из гардеробной и поспешил навстречу мужчине с широко раздвинутыми, как у чучела, руками:

— Закрываемся, закрываемся. Ресторан работает-а-а-а (длинный зевок) — с семи вечера до четырех часов утра. Там же написано.

Большие электронные часы, висевшие в холле под потолком, показывали четверть пятого.

Не сбавляя шагу, мужчина выставил вперед руки. Швейцар уже собрался добавить что-либо покрепче к сказанному, но, взглянув на руки мужчины, осекся.

Вместо рук у мужчины были громадные рачьи клешни. И эти клешни защелкали перед подбородком Николая Фомича, швейцара.

Фомич подался назад. Оставив в неприкосновенности его подбородок, мужчина прошел мимо него, двигаясь к высоким, украшенным всевозможными бронзовыми завитушками дверям банкетного зала.

В банкетный зал вели двойные двери, между ними находился маленький проход длиной шагов в пять. В этом проходе переминались с ноги на ногу два «быка». Стулья им не выделили, чтобы они не уснули.

К банкетному залу черноусый мужчина подошел уже с обычными, человеческими руками. Открыв дверь, он поднял руки, тыльной стороной кистей едва не заехав в ряды охранников. На указательном пальце каждой руки у него было кольцо с рубином. Не успели охранники отреагировать на появление усача, как рубины вспыхнули. В этих вспышках два световых луча были особенно яркими. Лучи ударили в глаза охранников. Энергия лучей была настолько велика, что они не только зенки «быкам» прожгли, но и подрумянили им мозги.

Охранники без всхлипа повалились на узорчатый паркет.

Сделав свое дело, рубины рассыпались.

Валерий Юрьевич Чурзин, так звали черноусого мужчину, с мимолетным сожалением взглянул на свои перстни с пустыми оправками. Камни были большие, прекрасного кровавого цвета, не искусственные, а самые что ни на есть природные, в Африке были добыты. Такие камни стоило пожалеть, но иного исхода Чурзин не ожидал. Это колдуну внешней силы вольно было рассчитывать, что напитанный его колдовством камень не погибнет при первом применении, однако же Чурзин не был колдуном внешней силы. Валерий Юрье-

вич Чурзин был вурдалаком, причем сильным вурдалаком, о чем свидетельствовал символ — вытатуированная у него на груди рогатая летучая мышь. Колдуну внешней силы драгоценный камень подчинялся с охотой, а вурдалаку — с ненавистью. Не удивительно, что у вурдалака уже после первого колдовского действия драгоценный камень всегда погибал. Ненависть — слишком горячее зелье для любого сосуда, чтоб ее можно было длительно хранить.

Банкетный зал представлял собой длинное прямоугольное помещение с огромным столом в центре, составленным из столов поменьше. В глубине зала тянул китайскую мелодию уставший оркестр. Там же топтались три или четыре пары в ленивом танце.

За столом сидело с полсотни человек. Были тут и деловые со свинячьими мордами, и крутые с тигриными и волчьими, и артисты кордебалета с умными бараньими профилями. Из женщин больше было кошечек, в основном сиамских, а также одна пьяная пантера и три коровищи.

Чурзин сразу заметил нужного человека. Давид Иудович Луговой, управляющий банком «Земляничный», был мужчиной видным, борец «сумо» в клетчатом костюме. Луговой сидел во главе стола, потому как на этом застолье он хозяйствовал, день рождения его молодой жены отмечали. Сама молодая жена, молоденькая девчонка, на коленях-бревнах у Лугового сидела и он ее грибочками кормил с вилочки, кормил и гоготал.

Чурзина некоторые из гостей заметили, из наименее пьяных, но особого значения его появлению не придал никто. Одни приняли его за такого же гостя, другие — за менеджера ресторана, прочие не дали себе труда задуматься, кто это мог быть. Да и что там голову ломать, раз охранники пропустили его в зал, значит, ему можно было сюда войти.

Чурзин неторопясь подошел к Луговому, окликнул его:

— Давид Иудович?

Луговой повернул голову.

— Вам послание. — Чурзин достал из кармана розовый листок бумаги, развернул его и прочитал: — Привет от друзей.

Что это были за «друзья», сам Чурзин знать не знал и ведать не ведал, ему заплатили за то, чтобы он вот в такой форме передал Кривичу от них привет, и он передал. Далее Валерий Юрьевич Чурзин исполнил оставшуюся часть своей работы. Положив розовый листок в карман пиджака, он вынул из этого же кармана пистолет. Банкир не успел испугаться, счастливее.

Пистолет, заурядный «Макаров», был без глушителя, так что звук выстрела прогремел в просторном зале как гром. Этот звук немедленно и совершенно правильно был оценен всеми присутствовавшими, тем более что его смысл оказался ярко подчеркнут красным пятнышком на банкирском лбу.

Женщины завизжали, мужчины — кто под стол, кто вставными челюстями стучать, все остальные сделались как чурбаны. Все, кроме двоих. Ленка Голубцов по кличке Голубец и Александр Николаевич Рыбальченко, Рыбак, схватились за стволы. Разобраться, кто убил Кривича, не составляло труда: черноусый мужчина с пистолетом в руке шел к входной двери. Голубец и Рыбак выстрелили почти одновременно. Киллер, даже не вздрогнув при звуке выстрелов, скрылся за дверью.

Голубец побежал к двери, за киллером.

Рыбак схватился за трубку сотового телефона. Два его парня, дежурившие у входа в банкетный зал, были жмурики, понятно. Однако у него на улице в машине еще четыре здоровых лба сидели.

• • •

Придя в себя, Фомич переборол желание проследовать в банкетный зал за незнакомцем. Это его желание было весьма небезопасно для здоровья, и без пре-

дупреждения Минздрава ясно. На ватных ногах Фомич поковылял к дежурному администратору.

Дежурный администратор, Виктор Викторович Лопатень, звонить в ментовку повременил. В банкетном зале люди козырной масти собрались, они за ментов так по шее надавать могут, что до смерти не забудешь. Что касается клешней или клещей каких-то, про которые Фомич буровил, так это Фомичу спросонья привиделось, а то и к психиатру Фомича сослать придется.

Тем не менее на сигнал швейцара Виктор Викторович не мог не прореагировать. Козырные попросили его глаза не мозолить, но тут он, конечно, должен был в банкетный зал заглянуть.

Опускаясь с администратором по лестнице, Фомич увидел Чурзина. Киллер шел по холлу к входной двери с «Макаровым» в руке. Фомич легонько толкнул сонного администратора и вытянул руку:

— Э-э-э...

Виктор Викторович окликнул Чурзина, не заметив его пистолета:

— Эй, извините! Мужчина!

Чурзин, уже подходивший к двери, повернул голову.

На администратора глянула дьявольская образина: волосатое лицо гориллы, налитые кровью глаза, клыки, торчащие из губ.

Киллер вышел из ресторана.

Едва входная дверь закрылась, из банкетного зала выскочил Голубец:

— Куда он делся? Куда, в печонку твою?!

Вопрос Голубца был резонен: из холла можно было выйти через десяток дверей.

Фомич показал на входную дверь в ресторан:

— Э-э-э...

Немногим позже в ресторан вызвали психиатрическую бригаду, но не к Фомичу, а к Виктору Викторовичу Лопатеню.

На улице Чурзина ждали. Рыбальченко описал его внешность, отдал распоряжение, так что «быки» сразу открыли огонь из автоматов.

Вообще-то Чурзин не любил отстреливаться, он предпочитал после выполнения задания быстренько исчезать, не тратя времени на выстрелы. Этого требовала его квалификация: он не террорист, а киллер, так что ни единого лишнего, то есть неоплаченного, выстрела. Теперь, после того как он накануне засосал колдунью второго знака, колдовская сила так и пульсировала в каждой его жилке. Что с того, что четверо молодцев с автоматами, полукругом обступившие ресторанную дверь, принялись палить очередями? Его колдовская сила давала ему возможность, смещая время, перемещаться с немыслимой для обычного человека быстротой, так что он легко ушел бы и из-под более плотного огня.

Казалось, усач с пистолетом в руке на короткое мгновение исчез. А потом «быки» увидели его шагах в десяти от себя. Он бежал по улице, прихрамывая.

Парни с автоматами развернулись и продолжили стрельбу. Действовали они быстро и слаженно, хотя в глубине души у каждого из них трепыхнулась неуверенность: что за чудеса, как этот усатый сумел вдруг оказаться так далеко от них, да еще и всего только раненный в ногу.

Эта растерянность «быков» не шла ни в какое сравнение с растерянностью, охватившей Чурзина, когда он почувствовал, что в него попали. Пуля пробила мякоть бедра насквозь. Какое-то время Чурзин был уязвим: колдовство вурдалаков было сродни искусству колдунов внутренней силы, оно требовало сосредоточенности, а какая уж тут сосредоточенность. Надо отдать должное злости упыря: он сумел-таки не скатиться в панику и быстро собраться.

Не давая страху овладеть собой, Чурзин задейство-

вал всю свою колдовскую силу. Но тут на одну сверхчеловеческую быстроту опасно было ставить, вон оно как получилось, и Чурзин стал отстреливаться.

Он попал в двух преследователей, один из которых был Голубец, и тут патроны кончились. Идиот, он не взял с собой запасную обойму.

Страх опять зашевелился у него в сознании, выпуская ледяные щупальца. Рана в ноге стала болеть сильнее. Еще бы, такие кульбиты выделывать! Если бы не эта рана... Чтобы заживить рану, колдовскому огню, горевшему в теле Чурзина, требовалась подпитка обычной человеческой энергетическом массой, но упырь уже месяц как не подкреплялся обычными людьми. Обычно Чурзин выходил на дело полностью в форме, но тут был срочный заказ, и он подумал: «Ничего, после дела какого-нибудь бродяжку засосу».

Вдруг Чурзин увидел пожилого мужчину в спортивном костюме. Физкультурник, екэлэмэнэ! Мужчина стоял в подворотне, к выстрелам прислушивался. Они встретились с Чурзиным взглядами.

А ведь именно такого караса ему и надо сейчас на зуб кинуть, подумал вурдалак.

Мужчина, заподозрив неладное, попытался отвести глаза, но вурдалак уже зажег в своих глазах колдовской огонь.

Через секунду физкультурник, как стоял, «солдатином» повалился на Чурзина. Тот бережно подхватил его. Еще не хватало, чтобы мужик разбил себе голову об асфальт и умер раньше, чем Чурзин успеет присосаться к нему.

Положив тело на асфальт, Чурзин услышал топот ног. Парни с автоматами переключались, искали его. Большой белый холодильник перегораживал тротуар, поэтому они не увидели, куда он шмыгнул, однако вариантов его отступления было немного.

Чурзин не стал стягивать с физкультурника куртку, экономя время. Вурдалак положил руку на грудь жертвы, надавил. Рука упыря набухла, почернела, кожа

на ней стала, как древесная кора. Из-под нечеловеческой лапы вырвались язычки пламени.

Завоняло жареным мясом. Вурдалак дышал глубоко, с наслаждением раздувая ноздри. В такие мгновения он забывал обо всем, как бывает в мгновения любовного экстаза.

Но вот повеяло мертвечиной. Сосуд был опорожнен до дна.

Вурдалак поднялся, подрагивая от удовольствия. Боль в ноге прошла. Надо было бы убрать тело или нет, пусть тут и лежит. Скажут, молнией убило.

Чурзин услышал звук шагов совсем рядом. Развернувшись, он увидел одного из преследовавших его автоматчиков.

Когда кореша подбежали к парню, тот был уже мертв. Мертвец с выражением ярости на лице продолжал сжимать автомат в руках, это был боевой парень.

...

Валерий Юрьевич Чурзин жил в районе Новое Переделкино, там у него был дом в частном секторе. Домой вурдалак добрался на перекладных, угнанная «вольво» у «Континенталья» осталась. В этом не было связи с пулевым ранением и мгновениями растерянности Чурзина, он всегда предпочитал покидать место убийства на своих двоих, так полнее использовалось его колдовское преимущество перед преследователями.

В доме Чурзина было старинное кресло с высокой спинкой и подлокотниками, инкрустированными серебром и слоновой костью. Усевшись в это кресло-трон, Чурзин сжал цепкими пальцами подлокотники и принялся думать.

Что произошло у «Континенталья»? Почему одному из автоматчиков удалось подстрелить его? Неужели автомат этого молодчика был окурен колюкой? Но чтобы окурить оружие колюкой, надо было осени дожидаться. Получается, колюка этого года не могла быть

использована, не созрела еще, а действие прошлогодней колюки до этого времени не сохранилось бы. Колюкой обкуривали оружие в сентябре-октябре, прок от этого окуривания держался около трех месяцев. Заговорами можно было увеличить этот срок еще на месяц-два. В любом случае, сейчас обкуренный колюкой автомат или не обладал бы колдовской силой, или обладал малой колдовской силой, совершенно недостаточной для того, чтобы подстрелить его, Чурзина.

Значит, колюка тут не при чем.

Какая же колдовская сила напакостничала ему? Была ли это сила ведьмы или колдуна, или демона?

Демон Аризел, вот кто пустил пульку ему в ляжку. Демон Аризел, кто же еще.

Про Аризела Чурзин подумал еще у «Континенталя», а о колюке он рассудил про себя, только чтобы укрепиться в первоначальном мнении. В самом деле, кто еще, кроме Аризела, мог такое устроить? А вот Аризелу, демону воздуха, как раз было сподручно пульку куда следует направить.

С Аризелом у Чурзина была давняя вражда. Пути колдунов, демонов, духов и вурдалаков тесно переплетались, на одном таком перекрестке и столкнулись вурдалак Чурзин и демон воздуха Аризел. Так получилось, что Чурзину стали известны пять имен Аризела. Вурдалаку их выболтал серебряный Велес, 237-й знак колдовства, некогда почитаемый на Руси. Может, Чурзину и не пришлось бы воспользоваться этим знанием, но как раз так получилось, надо было ему на Камчатку смотаться и чтобы как можно скорее туда-сюда обернуться. От Москвы до Камчатки путь не близкий, самолеты быстры, да Чурзину надо бы быстрее, и к тому же погода такая отвратительная стояла... Решил Чурзин к Аризелу обратиться. Во власти демона воздуха было туда и обратно его быстрее самолета домчать. На этот раз Чурзин решил сэкономить. Вместо того чтобы расплатиться с демоном частицей своей жизни, вурдалак замыслил сказать ему по-хорошему, так, мол

и так, я семь твоих имен знаю, ты уж мне бесплатно помоги. Больше обременять не буду.

Здесь была тайная мудрость: в каждом имени демона заключалось одно из начал его жизненной сути, и тот, кто знал достаточно много имен какого-то демона, приобретал власть над ним. Обычно реальное влияние на демона можно было оказывать, зная не менее пяти его имен. Всего же демоны имели до ста имен. У Аризела было тридцать три имени.

Вызвав демона, Чурзин завел с ним разговор. Аризел оказался не из податливых: надо, мол, платить, парень. Чурзин поднажал. Так произошла их первая стычка, да такая, пух и перья в разные стороны летели. С той поры для Чурзина сделалось целью заставить Аризела повиноваться, для чего он должен был узнать как можно больше имен демона. Аризел, со своей стороны, жаждал поставить зарвавшегося вурдалака на место, и чтобы навсегда.

Со временем Чурзину стали известны еще два имени Аризела, чего ему это стоило, знали только уральские вершины да каракалпакские пески. У Чурзина с Аризелом состоялось грандиозное побоище. Расстались они весьма потрепанные, Чурзин так и не сумел привести Аризела к покорности, а Аризел не смог убить Чурзина. Три последних года держалось некоторое затишье, они совсем не виделись, словно отказавшись от борьбы, но на самом деле ожидая для себя удобного момента продолжить борьбу.

Вот и напомнил о себе дружище Аризел, скривился вурдалак и потянулся за бронзовым блюдцем.

Колдовская смесь, нужная, чтобы вызвать демона, у Чурзина была готовая, так что ему не пришлось оципывать ласточку, потрошить гусыню и искать в огороде крапиву. Чурзин плеснул смесь в блюдце, взял нож с колдовской вязью на лезвии, проверил пальцем его остроту и полоснул себя ножом по запястью.

Проливая темную венозную кровь, вурдалак зашептал заклинание. Когда с поверхности блюда повалил

густой белый пар, Чурзин надавил на ранку пальцем. Кровотечение остановилось. Без суеты вурдалак отступил за белую линию круга, заключавшего в себя стол с бронзовым блюдцем на нем.

Достигнув потолка, столб пара изогнулся и как будто белый хобот стал тыкаться в пол вокруг стола. В одном месте «хобот» застыл, видно, оно показалось ему предпочтительнее прочих. У пола «хобот» стал утолщаться, расходясь в стороны в виде плотного белого облака. Прервав связь с блюдцем, облако потемнело, почернело, и из этой черноты возник демон.

Чернокожий Аризел, странно худой и страшно высокий, стоял ссутулившись, а иначе ему пришлось бы пробить рогами потолок. Лишь набедренная повязка покрывала его блестящее тело. За плечами у демона топорщились сложенные веером перепончатые крылья.

— Давно не виделись, упырь, — сухо сказал демон.

— А у «Континенталья», старый стрекозел? — возразил Чурзин.

— Что у «Континенталья»? — не понял демон или притворился, что не понял.

— Пульку кто в меня запустил? Попал, ничего не скажешь. Силенок поднакопил за три года. Это сколько ж ты за эти три года нашего брата обобрал?

— А ты сколько за три года колдунов засосал?

Улыбка исчезла с губ вурдалака.

— Зря ты потратился на ту пульку, Аризел. Сейчас тебе все твои силенки понадобятся.

Чурзин сложил руки, как это делают молящиеся, и резким движением рубанул воздух. Огонь вырвался из его рук, пламя лизнуло пол. Чурзин раздвинул руки — и пламя раздвинулось в обе стороны, стирая белую линию круга. Вурдалак мог приблизиться к демону и не стирая круг, колдовской круг ограничивал передвижения демонов, а не вызвал их, и все-таки вурдалак стер круг, тем самым устраняя препятствие для

демона. Схватка будет нешуточной, показывал тем самым Чурзин.

Чурзин двинулся к демону, выкликая его имена. Одновременно вурдалак стал быстро преобразаться. Он вырос на голову, раздался в плечах, его тело покрылось шерстью, зубы подросли и заострились. Можно было видеть, как летучая мышь, вытатуированная у него на груди, била крыльями и трясла безобразной рогатой головой, пока ее не заслонила шерсть.

До самого последнего момента демон был как будто спокоен. Очевидно, тем самым он выказывал презрение к своему противнику. Когда Чурзин оказался рядом, демон единым движением развернул крылья, и тут обнаружилось, что на крыльях демона, на когтистых осях перепонки, кривились острые когти.

И они сцепились, демон и вурдалак. Плоть противников была куда крепче человеческой, однако и их когти с клыками не шли ни в какое сравнение с когтями и клыками зверей и людей. Красная кровь вурдалака и черная кровь демона заструились из ран, и тут же раны затягивались, и тут же рядом с затянувшейся раной появлялась новая.

Некоторое время противники казались равными по силе, но вот вурдалак отступил на шаг. Аризел ринулся вперед. Демону уже виделась победа, искромсанное тело вурдалака и его обугленное сердце (в ментальном мире сердца всех вурдалаков напоминали угольки, такой уголек способен был придать могуществу любого демона новую грань). Вдруг Чурзин, поймав взгляд демона, крикнул:

— И все-таки быть тебе сегодня битому, Ариуэльд!

Демон зашатался. В начале стычки Чурзин выкрикнул семь его имен. Это было очень и очень неприятно, но к этому Аризел был готов. Однако же, оказывается, Чурзин знал не семь, а восемь его имен.

Ощувив острую боль в правом крыле, Аризел не смог сдержать стоны. Это имя, Ариуэльд, являлось звуковым

воплощением энергетической матрицы его правого крыла. Демон мог бы превозмочь боль и продолжить схватку, но, кто его знает, может, упырь знал не восемь его имен, а больше. Девять, десять?

Если бы Аризел мог потеть, его бы сейчас прошиб пот. Демон подумал, что произошло бы, рискни он продолжить схватку. Если Чурзин знал еще пять-шесть его имен... Чурзин мог лишить его всей силы, изматывая его в схватке и периодически выпуская в него яд собственного знания. И тогда...

Конечно, Аризел остался бы жив. Чтобы его убить, Чурзину следовало знать все тридцать три его имени, а это было слишком даже для Чурзина. Но Чурзин мог бы заточить его в какой-нибудь камень или кувшин, это делалось просто, достаточно было произнести специальное заклинание. Его, демона воздуха, запереть в душном камне!.. Потом Чурзин связал бы его волю клятвой, угрожая, что, если он не поклянется, никогда ему не расправит крылья. И все, он, Аризел, стал бы рабом какого-то кувшина. А вернее — хозяина кувшина. Его первым хозяином был бы, конечно, Чурзин.

Это довольно пространное рассуждение пронеслось в голове у демона с быстротой молнии, и не потому что демоны умнее людей (демоны, как и люди, бывают разные; что касается Аризела, то он был скорее хитроумен, чем умен). У Аризела так быстро провернулись колесики в мозгах, потому что он не раз видел таких вот бедолаг-демонов, рабов перстней, или кувшинов, или кинжалов, а однажды он даже разговаривал с демоном — рабом ночного горшка.

Чурзин торжествовал.

— Что пригорюнился, козлиное отродье? — Чурзин, тяжело отдуваясь, ткнул демона когтем в грудь. Из ранки засикала кровь, но Аризел и не подумал дать сдачи. — А вот интересно, — продолжал вурдалак, — это сколько еще я должен произнести твоих имен, чтобы у тебя подогнулись колени?

Дрожа от ненависти, Аризел встал на колени.

Со стороны могло показаться, будто демон обессилел от страха.

Вволю насладившись унижением Аризела, Чурзин произнес:

— Сейчас ты мне не нужен, так что можешь убираться. Но смотри, если еще раз вздумаешь помочь мне сдохнуть, сдохнешь сам.

Тело демона разошлось белым паром, и облако пара торопливо убралось в бронзовое блюдо.

Чурзин перевел дух. Все это время он был в страшном напряжении. Разве он мог знать, как поведет себя Аризел? Восьмое имя демона Чурзин узнал в прошлом году. В Пакистане. В буддистском монастыре. Более ни одного имени демона вурдалак не знал, так что, продолжи демон биться, в конечном итоге он мог взять верх над Чурзиным.

На этот раз Аризел проявил благоразумие. Другими словами, он испугался. И хорошо было бы, если бы это чувство страха продержалось в нем долго. Если не бесконечно долго, то хотя бы до времени, пока Чурзин не узнает еще одно его имя.

Чурзин победил, вместе с тем он четко ощущал незаконченность своей победы. Демон был жив, и даже в камень он не был заточен. Чурзин просто получил отсрочку: демон не станет ему вредить, пока будет его бояться. А лишь только страх уменьшится...

Чтобы снять напряжение, Чурзин отправился к любовнице. В центре Москвы у Чурзина было три квартиры, специально для любовниц держал. Одна из них на текущий момент пустовала, другую занимала дебелая баба, учительница русского языка, в третьей, на Воздвиженке, жила девчонка с тугим, как новая резина, телом. Девчонка училась в МГУ на втором курсе, на биофаке.

В своей «ауди-100» Чурзин покатил на Воздвиженку.

Здесь у него была трехкомнатная квартира с высоченными потолками в доме довоенной постройки.

Студентка Риточка Метелкина жила в «сталинке» в холе и довольстве. И обстановка роскошная, и тысячу долларов ежемесячно Чурзин давал ее на текущие расходы.

Квартира Чурзина находилась на четвертом этаже. На площадке второго этажа он почувствовал неладное. Ментальный след Риточки и ментальный след незнакомого самца прямо рука об руку шли. Шли и пришли к двери его квартиры.

Чурзин к Риточке всегда под вечер являлся, днем занятый своими вурдалачьими, колдовскими и киллерскими делами. А вот оно как бывает, если заявишься не вовремя.

Стоя у двери собственной квартиры, Чурзин прислушался. Двойная дверь звуки пропускала плохо, так что пришлось Чурзину, пренебрегая конспирацией, преобразовать человечьи уши в куда более чуткие волчьи.

Теперь он совершенно отчетливо различил поскрипывание, природу которого легко угадал бы любой мужчина.

Девчонка уверяла его, что в будние дни она с утра до вечера на занятиях и лекциях изнывала. Вот, значит, какие у нее были занятия.

Чурзин открыл дверь бесшумно и без ключа: приложил ладонь к замку, колесики и провернулись. Так же бесшумно была открыта и вторая дверь.

Поскрипывания стали более громкими и частыми. Видно, до финала было недалеко.

Проклятая сучка!..

Лицо Чурзина потемнело от гнева. Он быстро направился к комнате, откуда доносились любовные звуки. В двух шагах до двери комнаты он замер. Чурзин остановился не из благородства, не потому что решил дать любовникам кончить, просто ему была нужна эта остановка, чтобы придать себе должный внешний вид.

Чурзин провел ладонями по лицу. По мере того как его руки опускались, его лицо изменялось: сначала лоб, затем скулы и подбородок вурдалака покрылись

пестрыми чешуйками. Одновременно голова Чурзина изменила свою форму.

Голова человека стала головой змеи.

Чурзин провел ладонями по плечам, по груди, по бедрам. И человеческая личина упыря как бы сползла к его ногам, уступив место личине змеиной.

Последнее превращение произошло с ногами вурдалака. Ноги Чурзина стали длиннее, затем еще длиннее, и вот уже вместо ног у вурдалака был длинный и толстый змеиный хвост.

Змей пополз к спальне, держа голову высоко над поверхностью пола.

Любовники, перевалив за вершину блаженства, не жились в тепле друг друга. Внезапно дверь спальни скрипнула. Риточка Метелкина лениво посмотрела на дверь. Дурной нечеловеческий вопль вырвался из девичьего горлышка, не имевший ничего общего с криками, только что оглашавшими комнату.

Риточка нежилась со своим однокурсником, девятнадцатилетним Генкой Моховиковым, обладателем прекрасного тела атлета и сексуальной полоски усов, сейчас влажных от Риточкиных выделений. Оглушенный Риточкиным криком, Генка испуганно посмотрел на нее, затем перевел взгляд на дверь.

Змей все вползал в спальню. Змеиному телу, казалось, не будет конца. Треугольная змеиная голова с мельтешащим в пасти раздвоенным языком не спеша поднималась к потолку.

Генка вскочил с кровати. О Риточке он позабыл в одну секунду, он помнил только об окне и думал только об окне. Четвертый этаж? Чепуха. Сломать ноги все-таки лучше, чем...

Парень не успел добежать до окна. Сделав молниеносный бросок, змей обвился вокруг молодого любовника кольцами, только Генкина голова снаружи осталась. Да еще половой член бедняги высывался из змеиных колец, член не успел до конца сморщиться после любовного акта.

Змей разинул пасть. Это было впечатляющее зрелище, неудивительно, что Генка заорал не своим голосом. Начав с головы парня, змей натянул на него свое тело с той изящной легкостью, с которой юная кокетка натягивает на ногу чулок.

Когда ноги Генки скрылись в змеиной утробе, Риточка перестала кричать. У несчастной голос отнялся от ужаса.

Чурзин хотел, чтобы негодница знала, кто ее наказывает и за что. Для этого вурдалак, протолкнув тело студента в желудок, вознамерился показать свое лицо.

Цепляясь бессильными пальцами за простыню, Риточка увидела, как стала искривляться змеиная голова, словно она была пластилиновая, одновременно меняя окраску. В результате этих кривляний змеиная голова превратилась в человеческую голову, очень знакомую Риточке человеческую голову. Ниже по-прежнему шло змеиное тело.

Стараясь не замечать того, что было у Чурзина ниже головы, Риточка жалостливо улыбнулась своему спонсору.

— Нехорошо, деточка, нехорошо, — прошипел Чурзин, его голосовой аппарат, наполовину человеческий, наполовину змеиный, сейчас мог издавать только свистящие звуки.

— Я никогда... я больше никогда не буду... — И Риточка тоненько заплакала.

— Конечно не будешь, — согласился Чурзин.

Человеческая голова превратилась в змеиную. Чурзин обвил кольцами Риточку Метелкину и заглотил ее вслед за ее молодым любовником.

Рыгнув (как по маслу прошло), Чурзин заполз на кровать. Столь обильная пища лучше всего переварится во сне. Засыпая, Чурзин на уровне подсознания включил пищеварительную систему змея на полную мощность. Часа за четыре он должен был управиться с обоими любовниками.

На одной площадке с Риточкой Метелкиной жили старички. Прохор Лукич Подгузников с супругой Антониной Петровной. Спальня, где сексуальничали в квартире Чурзина молодые любовники и где они нашли такую бесславную кончину, находилась через стену от кухни старичков. Стена была не капитальная, а так, перегородка, поэтому из спальни Чурзина отдельные звуки до старичков доносились. И еще электрическая розетка смотрела двумя черными дисками и в спальню Чурзина, и на кухню Подгузниковых.

Как только в спальне соседа начиналась любовная возня, Прохор Лукич занимал место у розетки. Бабка порчала: «Бесстыдник старый», а старик прикладывал палец к губам и раздраженно махал рукой: «Замолчи, песочница». Тут Антонина Петровна замолкала, потому что в самом деле была песочницей и по совместительству мокрохвосткой: недержание кала и мочи, рейтузы не успевала стирать. Дед же у бабки был боевой, даром что на восьмом десятке, по утрам всю перину кочерыжкой взбивал.

Так и на этот раз. Заслышав шумок в соседской спальне, Прохор Лукич у розетки пристроился. Здесь слышимость была замечательная, и старик по привычке принялся на кочерыжке наяривать. Добившись результата, он уже собрался в магазин за кефиром потопать, тем более что у соседа тишина установилась, но тут за стенкой началось непонятное.

Эти крики были совсем иного свойства. А потом Прохор Лукич услышал шипение Чурзина, и у него в голове сложилась картина, в немалой степени отобразившая действительность.

Когда все окончательно стихло, старик засеменил к старухе.

Антонина Петровна подремывала в кресле с газетой в руках.

— Тоня! Слышала? У соседа-то...

— Бесстыдник старый.

— Да ты подожди, дурная какая. Помнишь, я рассказывал тебе? Девчонка-то соседская, соплячка, с которой он сожительствует, моду взяла. Днем парней к себе таскает, а вечером перед мужиком: ти-ти-ти. Оно, конечно, понятно, дело молодое, а сосед наш постарше девчонки годков эдак на двадцать будет...

— Не пойму, чего ты бормочешь.

— Ты слушай. — Старик пододвинулся к уху Антонины Петровны, бабка была глуховата. — Сосед наш, дверь направо, домой вернулся.

— Ну?

— А вот тебе и «ну»: сосед вернулся, а там девчонка его, с которой он живет, с парнем лежит.

— Стерва бесстыжая!

— Ты слушай дальше. Эта девчонка с парнем закричали, как будто их режут. Может, сосед их и вправду зарезал? Больно тихо у него сейчас в квартире, а ведь из квартиры не выходил никто.

Антонина Петровна испуганно посмотрела на Прохора Лукича толстыми стеклами очков.

— В милицию надо звонить, — сказал Прохор Лукич, пожевав губами.

— Ты что, старый?! — встрепелась старуха. — Вдруг правда... Сосед тебе потом башку как куренку открутит!

Старый Лукич струхнул.

— А я не скажу, кто звонит. Скажу, приезжайте, смертоубийство тут, адрес назову и трубку положу.

— Там у них в милиции такой жучок стоит, показывает, с какого телефона им звонят, — сказала Антонина Петровна, не зря проводившая вечера у телевизора.

Прохор Лукич почесал в затылке.

— У метро телефонов повешено, я оттуда позвоню.

— Ищешь приключения себе на голову, старый дурак!

— Нет, мать. Надо позвонить.

Прохор Лукич быстро собрался: натянул брючиш-

ки, накинул пиджак с латками на локтях, ботиночки зашнуровал. Он уж из квартиры вышел, а старуха все ворчала, прислушиваясь на кухне к тишине за стеной.

Чурзин досматривал второй сон, в котором он порхал на крыльях летучей мыши над цветочным полем, когда в дверь его квартиры позвонили.

Вурдалак встрепенулся. И сквозь обрывки сна он расслышал второй, более продолжительный звонок.

Змеиная голова Чурзина немедленно стала волчьей. Теперь он без труда уловил покашливание за дверью, определил, за дверью три мужика стояло. Интуиция подсказала: менты.

В дверь опять позвонили. Позвонили настойчиво, три раза.

О черт, надо идти открывать дверь, а у него еще пицца не вполне переварилась!

Или ему открыть дверь в таком виде? А что, он заглатит этих трех мусоров, и вся недолга.

Только тогда драпать отсюда придется.

Чурзин соорудил в квартире довольно уютное гнездышко, так что квартиру ему совсем не хотелось терять. Кроме того, хотя квартира была записана на другое имя, менты могли бы выйти на него через эту квартиру, приложи они усилие.

В дверь застучали кулаками.

Чурзин поспешно вернул голове человеческий облик и крикнул:

— Подождите, мать твою!

Чурзин вышел из спальни в человеческом облике. Только живот у него, вместо обычного спортивного, сейчас дыбился, как у какого-нибудь ожирелого сердечника.

Пройдя половину расстояния до входной двери, Чурзин бегом вернулся назад.

Эту комнату нельзя так оставлять, квартиру будут осматривать. По спальне была в беспорядке раскидана

одежда молодых любовников: спортивные штаны, юбка, мужская рубашка, кружевные трусики... Собрать одежду, спрятать ее куда-то? Не было времени.

— Да дайте одеться! — крикнул Чурзин в ответ на стук в дверь.

Это колдовство называлось «конструкция миража». Чтобы его осуществить, необходимо было обладать силой не меньше силы второго знака. Такая сила у Чурзина имелась, да и техникой этого колдовства он владел.

Вурдалак сжал кисти рук и напрягся. У него в голове зашумело. Сквозь шум стрельнула резкая боль, словно мозги раскололись, и из ладоней Чурзина вырвалось пламя.

Чурзин пробормотал скороговоркой заклинание миража и дотронулся огненным шариком до обоев в цветочек, затем швырнул шарик в дверь, что вела в спальню.

Огненный шарик, ударившись о дверь, растекся по ее поверхности. На этом огненном «плевке» проступил рисунок обоев. Теперь хоть вблизи паясь, хоть издали щурясь, на фоне стены дверь в спальню невозможно было различить.

Менты забили в дверь ногами. Чурзин побежал открывать, поддерживая обеими руками громадный живот.

Старший группы, капитан Мазюков, показав удостоверение, спросил:

- Почему не открывали?
- Спал. — Чурзин зевнул.
- Пройти в квартиру можно?
- Проходите.

Менты вошли в прихожую — подозрительные, настороженные. Капитан спросил паспорт. Чурзин принес. Паспорт был на имя некоего Алексея Павловича Битюга, на которого и квартира была записана.

Пролистав паспорт, Мазюков вернул его Чурзину. Придаться было не к чему, документы вурдалаку один спец из ФСК смастерил.

— Осмотреть квартиру можно?

— Пожалуйста. — Ордера на обыск, которого, конечно, у ментов не было, Чурзин требовать не стал, ни к чему лезть в бутылку.

Менты осмотрели квартиру, не то чтобы очень придирчиво, но и не формально: и под диван заглянули, и на лоджии побывали, и дверцы шкафов попросили отворить. Книги они не перелистывали, труп между страницами не спрячешь.

Когда осмотр был закончен, Мазюков проговорил:

— Что-то у вас тут шумновато было, Алексей Павлович?

Во всякой лжи должно быть правды максимум допустимого, тогда ложь покажется достоверной. Помня этот нехитрый принцип, Чурзин сказал:

— Девушка у меня одна жила. Расписаться с ней собрался, а она любовника привела, когда меня дома не было. Пришлось обоим по лестнице спустить.

— Какая девушка? Имя? Где живет?

Чурзин рассказал про Риточку Метелкину все, что знал. После этого менты убрались.

Закрыв за ментами дверь, Чурзин задумался. Кто же на него накапал? Вероятно, кто-то из соседей. При чем сделать это мог тот, кому было слышно происходившее в спальне.

Вурдалак подошел к двери в спальню. Колдовство миража продолжало действовать, так что в этом месте никакой двери не было видно, шла однородная стена, обои и цветочек. Все то время, пока менты находились в квартире, Чурзин опасался, как бы кто-то из них не коснулся стены в этом месте. Легкого касания или даже легкого ветерка было бы достаточно, чтобы разрушить колдовство.

Чурзин хлопнул ладонью о стену-мираж, и красочный рисунок обоев стал расплываться, бледнеть. Проступила дверь в спальню.

Вурдалак прошел в дверь.

Он быстро обшарил глазами стены. За какой из

них скрывался слухач? Он взглянул на потолок, снова посмотрел на электрическую розетку.

Услышав неясный шум, Чурзин подошел к розетке, нагнулся.

С той стороны розетки кто-то учащенно дышал (у Прохора Лукича по старости одышка была, а тут еще волнение прибавилось).

Чурзин преобразовал человеческие уши в волчьи. Теперь, даже не прижимая ухо к розетке, ему стало хорошо слышно, что происходило на кухне у соседей.

Прохор Лукич перебирал ногами, поскрипывали половицы. Старику немоглось у розетки: и пропустить чего-нибудь важное боялся, и ноги затекли. Сел бы старый на стул, да ни с того ни с сего копчик разболелся.

Антонина Петровна пробурчала:

— Далась тебе эта розетка, отец. Нервничаешь, тревожишься, как бы кондрашка не схватила. И еще какими делами занимаешься, а ведь сам дед старый.

Старик по обыкновению отмахнулся:

— Иди, иди, мать.

— Смотри, током ударит!

— Не ударит.

«Еще как ударит», — подумал Чурзин.

С этим стариком нужно было что-то делать, а Чурзин предпочитал решать свои проблемы немедленно и окончательно.

Вурдалак приложил к розетке пальцы рожками, к самым отверстиям. В подушечках его пальцев слегка закололо. Чурзин с силой выдохнул, и сгусток энергии оторвался от его пальцев.

По ту сторону стены из розетки с характерным треском вырвалось пламя. Электрический разряд ударил Прохора Лукича через ухо как раз по серому веществу.

Несколько секунд Чурзин не отрывал пальцы от розетки, чтобы мозги старика хорошенько поджарились.

К этому времени Антонина Петровна уже устрои-

лась у телевизора, но мужнин крик она слышала, как ни была глуха.

Опрометью старуха кинулась на кухню. Пока она добежала на кривых ногах, спасать уже было некого. Вокруг расплавленной розетки чернела сажа, а ее супруг Прохор Лукич Подгузников лежал на полу. Шли последние мгновения агонии. Волосы старика дымилась. Ухо, которое он прикладывал к розетке, было покрыто черными струпьями и пузырями.

Старуха завывала.

Прохор Лукич испустил дух.

Чурзин вытер пот со лба. Как же непросто далась ему эта смерть! Такие вот энергетические выбросы истощали сильнее всякого превращения.

Чурзин расстегнул рубашку, посмотрел себе на грудь. Летучая мышь, вытатуированная у него на груди, все еще пугала своими витыми рогами. Значит все в порядке, он не скатился до первого уровня силы.

Однако он чувствовал себя очень уставшим.

Сделав несколько шагов, вурдалак рухнул на кровать.

Он проспал пять часов. На этот раз его разбудил кишечник. Бегом в туалет, и — тррр — останки молодых любовников, студентов МГУ, начали свое путешествие по канализационной системе.

Чурзин был чисто плотным мужчиной, пальцем сроду не подтирался.

Он долго мыл руки с мылом, дважды холодной водой ополоснул лицо. В теле просыпалась бодрость. Он только что переварил двух субъектов, полных жизненной силы, так что жизненная энергия наполняла его до краев. Это была та самая энергия, которую обычные люди получали от обычной пищи; вурдалак мог или высосать ее у живого человека, или поглотить ее, поглощая людей живьем. Запри вурдалака в подвале гастронома, и он издох бы от голода, поскольку обычная пища не могла служить ему источником энергии.

Растираясь полотенцем, Чурзин ощутил вожделе-

ние. Пищевой инстинкт он утихомирил надолго, а вот любовное томление негодница Риточка Метелкина не дала ему удовлетворить. Хорошо, что в запасе у него еще одна мамзеля была, Верка Ряхова. Проституток Чурзин не любил за их слишком откровенную алчность.

Одежду своих жертв Чурзин собрал в три полиэтиленовые пакета, на пути к Ряховой он раскидал пакеты в разные мусорные ящики.

Верка Ряхова была бабой броской, ядреной: черные густые брови, губы как вырезанные, грудь пуховой подушкой. Чурзин Верку от мужа увел, владельца мясного магазина Борьки Ряхова. Ряхов был что твоя гора, мужчина здоровущий, бабу свою любвеобильную он за это дело лупцевал не раз, и ее ухажорам перепадало. Однажды Верка продавщицу замещала, а Чурзин и войди в магазинчик, ну они и снюхались. На следующий раз у них до акта дошло, в подсобке на ящиках с тушенкой. Днем позже Чурзин опять к Верке заглянул, но в этот день Ряхов был в магазине.

Выходит Чурзин из магазина, а Ряхов — за ним. Борька Ряхов свою силу чувствовал, он и гаркни: «Ты чаво, козел, к моей бабе шастать повадился?» Калечить Ряхова Чурзин не стал, зачем, он только заморозил его взглядом и синяков ему понаставил, а под занавес обжег ему губы серной кислотой, лизнув змеиным языком. В тот же день Верка ушла от Ряхова к Чурзину.

Баба встретила Чурзина, как будто только о нем и тосковала, страданица. Так оно было или нет, но уж пачкать его постель чужой спермой Верка сроду не посмела бы. А если какие вольные мыслишки и проскальзывали иногда у нее в голове, она сразу о Ряхове вспоминала, каким он тогда вернулся в магазин изукрашенным и с обуглившимися губами. За ночь Чурзин получил от Верки все, что ему было нужно. Наутро вурдалак — «Аревуар, Верунчик!» — отравился к своему работодателю. Киллерской работой его обеспечивал директор Черемушкинской бани Михаил Кузь-

мич Подстаканников. После выстрела в «Континентале» Чурзин должен был получить от Кузьмича пятьдесят тысяч баксов, аванс в двадцать тысяч баксов был ему вручен неделей раньше.

Свернув со Старокалужского шоссе в Басмачевский переулок, где находилась подстаканниковская баня, Чурзин увидел: произошло ЧП.

Он повернул в соседний переулок, здесь припарковался и пешком вернулся к бане.

Взрыв был силен. Все окна бани были выбиты, укрывавшие ее фасад гипсовые голые купидончики устилали асфальт бесформенными обломками. Перед баней кривились обгоревшие остовы четырех легковушек. Пожарники уже уехали, у бани стояли два милицеских «опеля» и «неотложка».

Походив в толпе зевая, Чурзин узнал подробности.

Взрывом был убит один человек, директор бани господин Подстаканников. Подошел Подстаканников к своей «БМВ» — и, пожалуйста, взрыв. Его собственная машина взорвалась. Еще было трое или четверо раненых, их «неотложка» увезла.

Господина Подстаканникова «неотложка» не увезла, его члены на топольках перед баней висели. Конечно, их рано или поздно сняли бы, но пока что менты более важными делами занимались.

На одну из верхних ветвей пирамидального тополя была надета голова Михаила Кузьмича. Под этим деревом стояла, периодически оглашая дворик душевнораздирающими криками, некая Татьяна, двадцатилетняя дочка Подстаканникова, девка непутевая, гулящая. Время от времени Татьяна пыталась залезть на дерево, но это ей никак не удавалось, вероятно, из-за сильной нервной дрожи. Она хотела снять голову своего отца с ветки, тогда как нога в полосатом красно-белом носке, висевшая совсем низко, для нее как будто интереса не представляла.

Михаил Кузьмич Подстаканников не каждого клиента привечал, заказать воровского авторитета у него

ни за какие деньги было невозможно, так Подстаканников старался себя обезопасить. Подстаканников принимал заказы на бизнесменов, на неверных жен и неверных мужей, еще на иностранцев, только чтобы без политики, с этого кормился. И как ни осторожничал Михаил Кузьмич, как ни холил собственную систему безопасности, все-таки нашла коса на камень.

Чурзин долго стоял в толпе, матерясь про себя. Это не пройдоху Кузьмича взрывом разметало, это его пятьдесят тысяч баксов взрывом разметало. Однако, делать нечего. Постоял-постоял вурдалак и к своей машине пошел.

Когда его потянули за рукав, он открывал дверцу «ауди».

Чурзин резко обернулся, собираясь врезать побитой рушке промеж глаз.

Рядом с ним стояла девчонка Кузьмича. Татьяну можно было бы назвать красавицей, если бы не намекавшаяся тяжесть в лице, к сорока годам грозившая превратить девичий овал в комковый блин. А так все было при ней: и крепкие грудки, и светлые волосы до плеч, сама перекистью осветляла, и здоровая бархатистая кожа. Они знали друг друга, все-таки Чурзин проработал у Подстаканникова семь лет, но знали так себе, только здоровались при редких случайных встречах.

Татьяна была девушка решительная, боевая. Схватив Чурзина за руку, она затараторила:

— Валера, ты... Мой отец говорил, ты — самый лучший из его ребят. Валера, помоги! Помоги мне отомстить за отца! Валера, он ведь никогда не подводил тебя, не кинул тебя ни разу...

— Если бы он меня кинул, он и суток не прожил бы, — пробурчал Чурзин, соображая про себя, какой он для нее Валера, он, сорокапятилетний мужик. На интим хотела его подцепить, сучка.

— Валера, неужели ты мне не поможешь? — всхлинула Татьяна.

Стряхнув руки девчонки со своей руки, Чурзин сказал:

— Такая у твоего папаши была работа, сама знаешь, какая. На войне как на войне, слышала? Башли он тебе хорошие оставил, так что нечего нюни распускать. Бывай, красавица.

— Валерочка! Валерочка! — Татьяна мертвой хваткой вцепилась в лацканы его пиджака. — Я ведь должна убить за своего отца, ты же меня понимаешь, да? Они убили моего отца, значит, я должна, я должна их убить! Но я — слабая женщина, и если бы их убил ты...

— Врожденное это у вас, что ли, все убивать кого-то тянетесь чужими руками. — Чурзину очень хотелось дать девчонке по рукам, чтобы в запястьях хрустнуло, но кругом были люди, а он был джентльмен. — Где я этих убийц твоего отца найду? Я — исполнитель, пальотинка такая, а не следственное бюро.

— А я знаю одного!

Девчонка понизила голос.

— Игната знаешь? Я случайно увидела, он из своей машины вышел, «тойота» у него, и потихоньку под машину моего отца черную сумку поставил. Я подумала, то все дела отца, а там взрывчатка была!

Информация показалась Чурзину интересной. Он немного знал этого Игната. Игнат Латыцкий, как и Чурзин, у Подстаканникова киллером работал. А ведь это — кончик ниточки, которая могла при удаче к заказчикам взрыва вывести. И тогда будет с кого его пятьдесят тысяч баксов стребовать, с процентами за моральный ущерб.

— Ты знаешь, как Латыцкого найти? — спросил Чурзин.

— Мой отец на каждого из вас вел досье. В деле Латыцкого должен быть его адрес.

— И где все эти дела? В бане?

— Все записано на дискете, дискета у меня дома.

— Значит, адресок Латыцкого у нас в руках.

- Не совсем. Еще пароль знать надо.
- И ты его не знаешь.
- Я догадываюсь, какой пароль.
- Ну так поехали к тебе, черт тебя дер!

Кузьмич жил вдвоем с дочкой на Керченской улице, там у них в доме для «новых русских» квартира в два этажа была. Среди кадок с пальмами и дорогой итальянской мебели Чурзину пришлось ждать довольно долго, пока Татьяна разберется с компьютером. Наконец она спустилась к нему, дымящийся окуроч в руке, стертые джинсы.

- Раменская, 54, квартира 72. Поехали.

Когда они стояли в «пробке» на Мичуринском проспекте, Чурзин спросил:

- Что ты там про меня вычитала?

— Про тебя всего несколько слов было, пять или шесть. Остальное — про твои машины и твоих «заказных».

— Ну так колись, что там про меня было? Сгораю от любопытства.

— Тебе дословно? Пожалуйста. «Чурзин Валерий Юрьевич. Экстракласс. Топтунов не посылать: убил хвостового». Ты доволен?

Чурзин вспомнил этого парня, осмелившегося ходить за ним хвостиком. Про то, что парень работал на Подстанковикова, вурдалак быстро догадался, были кое-какие признаки. Однако догадливость Чурзина парня не спасла. Чурзин накануне хорошо колдовской силой подзаправился, так что «колдовство взгляда» он в состоянии был сотворить. Перейдя дорогу, Чурзин резко обернулся. Парень, ступивший на «зебру», встретился с ним взглядом. Больше ни шагу парень сделать не смог, а там машинам «зеленый свет» дали, и парня сбил «КамАЗ».

Припарковавшись у дома 54 по Раменской улице, Чурзин услышал голос Татьяны:

— Валера, ты... ты там осторожнее. Он моложе тебя лет на двадцать.

— Я еще не старик, девочка.

Чурзину следовало бы по возможности скрывать свои колдовские способности, но он не удержался. Он быстро расстегнул пуговицы ширинки, и оттуда незамедлительно взметнулся палкой «сервилата» громадный, чудовищный член. Головкой коснувшись крыши автомашины, член тут же спрятался в наутюженные чурзинские брюки. Татьяна так и осталась сидеть с раскрытым ртом.

Чурзин вошел в подъезд девятиэтажки, поднялся на второй этаж. Звонить он не стал, колдовской силы в нем еще было достаточно, чтобы приказывать замкам.

В квартире 72 никого не оказалось.

Чурзин вернулся к машине.

— Дома Латыцкого нет. Я его подожду в его квартире. Ты тут сиди и не ерепенься. Понятно?

Татьяна кивнула, глядя на Чурзина как на бога.

Чурзин опять поднялся в квартиру Латыцкого и, развалившись в кожаном кресле, стал дожидаться хозяина.

Через десять минут в дверь позвонили.

Латыцкий открыл бы дверь ключом.

Чурзин подкрался к двери, посмотрел в глазок. Как он и ожидал, он увидел Татьяну.

Она снова позвонила.

Чурзин открыл дверь, схватил ее за руку и рванул на себя. Едва он закрыл дверь, она залепетала:

— Я тоже должна... Ведь это моего отца...

— Ты машину заперла?

— Как я могла запереть машину, если ты мне не оставил ключ?

Вурдалак сказал с показным спокойствием:

— Если машину угонят, я тебя убью. А теперь иди, спрячься. Где? Где угодно, хоть в сортире.

Латыцкий явился домой поздно вечером, распространяя запах вина и дорогих женских духов. Успел отпугнуться в каком-то борделе, должно быть. Чурзин дал Латыцкому запереть дверь и выдвинулся из темноты.

— Игнат!

Латыцкий, высокий, выше двух метров, такому бы в баскетболе деньги зашибать, а не киллерством заниматься, резко обернулся.

— Валерий? В гости зашел?

— Угу. В гости. — Чурзин никак не мог понять, где же у Латыцкого «пушка». Тот был в рубашке с коротким рукавом и джинсовых штанах в обтяжку, и ниоткуда ничего не выбухало, кроме одного-естественного места. — Поговорим?

— Поговорим. Да ты проходи в комнату.

Латыцкий с хозяйским добродушием показал Чурзину, куда тому проходить. Будь на месте Чурзина какой-нибудь черепашка-нинзя или агент «00», тот держал бы Латыцкого на мушке до той поры, пока не нажал бы на спусковой крючок, и уж свою спину Латыцкому этот мужичок ни за какие башли не показал бы. Чурзин поступил иначе.

Как будто послушавшись хозяина, он направился к дивану. При этом он, не имея в руках оружия, повернулся к Латыцкому спиной.

Сделав три шага, Чурзин оглянулся.

У Латыцкого, оказывается, оружия с собой в самом деле не было. Но у входной двери он держал пистолет. «ТТ» с глушителем на одной полочке со шляпами лежал.

Едва Чурзин оглянулся, Латыцкий начал стрелять.

Он расстрелял всю обойму, и все это время Чурзин делал телом какие-то непонятные прыгающие движения и при этом широко разевал рот. Примерно так делают лягушки, охотясь за мошками. Не понимая, что происходит, Латыцкий потянулся за новой обоймой, она на той же полке лежала.

Чурзин, тяжело дыша, заметил:

— Может, хватит?

Вурдалак выплюнул на ладонь все пули, которые выпустил в него Латыцкий, показал их ему и перевернул ладонь. Пули попадали на пол.

Зрение у Латыцкого было хорошее, но он все-таки перезарядил пистолет. Видимо, у киллера было не в порядке с сообразительностью.

Латыцкий опять занялся стрелять в Чурзина. Он был неисправим.

Пришлось вурдалаку прибегнуть к грубой силе.

Чурзин свалил киллера с ног, отнял у него пистолет, избил его и швырнул его в то самое кресло, куда Латыцкий только что предлагал Чурзину усесться.

Все это время Татьяна находилась в задней комнате. Чурзин запретил ей показываться на глаза раньше, чем он ее позовет.

Теперь, пожалуй, можно было девчонку позвать.

Татьяна, сходявшая с ума от неизвестности, влетела в комнату разъяренной фурией и — сразу к Латыцкому:

— За что убил моего отца, паскуда? Разве он хоть раз не расплатился с тобой?

Латыцкий ничего не ответил, вместо него ответил Чурзин:

— Другие, знаешь, тоже не подводят с оплатой. Кхе-кхе. Так, Игнат?

— Кто нанял тебя? — спросила Татьяна, буравя Латыцкого взглядом.

Латыцкий молчал, и тогда Татьяна набросилась на него, вцепилась ему в волосы, полезла ногтями в глаза. Киллер, разумеется, без труда справился бы с разъяренной девкой, но, опасаясь гнева Чурзина, Латыцкий только попытался заслониться от ее атак.

«Так дела не будет», — подумал Чурзин. Теперь Латыцкий даже если бы захотел, не смог бы ни слова сказать. Чурзин оттащил Татьяну от киллера, толкнул ее в кресло:

— Посиди, успокойся. — Чурзин обратился к Латыцкому: — Кузьмич был должен мне пятьдесят тысяч баксов. Это по твоей милости, Игнат, Кузьмича по деревьям разнесло, так что надо бы тебе со мной за

Кузьмича расплатиться. Так будет справедливо, ты не находишь?

— Да, справедливо. — Латыцкий облизнул окровавленные губы. — Баксы в столе, третий ящик сверху.

Чурзин подошел к письменному столу. Доллары были в газетку завернуты, две пачки. Обе пачки Чурзин разломил посередине, чтобы убедиться, не «кукла» ли.

— Но здесь только двадцать тысяч баксов, — сказал он.

— Еще пятнадцать у меня в тайнике. Это не здесь.

— Плохо, что не здесь. Итого будет тридцать пять тысяч. Ты мне должен пятьдесят кусков. И еще за моральный ущерб с тебя дополнительно причитается. Думаешь, мне в охотку за своими кровными по всей Москве гоняться?

Латыцкий передернулся.

— И во сколько ты моральный ущерб оцениваешь?

— Скажем, двадцать тысяч баксов. Это если ты вредничать не будешь.

— Получается, кроме этих моих двадцати тысяч я тебе еще пятьдесят тысяч «зеленью» должен?

— Наверное, в школе по математике ты был отличником.

Киллер нервно хмыкнул.

— У меня отродясь не было столько. Кузьмич мне больше двадцати тысяч за дело не платил, а после каждого дела из Москвы на полгода-годик смотаться надо... Копить я не мастер...

— За Кузьмича тебе тоже только двадцать тысяч баксов заплатили?

Латыцкий ответил не сразу.

— Не, — буркнул он, взглянув на Татьяну. — За Кузьмича мне двадцать тысяч авансом дали, вот эти самые баксы из стола, и обещали столько же потом.

— Потом, это когда получать?

— Завтра.

Чурзин, смерив глазами киллера, проговорил:

— Ты ведь не хочешь умирать, Игнат? Или тебя тянет к самоубийству?

— Я не сумасшедший.

— Очень хорошо. Тогда мы пойдем друг друга. Ты должен мне пятьдесят тысяч долларов, Игнат, а расплатиться ты со мной не можешь. Я должен был бы тебя убить, Игнат, но я дам тебе шанс. Все-таки мы коллеги. Если ты скажешь мне, кто заказал Кузьмича, я тебя не убью. Свои деньги я стребую с заказчика.

— Меня убьют, если...

— Это когда еще будет, а я убью тебя прямо сейчас.

Латыцкий давно понял, что ему придется выдать заказчика, но он все надеялся на какую-нибудь неожиданность. Шустрые менты заявятся к нему на квартиру, а тут — такая ситуация, и он в суматохе удерет или что-то в этом же духе. Но, видно, счастливые случайности бывают только в милых, добрых детских сказках.

— Кузьмич поручил мне одного коммерсанта убить, — начал рассказывать Латыцкий. — Про Всероссийский сиротский фонд слышал? Директор фонда — Степан Рудольфович Кривоватов, его заказали. Квартира Кривоватова на Бековской.

— Точный адрес.

— Бековская, 7, квартира 16. Я снял комнату в доме напротив, одна алкоголичка квартирантов пускала. Меня повязали на другой день, в подъезде. Я как раз в квартиру алкоголички винтовку «Льеж» нес... Привозят в этот фонд их, на Краснокислинскую, Краснокислинская, 8. Там у них подвалище, как у гестапо. Подводят к одному мужику, к начальнику кривоватовской охраны, потом я узнал. Мужик, Авдей по имени, говорит: «Колись, не то на колбасу пустим. Или сироткам в суп пойдешь». Моя винтовка у него на столе, да еще по почкам дали, куда мне тут в непонятку играть. Потом он говорит: «Этого Кузьмича ты нам поможешь сделать». И баксы предложил.

— Говоришь, завтра баксы получать?

— Да.
— Где?
— В ихнем офисе, на Краснокислинской.
— В добрый час. — Чурзин потянулся, хрустнул суставами. — Прощай, Игнат.

Вурдалак пошел к входной двери.

— Валерий, подожди, — окликнул его Латыцкий.

— Что-то не так?

— Будь другом, оставь мне хотя бы кусков десять. В Фонд я теперь не ходок, ты же сам понимаешь. Мне из Москвы драпать надо.

— Ты сам сказал, у тебя в заначке пятнадцать тысяч баксов есть. Хватит на Багамы слетать.

К радости вурдалака, поблизости не оказалось желающих покататься на его машине.

Татьяна догнала Чурзина, когда он к машине подходил.

— А я думал, вы с Игнатом вместе на Багамы полетите, — удивился Чурзин.

— Отлетался на Багамы Игнатушка, — отозвалась Татьяна и тоненько захихикала.

В руке у нее был пистолет Латыцкого.

— На Бековскую, к Кривоватому? — спросила Татьяна, когда Чурзин включил зажигание.

Тот молча кивнул.

Больше они ничего не сказали друг другу, пока на Бековскую не выехали. Тут Татьяна, всю дорогу мешавшая Чурзину вести машину, то сжимая его бедро, то запуская руку еще дальше, проворковала:

— И про Авдея не забыть.

— Само собой, только давай по очереди.

У дома 7 по Бековской улице Чурзин остановился. Татьяна уже собралась выскочить из машины, но он удержал ее.

— Погоди. Может, его дома нет. Позвонить надо.

— А к Игнату ты не звонил...

— Сравнила. У этого Кривоватого в квартире ох-

рана будет и все такое. Знаю я этих новых русских благотворителей, крутяками прикидываются, а у самих поджилки трясутся.

Телефонная будка находилась рядом. Чурзин предварительно позвонил в справочную, там ему дали телефон Кривоватого, и он набрал номер.

На том конце взяли трубку. Чурзин услышал молодой женский голос, можно сказать, девичий:

— Да?

— Это квартира Кривоватовых?

— Да.

— Степан Рудольфович дома?

— Степан Рудольфович в Сан-Франциско. Кто его спрашивает?

— Это по работе. Вы не знаете, когда он возвращается?

— Послезавтра, наверное. А вы...

Чурзин повесил трубку.

Услышав, что их визит к Кривоватову откладывается, Татьяна спросила:

— В Фонд поедет? К Авдею?

— В двенадцать ночи? Завтра к Авдею наведемся, придется тебе потерпеть.

— Не хочу я терпеть!

С этим воплем, исторгнутым из самого женского сердца, Татьяна кинулась расстегивать Чурзину ремень на брюках.

К утру Татьяне стало казаться, что за эту ночь она получила больше, чем за все свои предыдущие любовные ночи вместе взятые. Ей осталось неизвестно, что в момент их наибольшей близости с Чурзиным головка полового члена киллера превратилась в змеиную голову. Чурзин поначалу хотел пошутить, грызнуть пару раз Татьяну изнутри, однако возбуждение пересилило его шутовство.

На этот раз змеиная голова так и не разжала челюсти.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Артем был парнишка красивый, светленький такой, с лицом чистым, без прыщей, ну, Зеля на него глаз и положил.

Как-то вечером отдает Артем выручку дяде Жоре, а тут Зеля подваливает. Кроме Артема в подвале еще два мальчика были, Махорик и сбежавший из дома Костик Иванов, да еще две девочки, которые на Зелю работали. Зеля, не обратив на дядю Жору никакого внимания, сразу Артема за руку схватил:

— Теперь у меня будешь работать. Как тебя зовут? Артем? Пошли, Артем.

Дядя Жора остановил Зелю:

— Постой.

Верзила нагнулся к Артему:

— Хочешь с ним пойти?

Артем замотал головой. Он имел представление, для чего он Зеле понадобился. Зря он губу не раскровенил и лицо в грязи не вымазал, как ему Махорик советовал. И соплей у него последний месяц не было, как назло.

— Оставь мальчишку в покое, — спокойно пророкотал дядя Жора.

— Пошли. — Зеля, как не слышал, потянул Артема за собой. У него с дядей Жорой было отвращение друг к другу на физиологическом уровне.

— Ты не понял? — дядя Жора рывком развернул сутенера лицом к себе.

Зеля, злобно ощерившись, сбросил со своего плеча волосатую руку верзилы и, опережая возможное физическое воздействие, быстро сказал:

— Мне Гурьян разрешил забрать мальчонку к себе. Все?

Дядя Жора, такой большой, такой сильный, опустил глаза. Его судьба решена, понял Артем, и у него захолонуло сердце. Зеля вывел его из подвала, они

прошли немного, а там легковушка серебристого цвета стояла.

За рулем сидел пожилой мужчина, обвисшие щеки, мятый подбородок. Не вылезая из машины, клиент рассчитался с сутенером. «Будешь слушаться дядю, и все будет хорошо», — пропел Зеля елейным голосом, глядя Артема по плечу. Не успел Артем опомниться, как он уже сидел на переднем сиденье машины.

Пожилый мужчина не торопился. Они долго сидели молча, и вдруг мужчина шумно засопел и заглянул Артему в лицо.

— Хороший мальчик, — растянув губы в улыбке, мужчина полез к Артему со слюнявыми поцелуями.

У Артема словно что-то взорвалось внутри. От оцепенения, робости не осталось и следа. Ногтями он проехался по дряблым щекам педофила, мимоходом скопирнул жабью бородавку, забил кулаками в жирную плешь. Добавив зубы к кулакам и ногтям, Артем сумел избавиться от педофильской хватки. Он выскочил из машины и дал стрекача.

Вернуться в тот самый подвал Артем и не подумал. Это будет первое место, куда Зеля направится, узнав, что произошло. Рядом был вокзал, и Артем побежал в ту сторону. Он часто бывал на вокзале, тогда как Зеля он там не видел ни разу, наверное, то была территория других сутенеров.

Побродив по душным залам, Артем немного успокоился. Он пристанет к какой-нибудь местной компании и тем самым избежит от Зели, вот и все.

На дальних путях ржавели старые вагоны. В это время привокзальных бомжей можно было найти именно там, и Артем пошел туда.

Побродив меж вагонов, он вдруг услышал знакомое старческое дребезжание. Голос старика доносился из разбитого товарного вагона, оттуда же неслись тошнотворный сигаретный дымок. Когда Артем подошел ближе, он уловил и запах перегара.

В вагоне собралось пятнадцать-двадцать душ малолеток, сигаретки они посасывали, а перегаром от жирной тетки разило, она похрапывала в уголке. Говорил старый бомж Федулыч. Эту историю Артем слышал от Федулыча уже два раза. Наверное, слышали ее и остальные, но все-таки ребяшня сидела тихо, хоть какое-то развлечение, да и Федулыч рассказывал со вкусом, как заправский актер. Артем влез в вагон, уселся на ящик, где было свободное место, и принялся слушать.

Покашливая и причмокивая, Федулыч говорил:

— На пятой платформе по карманам шарить или сумку какую стибрить — ни-ни, пацаны. — Федулыч гладил по голове ближайшего мальчишку, затягивался сигаретиной. — Дядьку Кирьяна помните, он в прошлом году в больнице на белой простыне помер? При нем случилось это, двадцать лет назад. А может, двадцать пять. Такая приключилась медовуха: дьяволу одна девка полюбилась. По самые свои ослиные уши влип, сатаняка. И то, девка дюже добрая была. — Крякнув от удовольствия, Федулыч изобразил, какая добрая была девка, грудь выпятил и кокетливо угловатыми плечами повел. — И чистюля была, не дай боже, и каждое второе слово по-англицки шпарила. В консерве, тьфу, квасерватории девка училась. На скрипке училась пилить, и скрипочка эта у нее завсегда при себе была, так иная какая красотка губную помаду таскает. Во-от в таком футлярике. — Федулыч нарисовал в воздухе женские бедра. — Дьявол — девке: ду-ду, ду-ду, и девка в дьявола втюрилась до самой жопы. Что лыбьтесь? Думаете, дьявол черномазым чертом подкатил с копытами? Куда ж там. Наш сатанинский смазливый красавчиком перед девкой елозил, ведь дьяволу личину сменить, как любому из вас рожу скорчить. И по ресторонам девку, по Ялтам всяким. По Парижам и островам тогда не было принято таскаться.

Однажды случилось так, надо было девке к матери съездить. Или к бабке, пес его знает. Или с гастролями

куда приспичило выехать. Дьявол с девкой поехать не мог, так получилось. В Москве у него дел невпроворот накопилось, пока они праздновали. Поезд с этого вокзала отходил. Дьявол, девку провожая, ожерелье ей подарил, сплошь брильянты, сам на шейку надел. И надо же такому случиться, рядом два мокрушника крутились. Ребята перемигнулись, дело верное. Побежали за билетами, еле в последний вагон заскочить успели.

Девка в «мягком» ехала, одна в купе. Ночью ребята, очень просто, дверь девкиного купе открывают, у них отмычка была. Девку — ножом по горлу, бывай не кашляй. Ожерелье с нее сняли, сережки там, кошелек забрали. Сами в другой вагон перешли, на свои места. И через станцию им сходить.

Старик закашлялся, вонючей табачной слюной подавился. Долговязый паренек хватанул его меж лопаток — дыхание у Федулыва восстановилось, и он продолжил:

— Дьявол сразу почувствовал, что девка померла. Как ее резали, он и бровякой не повел, адское отродье, боль-то для него — пустое место, а вот смерть он хорошо чувствует.

Из кремлевского высокого окошка дьявол черным пороном вылетел. Обычной птице, конечно, поезда не догнать, а дьявол три раза крыльями махнул — и на крыше вагона уселся, прямо над головами наших разбойничков.

Доехали ребятки до своей станции, сходят. Такси взяли, до «малины» им далеко ехать было. Едут, тут один другому шепчет: «Запомнит нас водила, тогда хана». — «Не запомнит», — другой отвечает. У этого, второго, при себе завсегда удавочка имелась, и он скоренько шнурок водиле на шею накиннул. Натянул, потянул...

Пык!

Шелковый шнур, только из «Хозтоваров», как гнилой порвался. У первого мокрушника с собой «пуш-

ка» была. Он водиле в затылок: пиф, паф! Пули сквозь дьявольскую голову, как сквозь туман пролетели.

И дьявол обернулся.

Мокрушники увидели такую образину, не дай бог. Хряк не хряк, козел не козел... Глаза зеленым огнем горят. Ребята кинулись прямо на ходу из тачки прыгать, распахнули дверцы — а под ними бездна.

Тачка выше облаков летела. Внизу огоньки мерцают, речка чернеет. Ребята окаменели от страха, а зря. Так-то оно, вниз головой, лучше было бы.

Дьявол вытянул две волосатые лапы, одну к одному, другую к другому, и вырвал у обоих сердца. Сердцами дьявол тут же полакомился, облизнулся и в черного ворона превратился. В ту же секунду, верите ли, тачка белесым туманом в разные стороны разошлась. (Старик развел руки в разные стороны).

Трупы мокрушников в детскую песочницу упали, такое паскудство. Менты затеялись маньяка искать, который сердца из грудей выдергивает. До сих до ищут.

Федулыч кинул себе под ноги окурок, выпустил на него длинную слюну и закончил:

— С той поры дьявол частенько по пятой платформе разгуливает. Девку свою ему не воскресить, а на мазурике каком злобу выместить, это он может. Так-то он сам нашего брата когда надо и не надо под руку толкает, а тут... Один мальчик карманы перепутал, ну и без руки остался, тетя его руку в своем кармане унесла. Другого, с чужой поклажей, дьявол под вагон толкнул, прямо под колеса. Третий только за ручку чемодана взялся — в ментовке потом ручку с кожей отодрали. Не шалите на пятой платформе, дети!

Малолетки слушали Федулыча, затаив дыхание. Подошедший к концу рассказа высокий горбоносый мужик проговорил со смешком:

— А любишь ты заливать, гриб старый, ох, любишь заливать!

— Ты вот попробуй, Марафет, на пятой платформе пошустрить, — ворчливо отозвался старик.

— Чего там пробовать, я вчера на пятой платформе такое портмоне у одного интеллигентшики стибрил! Больше мильена взял.

— Где же то портмоне?

— Че я, дурак, таскаться с ним! В мусорный бачок выкинул.

— Выкинул, если оно было.

Марафет матюкнулся и взялся расталкивать пьяненькую тетку, сорокалетнюю Дашу, которая за стакан водки всегда была готова на все.

Марафет с тетей Дашей убрались, а Федулыч еще долго трепался: про поезд-призрак балакал, про мертвеца, который в обгоревшем вагоне живет, про крысу с теленка величиной. Сколько эта страхолюдина путевых рабочих загрызла, страсть! А вот бомжей не трогала, молодчина.

Артем незаметно заснул. Проснулся он от холода. Уже было утро, серенькое такое, с дождичком. Пассажиры еще спали, Федулыч хлебал чаек, подливал из термоса. Он и Артема чаем угостил, плеснул из термоса в жестянку из-под сгущенки, дал булку, кусок колбасы.

Мальчик допивал чай, когда в вагон заглянул Махорик:

— Тебя Зеля ищет. Злой, у-у!

Артем посмотрел на Федулыча. В каком-то отупении старик жевал булку голыми деснами. Оно, конечно, Федулыч хороший старик был, но искать у него защиты от Зели не стоило.

— Надо дядю Жору попросить, пусть он сам с Гурьином поговорит, — предложил Махорик.

Ничего лучшего мальчишкам в голову не пришло. На вокзале уж точно Артем помощи не получил бы, как же, кинулся бы кто-то его защищать.

Махорик сказал, что знает, где искать дядю Жору. В это время тот должен был сидеть в баре с кружкой пива, недалеко от вокзала.

В подвальчике, где размещался бар, в такую рань

никого не было, кроме краснорожего бармена и дяди Жоры. Лениво взглянув на мальчишек, верзила промолчал, цедя пиво.

— Дядя Жора, Артем клиента покусал, — выпалил Махорик. — Теперь Зеля его ищет.

— Кого ищет?

— Артема. Артем клиента покусал!

— Какого клиента?

— Ну, Зелиного клиента. Мужика, который с пацанами...

— Покусал, говоришь? Хо-хо. Покусал. Хо-хо-хо.

— Теперь Зеля Артему всыплет.

Еще раз хохотнув, дядя Жора согласился:

— Всыплет под первое число.

— Дядя Жора, будь добренький, попроси Гурьяна, пусть он Артема от Зели заберет и опять к нам переведет!

— Гурьяна попросить? — Дядя Жора посмотрел сначала на Артема, затем на Махорика и как бы с сожалением проговорил: — Гурьян по десять раз свое решение не меняет, пацаны. Раз Гурьян сказал тебе с Зелей таскаться, — он взглянул на Артема, — значит, так тому и быть.

Бутай, допив пиво, пошел к бармену за второй кружкой.

Понурые пацаны поплелись на выход.

У лестницы Махорик толкнул Артема локтем.

В подвальчик спускался Зеля.

— Вот ты где, стервец!

Сутенер кинулся к Артему. Мальчик побежал, опрокидывая стулья. Бармен заматерился у стойки. Помещение было небольшое, однако столы, стулья, подерживавшие потолок столбы — все это затрудняло погоню. Вознамерившись изловить мальчонку во что бы то ни стало, Зеля носился за ним, как лис за цыпленком, не обращая внимания на ругань бармена.

Бармен успел наполнить дяде Жоре кружку, так

что тому нескучно было наблюдать за этой беготней. Допив свое пиво, дядя Жора рыгнул и вдруг с медвежьей ловкостью вырос у Зели на пути:

— Отвянь от парня!

— Гурьян сказал...

— Я не слышал. Пошли к Гурьяну, посмотрим, что он скажет.

Белый от злости, Зея прошипел:

— Ладно, пошли к Гурьяну. Он тебе скажет.

Выходя из подвала, Зея оглянулся. Дядя Жора, шедший за ним следом, поймал его ненавидящий взгляд и проворчал:

— Зыркать зыркай, а укусить только попробуй.

Весь день Артем не находил себе места, как там решится у Гурьяна. В случае чего Артем делать ноги собрался. Он думал для начала на Савеловский вокзал податься, а там, может, и вообще из Москвы драпнуть придется. Еще был вариант: Артем мог в ментовку явиться, пускай в детской дом направят, но над таким вариантом Махорик посмеялся, да и самому Артему он не очень-то казался.

Когда стемнело, Артем устроился в подъезде одной девятиэтажки, довольно далеко от вокзала. Ждать Махорика пришлось долго. Хорошо, что жильцы из подъезда не погнались, все попадались сердобольные и равнодушные.

Махорик явился в одиннадцатом часу. Даже в темноте было видно, что его правое ухо гораздо больше левого.

— Дядя Жора отлупил, — объяснил Махорик. — Мало денег я собрал, с тобой же весь день промыкался. А у тебя все путем. Гурьян велел Зеле от тебя отстать, вот как.

Это была радость. Сутенер Зея, только что такой опасный, такой страшный, вдруг показался Артему смешным, как страшный клоун. На зубах у мальчишек захрустел жареный картофель, Махорик принес пакетик.

В вонючем подъезде больше нечего было делать, и приятели отправились к себе, в свой подвал, где так хорошо было дремать, привалившись спиной к теплой трубе.

...

Дом на Краснокислинской, где контора Кривоватова находилась, гляделся неказисто, стандартная серая пятиэтажка. Вход в Фонд был с торца, обитая листовым железом дверь, картинка за прозрачной пластмассой: солидный господин обнимает с нежным видом двух оборвышей, и поверху надпись: «Всероссийский Сиrotский Фонд».

Припарковавшись, Чурзин извлек из бардачка пистолет «Грог», испанский фирмовый, Татьяна сжала рукоятку киллерского «ТТ». Чурзин хотел ее душой обозвать, нашлась убийца, только под ногами путаться будет, но тут мимо проехал бронированный автофургончик.

Чурзин проследил за ним взглядом. Автофургончик остановился как раз напротив входа в Фонд. Чтобы дверь открыли, оказывается, сперва нужно было позвонить, затем по домофону объясниться.

Из машины в офис Фонда какие-то три мешка перенесли. Судя по охранникам с автоматами, там были деньги.

Автофургончик укатил, а охранники остались вместе с деньгами в помещении Фонда.

Татьяна с тревогой посмотрела на Чурзина.

Вурдалака не смутил бравый вид охранников.

— Водить машину умеешь?

Татьяна кивнула.

— Сядешь на мое место и будешь сидеть, как приклеенная.

Решительность Чурзина не оставляла сомнений, а Татьяна всегда возбуждалась, когда видела решительных мужчин.

В животе у Татьяны возник жар, немедленно просочившийся огненной росой у нее меж бедер. Рванув

рубашку на груди вурдалака, она принялась покрывать поцелуями его грудь.

Чурзин отстранил девушку с приличествующей ситуации решительностью. Застегивая пуговицы рубашки, он вдруг похолодел.

Не может быть.

Он быстро расстегнул только что застегнутые пуговицы и злобно выругался. Закончив фразу, Чурзин положил руки на руль и застыл в каком-то болезненном оцепенении.

— Что случилось? — воскликнула Татьяна. Поскольку Чурзин остался недвижим, она повторила свое восклицание, но уже не удивленным тоном, а раздраженным (уж она была раздражена не дай бог как, чтобы убедиться в этом, достаточно было потрогать ее рукой ниже живота).

Не ответив и на этот раз, Чурзин, однако, вышел из своей напряженной задумчивости.

«Ауди-100» рванулась с места.

Татьяна взбеленилась:

— Да что случилось, ты, срань поганая?

Осыпая Чурзина подобными нелестными прозвищами, Татьяна вцепилась ему в плечо и принялась его трясти, что при немалой скорости, развитой машиной, было небезопасно. В конце концов Чурзину эта тряска надоела. Движением локтя он припечатал девушку к дверце и буркнул:

— Лучше вам помолчать, миледи.

Потирая ушибленное место, Татьяна разразилась такой руганью, по сравнению с которой недавнее сквернословие Чурзина показалась бы репликой из спора ученых богословов.

Около станции метро Чурзин притормозил.

— Выходите, миледи.

— И не подумаю.

Чурзин быстро вышел из машины, обошел ее и распахнул дверцу рядом с Татьяной. Девушку нельзя было обвинить в излишней скованности:

— Куда ты намылился, говнюк? А-а-а...

Вурдалак к такой силой вышвырнул ее из машины, что она долго ногами перебирала, пока не уперлась в придорожный бордюр.

В отъезжавшую иномарку Татьяна запустила половинкой кирпича. Заднее стекло красавицы «ауди» приказало долго жить.

Чурзин резко затормозил.

Вурдалак выскочил из машины.

— Желаете со мной прокатиться? Пожалуйста.

Он раскрыл дверцу и сделал манерный приглашающий жест, весь кипя от ярости.

Татьяна быстренько уселась на прежнее место и принялась поправлять свои белые локоны.

«Привезу к себе и засосу», — подумал Чурзин. Он обязательно засосет эту щелиху, вне всякого сомнения. Только въедет во двор своей усадьбы и сразу, прямо в машине, засосет, выпьет всю ее до кожи.

Проехав два перекрестка, Чурзин позабыл про девушку, благо она сидела тихо, не гоношилась. Куда большая проблема волновала его, нежели соседство с психованной девахой.

Чурзин посмотрел себе на грудь, усилием воли преграждая дорогу отчаянию. Нахмурившись, он стал застегивать пуговицы рубахи, тоскливый и злобный.

Вместо летучей мыши у него на груди чернела другая татуировка — глаз с вертикальным звериным зрачком. Это означало, что его колдовская способность стала на уровень меньше. Проклятая девчонка, в сексе с ней он измотал себя.

Теперь ни о какой лобовой атаке на жукарей из «Всероссийского Сиротского Фонда» не могло идти и речи. Теперь одного хотел Чурзин: побыстрее оказать у себя дома, в своем логове, в своем склепе, в комнате, заставленной стеллажами с колдовскими книгами, где среди пожелтевших страниц он только и мог найти уверенность в собственных силах.

Мчась по Боровскому шоссе, Чурзин немало машин обогнал, всяких «ГАЗов», «ВАЗов», «шевроле» и «тойот». Затесался среди этих обогнанных и один джип «чероки».

Чурзину-то было по фигу, ехал себе и ехал, а вот джиповцы с ним гонку устроили. Первый раз они обогнали его молча, второй — с матюгами, а потом взяли да перегородили ему дорогу.

Чурзин затормозил, но столкновения все-таки не избежал. У его «ауди» фонари полетели, а у джипа корпус помялся маленько.

Из джипа выскочили двое, водитель, детина двухметрового роста, обритый наголо, и молодой парень с серьгой в ухе, в фирмовой кожанке. Сразу видно, оба крутяки еще те.

«Крутые» вытащили Чурзина из машины. То есть Чурзин дал себя вытащить из машины, пусть ребята порезвятся маленько, чтобы потом слаще было их к ногтю прижать. «Куда гонишь, пидор вонючий?» — и парни замахали кулаками. Чурзин, несмотря на его кажущуюся неловкость, всякий раз уходил от ударов, уж на это его колдовской силы хватало. Когда парни, взмокнув, начали уставать, он поймал взгляд бритоголового. Он надеялся, что «колдовство взгляда» получится, но нет, для этого колдовства он слишком слаб. Пришлось Чурзину расправиться с бритоголовым по-простецки: удар в солнечное сплетение, удар в висок.

Парень рухнул, как подкошенный. Вдруг Чурзин услышал знакомый хлопок, звук выстрела из пистолета с глушителем. Он быстро обернулся к парню в кожанке. Тот стоял с пистолетом в руке, стоял еле держась на ногах, еще немного, и он повалился на асфальт со своей продырявленной кожанкой.

Татьяна опередила парня с выстрелом, воспользовавшись имевшимся у нее киллерским «ТТ».

Никто из проезжавших мимо не остановился и

даже не замедлил ход, еще на шальную пулю нарвешься. Ментов поблизости тоже не было видно, так что все было в порядке.

Чурзин сел в машину, и «ауди-100» понеслась дальше.

Подъезжая к дому, Чурзин немного успокоился, подостыл. Татьяну он убивать не будет. Пока что. Смелая девчонка могла пригодиться, учитывая убыль в его колдовской силе. Да и в новой порции жизненной энергии он пока не нуждался, зачем же яичко зря выпивать.

Дома Чурзин сразу прошел в свой кабинет. Татьяну он оставил в гостиной, показал на видак, на бар. Положив руки с набухшими венами на стол, он задумался. Что же с ним произошло? Он думал, что колдовской силы той колдуньи, которую он засосал в ее собственной квартире, ему хватит года на два, это если умеренно тратить. А ее силы не хватило и на месяц. Неужели он был таким расточительным эти дни?

Вурдалак припомнил все свои недавние подвиги. В «Континентале» он здорово потратился, затем с демоном Аризелом крепко поговорил, еще эти развратники в его постели... Пришлось деда-соседа электрическим разрядом убить, а это было очень энергоемкое колдовство. И еще Игнашка Латыцкий, и еще секс с Татьяной в машине...

Что там говорить, колдовскую силу он тратил последнее время направо и налево. И все-таки.

И все-таки, как ни складывал Чурзин свои затраты, дебет с кредитом никак не сходились. Громадная прорвища колдовской силы будто незаметно вытекла из него в никуда.

Что же это получается?

Или он заболел?

Чурзин достал с полки книгу «Колдовские болезни, травмы и наведенные состояния». Он быстро просмотрел оглавление. Порча и ее виды, сглаз и его виды, укусы колдовскими животными... А, вот. «Болезни кол-

дунов». Корчи, припадки, это не то. Кажется, вот это больше подходит: «Колдовское истощение».

В отношении колдовства Чурзин мог рассматривать себя как колдун внутренней силы, со многими оговорками, конечно.

Вурдалак принялся искать указанную страницу.

Так. «Колдовское истощение». Неспецифические формы, специфические формы. Неспецифические формы — плохо спал, плохое настроение, жена ушла, все это чепуха. Посмотрим, что там в «Специфических формах».

Собственно, в этом разделе было описано только одно заболевание, подколотный гримзоз. Основное проявление заболевания удивительно напоминало то, что произошло с Чурзиным: резкая и, на первый взгляд, беспричинная потеря колдовской силы. Вурдалак принялся читать дальше:

«Этиология болезни. Заболевание представляет собой паразитоз, возбудитель — подколотная гримза, см. «Каталог колдовских знаков», знак 786».

Это мы посмотрим, а сейчас читаем дальше:

«Пути распространения и способ заражения подколотной гримзой не выяснены».

Очень мило.

«Патогенез. Подколотная гримза вбирает в себя колдовскую энергию заболевшего колдуна, не касаясь жизненной энергии. В случае смерти колдовской гримзы вся забранная ею энергия возвращается к колдуну».

Хоть какая-то надежда.

«Колдовская гримза обычно впитывает всю колдовскую энергию колдуна за 6 — 8 месяцев, но встречается и быстрое течение болезни, когда полное колдовское истощение происходит за несколько дней, и вялое течение, когда потеря колдовской энергии продолжается несколько лет. После исчерпания колдовской энергии гримза, не покидая тела больного, впадает в спячку. Болезнь приобретает скрытое течение».

Теперь самое главное:

«Лечение. Единственный способ лечения подколодного гримзоза — повышение колдовской активности. Повышение колдовской активности выше определенного уровня, в каждом конкретном случае индивидуального, угнетающе действует на возбудителя. При запредельной величине колдовской активности происходит гибель подколодной гримзы, следствием чего является полное выздоровление больного. Однако необходимо помнить, что колдовская активность до предельного уровня стимулирует возбудителя, что приближает состояние полного колдовского истощения. В случае полного колдовского истощения воздействие на возбудителя становится невозможно».

Чурзин пробежал глазами список рекомендуемой литературы. Из десятка наименований только одна книга была у него, труд итальянца Луиджи Вискотти «Колдовское таинство и таинство судьбы». Вурдалак нашел эту книгу на дальнем стеллаже, полистал ее, вчитываясь в заинтересовавшие его места.

В своем труде Вискотти исследовал взаимосвязи между тайным путем колдуна, его человеческой жизнью, судьбой и смертью. По Вискотти выходило, что подколодная гримза была эдаким вывертом судьбы, порождением рока и зримым проявлением его темной стороны. Из этого Вискотти выводил объяснение известного способа лечения подколодного гримзоза. Колдун мог преодолеть волю рока, для чего ему требовалось сжать всю собственную волю в кулак и взять себе в попутчики на колдовской дороге ее величество смерть. Смерть и рок, хотя и были родные брат и сестра, но все-таки иной раз склочничали друг с другом, отсюда у колдуна появлялся шанс на выздоровление. Только не надо брать смерть себе в любовницы, предостерегал Вискотти.

Далее итальянец длинно и витиевато рассуждал о месте смерти среди колдовских знаков, смысл такой, что, дескать, не мешало бы ее в «Каталог» включить.

Чурзин посмотрел на дату издания книги. Выходит, через пятьдесят лет после ее издания так и было сделано.

Более ничего интересного в труде ученого итальянца Чурзин не обнаружил. От того, что он прочитал, было мало проку, какой толк от теоретических выкладок.

В «Каталоге колдовских знаков» Чурзин нашел описание подколодной гримзы. С виду это была такая черненькая беззубая змейка, в груди у колдуна сидела. Увидеть ее не составляло труда, стоило только посмотреть себе на грудь колдовским зрением через лист белены. Годится и засушенный листок.

Среди всяких трав, используемых в колдовстве и хранившихся у Чурзина, белена, разумеется, имелась. Он выбрал наиболее расправленный листок, и через сухой лист белены он, морщась от брезгливости, увидел ту самую змейку с картинки «Каталога». Тоненькая черная змейка лежала, свернувшись в клубок, прямо у него на сердце, гадина.

Чурзин когда-то в молодости занимался колдовской символикой, и у него пошли ассоциации: свернутая в клубок змейка, черная, как Космос, словно бы представляла собой маленькую Вселенную. Планеты и звезды в этой проклятой Вселенной вращались на его, Чурзина, колдовской энергии.

Вурдалак захлопнул «Каталог».

Так этой твари нужна энергия? Ладно же, он устроит ей хороший ядерный взрыв.

А откуда ему взять огонь, чтобы зажечь фитиль, он знает.

Смеркалось. Надо же, сколько времени он с книгами провозился.

Чурзин быстро переоделся. Светло-серый летний костюм он сменил на строгий представительский. Заперев свой кабинет, он в черном костюме, белой рубашке и при галстуке подошел к Татьяне.

Вот почему она не докучала ему так долго.

Девушка пребывала в милой компании: рулетки, кексик из его холодильника (хотя пища не могла служить вурдалакам источником энергии, вкусовые рецепторы у них работали отлично). Копченая колбаса кружочками, сырок. Главные собеседники Татьяны выстроились шеренгой: водка «Абсолют», вина семи сортов, настоящий армянский коньяк.

Презрительно глядя на хмельную девчонку, Чурзин сказал:

— Ешь, пей, онанизмом занимайся. Не суйся, где закрыто, если хочешь жить. Я буду к утру.

— Куда? Кудя-я-а... — Не сумев схватить Чурзина за полу пиджака, Татьяна упала с дивана на ковер.

• • •

Артем как-то познакомился с одним бойким мальчишкой из прибалтннных. Парнишка постарше Артема смотрелся, было ему пятнадцать лет, а звали его Колькой Басмачовым. Хотя тут родители-алкаши мальчишки не оплошали, хорошую ему фамилию дали, готова кличка для будущего блатаря: Басмач. Пока что, однако же, долговязый патлатый пацан на такую грозную кликуху не тянул, мальчишка мальчишкой. Правда, Колька хвастал, что еще в прошлом году его одна проститутка мужчиной сделала.

Однажды Басмачов предложил Махорику по путям пошляться, где стояли вагоны с нерастаможенными грузами. Басмачов заливал, он, дескать, вот так однажды шатался меж тех вагонов, смотрит, в одном вагоне дверь приоткрыта, кругом никого. Тогда он сникерсов от пуза наелся и с собой десять килограммов унес.

Ночью, прошмыгнув мимо поста охраны, они пробрались в тупик с товарняком. Здесь сотни вагонов кучковались, составы тянулись по рельсам сосисочными гирляндами. Битых два часа пацаны искали открытый вагон с залежами сникерсов внутри, без толку прошля-

лись, устали, сели у трансформаторной будки передохнуть.

Артем достал губную гармошку.

Махорик испугался:

— Дурак, что ли? Услышать могут!

Басмачов, лихой парень, державший себя за жожака, разрешил:

— Пусть подудит. Только негромко.

Когда мальчишки лазили среди вагонов, они ни одного человека не заметили. Между тем люди на путях были. Неподалеку от трансформаторной будки четверо мужиков таскали из вагона какие-то свертки и в сумки складывали, два автоматчика в кожанках на шухере стояли. Мальчишки мужиков не видели и не слышали, а вот мужички губную гармонику слышали. Старшой мигнул одному из автоматчиков, посмотри там. Мужик с кошачьей осторожностью подобрался к трансформаторной будке. Старшой выслушал мужика, поддвинул второго автоматчика, что-то сказал им и провел ребром ладони по горлу. Свои автоматы мужики у старшого оставили, а сами пошли к трансформаторной будке с широкими ножами в руках.

Старшой не был уверен, что пацаны их не видели, а их никто не должен был видеть.

Так спокойнее будет, о бродяжках не расшумятся.

...

Ступив на пятую платформу, Чурзин словно в омут прыгнул, горечь и ярость сошлись над его головой свинцовыми волнами. Так было с ним всегда, когда он выходил на пятую платформу, с той давней поры, как он стал вурдалаком. Единственным облегчением ему было, что его месть тогда удалась. С каким наслаждением он высосал жизнь из тех двух мокрушников, убивших его девчонку!..

Чурзин не спеша прошелся по едва освещенной платформе. Колдовское зрение улавливало каждую тре-

щинку на асфальтовом покрытии, фиксировало каждый буторок. Ее ментальный след давно выветрился, но вурдалак мог с абсолютной точностью указать место, где они стояли, а вон там она улыбнулась ему в последний раз.

Вдруг он услышал далекий мелодичный звук. Люди, слонявшиеся по платформе в ожидании поезда, не могли слышать ничего, только колдовской слух и мог уловить столь тихий звук.

Вурдалак вспомнил, как играла она. Сейчас он слышал простые деревенские переливы губной гармошки, ничего похожего на звучание скрипки, и тем не менее в его сознании, в сознании далекого от музыки человека, эти два совершенно различных музыкальных инструмента заиграли вдруг одну мелодию.

Ноги сами повели вурдалака на звук — в темноту, где кончалась платформа, и дальше, за немые вагоны. Сначала он шел не скрываясь и не разбирая пути, иногда перебираясь через рельсы под вагонами, потом начал осторожничать. Еще не хватало, чтобы ему сейчас помешали. Движения Чурзина, покорные его колдовской силе, сделались быстрыми и ловкими. Освещенные участки он проскакивал за долю секунды, в темноте вурдалак пробирался с грациозностью пантеры.

Чурзин остановился в двух шагах от сидевших на корточках пацанов. Выбрав самое затененное место, он распластался по стене вагона, так что увидеть его мальчишки смогли бы, только если бы специально стали всматриваться в эту сторону.

А вот вурдалак всех троих пацанов видел прекрасно. И, главное, со своего места он прекрасно слышал, как играл худенький мальчик со светлыми слипшимиися волосами, давно не знавшими не то что парикмахерской, но даже мыла.

Потом путевые рабочие диву давались, откуда на дощатой стене товарного вагона взялись эти странные отметины, эти глубокие борозды, словно проведенные тигриными лапами.

Увлечшийся Чурзин не ощутил приближения двух крепких мужчин с широкими ножами в руках. Так что бандитов он увидел одновременно с мальчишками.

Пацаны молча кинулись врассыпную. Но раньше, чем хотя бы один из них сделал шаг, Чурзин мягкотелым хищником прыгнул бандитам навстречу. Одному из мужиков удалось схватить Артема за руку. Блеснул нож. Вдруг перед глазами Артема возникло что-то черное, не то крыло, не то рука. Эта чернота заслонила блеск ножа, и на грудь мальчика хлынула густая черная кровь из горла убийцы. Второй бандит залился кровью, опередив своего товарища.

Вурдалак хотел отбросить бандитский нож, но тут он увидел: к нему спешили четверо. Не то чтобы он очень нашумел, однако агонизировавшие бандиты издавали довольно громкие звуки: хрипели, сипели, что-то булькало. Мальчишек уже след простыл, Чурзин со спокойной совестью мог бы раствориться в темноте, однако он решил не делать этого. Ребята желают с ним разобраться? Не стоит лишать их такой возможности.

Автоматы в руках у бандитов Чурзина не смутили. Здесь ему было где укрыться, хотя бы за этой трансформаторной будкой.

Наконец до бандитов дошло, что случилось с их корешами. Шарахнула автоматная очередь. Второй очереди не последовало: Чурзин один за другим метнул оба бандитских ножа. Два мужика, оставшиеся в живых, нагнулись за автоматами, но Чурзин уже был рядом, и угораздило бандитов так близко к нему подойти.

Одному мужику вурдалак разmozжил череп, другому сломал шею.

Бегло осмотрев бандитов, все ли издохли, не нужно ли кому добавить, Чурзин вернулся к трансформаторной будке.

Ментальный след светленького парнишки он ощутил отчетливо. Он мог бы пойти по этому свежему следу и в конце концов найти мальчика.

Мог бы.

Горько усмехнувшись, вурдалак побрел к ближайшему выходу из этого вагонного отстойника.

На другой день на товарной станции большая буча поднялась. Шесть трупов, и никто ничего не слышал. Менты лютовали. Некоторым из бомжей, в чьих постных мордах начальство разглядело хитринку, пришлось с последними зубами расстаться. Знали ведь все, знали и молчали, сволочи.

В тех бандитских сумках какой-то клевый наркотик обнаружили.

Мальчишки поначалу молчали, как в рот воды набирали. Если мужикам с ножами не удалось их пришить, вдруг приятелям мужиков захочется исправить положение? Потом Басмачов узнал: никто из местной братвы про ту банду и слухом не слыхивал. То есть, проще говоря, чужаки без спросу проворачивали свои делишки на занятой территории.

Басмачов своих боялся, а чужих чего бояться, он и распустил язык.

История Федулыча про безутешного дьявола дополнилась еще одним эпизодом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

С вокзала Чурзин поехал на Краснокислинскую. Теперь вурдалак был на «фиате-темпра» последнего года выпуска, пострадавшая «ауди-100» осталась у него в гараже дожидаться ремонта в паре с побитым «мерседесом».

Была ночь, вурдалак, как тварь разумная, и не рассчитывал застать Авдея, начальника службы безопасности Кривоватова, в это время в офисе Фонда. Да Авдей и не больно-то был нужен ему вместе со своим шефом. Это Татьяна пусть в стрельбе по ним упражняется, а Чурзину другое требовалось. Из-за смерти

Подстаканникова он пятидесяти тысяч баксов лишился плюс вся эта суеда, всего, получается, не меньше ста тысяч баксов фондовцы ему были должны. Такие деньги, безусловно, в офисе Фонда имелись, он сам видел, как опекались те внушительные мешки. И злость в Чурзине имелась, свои деньги он должен был получить.

Да и с подколодной гримзой он должен был справиться. Что он прочитал в лечебнике? Только взрыв кодовской активности мог погубить эту гадину.

Уж он не пожалеет кодовской силы этой ночью.

Оставив машину в одном из дворов на Краснокилинской, Чурзин, рука на рукоятке пистолета, отправился за своими деньгами. Конечно, если под руку ему подвернется сумма весомее, чем сотня тысяч баксов, он не растеряется.

Подвал, в котором располагался офис Фонда, был с окнами, смотревшими в глубокие ямины. Ямы сверху были зарешечены. На окнах также были решетки. Чурзин сорвал решетку с одного из оконных колодцев, спрыгнул в колодец и развел прутья наоконной решетки.

На стекле чернел датчик сигнализации. Ни минуты не медля, Чурзин разбил стекло дулом пистолета. В подвале завывала сирена. Вурдалак оббил острые стекольные «зубы» и ступил на подоконник.

Он спрыгнул в комнату. Столы с кипами бумаг, компьютер, в шкафу без дверец толстые папки. Чурзин взял одну из бумаг с фирменным знаком Фонда. «Ходатайствуем о предоставлении льготы...» Нет, в этой комнате он не найдет то, что ему нужно.

Дверь он открыл, выбив ногой замок.

Чурзин попал в длинный коридор с дверями по обеим сторонам, совершенно безлюдный. А где же охранники с овчарками? Сирена выла, как сумасшедшая. Хотя бы бабка-сторожиха с испуганными глазами за стеклами очков должна была появиться в коридоре.

Чурзин побежал в конец коридора. Где-то там, за той дверью, должна была дрыхнуть бабка с ключами

от комнат и толикой полезной информации. Или сюда специально понабрали сторожих глухих, как пробки?

Внезапно сирена смолкла. И сразу раздался не очень громкий, но хорошо слышный металлический шелест.

Вурдалак не успел опомниться, как двери по обе стороны коридора оказались загорожены стальными решетками, выдвинувшимися из простенок. Только одна дверь в коридоре осталась без решетчатого заграждения. Дверь, которая была перед ним.

Убедившись, что входная дверь закрыта, Чурзин подошел к ближайшей решетке. На этот раз его усилия развести прутья ни к чему не привели, решетка оказалась сделана из особо прочного сплава.

Чурзин вернулся к входной двери. С разбегу он ударил в нее ногой. Звук удара гулко разнесся по коридору, и это был единственный результат удара. С виду дверь была всего только обшита стальным листом, на деле же она оказалась сделана целиком из стали.

Вурдалак повторил удар несколько раз. Дверь стояла, как влитая. Возможно, даже колдовская сила второго знака здесь ничего не сделала бы.

Да нет, колдовская сила второго знака с этой дверью справилась бы, здесь наверняка был сложный замок, кодовый или какой, а сложные замки охотно подчинялись колдовской силе.

Вот только колдовской силы второго знака в нем уже не было, подколотная гримза высосала ее!

Вурдалак кинулся на дверь всем телом. Сверху посыпалась штукатурка, но дверь, естественно, выдержала. С ревом вурдалак кинулся на дверь опять.

Авдей Гурьянович Чиж, рыхлый одышливый мужик, с приятностью смотрел, как бандит разбивал себе в кровь лицо и руки о стальную дверь. Зеркало редко предоставляло ему такую возможность: смотреть на

унижение обезвреженного врага. Обычно оно злило или пугало.

Чиж в семейных трусах до колен сидел на краю большой семейной кровати. Этот «примерный семьянин» жил один в просторной трехкомнатной квартире, с того времени как двадцать лет назад умерла его жена. Шлюхи, естественно, время от времени пачкали его постель, но шлюхи не в счет.

У Авдея Гурьяновича Чижа с незапамятных времен имелась одна вещица, от дядьки ему осталась. Это был медальон на толстой серебряной цепочке размером с широкую мужскую ладонь. Если нажать на едва заметную пипочку, под действием пружинки крышка медальона откидывалась. Внутри медальона под тонким стеклышком находилась картинка, ехидный старец с острыми скулами и вшивой бороденкой руку занес, будто перекрестить собрался. Картинку обвивали три натуральных сивых волоса, словно из старцевой бороды. Медальон был не простой. Стоило взять его в руки, как он, немного согревшись, начинал разные картины показывать. Это выглядело так: изображение старца расплывалось и появлялась блестящая зеркальная поверхность, где вскоре начинало вырисовываться то, чего рядом и в помине не было.

Однако зеркало показывало не фантазию, но реальные события, которые происходили в данный момент, в чем Чиж не раз убедился. События эти происходили иногда за несколько километров от месторасположения зеркала и Чижа, но все-таки, если Чиж находился в Москве, не дальше Москвы. Как правило, изображение в зеркале имело прямое отношение к Чижу, но иногда зеркало показывало и совершенно незнакомых ему людей. В любом случае, зеркало не оставляло его равнодушным: оно предостерегало, пугало, раздражало, изредка смешило до желудочных колик.

Благодаря зеркалу Чиж из участкового милиционера сделался начальником службы безопасности крупнейшей коммерческой структуры. Тайну медальона

Чиж хранил свято, и поэтому все относили на счет его интуиции успех разработанных им операций. Чиж сам по себе был не дурак, но тяжелехонько ему пришлось бы без зеркала, то показывавшего документы на столе главы конкурирующей фирмы, то демонстрировавшего ему наемного убийцу и указывавшего, кто киллера нанял и зачем, то являвшего нужного чиновника в столь неприглядном, безнравственном виде, что потом становилось возможно этого чиновника шантажировать.

Надо сказать, при всей своей очевидной пользе зеркало немало крови попортило Чижу. Авдей Гурьянович, было дело, хватался даже разбить его. Первую такую попытку Чиж сделал вскоре после смерти жены. Мужик личную жизнь думал наладить, женщину в дом привел, одну сотрудницу. Баба не первой молодости была, да с молоденькой Чиж и не справился бы. День и ночь, сутки прочь, уже о свадьбе стали заговаривать, и тут зеркало показало, что выделяла дамочка в отсутствие жениха. У Чижа большая собака была, пятнистый дог, кобель. Чиж и вообразить не мог, что такое скотство возможно. Зеркало постаралось, взялось повышать его уровень образованности за пять минут до начала совещания у шефа. Тут мужик и узнал, какие в жизни виды бывают.

Чиж в тот же день выгнал мадаму и кобеля застрелил.

Авдей Гурьянович Чиж впервые увидел в зеркале Чурзина, когда тот с Татьяной к офису Фонда подкатил. Если бы Чиж посмотрел в зеркало раньше, он бы увидел, как Чурзин с Татьяной любовью занимались, но не мог же он таращиться в зеркало постоянно. Едва Чурзин и Татьяна за пистолеты взялись, Чиж распорядился: там на улице «ауди-100» торчит, водителя и пассажира задержать. Приказ Чижа немного запоздал. Охранники Фонда увидели отъезжающую иномарку, а насчет погони им ничего не было сказано.

Зеркало иногда выполняло приказы Чижа, показывало то, что ему хотелось увидеть, хотя чаще свое-

вольничало. На этот раз изображение в зеркале пропало, едва машина Чурзина тронулась с места. Чиж так и не удалось добиться от зеркала картинки, куда же тот неприятный мужик со своей девахой отправился.

Пришлось Авдею Гурьяновичу, не получившему разъяснения от зеркала, призвать на помощь собственную смекалку. Какую-то опасность для Фонда та вооруженная парочка, несомненно, представляла, и Чиж распорядился начать операцию «Крысоловка».

Так Чурзин со всей своей колдовской силой оказался надежно заперт в офисе Фонда.

«Психоватый какой-то, — подумал Чиж, глядя, как бьется человек о стальную дверь. — Больной. Все они, бандюги, сызмальства больные».

Зазвонил телефон.

Чиж поднял трубку.

Звонил его зам, Сережка Хлебайло.

— Попался так попался, — произнес Чиж скучным голосом. Для того он и велел поставить крысоловку, чтобы в нее кто-то попался. — Буду через час. Да, позвони, пусть группа Сохатого в офис подъедет.

Повесив медальон на шею, Чиж позвонил шоферу, пусть машину подаст.

...

Прибыв на Краснокислинскую, Авдей Гурьянович Чиж со всей осмотрительностью занялся умирением незнакомого берсеркера. В коридор, где буйствовал Чурзин, был пущен раздражающий газ. Только когда бандит стал в рвотных конвульсиях выворачиваться наизнанку, Чиж распорядился открыть стальную дверь и вытащить мужика из ловушки-душегубки.

К крайнему удивлению Чижа, наблюдавшему за происходившим в коридоре при помощи телекамеры, отчаянный мужик сумел вырубить обоих «быков» в противогазах. Пришлось Чижу послать в коридор группу захвата из пяти человек.

Отравленный и избитый, Чурзин в наручниках был препровожден в кабинет Авдея Гурьяновича Чижа.

Почмокав сигару, Чиж поинтересовался:

— Что же ты, а, или не знаешь, кто мы такие? Хотел обокрасть сироток, не стыдно?

Ворот рубахи у Авдея Гурьяновича был расстегнут, поэтому можно было увидеть цепь, на которой висел медальон. Сам медальон лежал на богатырском животе Чижа, сокрытый рубахой.

Разглядывая плетение цепи, Чурзин пробормотал:

— Я не за сиротскими башлями пришел, за своими. Кто Подстаканникова убил? Вы убили, Подстаканников был мне сто тысяч баксов должен.

Чиж присвистнул.

— Это за какие же такие твои услуги?

— За эти самые.

— Понятно. Что ни день, жизнь дорожает, да? Только ты это напрасно на нас стрелку перевел. Ведь Подстаканникова не ограбили, а замочили. Что касается денег, деньги Подстаканникова на своем прежнем месте остались. Оттуда тебе и нужно свою сотню тысяч баксов изъять.

— Это откуда еще? Пес его знает, где Подстаканников башли хранил, у него теперь не спросишь!

— У него не спросишь и у песика не спросишь, а у девчонки подстаканниковской почему бы не спросить. Старик в ней души не чаял, а работа у него рисковая была, что же он, не сказал ей, где деньги лежат?

Напрягшись, Чурзин спросил:

— И где мне эту девчонку искать, в детском саду, что ли?

— Зачем в детском саду. Татьяна большая девочка уже. Или она целочкой оказалась? Ну, тогда ее только в детском саду и искать, где же еще.

— Что-то я не пойму...

— Молодец, девка, окрутила тебя, дурака, и башли при ней остались, и за отца мститель готов. — Авдей

Гурьянович Чиж и Михаил Кузьмич Подстаканников были давние знакомцы. Правда, последние два года они не встречались, а совместных дел уже лет десять как не вели, однако не узнать Татьяну Чиж не мог, когда зеркало показало ему ее. Убийство Подстаканникова, Татьяна с пистолетом у офиса Фонда, крутой мужик рядом с Татьяной — и Чиж быстро выстроил причинно-следственную цепочку. — Девка-то, небось, думает, вот замочит мужик-дурак кого надо, а потом я его — хлоп! — прокудахтал по-бабы Чиж.

— Значит, вы отказываетесь расплатиться со мной за Кузьмича? — утрюмо проговорил Чурзин.

Авдей Гурьянович скривился обескураженно. А ему-то показалось, что под влиянием его слов киллер почти что возненавидел свою ловкую нанимательницу.

Внезапно вурдалак вытянул руки вперед и развел их в стороны.

Наручники хрумкнули посередине.

Чурзин надеялся на замешательство, на оторопь хозяина кабинета и двух охранников, тогда бы он сумел дотянуться до Чижа. Однако никакого замешательства не произошло. Едва Чурзин сломал наручники, как в руке у Чижа появился пистолет. И охранник не сплывал, холод пистолетного дула Чурзин мигом ощутил у себя на виске.

— Свои башли ты получишь, — проговорил Чиж беззлобно. — Прямо сейчас. Только не баксами. Гопорят, на том свете угольками расплачиваются. — Чиж выдержал паузу. — Или жить хочешь?

Чурзину на запястья надели сразу три пары стальных браслетов. Больше Чиж с ним не разговаривал. Вурдалака отвели в комнату, которую вполне можно было бы назвать тюремным карцером: без окон, параша в углу, лампочка-стоваттка под потолком. И еще под потолком чернело узкое отверстие трубы. Наверняка тюремщики при желании могли превратить эту тюремную камеру в газовую.

Часы Чурзину оставили, так что он мог следить за временем.

Рано утром, в шестом часу, его провели в кабинет Чижа.

К этому времени Авдей Гурьянович Чиж имел разговор с Кривоватовым.

Чиж сказал:

— Как тебя зовут? Валерий? Ты, Валера, вижу, деньги любишь. Ну так денег мы тебе дадим. Не сто тысяч баксов сразу, это сумма бредовая, а... Убьешь Татьяну, двадцать тысяч зеленю получишь. Девчонка, правда, не стоит того, но уж больно ты мне понравился, сучонок.

— Сначала я с нее свои башли стребую.

— Стребуй, Валера, стребуй, а потом ее убей. И еще, ты слышал, двадцать «штук» получишь.

— Какие тебе потребуются доказательства, что дело сделано? Фотку привезти? Или труп ментам подбросить?

— Зачем ментам. Тихо все сделаешь, это тебе не сложно будет. Мне — фотку, труп — в воду. Или куда ты их деваешь.

— Сроки?

— Она у тебя сейчас, так? Дома ее нет, проверено. Значит, до вечера управишься.

Перед тем как выйти из кабинета Чижа, Чурзин спросил:

— Так вы меня на постоянную работу берете?

— Разумеется. Только в следующий раз трудовую книжку с собой захвати. — Чиж ощерился. — Или ее вместе с Кузьмичом разорвало?

Свои деньги он все равно с Фонда сдерет, подумал Чурзин, сворачивая с Краснокислинской на Осликовскую. Только как ему это сделать, если его колдовской силы оказалось для этого недостаточно, а подколотая гримза подыхать не собиралась?

При одной мысли о паразите, удобно устроившемся у него на сердце, у Чурзина заходили желваки. Что-

бы убить подколодную гримзу, ему нужно было всю свою колдовскую силу вложить в единый бросок, ему нужно было преследовать свою цель до полного изнурения, до потемнения в глазах, до потери пульса. Но разве он не был неистов в подвале, у стальной двери? А подколодной гримзе ничего не сделалось.

Или... Или он просто не почувствовал, что она издохла?

Чурзин свернул на обочину и остановил машину. Он с надеждой расстегнул пуговицы рубахи.

На его груди по-прежнему мигал звериный глаз. А он так хотел увидеть летучую мышь!

Листка белены у Чурзина при себе не было, поэтому он не смог увидеть подколодную гримзу, как там она нежилась у него в груди. Но, несомненно, гадина была жива, иначе бы к нему вернулась вся его сила, и татуировка-символ второго знака силы, рогатая летучая мышь, вернулась бы к нему на грудь.

Чурзин поехал дальше.

У него не было достаточно сил, чтобы вытребовать свои деньги у Чижа и Кривоватова, однако он должен был сделать это, в твердости следования цели заключался его шанс уничтожить подколодную гримзу. Но почему он не смог достойно поговорить с Чижом? Ведь колдовской силой первого знака он обладал.

Колдовская сила первого знака давала Чурзину возможность воспринимать то, чего не мог воспринять обычный человек. Колдун, даже стоявший всего лишь на первой ступени колдовского могущества, хорошо чувствовал колдовскую силу на расстоянии, если эта сила не принимала особых мер к своему сокрытию. На груди у Чижа, на массивной цепи, висело нечто, обладавшее колдовской силой. Не эта ли сила дала Чижу перевес в их разговоре?..

Поразмыслив, Чурзин решил, что вряд ли на груди у Чижа висела вещица, способная излучать колдовскую силу. Ничего такого колдовского Чиж на глазах Чурзина не сотворил: Чиж не избивал его крысиным хво-

стом, не показывал ему моржовые клыки, не грозил ему полуметровым когтистым пальцем. Когда же Чурзин сломал наручники, Чиж достал пистолет самым обычным, а не колдовским сверхбыстрым движением.

Может, на груди у Чижа висело колдовское зеркало?

Тогда становится понятно, почему в Фонде были готовы к его появлению. И про Татьяну Чиж узнал от колдовского зеркала.

Да не следит ли Чиж за ним сейчас?

Чурзин попытался оградить себя невидимым экраном, не проницаемым для колдовского взгляда. У него ничего не вышло: ментальную материю он почувствовал, но сплести нужный узор не сумел, его колдовской энергетический уровень был недостаточен для этого.

Чурзину оставалось утешиться тем, что колдовские зеркала, показывая своим хозяевам всяческие занятные виды, звука не передавали.

Чурзин выехал на Боровское шоссе. До дома ему оставалось несколько минут езды.

Роман Оленников целыми днями колесил по району, где регистрировалось больше всего смертей от удара молнии, все маньяка с уникальным электрическим оружием искал. Так бы и прочесывал Роман этот район до скончания века, если бы однажды, совершенно случайно и совершенно в другом месте, он не увидел человека, чей фоторобот у него имелся.

Седоватый высокий усач выковыривал девицу из своей иномарки. Визг, брань и все такое. Потом усач отъехал. Девица запустила в иномарку камнем. Усач остановился. Вместо того чтобы задушить девицу, он, как ни странно, посадил ее в машину.

Роман на своем «форде» поехал за «ауди-100» Чурзина. Оленников служил в силовом подразделении, с методами слежки он был знаком только теоретически,

и тем не менее Чурзин не заметил «хвоста». Вероятно, это потому, что вурдалаку, только узнавшему о потере огромной части своей колдовской силы, не до того было.

Вурдалак остановил машину у железных ворот, окрашенных зеленой краской. Дом номер 142, запомнил Роман. С собой у Оленникова был табельный «Макаров». Вышедший из машины Чурзин представлял собой хорошую мишень, однако Роман не стал стрелять. Убийца его отца должен был знать, за что умирает, то есть его предварительно нужно было зажать в узком месте. Кроме того Роман не вполне был уверен, что этот усач — тот самый убийца. Мало, что ли, по Москве найдется рослых усачей? Что касается деталей лица, то ведь у Оленникова фоторобот был, а не фотография.

Однако еще был случай на дороге. Оленников видел, как «ауди» Чурзина поцеловалась с джипом «чероки», и что из этого вышло. Получается, этот усач со своей девахой были далеко не паиньки. Хотя, конечно, само по себе это не значило, что усач убил отца Чурзина.

Интуиция подсказывала Оленникову: он видит того самого человека, которого искал. Но когда речь идет о том, лишать человека жизни или нет, в его виновности надо быть уверенным на сто процентов. По крайней мере, это пока он, Роман Оленников, в мафию не записался.

Прямо сейчас выйти из машины, чтобы все выяснить. Роман не мог, памятуя случай на дороге. Пока он в машине посидит, присмотрится, что к чему, а там, может, и удобный для действия момент подвернется.

Чурзин въехал во двор и закрыл за собой ворота. Он вел себя как хозяин, но, может, это был дом его любовницы, смазливой блондинки? Или это была его жена? И у них дети имелись?

Мимо старушка прошлепала с бидончиком, к трак-

тору с прицепом-молочницей направлялась. И не боялась, старая, что обдрищется с молока. Когда старушка возвращалась назад, Роман ее окликнул:

— Бабушка, вы не знаете, кто в том доме живет, с синими ставнями? Мне сказали, где-то здесь кровельщик живет, в доме с синими ставнями.

— Кровельщик? Не, сынок. Нет у нас тут кровельщиков. А в том доме, сынок, мужчина живет, один, без семьи. Он в банке работает, так, что ли, он говорил.

— Мужчина пожилой, усатый, с плешью?

— Пожилой? Нет, ему лет сорок будет. Усатый, да. А плешь еще не выросла, у него только плешинка пока.

— Спасибо, бабушка.

— На здоровьице, сына.

Ситуация складывалась неплохо: усач был одинок, значит, можно было поговорить с ним в его же доме без особых помех. Только сначала надо дождаться, когда любовница усача уберется.

Оленников поставил машину так, чтобы она не загораживала проезжую часть и не очень бросалась в глаза, и начал ждать.

Уже затемно из зеленых ворот выкатила машина, только это не «ауди-100» была, а «фиат». Все понятно, «ауди» нуждалась в ремонте. Киллер запер ворота, сел в машину. «фиат» отъехал.

Оленников не стал преследовать «фиат». Куда лучше дождаться киллера в его доме: и таскаться за ним по Москве не надо, и заинтересованность его персоной проще сохранить до решающего момента. Но вот вопрос, деваха киллера осталась в его доме или с ним уехала? В темноте невозможно было разобрать, сидел кто-то в «фиате» из пассажиров или нет.

Роман вышел из машины. Избегая открытых мест, он направился к дому Чурзина.

Все окна этого дома были темны. Роман посмотрел на часы. Десятый час вечера. Вряд ли любовница киллера легла спать так рано, сразу после программы «Спокойной ночи, малыши».

Хорошо, что здесь не было собак.

Оленников перемахнул через забор. Из дома не доносилось ни звука. Он обошел дом, взгляделся в заброшенный сад. Все было тихо.

Роман вернулся к крыльцу. Входная дверь была заперта. Интересно, изнутри ее заперли или снаружи?

Со стороны сада створка одного из окон была открыта. Через это окно Роман, оставив колебания, влез в дом.

Он попал в душевую. Стены комнаты были выложены белым кафелем, в лунном свете поблескивали рапины и сеточка душа. Через открытую дверь в соседней комнате виднелся маленький бассейн. В душевой имелась еще одна дверь, которая, очевидно, вела внутрь дома.

Выходя из душевой, Роман, как ни был осторожен, все-таки громыхнул каким-то тазом. Он застыл, прислушиваясь. Хотя в тишине этот звук показался довольно громким, за ним не последовало ни шарканья ног, ни женского восклицания.

Роман вышел из душевой. Сначала он осмотрит дом, а потом определится, в каком месте ему лучше всего дожидаться хозяина. Пройдя маленький коридорчик, Оленников попал в огромную комнату, наверное, занимавшую половину площади дома. Два дивана, стол и столики, шкафчики, кресла, что-то еще... За тем шкафом он мог бы притаиться, подумал Роман.

Примериться, каково ему было бы в укрытии, Роман не успел. Вспышка света ослепила его, и грубый женский голос, какой бывает у перебравших дамочек, командовал:

— Стоять, паскуда! Пушку на пол!

У высокого фикуса Роман увидел блондинку с пистолетом в руке.

Оленников осатанел от унижения. Его, мужчину, кадрового военного, и не какого-то там общевойсковика, по офицера ФСБ, сумела взять в клещи пьяная проститутка!..

Роман опустил руку с пистолетом, как бы собира-

ясь уронить его на пол. Вдруг, резко развернувшись, он выстрелил.

В Татьяну Роман не попал, мазила, а вот она очень даже попала в него, умница, из своего трофейного «ТТ». Правая рука гэбиста повисла плетью. Теперь волей-неволей пришлось Оленникову уронить пистолет. Из раны кровь побежала быстро и толстеньким таким ручейком. Очевидно, крупный сосуд был поврежден.

Татьяна, держа пистолет обеими руками против груди Оленникова, поинтересовалась:

— Чего ты здесь потерял, красавчик?

— Это твой трахарь научил тебя на пипку жать? Неплохо справляешься.

— Я задала вопрос.

— Засунь его себе в задницу.

Татьяна хищно облизала губы.

Теперь должен был прозвучать выстрел, и Роман предупредительно бросился на ковер.

Девушка не выстрелила. Татьяна отшвырнула ногой пистолет Романа подальше от него и сказала:

— Будешь дергаться, прострелю другую руку. Брысь на диван, щенота!

Роман, зажав рану здоровой рукой, перебрался на диван. Кровь продолжала сочиться у него меж пальцев. Татьяна долго смотрела на красный ручеек, пьяно кивая головой, затем сказала:

— Сними ремень, руку перетяни. Что задумался? Ты мне живой нужен. Не бойся, снимай ремешок, не изнасилую.

С помощью зубов и здоровой руки Роман сумел стянуть руку ремнем выше раны. Кровь перестала течь. Рука ниже жгута начала деревенеть.

Татьяна, не упуская из виду пленника, налила в рюмку вина и в три глотка благословила.

Что, она так и будет стоять перед ним навтыжку?

Татьяна поопасилась опуститься в кресло, как бы не задремать. Она уселась верхом на стул, лобком к спинке.

Так они сидели друг против друга до самого утра, Оленников — то ослабляя жгут, то натягивая, чтобы рука не омертвела, Татьяна — борясь со сном и с желанием помочиться. На рассвете она все-таки не выдержала, прямо на стуле и облегчилась, не могла же она дать возможность этому парню смыться.

В восьмом часу утра наконец-то появился Чурзин. Вурдалак остановился в дверях. Он не скрывал своего удивления:

— Это еще что такое?

— Тебе лучше знать, — отозвалась Татьяна. Хмель частично выветрился, поэтому ее голос звучал куда мелодичнее, чем вечером.

— Это к тебе в дом он залез с «пушкой», — она показала на пистолет Оленникова.

— Кто его знает, может, это он в твои владения с «пушкой» вздумал пожаловать, — сострил Чурзин, сопровождая свои слова неприличным жестом. Вурдалак сменил тон: — Чего хотел, молокосос?

Уверенный, что скорого ответа не последует, Чурзин тут же подошел к Оленникову и цепко, как хищная птица лапой, схватил его за больное плечо. Здесь, у раны, ментальный запах парня был наиболее силен. Будь на месте Чурзина ясновидящий, он многое сумел бы узнать про Романа, но Чурзин был вурдалаком, ясновидением он не обладал и не мог обладать. Он мог только уяснить для себя, этот ментальный запах был ему знаком или нет.

В ментальном запахе Оленникова Чурзин быстро уловил знакомые флюиды. Память о них была для вурдалака неизгладима.

Что-что, а запахи своих жертв вурдалаки не забывали никогда.

Во время высасывания вурдалаком энергии из жертвы происходил тесный контакт тонкой сущности вурдалака и жертвы, в результате которого ментальные характеристики жертвы навсегда отпечатывались в подсознании вурдалака.

Чурзин повернулся к Татьяне:

— Мститель к нам явился, милости просим принять. Я убил его отца, а сынок дюже горячий попался.

— Ты убил его отца? — Татьяна смерила глазами Романа. — Значит, придется его убить. Иначе его не успокоишь.

Она потянулась к своему пистолету, который только что положила на стол.

— Мы его успокоим позже, — проговорил Чурзин. — Сейчас мне некогда возиться с трупом.

— Чего там «возиться», в саду закопаем, и все.

— Я не собираюсь превращать свой сад в кладбище.

Чурзин слукавил, отсрочить убийство Оленникова он вознамерился не потому что у него не было времени для сокрытия трупа. Вурдалак решил не просто убить, но высосать парня по-вурдалачьи. В этом было что-то мистическое: сначала он высасывает отца, затем — сына, а Чурзина тянуло к мистике. Однако высасывать этого храбреца сейчас Чурзину не имело смысла. Вурдалак еще не испытывал голода в отношении человеческой, неколдовской энергии.

— Что мне, до морковкина заговенья держать его на прицеле? — возмутилась Татьяна несговорчивостью Чурзина.

— Ты прямо переработалась, аж уделалась вся. О парне не горюй, найдется в моем доме подходящее для него местечко.

Чурзину не приходилось искать место, где бы можно было пока подержать парня. В доме вурдалака имелся специальный погребец, где Чурзин двуногую пищу содержал. Раньше, во времена развитого социализма, у Чурзина там постоянно один-два бомжика бедовали. Растратит вурдалак жизненную энергию, он — нырь в погреб, и порядок. И не нужно по помойкам бомжа искать. Потом, когда беженцы пошли, Чурзину проще стало, а там столько бомжей в Москву привалило, хоть лопатой гребь. Теперь, как только у вурдалака появля-

лась потребность подкрепить силы, он к ближайшему покзалу подъезжал, говорил бомжу: «Поможешь вещи перевезти, переезжаю». В машине он бомжа засасывал, труп на свалку отвозил.

Перед тем как определить Оленникова в погреб, Чурзин решил его немного подлечить. У больных энергетика была хилая, а зачем вурдалаку мясо третьего сорта?

Чурзин не мог заживить рану Романа, передав ему часть своей энергии, как это сделал бы на месте Чурзина любой колдун. Вурдалаки были способны только забирать энергию, но не отдавать. Однако у Чурзина имелся порошок из нескольких заповедных травок, прекрасный врачеватель ран. Одна из этих травок, трава белояр, даже обладала собственной колдовской силой.

Вурдалак густо посыпал рану Романа колдовским порошком, буркнул: «Теперь без жгута обойдешься». И правда, когда Роман распустил ремень на руке, кровотечение из раны не возобновилось.

Крышка погреба запиралась на замок, поэтому обычно Чурзин своих пленников не связывал. Романа он оставил в погребе связанным по рукам и ногам, все-таки здоровый парень не шел ни в какое сравнение со слабосильными бомжами.

Не успел Чурзин запереть крышку погреба, как Татьяна взялась его распекать:

— Ты где шатался? По бабам ездил? Ты обещал помочь мне отомстить за смерть моего отца, а ты...

— Не помню, чтобы я что-то тебе обещал.

— И это ты не помнишь? — взвизгнула Татьяна. Она выпростала из-под свитера тугие груди и потрясала ими наподобие расписки заемщика. — Не помнишь, говоришь?

Она залилась злыми слезами.

— Мне нет дела до твоего отца, детка, как ты это не поймешь, — произнес вурдалак спокойно. — Меня интересуют только мои деньги. Знаешь, что мне пришлось в голову? Фонд какой-то, расфонд... Разве я на Фонд работал? Я на твоего отца работал. Твой отец должен

мне башли. Знаю, знаю, Кузьмин сыграл в ящик. Но ведь ты — его прямая наследница. Ты, а не какой-то Фонд. Ты наследовала его деньги, разве ты не должна выплатить его долги?

Все-таки хмелю еще полно оставалось в мозгах у Татьяны: смерив Чурзина убийственным взглядом, она побежала за пистолетом.

Может, ей и удалось бы убить Чурзина, если бы она плавненько, со смешком, с ужимочкой, переместилась в гостинную, к «пушке». Татьяна действовала слишком резко, и прочитать ее мысли для Чурзина не составило труда. Он тем не менее дал ей возможность добежать до пистолета, чтобы лишний раз убедиться в своей правоте, и только теперь схватил ее за руки.

— Какие мы шустрые, ай-ай-ай. Дура ты дура, разве так убивают?

Вурдалак быстрым движением переместил руки на горло Татьяны. Поначалу он не хотел ее убивать, она неплохо стреляла, да и с какой стати ему усердствовать перед Чижом. Однако как же она ему надоела!

Чурзин сжимал горло Татьяне до тех пор, пока она не потеряла сознание. Посиневшую, он положил ее на ковер и сделал пару снимков «Полароидом». Снимки он покажет Чижу, и когда тот будет разглядывать их...

Татьяна еле заметно шевельнулась. Чурзин уловил ее движение и ничуть не удивился. Он знал, когда надо было остановиться, он хорошо чувствовал ладонями биение ее сердечка.

Надо было все-таки ее задушить, подумал Чурзин. Хлопот-то ему теперь с Татьяной. Чиж мог сейчас наблюдать за ним, ведь у Чижа было колдовское зеркало. Через несколько минут Татьяна придет в себя, и если Чиж это увидит, попробуй потом с какой хитростью к Чижу сунься.

В кабинете у Чурзина на полу был начерчен колдовской круг, как это у колдунов и вурдалаков водилось. Он взял Татьяну под мышки и отволол в свой кабинет. Чурзин поместил Татьяну в центр колдов-

ского круга. Теперь колдовское зеркало не могло угнаться за Татьяной.

Чурзин взял шелковый шнур, хорошенько натер его мелом, проговаривая заклинание Круга. Еще неплохо было бы смочить шнурок слюной ужа, но как на грех, слюна ужа у Чурзина недавно кончилась, а восполнить запас у него все времени не находилось. Для крепости колдовства Чурзин прочитал заклинание три раза. От чего, от чего, а от взгляда колдовского зеркала теперь этот шнурок должен был уберечь.

Татьяна заворочалась на полу, со стоном села.

Чурзин швырнул ей шнурок.

— На поясе завяжи.

— Это зачем?

— Это амулет такой, на счастье.

— В меду весь... Не стану я эту гадость носить!

— Хороший шнурок, не кочевряжься.

— Нет!

Чурзин посуровел.

— Вот что, девочка. Или ты будешь меня слушаться, и тогда я, возможно, помогу тебе с твоей мстью, или ты сейчас же убираешься вон и сама решаешь свои проблемы.

— Я подчиняюсь, — проговорила Татьяна голосом, напоминавшим звуки бормашины.

— Умная девочка.

Татьяна брезгливо завязала шнурок у себя на поясе и потом долго терла пальцы.

Вурдалак сказал:

— Иди в гостиную и подожди меня там. Шнурок не снимать.

— А ты?

— Я тут позанимаюсь немного.

Перед тем как выйти из его кабинета, Татьяна спросила:

— Это ты пошутил, что я должна с тобой за отца расплатиться?

— Пошутил, — и Чурзин прибавил нехорошее словцо.

Озадаченная, Татьяна вышла.

Прежде чем подступиться к Чижу, Чурзину нужно было знать, с какой именно колдовской силой он имел дело, то есть, конкретно, с каким колдовским зеркалом. Он случайно встретился с этим колдовским знаком, ему не пришлось проходить Путь, так, возможно, он сумеет не только справиться с Чижом, но и силу этого колдовского знака добавить к своей?

Чурзин раскрыл «Каталог колдовских знаков», нашел по оглавлению раздел «Зеркала колдовские». Само зеркало Чижа он не видел, но в его памяти четко отпечаталось, какова была цепочка, на которой то зеркало-медальон висело.

У всех зеркал-медальонов цепочки были разные, да иначе и быть не могло, как не могли быть одинаковы отпечатки пальцев у разных людей. Цепочку со звеньями в виде шестиконечных звезд имел только знак 351, зеркало Симона Волхва.

Симон Волхв, предтеча антихриста, в I веке н.э. изрядно потрепал нервы святым апостолам, вытворяя чудеса и называя себя богом. В финале в Риме, на Марсовом поле, он попытался инсценировать вознесение. Демоны подхватили его, но по слову Петра принуждены были удалиться, и Симон Волхв разбился насмерть.

Историю этого языческого чудотворца Чурзин знал неплохо, и поэтому испытал облегчение. Знание — оружие не из последних. Теперь он должен был сломить сопротивление колдовского знака 351.

А когда он вберет в себя силу этого колдовского знака, к нему, уж наверное, вернется былое могущество. И он по-другому с Чижом поговорит.

Чурзин закрыл «Каталог колдовских знаков». Тут своим колдовским слухом он уловил крики пленника. Звуки были едва слышны, так что нечего опасаться, обычный человек ничего не услышит.

На Краснокислинской Чурзин оставил Татьяну в машине, объяснив, что от нее потребуется.

К Чижу его пустили не сразу. Его долго томили в коридоре, потом обыскали, а уж потом повели к Авдею Гурьяновичу.

Начальник службы безопасности Фонда встретил Чурзина немного поспокойнее, чем в первый раз. У двери, впрочем, остался стоять охранник.

Положив перед Чижом свои фотки, Чурзин проявил деловое нетерпение:

— Девчонку я убил. Где деньги?

Когда Чурзин душил Татьяну, Чиж в зеркало не глядел, поэтому он с большим интересом стал разглядывать фотографии. Чувствуя спиной напряжение охранника, вурдалак не стал в этот момент проявлять активность, следовало несколько протянуть разговор.

— Ты ее задушил? — спросил Чиж.

— Да. Вот этими мозолистыми руками.

— Ты должен был сделать контрольный выстрел.

— В следующий раз получите свою дырку во лбу.

— В следующий раз получишь деньги.

— Что? Хочешь меня кинуть?

Чиж успокаивающе выставил ладони:

— Тише, тише. Будет дырка во лбу — будут деньги. Вернись к труп и состряпай хорошую дырку.

— Труп я в речку кинул. Мешок с песком к ногам привязал, и пишите письма.

— Нырнуть придется, за трупом-то. Если деньги получить хочешь.

— Нырнуть? А что, можно. Нырну.

Охранник у двери как будто бы расслабился. Дурень, он даже не вслушивался в их разговор.

Чурзин в одном движении вскочил со стула, развернулся к охраннику и схватил его за виски. У парня хрупнул шейный позвонок. Не успел охранник упасть на ковер, как Чурзин рванулся Чижу.

Чиж вытаскивал из стола пистолет, давя ногой на кнопку тревоги. Он уже вытащил пушку, но нажать на спусковой крючок не успел. Чурзин вырвал пистолет из руки Авдея Гурьяновича и выстрелил в окно.

Это был сигнал для Татьяны. Девушка пулей вылетела из машины и принялась писать автоматными очередями на дверь и окна офиса Фонда. В коридоре затопотали.

Чурзин сорвал с жирной шеи Чижа зеркало Симона Волхва. Медальон немедленно раскалился до красна. Чуя вурдалака, зеркало защищалось, как могло. Чурзин быстро повесил медальон себе на шею, руки ему сейчас надо поберечь.

Распахнулась дверь. В комнату повалили охранники.

Вурдалак схватил Чижа за горло и, прикрываясь тушей Авдея Гурьяновича, стал отступать к окну. Охранники открыли пальбу. Как и следовало ожидать, пули впивались в стены и потолок комнаты, не стрелять же ребятам в своего начальника.

Оказавшись у окна, Чурзин разбил дулом пистолета стекло и, изогнув парней, раздвинул руками прутья решетки. Затем он выстрелил Чижу в затылок, вскочил на подоконник и был таков. Решетку оконного колодца он сорвал на ходу.

Охранники долго стреляли по отъезжавшему «фиату», кто-то номер машины запоминал, только все это было напрасно. В машину никто из них не попал, а фальшивый номер Чурзин в одном тихом двореике поменял на другой, тоже фальшивый.

Когда Чурзин с Татьяной выехали на автостраду, Татьяна повела носом:

— Паленым воняет. Слушай, да ты горишь!

Рубаха на Чурзине дымилась. Как раз напротив того места, где висел медальон.

— Горю, — согласился Чурзин.

И то сказать, пора было ему заняться медальоном.

Его плоть не успевала регенерировать, хотя и обладала сверхчеловеческими возможностями.

Вурдалак остановил машину и расстегнул рубашу. Татьяна охнула.

На груди Чурзина вокруг раскаленного медальона пузырями вздувалась кожа. Вурдалак взял медальон в руки. На месте, которое занимал медальон, Татьяна увидела округлый участок поджаренного мяса.

Преодолевая боль, Чурзин нажал на кнопку, размещавшуюся на ободке медальона. Под действием пружинки крышка медальона откинулась. Симон Волхв с картинки внушительно погрозил Чурзину пальцем. Этот жест только добавил вурдалаку злости.

Сжав медальон что есть силы, Чурзин сказал, глядя в разъяренные глаза Симона Волхва: «Помнишь Марсово поле, чудодей?» Напоминание о поражении не прошло Симону даром. Тут же корпус медальона смялся, будто бы сделанный из пластилина. Брызнули осколки стекла.

Не обращая внимания на боль в обоюдных и израненных пальцах, Чурзин продолжал сжимать медальон. И зеркало явило свою колдовскую силу: из покоренной жестянки медальона шустро выползли три змейки. В эти змейки превратились три сивых волоса из бороды Симона Волхва.

Татьяна, передернувшись от отвращения, выскочила из машины. Заглянув в открытую дверцу, она выразила свои чувства вслух:

— Какая гадость! Зашвырни их скорее и поехали дальше, хрен тебя забодай.

Чурзин крепче сжал змеенышей в кулаке и запихнул себе в рот. Ему пришлось и второй рукой подсобить, больно уж скользкие были твари.

Татьяну вырвало на асфальт.

Как только зубы Чурзина впились в гибкие змеиные тела, электрические разряды заскакали у него между зубов. Колдовская энергия, заключавшаяся в зерка-

ле Симона Волхва, полилась в астральную сущность вурдалака широким потоком. Это было как стакан газировки с коньяком в жаркий, душный день. Чурзин зажмурил глаза от удовольствия.

Раны на груди и руках Чурзина немедленно закрылись. У него на груди над новой розовой кожей буйно поднялась густая волосаная поросль.

Восприняв всю колдовскую энергию зеркала, Чурзин несколько раз глубоко вздохнул и потянулся в истоме. И открыл глаза.

Первым делом вурдалак посмотрел себе на грудь. Там он должен был увидеть татуировку-символ, летучую мышь, но что это?

На него бесстрастно смотрел звериный глаз с щелевидным зрачком.

Он обжег себе пальцы, он обжег себе грудь, его запросто могли подстрелить в офисе Фонда — и в результате всех этих мытарств он так и не вернул себе колдовскую силу второго знака.

Он сумел вобрать в себя силу зеркала Симона Волхва, но этого притока свежей силы, видно, оказалось недостаточно, чтобы он избавился от подкольной гримзы.

Чурзин почувствовал неприятное томление у себя в груди. Он не мог видеть гадину, но, несомненно, она была там. Лежа у него на сердце, она блаженствовала, овеваемая мощными потоками колдовской энергии. И она сосала из этих потоков энергию, сколько хотела.

Татьяна едва успела заскочить в машину.

«Фиат» сорвался с места.

Романа пробирала дрожь. Холод, да еще этот затхлый запах плесени, бррр... Как в могиле. На руках и ногах веревки, не разорвать. Он только мог ползать по погребу, изгибаясь, как червяк. И еще он мог кричать. Кляш-то в горло ему не зачихали.

Оленников использовал эти свои возможности. Он

то кричал, вдруг услышит кто-то посторонний, то ползал по погребу, надеясь, что ему попадется что-то острое, и тогда он сможет разрезать веревки. Его активность не приносила результата: ничто не вонзалось в его тело и на крики его никто не отзывался. Лишь рана реагировала резкой болью на каждое его движение.

Отчаяние все больше подтачивало волю Романа, а тут этот холод. И вот, когда его крики стали перемежаться с клацаньем зубов, вверху заскрипели половицы. Что-то звякнуло.

Бледный прямоугольник света упал на дно погреба.

Роман посмотрел наверх.

В светлом проеме он увидел лицо девушки — не ту гадючку, прострелившую ему плечо, а другую, брюнетку с тонкими чертами лица и длинными прямыми волосами.

Чутье у колдовской кошки было не такое сильное, как у адского пса, но все-таки оно намного превышало чутье колдуньи первого знака. Пользуясь своими новыми возможностями, Вероника смогла найти дом Чурзина, хотя со времени того его рокового визита в ее квартиру немало воды утекло. Подобно Роману, Вероника решила дожидаться вурдалака в его же доме. В дом Чурзина она проникла через каминную трубу, что ей в кошачьем облике нетрудно было сделать.

Спрыгнув в холодную золу, Вероника сразу же услышала глухой человеческий крик. Крышку погреба она открыла в человеческом облике: кошке с этим трудно было бы справиться, да и дужку замка ей пришлось предварительно сломать.

— Что ты там делаешь? — спросила Вероника, глядя в скорчившегося на дне погреба человека.

— Жду, когда меня убьют, — отозвался Роман. — Ты-то откуда взялась?

— Вот что, друг любезный, давай-ка сперва на мои вопросы ответь. Как ты оказался в этом доме?

Терять Роману было нечего, поэтому он решил говорить правду:

— В дом я влез через окно.

— Понимаю, дверь была заперта. С какой целью ты залез в дом?

— Чтобы убить хозяина дома.

— Чем он тебе так навредил?

— Он убил моего отца.

— Подробности.

Роман коротко рассказал про странную смерть своего отца и про свои поиски убийцы.

— Если бы та параша промазала, — нехорошо сказал Роман о Татьяне, — мой отец уже был бы отомщен.

— Девчонку тебе, наверное, удалось бы убить, а вот его... — Вероника улыбнулась снисходительно. — Убить его из пистолета Макарова? Думаю, ты не справился бы с ним, если бы даже у тебя был противотанковый пулемет.

— Я не такой уж мазила...

— Не в этом дело.

— А в чем? Его, что, пули не берут?

— Возможно, и не берут.

— Значит, он не человек, — усмехнулся Оленников и скривился от боли.

Рана в руке дала о себе знать.

— Он не человек, — просто сказала Вероника. — А руку он тебе плохо полечил. Да что мы перекликаемся через этот люк? Подожди.

Девушка опустила в погреб лестницу, слезла вниз, разрешила путы Романа ножом.

Когда они выбрались наверх, Роман произнес:

— Ты сказала, этот усатый не человек. Как тебя понимать?

— Он вурдалак.

— Что, что? Это навроде графа Дракулы, что ли?

— Оживших мертвецов я ни разу не видела, а вот энергетические вурдалаки встречаются. Настоящие.

Убивают которые, а не просто на нервах играют. Что морщишься? Болит?

Рука у Романа еще как болела, но насупился он не от этого, а оттого, что почувствовал себя неловко. Девушка, похоже, была того, маленько умом поврежденная, про вурдалаков каких-то заговаривать начала. А может, и не маленько поврежденная, а очень даже крепко.

— Терпеть можно, — сказал Роман, — тут где-то мой пистолет должен быть. Надо бы найти, пока устый не вернулся.

— Давай сперва я тебя полечу.

Она усадила его в кресло: «Садись, садись, хворь ходячая!» сказала:

— Теперь чур не бояться! Да, меня зовут Вероника.

— Меня — Роман.

— Не трусь, казак, атаманом станешь.

— Что ты про одно заладила?..

Вероника провела ладонями по лбу. Так увидел что Оленников, на самом же деле Вероника по невидимому обручу провела, символу колдовского знака 188.

У Романа от изумления округлились глаза. На какое-то время он позабыл, где находится, и что хозяин дома мог в любую минуту вернуться, такие чудеса стали происходить.

Сначала на лбу у девушки проступила татуировка в виде венца. Непонятно как, но изображение неожиданно стало объемным. Изображение стало вещью: на голове у девушки засиял острозубый золотой венец.

Ослепительная искра отделилась от золотого обруча и быстро очертила фигуру девушки. Потом что-то произошло, как будто кадры поменялись: Вероники уже не было в комнате. На том месте, где она стояла, теперь сидела серая кошка, каких полно на улицах, с маленьким золотым венцом на голове.

— Чего глаза выпучил? — промурлыкала кошка. — А еще пыжился, словно храбрец. Сейчас не дергайся, рану я тебе залечу.

Язык колдовской кошки был прекрасным средством для заживления ран, даже лучшим, чем колдовские травы. Так-то у Вероники со всей ее силой ушла бы неделя, чтобы полностью заживить рану Романа, а колдовская кошка способна была сделать это за раз.

Кошка вскочила Оленникову на колени и принялась шершавым языком быстро зализывать его рану.

Поначалу Роману было только щекотно, и вдруг плечо перестало мозжить. По его руке разлилось тепло. Рана стала закрываться на глазах. Ее края стянулись. Несколько движений шершавым кошачьим языком, и даже рубца не осталось на месте раны.

Сделав свое дело, кошка прыгнула на пол. Блеснула золотая корона, синяя искра очертила контур кошачьего тела, яркая вспышка — и Роман увидел Веронику. На ее голове сияла золотая корона. Через секунду корона исчезла.

— Как ты делаешь это? — хрипло спросил Роман.

— Тебе знать ни к чему. Подвигай рукой. Не больно?

Роман поднял руку, опустил.

— Не больно, — сообщил он. — Совсем не больно. Спасибо. Не знаю, что еще сказать. Нам шевелиться надо. Этот вурдалак усатый, кто его знает, когда вернется. Может прямо сейчас появиться. Где-то там должен быть мой пистолет.

Оленников быстро прошел в гостиную.

Его пистолет лежал на журнальном столике, «Макаров» с полной обоймой.

— Тебе лучше уйти, — произнесла Вероника.

— Почему?

— Тебе с ним не справиться. И мне ты не помощник.

— А ты справишься?

— Попробую. Шанс есть.

Оленников неловко попытался объяснить свой промах:

— Если бы та стерва не врубила свет... Она ослепила меня, понимаешь...

— Кстати, она случайно... — Вероника хотела спросить, не колдунья ли та девчонка, но на ходу изменила вопрос: — Она случайно не делала ничего необычного? Ну, как это тебе сказать...

— Вроде, как ты и эта кошка? — догадался Роман.

— Вроде.

— Нет, ничего такого не было.

Обычная шлюшка та девчонка, подумала Вероника. То есть не так надо говорить, не шлюшка. Шлюшка — что? Справил мужик нужду и бай-бай, мальчик. Надо говорить уважительно: не шлюшка, а сожительница.

— Ты еще здесь? — удивилась Вероника, увидев, как Роман устраивается в кресле с пистолетом в руках. — Я думала, до тебя дошло...

— Дошло. Этот сукин сын убил моего отца. Я что, должен утереться, раз он не обычный мокрушник, а вурдалак?

Вероника сделала недовольное лицо, затем посмотрела на стол. Стол был уставлен бутылками различных калибров, закусками, ну и объедков хватало.

— Выпьем, что ли, за знакомство? Да ты не бойсь, вурдалака я учую за версту.

...

Чурзин гнал машину по Боровскому шоссе. Скорее домой. Там, в своем кабинете, оберегаемом колдовским кругом, в колдовских книгах он найдет способ справиться с подколодной грымзой. А если книги будут молчать, тогда он раскроет Некрономик. Да, да, он добудет Некрономик и заставит сатанинскую силу ответить, как конкретно ему убить гадину, поселившуюся у него в груди.

Вурдалаки не могли пользоваться Некрономиком: в обмен за свои ответы Некрономик забирал у колду-

на частицу его жизни, а вурдалак ничего не мог дать Некрономику, потому что, по определению, вурдалаки могли только брать. Правда, теоретически вурдалак, поднатужившись, мог заставить Некрономика поделиться информацией бесплатно, однако сделать это реально было чрезвычайно непросто. Некрономик обладал громадной колдовской силой, не то что какая-то травка или колдовской камень, он сумел бы оказать громадное сопротивление давлению на него.

До дому Чурзин не доехал. Ему оставалось свернуть в переулок, и тут он остановился.

Куда он едет? К себе домой, куда же еще. Зачем? Искать легкий способ убить подколенную грымзу? Если бы такой способ был, о нем было бы сказано в лечебнике. Нет, правильно в лечебнике говорилось, существовал только один способ изничтожить подколенную грымзу. Только силой воли можно было раздавить гадину.

Чурзин развернул машину и понесся в обратном направлении. С Боровского шоссе он вскоре съехал, свернул на Кольцевую. Потом вурдалак еще поворачивал, и не раз. Поворачивал и не видел поворотов, поворачивал без всякого смысла.

Татьяна верещала что-то. Он не слышал ее.

Впереди показался мост через Москву-реку.

Чурзин резко сбавил скорость и съехал на обочину. Остановив машину, он выскочил из нее и побежал к мосту.

Татьяна сдвинула брови: «Спятил он, что ли?» Выбравшись из машины, она заголосила:

— Эй! Куда? Куда ты, чумной?!

Речка в это время года была мелкая. По берегам белел галечник, кое-где присыпанный песочком. Если на этот галечник с высоты моста ухнуться, разобьешься в лепешку, будь ты хоть какой колдун.

Где-то там кричала и бежала Татьяна. Девчонка думает, что с этими рылами из Фонда можно с одним стволом разобраться. Дура девка, что с нее взять.

Чурзин перевалился через перила моста.

Был еще один способ уничтожить подколодную гримзу, кроме того, указанного в лечебнике: вот сейчас он — вдребезги, и гримза вместе с ним — вдребезги.

Только Чурзин оторвался от последней опоры, как поднялся сильный ветер. Порывы ветра понесли его туда, где на берегу из груды битого кирпича ежами торчали ржавые прутья арматуры. Не иначе, это были проделки Аризела, мелькнуло в голове у Чурзина. Демону воздуха, для верности, захотелось сделать его смерть из неизбежной абсолютно неизбежной.

Чурзин закрыл глаза с готовностью, что через несколько секунд его насквозь проткнет арматурный прут. Неожиданно огненная астра распустилась у него в груди. Трепещущие языки пламени вырвались из его тела, слившись через мгновение в огненный шар.

Подколодная гримза сгорела в этом огне, который в своем неистовстве был плоть от плоти огня языческого жертвенника. Только такой огонь и мог погубить гадину, огонь вечной ярости, а не вечного слезливого смирения.

Вся колдовская сила, высосанная подколодной гримзой, вернулась к Чурзину. Подколодная гримза могла только всасывать колдовскую силу, а не усваивать. Подколодная гримза находилась вне времени, поэтому ее существование не нуждалось в энергетической подпитке.

Тому, кто обладал колдовской силой второго знака, было очень просто избежать смерти при падении с высоты. Чтобы выжить, стоило только превратить руки в крылья.

Птеродактиль на какое-то мгновение замер в воздухе, часто взмахивая громадными кожистыми крыльями. Затем, преодолев силу инерции, ящер стал быстро набирать высоту.

Татьяна чувствовала себя неважно, хмель прошел окончательно, началось похмелье. То-то она трижды упала, пока добежала до моста. Из-за этого она не ус-

пела увидеть, как невиданное крылатое чудище, пролетев немного вдоль реки, опустилось в лесном массиве.

Не обнаружив ни на мосту, ни под мостом Чурзина, Татьяна пошла искать место, где бы можно было к реке спуститься.

Хороший спуск был в двадцати метрах от моста, его Татьяна не увидела, а увидела другой, плохой. Татьяна упала на задницу в самом начале тропинки, круто уходящей вниз, скользкой после дождя. Так что спуск девушка преодолела с комфортом — быстренько на мягком месте проехала.

На мелководье Татьяна долго шарила палкой то там, то здесь, труп Чурзина искала. Измучившись до дрожи в коленках и измазавшись в грязи, она направилась назад, к машине.

«Фиат» стоял не там, где Чурзин поставил, а немного в стороне, в тени огромного ясеня.

В машине спал Чурзин. В тень машину отогнал, боялся на солнышке перегреться, паскуда.

Со злыми слезами на глазах Татьяна вцепилась в ворот рубахи вурдалака:

— Паскуда! Паскуда! Паскуда!

На этот раз Чурзин не отшвырнул Татьяну от себя и даже в мыслях не пожелал ее убить. Смеясь он схватил ее за руки, стал целовать белую девичью кожу, кусывая.

Почти каждый второй автомобиль, проезжавший мимо красного «Фиата», делал разворот у моста и возвращался на пару сотен метров назад, чтобы еще раз миновать любовников. А некоторые пенсионеры делали по три-четыре круга.

• • •

— Куда мы едем? — спросила Татьяна, когда Чурзин свернул с Кольцевой на Волгоградский проспект.

— На Краснокислинскую.

— После этой стрельбы? Ты в своем уме?

— В своем. Ты в этом сомневаешься?

Что она, в самом деле, пустые вопросы задает, одернула себя Татьяна. Чурзин — сумасшедший, это яснее ясного. А, все равно. Какого бы цвета ни был паук, лишь бы кровь сосал.

Валерий сказал, что он убил Чижа. В таком случае, что ему нужно на Краснокислинской?

— Послушай. Может, у них в офисе хранятся деньги, но тебе до них не добраться, — произнесла Татьяна. — Знаешь, сколько там сейчас ментов крутится?

— Не знаю. Посмотреть хочу.

— Лучше бы к Кривоватову поехали на квартиру. Сотня тысяч баксов у него набралась бы наличкой.

— Кривоватов в Сан-Франциско.

— Сегодня должен был вернуться, так ведь тебе сказали.

— Может, вернулся, а может, нет.

Татьяна позлилась-позлилась, и дотронулась до шершавой щеки Чурзина:

— Люблю рискованных мужчин.

На Краснопресненской Чурзин все-таки повел себя осторожно. Машину с Татьяной он оставил в дворике далеко от офиса Фонда, сам к офису отправился пешком.

У офиса Фонда народу было битком. Как водится, закричи: «Караул!» — не услышат, а на убитого посмотреть пол-Москвы соберется. Бежали менты, две «скорые» стояли, репортеры пытались интервью взять.

Может, у Чурзина хватило бы наглости при таком скоплении народа проявить свои колдовские способности и тем самым нарушить важнейшую колдовскую заповедь, но одна случайность удержала его. Как раз в это время, когда он стоял в толпе, из двери офиса Фонда вышли двое: немолодой мужчина с сытым лицом политического деятеля и полковник МВД.

— Можете быть спокойны, Степан Рудольфович. Из-под земли говнюка добудем, Степан Рудольфович, — услышал Чурзин басок милицейского полковника.

— Старайся, Терентийч, — с оттенком недоволь-

ства сказал вальяжный мужчина, садясь в черный лимузин.

Звездастый Терентьевич протянул руку, чтобы пожали, но его рука осталась незамеченной. Дверца лимузина захлопнулась, и машина тронулась с места.

«Значит, вернулся Кривоватов Степан Рудольфович из Сан-Франциско», — подумал Чурзин.

Этот Кривоватов оказался такой гладкий и значительный, что Чурзин свое намерение изменил. Не в Фонде он возьмет свои сто тысяч баксов, а у Кривоватого в квартире пометет по сусекам.

Татьяна, увидев Чурзина, не смогла удержаться от ехидства:

— И где твои сто тысяч баксов?

— Сейчас поедem получать, — сказал он, включая зажигание. — Кривоватов вернулся.

Они поехали на Бековскую.

У дома, где жил Кривоватов, черного лимузина не было видно. Или Кривоватова уже высадили и шофер погнал машину в гараж, или Кривоватов пока до дома не добрался, деловой человек, все-таки.

Чурзин вылез из машины и зашагал к знакомой телефонной будке. Если трубку возьмет та же дура, что и в прошлый раз, он без хлопот узнает, дома Кривоватов или нет.

Вурдалак стал набирать номер.

Краем глаза он увидел: черный лимузин подкатил к подъезду, где находилась квартира Кривоватова.

Чурзин повесил трубку и стал наблюдать.

Из машины высадились Сам и два телохранителя. Гуськом они пошли к подъездной двери. Сам в центре. После беседы с домофоном охранник открыл подъездную дверь, и все трое вошли в подъезд.

Машина не уезжала. Неужели Кривоватов зашел домой на минутку, поцеловать жену и перекусить? Тогда, пожалуй, лучше прямо сейчас к нему и наведаться.

Пока Чурзин раздумывал, охранники успели про-

водить босса до двери его квартиры и вернуться назад. Машина ждала этих двух парней.

А Кривоватов остался в квартире, подумал Чурзин и вышел из телефонной будки.

Он вернулся к «Фиату», пистолет взять. Татьяна уже нетерпеливо подпрыгивала на переднем сиденье, со своим «ТТ» в руке.

— Насыпят тебе сегодня угольков в щелку, — проворчал Чурзин.

Они подошли к подъездной двери. Дверь, конечно, оказалась закрыта. Подъездную дверь открывали из квартиры, то есть прежде чем войти в подъезд, нужно было переговорить с хозяином какой-то из квартир, находившихся в подъезде, по домофону.

— У тебя в машине ломик есть? — озадачилась Татьяна.

— Что я, взломщик, что ли, — обиделся вурдалак.

Чурзину, обладателю колдовской силы второго знака, не было необходимости ни ломать дверь, ни разглазговать с домофоном.

Вурдалак провел рукой по двери, определил, где находился замок, и сосредоточил малую часть своей колдовской силы на правой руке.

Замок щелкнул. Вурдалак толкнул дверь:

— Прошу вас, миледи.

На лифте они поднялись на восьмой этаж, Татьяна правильно угадала: квартира 16 на этом этаже находилась. Всего в подъезде было по две квартиры на этаже, вот и вспоминайте таблицу умножения.

Кривоватов держал собачку, аргентинского мастифа. Псина поначалу залаяла, но стоило Чурзину подойти к стальной двери с номерком «16», кобелек моментом разобрался, что к чему.

Кобель протяжно, страшно завыл.

Здесь следовало действовать быстро: пес своим поем мог встревожить Кривоватовых, а там еще какое осложнение получилось бы.

Чурзин приложил ладони к замкам, по ладони на

замок. Колесики в замках провернулись. Вторая дверь раскрылась даже быстрее, чем первая.

Плотный парень в спортивном костюме выстрелил в него, в голову целился. Ну и Чурзин в ответ без церемоний, парню маслину в лоб.

Чурзин с Татьяной ворвались в квартиру. Все это было так быстро — щелканье замков, выстрелы, — что хозяева не успели осознать происходившее. Кривоватов оказался в коридоре в майке и официальных брюках, не дали переодеться мужику, а из двери ванной комнаты выглянула последняя жена Кривоватова, прошлогодняя «Мисс Секс», фотомodelь Сюзанна Уткина, халатик на голой заднице.

Увидев мертвого охранника, Сюзанна Уткина стала громко икать.

Кривоватов быстро оценил обстановку:

— Пройдете в зал, господа, — он широким жестом показал на одну из ореховых дверей, и — жене: — У нас серьезный разговор, Сюззи. Чтобы нам не мешали.

Подыграем немножко, подмигнул Чурзин Татьяне.

— Хозяин пусть заходит первый, — он показал Кривоватову подбородком на дверь.

— Ах, извините.

В громадной комнате, обставленной с безобразной роскошью, Кривоватов со всей галантностью предложил «господам» кресла, а когда те остались стоять, и сам не сел. Степан Рудольфович выжидающе посмотрел на Чурзина.

— Короче, ты мне должен сто тысяч баксов, — проговорил Чурзин.

— Какой разговор, сто тысяч так...

Не успел Кривоватов договорить, как обе створки двери рванулись, открываясь так резко, что удивительно, как они не сорвались с петель.

В комнату ввалились телохранители Кривоватова.

На этой лестничной площадке другая квартира тоже принадлежала Кривоватову. Чтобы «быки» не мозолили глаза, им было велено там находиться. Сто-

ило Уткиной, то есть госпоже Кривоватовой, нажать на секретную кнопку, и ребята были тут как тут.

Сперва невозможно было понять, сколько их, бритоголовых, пять, семь или десять. Как только Степан Рудольфович упал за диван (тут он проявил ловкость, наверняка, у них все было отрепетировано), «быки» начали стрелять.

Разлетелись осколками антикварные вазы, посыпались хрусталики с люстры, приказал долго жить телек «Сони» последнего поколения. Парни имуществу босса не жалели, им так было велено. «Шкуру спасайте, ребята, шкуру, а башли я еще с вашей помощью наживу».

Ребята были хорошо выдрессированы, оценил подготовку охранников Чурзин, вытирая пот со лба. Он-то думал, что ему потребуется меньше минуты, чтобы справиться с ними со всеми, а они отняли у него минуты три, а то и все четыре.

Из пятерых «быков» Кривоватова Чурзин убил четверых выстрелом в голову, а пятого, не то китайца, не то корейца, метателя ножей, угостил его же ножами. Смахнув пот со лба, Чурзин поискал глазами Татьяну. Она лежала на ковре, осыпанная осколками вазы. Чурзин вперил в нее свои глаза и понял: девчонка — не жилец. Она еще дышала, да толку? Пуля в правой почке, две пули в левом легком... Никакая колдовская трава тут не помогла бы. Колдовская сила второго знака, пожалуй, смогла бы спасти ее, у Чурзина была эта сила, однако Чурзин был вурдалак, он мог эту силу расходовать только на себя, он не мог отдать хотя бы малую часть ее кому-то другому.

Чурзин, слышав слабый шум, выскочил из комнаты.

Так оно и было: госпожа Кривоватова пыталась удраить. Она уже открывала входную дверь.

Чурзин схватил ее в охапку. Она закричала. Он оглушил ее пощечиной и, разгорячась, сорвал с нее халатик.

Натуральная фотомодель, надо же, хоть спереди смотри, хоть сзади. Грудь, бедра, попка такие, только раком загигать.

Бурдалак все-таки насиловать девчонку не стал и засасывать ее не стал, только сказал:

— Тебя же просили не мешать, — и пристрелил.

Чурзин вернулся в большую комнату.

Кривоватова он самолично поднял с пола, взяв двумя пальцами за шею, толстую и складчатую, как у мопса.

Чурзин швырнул Кривоватова на диван.

— Так начнем деловой разговор, Степан Рудольфович?

Кривоватов, как оказалось, был совсем не гладкий, но обрюзгший и с нездоровой желтишкой. Тряся дряблым подбородком, он забормотал:

— Жена нашкодила, виноват... А сто тысяч баксов... Это когда прикажете...

Чурзин не думал, что Татьяна в сознание придет, но она пришла.

— Мстить... мстить... — Она попробовала встать, но тут же упала. Из рта у нее потянулась струйка крови. Она обратила на Чурзина полные слез глаза: — Убей его! — Она попыталась сделать жест, указующий на Кривоватова. — Убей! Убей!

— У меня аптечка в соседней комнате, — промямлил Степан Рудольфович. — Если вы позволите...

— Умри! — прорычала Татьяна, и кровавая пена забила у нее на губах.

— Ты оставляешь меня без сотни тысяч баксов, — вздохнул Чурзин.

Он двинулся к Кривоватову.

— Убей, убей его! — подбодряла Чурзина Татьяна, бледнея все больше с каждой секундой.

— Думаю, это зрелище будет стоить сто тысяч баксов, — пообещал Чурзин.

Кривоватов жалко улыбнулся:

— Постой... Я тебе должен сто тысяч баксов — ты

получишь миллион. Нет, не взаймы, а так. Я подарю тебе. Оформим у нотариуса, все законно...

Чурзин, не слушая Кривоватого, начал медленно раздвигать челюсти.

Поначалу это был рот человека. Но Чурзин все раскрывал и раскрывал рот, как будто челюсти у него были резиновые. И эта оскаленная пасть все увеличивалась и увеличивалась. И уже не рот человека это был. Разве у человека во рту зубы растут в четыре ряда? И эти серые чешуйки у Чурзина на подбородке...

Вурдалак мог превратиться в любое существо, которое жило в настоящее время или когда-то жило на земле, к праху которого он хоть однажды прикоснулся. По этой причине вурдалаки, как и колдуны, были большие любители посещать зоологические музеи.

Чурзин превратился в тиранозавра. То есть это был маленький тиранозаврик, Чурзин не мог превратиться в животное с массой больше его собственной, но уж вурдалак позаботился, чтобы не менее половины его массы пришлось на голову ящера.

Пасть у тиранозаврика оказалась такая, что голова Кривоватого туда поместилась целиком.

К успокоению лиц состоятельных, следует заметить, что за секунду до того, как монстр сомкнул челюсти на шею предпринимателя, Степан Рудольфович потерял сознание, так что боли он не почувствовал.

Отпихнув обезглавленное тело четырехпалыми лапами, Чурзин обернулся к Татьяне:

— Довольна? — Голос у него был глухой, утробный, не очень внятный. Попробуй справиться с речевым аппаратом ящера.

— Да, да! — задыхаясь, прохрипела Татьяна.

Она слышала, как хрустнул в челюстях монстра позвоночник ее врага, она видела кровавый обрубок шеи Кривоватого, — она была счастлива! Татьяна агонизи-

ровала. Счастливые слезы текли по ее лицу. Через минуту девушка испустила дух.

Чурзин услышал, как лестничная площадка наполнилась гулом. Сюда бежали. К нему бежали. Топотали всюю, были уверены, никуда ему не деться.

Вернув себе человеческий облик, вурдалак подошел к окну.

Ого, да он, оказывается, важная персона.

У подъезда стояли четыре милицейские «Волги», один «рафик» и из-за угла дома еще «канарейка» поворачивала.

Смываться пора, подумал Чурзин. Он мог бы с ментами попикироваться, но колдовскую силу не хотелось тратить зря. Жаль, в квартире Кривоватова нет времени пошарить. А тайничок с баксами здесь где-то наверняка имеется. И, скорее всего, не один.

Выйдя из комнаты, Чурзин быстро пошел к входной двери. Топот ног раздался уже на лестничной площадке. Вурдалак собирался подняться по лестнице до последнего этажа, а там должен быть выход на крышу, но теперь без стычки с ментами он на крышу не попал бы.

В момент, когда СОБРовцы ворвались в квартиру, Чурзин щелкнул задвижкой, запираясь.

Дверь в сортир была прямо по коридору.

Стоило ребятам мельком увидеть последствия побоища, произошедшего в гостиной, и тут уж не нужно было уточнять, каким языком им следовало разговаривать с тем, кто заперся в туалете.

Без долгих разговоров СОБРовцы открыли пальбу из «Калашниковых» по двери в туалет. Когда она сделалась наподобие решета, старшой подергал дверь за ручку. Определив, как расположена задвижка, он выбил ее двумя одиночными выстрелами.

Дверь лениво раскрылась сама собой.

СОБРовцы увидели пустой сортир. Обломки финского унитаза синевато поблескивали на полу, на них из пробитого бачка бежала вода.

Старшой группы заглянул в ванную комнату. Пусто. Мужик заматерился.

— Но задвижка-то щелкнула, — пробасил Тихоня, мощный парень, начавший стрелять первым.

— Щелкнуть бы тебя! — старшой потряс кулаком, после чего приказал обыскать квартиру. («Только не расслабляться, ребята»).

В квартире было обнаружено девять человеческих трупов, обильная жатва. И один собачий трупик. Все люди, как потом установила судебно-медицинская экспертиза, скончались от огнестрельных ранений, собака издохла от разрыва сердца.

Когда СОБРовцы штурмовали сортир квартиры Кривоватовых, в сортире пятью этажами ниже, в квартире Варвары Лукьяновны Переплюйкиной, стояла тишь да благодать. То есть выстрелы и здесь были слышны, но Варвара Лукьяновна, толстененькая беленькая старушка, их не слышала. Слуховой аппарат она дома не надевала.

Со старой библиотечной «Работницей» Варвара Лукьяновна сидела на унитазе. Новые фасоны блузок рассматривала, 1985-го года.

Когда в пухлые ляжки Варвары Лукьяновны затыкалось что-то холодное, она в испуге вскочила с унитаза.

Старушка сразу посмотрела, что там ее побеспокоило?

Варвара Лукьяновна закричала сиплым, нехорошим голосом.

Из унитаза выползала змея. Тварь была жирная, здоровая, чешуйки так и сверкали.

Удав ударил головой в дверь. Винтики, на которых держалась задвижка, вылетели из своих гнездышек, и дверь распахнулась.

Удав посмотрел Варваре Лукьяновне в глаза. Старушка потеряла сознание.

Чурзин выполз из сортира, дополз до входной двери, здесь поднялся на хвосте в полный рост и превратился в человека.

У подъезда, в котором жил Кривоватов, было тесно от зевак, ментов, медичек, парней в камуфляже. Все так увлеклись, что никто не заметил, как из соседнего подъезда вышел высокий усатый мужчина. Бросив сучающий взгляд на толпу, мужчина сел в красный «фиат» и выехал со двора.

...

Чурзин ехал домой. Вечерело. Вурдалак устал, и под ложечкой начинало сосать, в области пятой чакры. Последние дни выдались суматошными, давненько ему не приходилось так суетиться. Хорошо, что у него в погребец человек есть. А когда он насытится, он примет чего-нибудь на грудь, ну и на боковую.

Дома Чурзин поставил машину в гараж, пошел проверить, надежно ли заперты ворота. Убедившись, что все нормально, он зашагал к крыльцу.

Кошка прыгнула к нему на загривок с ветви старой яблони, и сразу — по шее когтями. Чурзин успел опустить подбородок, поэтому кошачьи когти больше потревожили его лицо, чем шею. Вурдалак сразу догадался, что то была за кошка. Аура, придаваемая ему колдовской силой, была такова, что ни одно обыкновенное животное не осмелилось бы напасть на него.

Отдирая от себя кошку обеими руками, вурдалак живо преобразовал свою голову в крысиную харю. Крысы были еще большими врагами кошек, чем собаки, поэтому крысиная энергетическая оболочка придавала Чурзину дополнительную ненависть, а значит, и силу. И пасть у крысы лучше была приспособлена для борьбы, чем человеческий рот.

Они впились друг в друга зубами: Чурзин — в кошачью лапу, а кошка — ему в шею ниже затылка. Вдруг Чурзин почувствовал разрыв энергетической структуры тела чуть правее сердца. Кто-то сзади саданул его ножом.

Чурзин лягнулся, и Роман, по совету Вероники заменивший пистолет на нож, упал на асфальтовую дорожку.

ку. Едва коснувшись асфальта, Оленников откатился в сторону и сразу вскочил. И тут же получил удар в пах.

Роман опять упал. Чурзин принялся избивать его ногами, в то время как руки вурдалака были заняты кошкой. Дважды Роману удавалось ножом задеть тело Чурзина, но эти легкие ранения ничуть не ограничили вурдалака в движении. С непостижимой для простого смертного быстротой Чурзин кружился около Романа. Менее чем через минуту после падения у Оленникова не осталось ни одного целого ребра.

Последние удары Чурзин нанес по голове Романа. Затем вурдалак отодрал кошку-чертовку от своего тела и, визжа от боли, швырнул ее на землю. Оленников шевельнулся. Так этот стервец еще жив?

Чурзин быстро нагнулся, и мелкие, но чрезвычайно острые крысиные зубы сомкнулись на горле у Романа.

Чурзин, попискивая, долго трепал Оленникова, перебирая челюстями по его горлу. Заслышав шорох в том месте, куда он бросил кошку, вурдалак оставил труп в покое и оглянулся.

На земле лежала черноволосая девушка. Золотая корона с острыми зубцами сверкала у нее на голове, а под ней расплывалась кровавая лужа.

Несмотря на страшные раны от крысиных зубов, Вероника была жива. Ведьмы так просто не умирают. Она приподняла голову и мутные, невидящие глаза обратила на Чурзина.

Хорошо, что он не убил ее сразу, подумал Чурзин. Если бы он загрыз ее крысиными зубами, то ее колдовская сила была бы для него потеряна. Лишь в образе человека, в своем первоначальном образе, он мог вернуть в себя колдовскую силу своей жертвы.

Вурдалак принял человеческий вид и двинулся к Веронике. Он засосет ее прямо сейчас, девчонка только пожками дрыгнет.

Чурзину оставалось сделать до Вероники пару шагов, когда земля осела на том месте, где находилась де-

вушка. Из-под земли выступила вода, так что Вероника оказалась в грязевой жиже.

И прямо перед Чурзиным из грязи поднялся кривоногий, криворукий карлик с подвижной мордочкой макаки.

«Чего здесь понадобилось демону?» — удивился Чурзин и спросил:

— Кто ты?

Одно из своих имен демон обязан был назвать, и демон представился игрушечным голоском:

— Я — Закиел, демон озер и болот. Она моя! — он показал на Веронику. — Печатью Соломона я поклялся убить ее!

— Кто она?

— Дочь ведьмы, которую ты засосал.

— А! То-то я сразу почувствовал знакомый запах! Чурзин насупился.

— Я приструнил эту ведьмочку, а ты хочешь воспользоваться плодами моих усилий? Не выйдет, Закиел! Она моя, вот этими ранами я заслужил ее колдовскую силу!

Чурзин показал на шрамики у себя на шее, следы ран, нанесенных колдовской кошкой.

Риторика вурдалака ничуть не убедила демона. Закиел проскрежетал:

— Она моя!

Быстро нагнувшись, демон ухватился за землю и сделал жест, словно дернул ковер. Чурзин ни на каком ковре не стоял, он стоял на обычной земле, на пожухлой травке, и тем не менее Чурзин упал.

Упав, Чурзин начал быстро погружаться в грязь, в которую превратился большой участок его подворья.

Закиел ядовито засмеялся.

Вурдалак заработал обеими руками, как ветряная мельница работает крыльями, но его неудержимо всасывало вглубь. Багровый от ярости, Чурзин преобразовал свои ноги в огромный рыбий хвост, но даже это не помогло ему удержаться на поверхности.

Он погрузился в болото по грудь и только тогда заговорил по-другому, упрямец:

— Довольно, довольно! Твоя взяла, Закиел! Забирай девку и убирайся к чертовой матери!

Демон хлопнул в ладоши.

Болото выхаркнуло Чурзина на поверхность, и сразу же это место затвердело.

— Как хорошо, что ты поддался на уговоры бедного Закиела, а я уж думал, девчонка останется за тобой, — пошутил демон.

Чурзин, плюясь, теперь отмываться ему от грязи полночи, пошел в дом.

Закиел обхватил Веронику за талию и вместе с ней начал погружаться в свое болото. Девушка от холода пришла в себя, закричала, забила руками по воде.

Чурзин в это время регулировал температуру воды в душе. Услышав крик Вероники, он улыбнулся. Кто попал в лапы демона, тому приходилось плохо. В этих случаях демоны убивали медленно, смакуя жизненные соки своей жертвы.

Однако, если она так будет кричать, подумал Чурзин через минуту, пожалуй, соседи сбегутся. А он трупного парня не убрал, да и Закиел смотрелся отнюдь не как «Мистер Универсум».

Тут крики девушки стихли, и вурдалак успокоился. Конец комедии, как говорится.

На самом деле это был далеко не конец.

Когда Вероника погрузилась в болотную грязь по плечи, сумеречное небо почернело. Откуда-то налетел ветер, да такой, что оконные ставни стали срываться с петель, а деревья закланялись верхушками земле. На миг Чурзина опустилось облако пыли, и из этого облака высунулась вихревая воронка.

Серый «хобот», сотканный ветром из пылевых частиц, всосал в себя Веронику вместе с ошметками грязи. Громадные черные крылья мелькнули в этом

вихре, и на секунду из вихревого столба показалась страшная рогатая голова.

Закиел ухватился за Веронику что было сил, но вихрь поднял ее в воздух вместе с ним, и тут у демона озер и болот сами собой разжались когтистые лапки. Закиел имел силу, только пока находился на земле, в воздухе он был слабее трехлетнего ребенка.

Пыльный вихрь понес Веронику к небу, а Закиелу осталось только грозить кулачками и визжать:

— Будь ты проклят, Аризел! Ты еще узнаешь меня! Будь ты проклят!..

Вихрь отнес Веронику в Битцевский парк, опустил на поляну рядом с речушкой Чертановкой. Когда пыль разошлась, лунный свет очертил две фигуры: высокий демон с кожистыми крыльями склонился над длинноволосой девушкой.

Демон подул Веронике на грудь. Вместе с этим прохладным дуновением раны на ее теле затянулись, и она открыла глаза.

— Аризел, демон ветра, — узнала Вероника демона, чье изображение не раз видела в колдовских книгах.

— Я помогу тебе, молодая ведьма, — проговорил демон.

— В чем ты мне поможешь? — не поинтересовалась Вероника.

— В том, чего ты хочешь больше всего на свете. Я помогу тебе убить твоего врага.

— А кто мой враг?

— Вурдалак, который засосал твою мать.

Вероника села, подобрав под себя ноги.

— Как ты мне поможешь?

— Я дам тебе хороший совет, что ты должна сделать, чтобы убить его.

«Не густо», — подумала про себя неблагодарная Вероника, а вслух сказала:

— Валяй, подавай свой совет.

— Тебе нужен меч-кладенец, колдовской знак 177. Без него тебе не справиться с вурдалаком.

— Ты дашь мне его?

— Нет. Чтобы получить меч-кладенец, ты должна пройти Путь.

— Представляю, какой там будет Путь, к мечу-кладенцу!

Меч-кладенец являлся одним из наиболее сильных колдовских знаков. Прошлый раз, листая «Каталог», Вероника даже не стала читать о нем. Что там читать-перечитывать. На этом Пути, уж конечно, такое будет нинворочено, что колдуну посильнее ее не всякому спра-
виться.

— Путь как Путь, — проговорил Аризел, — немножко посложнее иных, но ты его пройдешь. Если хочешь убить вурдалака, ты его пройдешь. Формула Пути такая:

«Чертовка старая исполнит
Секирой острой волю рока.
Тогда лишь Алатырь горючий
Откроет клад свой сокровенный».

— Я ничего не поняла, — сказала Вероника.

— Подробности увидишь в Кубке, как обычно. Напиток Входа я тебе уже приготовил.

Предусмотрительный демон протянул Веронике кубок.

— Сейчас выпью эту гадость и умру, — сказала она, поднося кубок ко рту.

С шумом выдохнув, как заправский пьяница, Вероника принялась пить зелье крупными глотками.

Опустошив кубок более чем на половину, она остановилась. Сейчас должна была идти картинка, показывающая, что ей предстояло. Или она поторопилась, нужно глотнуть еще?

Взмотревшись в кубок, Вероника сначала различила какие-то непонятные контуры, а потом словно туман разошелся, и она увидела Кремль с высоты птичьего полета.

Изображение быстро приблизилось. Теперь все поле обзора занимала Сухаревская башня. Сквозь каменную кладку блеснул огонь. Стена башни сделалась

полупрозрачной, и за стеной Вероника увидела старца в черной рясе, склонившегося над книгой.

Рядом со старцем кривилась руна смерти: этого старца она должна была убить.

Картинка потускнела, и Вероника осушила кубок.

Девушка зашаталась, повалилась на колени, упала на бок. По телу колдуньи пробежала золотистая искра, и Вероника исчезла.

Аризел поднял кубок с травы и сунул себе за спину, там у него был небольшой рюкзачок.

...

Сначала Вероника увидела бархатное звездное небо. Было холодно.

Она лежала на каменных плитах у самой Кремлевской стены. Рядом, чуть правее, находилась Сухаревская башня.

Вероника поднялась, вспоминая, что видела в кубке. Она была одета в какой-то черный балахон с капюшоном. Балахон висел на ней совершенно свободно, не то чтобы он был очень велик, просто Вероника стала худа телом до безобразия. Одни ребра и кожа, как говорится.

Вероника посмотрела на свои руки и передернулась от отвращения. Ручки, как спички, и кожа на этих спичках болталась серая, морщинистая, сухая. Ах, да, вспомнила Вероника, ведь в формуле Пути говорилось про старуху, то есть ей предстоит пройти Путь в образе старухи. Хорошо еще, что не в образе сифилитички с провалившимся носом или прокаженной.

Все-таки мог бы видок у нее и лучше быть, посетовала Вероника. Бывают же старушки с круглым приятным личиком, а она превратилась в безобразную старую каргу.

У своих ног Вероника увидела косу на длинной рукоятке. Она взяла косу в руки. Эта игрушка для нее предназначалась, что тут неясного. Не крестьянин же на телеге проезжал и ее обронил. В формуле Пути,

правда, упоминалось про секиру, а не про косу, но то просто образное сравнение было, на практике всегда все оказывается прозаичней.

Этой косой она должна была убить старика в башне.

— Женщина! Бабуля!

Вероника оглянулась.

К ней бежал человек в штатском. Гэбэшник, кто же еще.

Вероника подошла к башне и постучала о ее стену обухом косы. Немедленно на каменной кладке проступили контуры двери. Вероника открыла черную, словно из почерневшего дерева дверь, и вошла в башню.

Гэбэшник с разбегу чуть было не вмазался в стену.

Но ведь тут только что была дверь!

Изумленный, он ощупал стену руками и даже носом в нее потыкался.

Да что это он? Откуда здесь могла взяться дверь? Никакой двери здесь сроду не было.

Гэбэшник, молодой парень, запаниковал. Он должен был немедленно сообщить о проникновении в Кремль старухи с косой, но что он сообщит, что старуха прошла сквозь стену?

Не веря самому себе, он еще раз ощупал стену. Ругая на чем свет стоит собачью службу, парень попался на прежнее место, в темноту.

Пока гэбэшник удивлялся и ругался, Вероника тихо-тихо поднималась по каменной витой лестнице. На стене в железных скобах были закреплены факелы. Факелы горели неярким синеватым пламенем, вероятно, огонь поддерживался колдовством.

В конце лестницы Вероника увидела такую же деревянную дверь, как и та, что находилась внизу. Войдя в дверь, она оказалась в небольшой круглой комнате без окон.

В центре комнаты за столом сидел старик, тот самый, который виделся ей в кубке.

Он был красив, этот старик. В строгих чертах его лица сквозила внутренняя сила, густые белые волосы

ниспадали ему на плечи, борода волнами опускалась на грудь. Теперь Вероника разглядела его одеяние: это был не саван, а расшитая петухами по рукавам и вороту длинная белая рубаша без пояса. В фигуре старика ничего не было немощного, он был широк в кости, мускулист.

Входя в комнату, Вероника поймала последнее движение старца: он задеггивал занавеску, за которой нахотились какие-то полки. Кроме стола со стулом и этих полок, в комнате стояли два шкафа и кровать, причем вся мебель кучковалась в центре комнаты.

Старец заговорил, показывая белые, здоровые зубы:

— Кто ты — не ведаю, а почто ты здесь, то ведаю... Триста лет я борюсь с предначертанным, триста лет... Ты видишь этот круг?

Колдовской круг Вероника почувствовала раньше, чем увидела: он не дал ей подойти к старцу. Этот круг включал в себя весь центр комнаты, так что, если бы старец собрался что-то вынуть из шкафа или взять с полки, ему не надо было бы пересекать круг. Круг был наведен красной, белой и черной краской. Снаружи его укрепляли колдовские иероглифы, как бы составлявшие дополнительный, наружный круг. Некоторые из значков Веронике были знакомы, другие она видела впервые.

— Я сплел эту стену двести лет назад, — проговорил старец, показывая на круг. — Никакая сила без моего ведома не пересечет ее, даже самая смерть... Альберт Великий, Арнольд Вилланова, Луллус, Бэкон, Тритгейм — никто не избег смерти, а я избег... Я избег!

— Посмотрим, как это ты смерти избег, — ответствовала Вероника и взмахнула косой.

Колдовской круг не оказался для косы препятствием, как Вероника и ожидала. Она не могла пересечь черту, но она могла дотянуться до старца косой.

Старик в самый последний момент пригнулся, и лезвие косы пронеслось над его пышной шевелюрой.

Промах Веронику раззадорил. Она стала наносить удары один за другим. Всякий раз старика спасала его

удивительная подвижность. Он не совершал каких-то акробатических прыжков, но ему неизменно удавалось уйти от смертоносного лезвия.

Вероника вошла в азарт. Она вспотела, коса так и перхала в воздухе. К сожалению, противный старик все никак не хотел расстаться со своей головой, да и вообще, он очень тщательно берег свою кожу.

Колдунья махала косой, пока та не стала выпадать у нее из рук. На теле старика, между тем, не было ни единой царапины.

Задыхаясь, Вероника оперлась на рукоятку косы. Она была колдуньей, но на этом Пути она не обладала коловской силой, а вот старик наверняка был силен в колдовстве. Что же ей делать? Сама коса никакой силой не обладала, коса двигалась только под воздействием ее рук.

Раскрасневшийся старик, блестя глазами, проговорил:

— Тебе меня не уловить, внимли, жено... В круте — мой поля, так-то. Теперь слушай, что скажу. Закинь свое дурная, да ко мне ступай! Чаю, не старуха ты вовсе, а! Путь тебе все одно не пройти.

В том, что говорил старик, был резон. Вероника никак не могла угнаться хилыми старушечьими руками за таким бодрячком, это она поняла. То есть у нее не было сил пройти Путь до конца. И значит... Что она может сделать? Наверное, она могла бы прямо из Биини вернуться к себе домой, но при этом она так и осталась бы старой каргой. Она могла бы застрять на Пути, то есть остаться на этом самом месте махать косой. Возможно, в этом случае она прожила бы здесь, в Биини, вечность. Или и здесь время текло для нее, то есть, в любом случае, в этом старушечьем образе ей оставалось жить совсем немного? Этого Вероника не знала. Старик предлагал ей способ свернуть с Пути, способ, который без его помощи она не смогла бы осуществить: он предлагал ей войти в круг к нему. Без мысли, разумеется. Это дало бы ей вечную жизнь и веч-

ный секс со старцем, потому что в своем круге старец как будто сумел избежать силы времени. При этом она принуждена была бы расстаться со своими прежними мечтами.

— Ты сможешь меня омолодить? — спросила Вероника.

— Старую кость сменять на молодую? — старик расплылся в улыбке.

— Ты будешь прекраснейшей из жен, яхонт мой лазоревый!

За двести лет старикашка, вестимо, изголодался по бабе.

— Я иду к тебе, — сказала Вероника и попыталась перешагнуть черту, но ее нога ударилась о невидимую преграду.

— Косу оставь, прелестница! — проворковал старик. Вероника послушно положила косу на пол.

Она встала у самой черты, морща и без того сморщенное, как печеное яблоко, лицо.

— Иди же ко мне, ягодка! — И старик, похотливо оскалившись, протянул к ней руки.

Вероника не сдвинулась с места.

— Иди же! — повторил старик. — Теперь можно, мой круг пропустит тебя!

Она вытянула руки вперед, как бы желая по-любовному взять старца за руки, но за черту не поспешила переступить.

Старик, возбуждись до крайности, протянул руки к самым ее рукам.

Вероника протянула руки за границу, обозначенную кругом, и взяла старика за руки со всей нежностью, на которую была способна.

Внезапно она что есть силы сжала кисти старика и рванула его к себе.

Веронике в ее немощном теле, конечно, не удалось полностью перетянуть старца за круг, но кисти его рук на какое-то мгновение высунулись за пределы безопасной для него зоны.

Старец давным-давно должен был истлеть, только в колдовском круге его плоть была жива, поэтому, как только его руки оказались вне зоны круга, они рассыпались в прах.

Старец заорал не своим голосом. Махая культиками рук, он повалился на спину и завертелся волчком. Потерял разум от боли, бедняга.

Вероника немедленно воспользовалась ситуацией. Вымах косой — и голова старца покатилась, кровавая пошла.

Выкатившись за черту круга, величественная голова в миг истлела. Серый череп пустыми глазницами уставился в вечность, которую старый колдун так хотел увидеть, но так и не увидел.

В круге осталось лежать обезглавленное тело старца. Какое-то время оно сохраняло вид свежего трупа. Закалывания старца оказались настолько сильны, что его колдовство не исчезло немедленно, как только он умер, как это обычно бывало. Колдовство круга держалось, наверное, с минуту, а потом круг взялся дымным пламенем. Обезглавленное тело превратилось в серый, местами осыпавшийся скелет.

Вероника против женского любопытства не устояла, подошла к шкафам и заглянула в них.

Один из шкафов был весь забит книгами, во втором Вероника обнаружила тарелку с наполовину съеденной крысой. Очевидно, старик был вынужден поддерживать свои силы не одним только колдовством.

Вероника отдернула занавеску, которую при ее появлении поспешно задвинул старец.

За занавеской находились две полки. На верхней лежали грудой человеческие кости вперемешку с черепками, на нижней Вероника увидела ржавые косы, детских два-три.

Понятно, это были косы ее предшественниц. А для искательниц колдовского могущества старец софрел одну за другой, не иначе. Вот тебе и секс под сводами вечности!

Вероника вышла из кельи, оставив там более не нужную косу. Колдовской путь она прошла до конца, ей оставалось только руку к колдовскому мечу протянуть.

Опустившись по лестнице к основанию башни, Вероника раскрыла деревянную дверь. И сразу на ее глазах одна из каменных плит, выстилавших мостовую, налилась вишневым цветом, как будто накалилась до красна.

Так явил себя горюч-камень Алатырь.

Вероника подошла к плите. С ее приближением плита сама приподнялась и сдвинулась с места.

На месте, где только что лежала плита, блистал прямой меч с простой черной рукояткой. Вероника взялась за рукоять меча, и по лезвию побежали огненные знаки, освещая колдунью неровным светом.

Вместе с мечом Вероника исчезла.

Тут только два гэбэшника, на глазах которых все это происходило, подняли тревогу.

Через час обоих парней отправили повышать квалификацию в психушку.

Это было то самое место в Битцевском парке, откуда Вероника начала Путь, выпив Напиток Входа. Только теперь не кубок был у нее в руке, но огненный меч-кладенец.

С опаской девушка осмотрела себя и облегченно вздохнула. Она была прежней Вероникой, от той ужасной старости не осталось и следа.

Тут она услышала голос:

— Неплохо, неплохо, молодая ведьмочка! — Аризел, выступивший из темноты, одобрительно кивал ей. — Теперь — мечь, да?

— Мечь! — Вероника взмахнула мечом.

— Я тоже даром времени не терял, за нашим новым приятелем присмотрел. Он теперь не дома.

— Где он?

— По вокзалу шляется. Есть у него мода такая,

шагаться на вокзал по ночам. Что призадумалась? Такси тебе не потребуется, не беспокойся! Садись на меня! Вероника уселась демону на плечи, и тот взмыл в воздух.

• • •

Губная гармошка в руках худенького мальчишки заливалась смехом, озорно подсвистывала. Только что вприсядку не шла. Чурзин слушал эти звуки и — нет, он не плакал, родники его сумеречной души были давным-давно выжжены человеческой кровью, — но комек подкатывал у него к горлу, он сильно стискивал руки, и острые вурдалачьи ногти вгрызались в сверхпрочную вурдалачью плоть.

Рядом с худеньким мальчиком веселились трое пацанов. Пацаны в карты резались, балагурили, пересылая речь матом. Мальчику они не мешали, а если бы Чурзин увидел, что они мешают ему, он бы загрыз их всех.

Вурдалак не заметил, как в воздухе замерцало белесое кольцо, огромное кольцо, объявшее и его, и мальчишек-бродяжек, и часть железнодорожного полотна. Кольцо плавно опустилось на землю.

Это кольцо было творением Вероники и ее колдовского меча. По совету Аризела, Вероника, крепко держась за демона, острием меча провела в воздухе линию, которая зримо и проявилась этим мерцающим кольцом.

Теперь вурдалаку некуда было деться: ничто живое не могло пересечь линии, на тонком уровне являвшейся как бы лезвием меча-кладенца, кроме хозяина меча, пока сам меч находился в ограниченных этой линией пределах.

Перед тем как опустить Веронику на землю, Аризел проговорил:

— Я потратил кучу энергии на помощь тебе, так что не подведи!

— Даже с этим мечом я могу проиграть?

— Меч хороший, я не про меч. Упырь — мужчина видный, а женщины...

— Дурак ты, хоть и демон!

Демон опустилсЯ прямо напротив Чурзина. Соскочив со своей «лошадки», Вероника ожгла вурдалака взглядом и взмахнула мечом.

— Аризел! — с ненавистью прохрипел Чурзин.

Демон рассмеялся ему в лицо и взмыл в воздух.

Вурдалак сразу узнал девчонку, ту стервозу-кошку, едва не отправившую его на тот свет. Узнал он и огненный меч, на заре человечества выкованный древними силами, прародителями колдовства.

Надо шкуру спасать, что тут непонятного!

Чурзин попятился назад — и уперся в холодную, как сталь, стену.

Тут только он увидел колдовской круг, прочерченный Вероникой острием меча.

Вурдалак захохотал. Его голос перекрыл грохот проезжавшего состава.

Махорик первым из пацанов заметил вурдалака. Высокий мужчина со страшным лицом стоял напротив молодой женщины, сжимавшей в руке меч. Лезвие меча жарко рдело, по нему пробегали огненные языки, но молодая женщина как будто не ощущала этого жара.

Пацаны побросали карты, у Артема губная гармошка вывалилась из пальцев. Мальчишки заметались, разбивая плечи и лбы о невидимую преграду, установленную колдовским кругом.

Закатываясь в злом хохоте, Чурзин бросил в лицо Веронике:

— А вы с матерью похожи! Твоя мать крутилась у меня на члене, как червяк на крючке! Не хочешь попробовать?

Вероника сделала шаг. Ей стоило только рубануть мечом, и вурдалак поцеловался бы со своей смертью, но она медлила, она хотела увидеть в его бешеных глазах страх.

Резко оборвав смех, Чурзин кинулся за одним из

мальчишек. Вероника могла бы опустить меч ему на спину, но она промедлила, помня, что из круга вурдалаку все равно не уйти.

Чурзин схватил Артема в охапку, приподнял, прижал к груди.

Вероника приблизилась к вурдалаку. Теперь она видела: он боялся. Прекрасно.

— Мальчишкой загородился? — Она брезгливо сдвинула губы. — Напрасный труд! Думаешь, я тебя не достану?

Она знала, она чувствовала, что стоило ей только захотеть, и меч даже не оцарапал бы мальчишку, но убил вурдалака.

Перед тем как Вероника нанесла удар, Чурзин впил-ся своими холодными губами в обветренные губы Артема.

Вурдалак зашатался и с раскроенным черепом упал на асфальт. Вместе с ним упал и Артем, хотя меч не ударил его. Едва вурдалак поцеловал мальчика, тот потерял сознание.

Вероника еще раз ударила вурдалака мечом. Красивая мужская голова отделилась от тела.

Девушка подняла голову за волосы и с большим удовольствием швырнула куда-то за вагоны.

Довольный Аризел был тут как тут.

— Садись, — он похлопал себя по загривку. — Куда тебя?

Вероника, сжав покрепче рукоять меча, забралась на демона и шепнула ему несколько слов. Демон захохотал и прыгнул, в прыжке расправляя крылья.

Демон и его наездница давно исчезли в сером смутном небе, а пацаны все еще прятались за ржавой тележкой, в каких катают по перрону посылки. Махорик оказался самым храбрым, он первым высунулся из-за укрытия. Махорик подошел к Артему и развернул его лицом к себе.

Махорик не удивился бы, если бы увидел зеленоватое лицо трупа с тусклыми глазами, но нет, Артем

дышал, носом пузыри пускал и вдруг потянулся, как во сне.

— Пацаны, живой он! — закричал Махорик.

Пара щипков, пара затрещин, мальчишки быстро растормошили друга. Долговязый Басмачов сказал:

— Этот фраер, я думал, тебя изнасилует, а девка ему «тыкву» — чик!

— А куда вы смылись, пацаны? — засмеялся Артем.

Немного успокоившись, мальчишки обыскали труп. Бумажник с четырьмя сотнями баксов и почти миллионом «деревянных» заставил позабыть недавние страхи. Пацаны принялись шумно делить добычу. Артем уверял, что ему полагалась самая большая доля, компенсация за моральный ущерб.

С этой поры Артем стал открывать в себе удивительные способности; он видел то, что не могли видеть другие, он слышал то, что не слышали другие, он чувствовал то, что не дано было чувствовать другим. Со временем он стал догадываться, что этот дар был передан ему тем высоким страшным человеком с ледяными губами.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Красная «девятка», виляя помятым задом, неслась по горбатой, извитой грунтовке. Неподалеку деревенька Хохлушки синела узорчатыми ставнями. Находилась та деревенька в десяти километрах от Московской кольцевой.

За рулем «девятки» сидел Колька Калачов по прозвищу Калач. Рядом Генка Петрук покуривал. Генку в прошлом году из военно-морского училища выперли, ну и кликуха у него была — Боцман. Оба были парняги здоровые, плоть уж разрослась буйно, бурьянисто.

Впереди замаячил ржавый столб автобусной остановки.

На остановке никого не было видно.

— Старуха где? — спросил Калач у Боцмана и приготовился заругаться, загоношиться матерно, как же это так, кинула их старуха, но тут из полуразвалившегося козырька укрытия выползла горбатая чертовка с вислоухой.

Калач затормозил.

Бабка приблизилась к машине, сунула в открытое окно громадный нос-крючок:

— Как, соколики?

— Все на мази, бабка. — Боцман открыл заднюю дверь: — Садись. — Когда старуха влезла в машину,

Боцман поднял куртку-кожанку, прикрывавшую некий предмет, лежавший на заднем сиденье: — Он?

— Он, — подтвердила старуха, едва взглянув на мальчика.

— Куда теперь? — спросил Калач.

— Прямо поезжай.

Примерно через триста метров старуха велела съехать на еще более худшую дорогу, тут уж лихачу Калачу пришлось сбавить скорость. Боцман было взялся кочки да дорожные петли считать, но быстро бросил, скучно стало. Вместо этого парень принялся в мозгах кренделя выписывать, как старуха зелеными бумажками зашуршит и как он разгуляется, разговееется на свою долю, тут тебе и выпивка первый сорт, не какая-то самопальная рыгаловка, и закусон подходящий, и сочные бабьи ляжки.

Со старухой парни познакомились два дня назад. Случилось это так.

Старуха их у станции метро Менделеевская притормозила, ни с того ни с сего старая из толпы высунулась: «Погодьте, соколики». Калач собрался бабку шугануть, пошла-де прочь, побируха старая, но бабка, вместо того чтобы о своем убожестве рассопливиться, зеленой бумажкой, благородной баксовкой ощерилась: «Есть работенка для вас, соколики». Парни с бабкой в сторонку отошли.

У Боцмана тогда правая рука зело борзо раззуделась, хорошо бы из бабкиных пальцев, артрозом-артритом скрюченных, зеленую бумажку выхватить, и конец разговору. Неожиданно бабка сама ему зеленую бумажку сунула, такую же бумажку сунула Калачу и сказала: «Это аванс. За дело — пять тысяч баксов ваши, соколики. Идет?» — «Идет, — проговорил Калач, он всегда первым выскакивал, лидера из себя строил. — Что за дело?» Боцман думал, бабка попросит замочить кого, но старуха сказала: «Мальца одного мне доставите. Сиротку. Так что, милые, за себя не опасайтесь, никто вас за голую задницу не возьмет».

Пять тысяч баксов, это были деньги, тем более что старуха как будто не врала, баксы точно у нее подиались. Папа Калача и Боцмана, воренок из новой поросли по кличке Труба, как в прошлом году в карты проигрался, стал прижимист, когда три сотенных даст, когда четыре, и это на месяц. А что такое в наше время, да еще в Москве, три сотни баксов? Правда, жратва была его, Трубы, и Труба разрешал со своими деньгами после себя поиграть. Может, иным шестерым другого и не надо было, но Калач с Боцманом хотели сами первыми трахать девок, а башли в ресторане считать, так это вообще для мужика последнее дело.

Тут ребята со старухой и уговорились, как это будет. Она им фотку-наводку дает, они пацана куда надо привозят, и чао какао.

— Через час езды со старухой Калач проворчал:

— Далеко еще?

— Скоро, соколик. Скоренько уже.

Машину хорошо тряхнуло.

Калач буркнул:

— К черту лысому на рога едем, что ли.

Старуха, однако, не солгала, старая сучара. Еще мальчишко Калач попетлял, а там избушка среди сосенок показалась. Не то избушка, не то старый сарай с окнами без стекол, почерневший от старости сруб.

Старуха вошла в избушку первая, за ней — Боцман с мальчиком на руках и Калач. Здесь всюду веяло запустением: провалившийся пол, голые стены, паутина по углам, бурьян выше окон.

Старуха приказала положить мальчика на лавку, затем проскрипела:

— Расчетец получите.

Она извлекла из юбок безобразно толстый кошелек, вынула оттуда пачку «зеленых», отсчитала из пачки пятьдесят сотенных. Эти деньги старуха положила на стол, остальные, а в пачке еще оставалось не меньше, пунула обратно в кошелек.

— Берите и уматывайте, — она острым раздвоенным подбородком показала на баксы.

Парни переглянулись. Кошелек у старухи был полнехонек...

Старуха стукнула по столу костяшками пальцев, и тут на стол прыгнул большой черный кот, которого до этого не видно и не слышно было. Котяра выгнул спину дугой, задрал хвост возбужденным penisом и зарычал громко и утробно. Этот рык, если не видеть его источник, можно было бы посчитать за голос тигра или льва, так грозен и страшен он был. Немедленно смолк стук дятла, заткнулась кликушествовавшая в отдалении кукушка, после мгновения обморочной тишины испуганно застрекотали сороки.

Калач быстро взял деньги со стола, и парни вышли из избушки.

У колдуньи было все готово: на подоконнике стоял чугунный горшок, откуда старуха вынула две глиняные фигурки и вязальную спицу. Рядом с горшком на подоконнике стояли блюдце и пузырек. Старая плеснула в блюдце коричневой жидкости из пузырька, подула на жидкость, и муть разошлась.

В водном зеркале показалась красная «девятка», та самая, с Калачом за рулем. Старухе пришлось подождать, пока парни на трассу выберутся.

Когда Калач хорошенько разогнал машину на гладком асфальтовом покрытии (дорогу содержали в порядке, по ней президент на одну из своих подмосковных дач катался), колдунья спицей проткнула глиняную фигурку Калача. И не куда-нибудь, а в то место чертовка ткнула спицей, где у человека находилось сердце.

В этом колдовстве невозможно было непосредственно колдовским действием убить человека, однако кратковременная потеря сознания, обморок спицей устраивались вполне.

Калач отключился, «девятка» вылетела на встречную полосу движения и лоб в лоб столкнулась с «КамАЗом».

Расплющенная легковушка кувыркнулась в придорожную канаву. На стеклах машины колдунья увидела кровь. Однако «девятка» не загорелась. Так что стоило проверить, как там бандобратья, вдруг да остались живы.

Старуха взяла фигурку Калача и быстро установила ментальную связь между объектом и его глиняным подобием. Фигурка рассыпалась у нее в руке. Калач был мертв. Старуха взяла другую фигурку. Бойцман еще держался. В результате столкновения он получил сотрясение головного мозга с переломом основания черепа, ну и множественные переломы ребер вдобаши. Его можно было спасти, но старуха совсем не желала его спасения. Колдунья колола спицей фигурку Бойцмана, пока та не развалилась у нее в руке.

Теперь оба бандита были мертвяки, и тем самым ниточка, которая велась к похищенному мальчику, оборвалась.

Время заняться пацаном, подумала Серебрякова.

Варвара Степановна взяла со стола плошку с воском, растопила воск огнем свечи и подошла с плошкой к мальчику. Она взяла руку мальчика и, несмотря на его противодействие, на мгновение коснулась его ладонью поскowej поверхности. Колдунья долго вглядывалась в застывающий воск, кривя губы, затем вернула плошку на стол и вынула из-под лавки большую бутылку, в которых по деревням держат самогон. Серебрякова вынула кляп у мальчика изо рта, но развязывать его не стала.

Мальчик закричал, то повизгивая, то теряя голос от страха.

Старуха обмотала пальцы носовыми платками и раскрыла мальчику рот, раздирая ему губы. Несмотря на дрыганье и кашель пацана, Серебрякова влила в него со стакан темной жидкости. Остальное содержимое бутылки попало мальчику за воротник, а частью — на изъеденный короедом пол избушки. Впрочем, того, что попало в мальчика, было достаточно для ее дела.

Мальчик подрыгался-подрыгался и закатил глаза. Серебрякова развязала мальчика. Теперь можно было развязать.

Варвара Степановна Серебрякова села на лавку и принялась ждать.

Это был Женя Сафронов. Серебрякова не выпускала его из виду с того дня, как спасла его от рук преступной Глафиры. Колдунья по три раза на день смотрела в блюдце, как там он, что ему предстоит. И блюдце показывало ей отнюдь не радужные картинки.

На следующий день после смерти Сафроновых, Максима и Надежды, Серебрякова увидела в блюдце: через двое суток их сын, Женя Сафронов, должен был погибнуть в автомобильной катастрофе. Серебрякова увидела, как это должно было произойти: мальчик переходит дорогу по «зебре», водителям — красный свет, но это же не для всех светофоры установлены. Николай Алексеевич Растопшин, сынок генерального директора нефтяной компании «Капустойл», сроду на красный свет не останавливался. Короче, директорский сынок мальчишку по асфальту размажет, увидела Серебрякова в зеркале.

В отличие от того случая с толстушкой Глафирой, теперь у Серебряковой было достаточно времени, чтобы действовать.

Тут было несколько вариантов. Она могла появиться у перекрестка незадолго до того, как к перекрестку подкатит директорский сынок на синей «БМВ», она могла просто схватить Женю Сафронова за руку и держать, пока Растопшин не проедет. Но это означало лишь избежать опасности. Избежать, а не устранить ее. Однако следовало именно устранить, уничтожить опасность. Серебрякова еще не видела восковую Карту Судьбы мальчика, но интуиция подсказывала ей: здесь было непросто.

Иногда смертельную опасность можно устранить, принеся кровавую жертву, иными словами, подставив вместо одного под косу Смерти другого. В прошлый

раз, соображала Серебрякова, возможно, ей следовало бы приказать демону убить Глафиру, а не просто ответить смертью от мальчика. Тогда бы, глядишь, Женю Сафронова и не подстерегала бы опасность в виде синей «БМВ».

Ладно, ничто, зато теперь она не оплошает, подумала колдунья.

Серебрякова затребовала у зеркала Кольку Растопшина, пусть крупным планом покажет. Установив магическую связь с Растопшиным, Серебрякова, поглядывая в зеркало, вылепила из глины его маленькую копию.

С Растопшиным она обошлась тем же манером, как и с Калачом. Когда на другой день Николай Растопшин как следует разогнал машину, колдунья тыкнула спицей в его глиняную фигурку. Машина — кувыркком, Растопшин — кувыркком и насмерть. Хрупкая человеческая плоть.

С этой опасностью для Жени Сафронова Серебрякова справилась, а на следующей неделе оказалось, что мальчика теперь поджидала другая опасность, в виде нового бульдозериста. И этого мужика Серебрякова отправила на небеси, пусть там опохмеляется.

Не прошло трех дней — новая напасть. Женю пригласил Григорий Васильевич Алафердяев, учитель физкультуры, маньяк-извращенец. Когда Серебрякова увидела в зеркале Алафердяева, он уже нож и веревку приготовил. Алафердяев связывал мальчиков, насиловал, потом по тонкому мальчишечьему горлышку ножиком — чик. За три года маньячества Алафердяев убил шестерых, Женя Сафронов должен был стать восьмым.

Убить маньяка при помощи его глиняной фигурки не представлялось возможным: Алафердяев не был автолюбителем, кроме того, его глиняная фигурка просто не делалась, Серебрякова попробовала. Такой вариант смерти маньяка, через колдовство над его глиняной фигуркой, предопределением не был предусмотрен. Пришлось Серебряковой выехать на место.

Колдунья дождалась маньяка у его дома и вынула его след. Хотя тут проблемы не возникло, как раз накануне дождь прошел.

Григорий Васильевич Алафердяев умер от грибка дерматофита. Представьте себе, такое оказалось возможно. Болезнь началась с ног. Кожа на подошвах у маньяка растрескалась, пошла пузырями, вскоре стала отставать лемехами, обнажая голое мясо. Что ни пробовали доктора, ничего не помогло, даже ламизил хваленый не подействовал. То есть, может, ламизил и подействовал бы, только времени ему не хватило. Сегодня у маньяка стопы занялись, завтра ноги пузырями пошли, а послезавтра со всего его тела кожа слезла, и грибок на глаза перекинулся. Мгновенно присоединилась вторичная инфекция, а дальше — сепсис и смерть.

Только Серебрякова с маньяком разделалась, не успела передохнуть, как новая беда высветилась. Женя должен был на следующей неделе заразиться желтухой и через десять дней в инфекционной больнице умереть от печеночной комы. Теперь и ему стало бы ясно: предопределение не на шутку за Женю Сафронова взялось. Про такое говорят: видно, ему на роду написано в малолетстве умереть.

Оторвав взгляд от маленького гробика с детским тельцем, показанного зеркалом со всех сторон, Серебрякова задумалась.

С судьбой трудно было бороться, но ее можно было обмануть. Это если умеючи подойти, конечно.

...Сидя на лавке, Серебрякова стала дремать. Как же она за последний год ослабела по-стариковски, а-а-а... Она почти что уснула, когда кот разбудил ее раздражающим мяуканьем.

Женя сидел на лавке и тер глаза. Увидев перед собой Бабу Ягу, он сильно вздрогнул.

Баба Яга ласково проговорила:

— Женя, внучек, как ты? Головка уже, поди, не болит?

— К...кто ты?

— Я — родная твоя бабушка. Вспомнил?
— А мама где?
— Эх, внученок ты мой родненький... — Старуха слезливо сморщилась. — Умерла твоя мама, Женечка. И папа умер. Одна я, старая бабка, у тебя осталась. И ты у меня один.

Мальчик наморщил лобик.

— Не помню... От чего моя мама умерла?
— От рака. Такая болезнь неизлечимая.
— А папа?
— Выпивал твой папа, сынок мой. Крепко выпивал. А как мама твоя померла, совсем спился. Ну и замерз зимой на улице, сердяга.

Женя тряхнул головой. У него в голове клубились какие-то смутные образы: высотный дом, доска с мелками в школьном классе, воздушные шарики... И ни одного человеческого лица.

Мальчик заплакал.

Старуха подошла к нему, обняла за плечи.

— Ты в аварию попал на дороге, сильно головку расшиб, — она пояснила. — Только сейчас маленько начал в себя приходить, а то ведь даже не разговаривал. — Серебрякова погладила мальчика по голове.

— Как меня зовут-ут? — прохныкал Женя.

— А зовут тебя Женечка Серебряков, я — твоя бабушка, Варвара Степановна, а идем мы ко мне домой. В деревне поживешь покамест. Ты у меня большой вырастешь, на коровьем молочке. Есть хочешь?

Мальчику есть хотелось очень.

У предусмотрительной старухи в узелке были припасены два больших пряника с корицей и бутылка с ароматом, водочная этикетка на стекле.

Пока мальчик подкреплялся, Серебрякова растопила воск в плошке. Как бы невзначай она сказала:

— Дай-кось руку, внучек... Не бойсь, не обожжешься.

Колдунья взгляделась в отпечатавшийся на воске контур маленькой руки.

В толще воска нарисовалась человеческая фигурка. Это была фигурка мальчика. Теперь ни над фигуркой, ни под ней, ни сбоку, нигде не было видно зловещей руны смерти, двух скрещенных кос. В результате колдовства Серебряковой Женя Сафронов не только память потерял : внешний слой его ментальной оболочки изменился, и теперь мальчик оказался как бы потерян для его несчастливой судьбы.

До поры до времени о мальчике можно не тревожиться, подумала Серебрякова. О Жене не стоило тревожиться, пока в нем не заговорил бы самец. Там уж наведенные старой колдуньей тени не устоят... Но это когда еще будет.

— В деревне хорошо... — проговорила старуха. — Воздух свежий, по грибы с тобой будем ходить...

— А речка там есть?

— Есть, есть...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Варвара Степановна Серебрякова была родом из подмосковной деревни Перепелкино. До сорока лет Серебрякова жила в деревне, потом померла ее мать-колдунья, и Варвара Степановна подалась в Москву. Серебрякова изредка навещалась в деревню, неделю-другую скучала в их старом доме, укрепляла колдовством бревенчатые стены, чтобы короед не очень лютовал, и — опять в Москву.

Серебрякова подготовила дом к появлению мальчика: хорошенько прибралась, дедушке домовому строго наказала покамест на глазах не появляться, чтобы ребенка не испугать, кое-что из ребячьей одежки купила. И соседей колдунья подготовила. Все знали, Серебрякова внука-сироту привезет, деревенским молоком отпаивать, мать мальчика от рака загнулась, а отец, Серебряков-то, через свое пьянство смерть принял.

Вот и привезла старуха внучка.

Документы у мальчика были в порядке, один знакомец из органов, давний клиент Серебряковой, такие корочки соорудил, не подкопаешься. Женя, как в деревне появился, сразу в школу пошел. Нечего мальчику просто так болтаться, рассудила старуха. В Перепелкино была школа-девятилетка, в одной комнате сразу три класса занимались.

Женя начал оживать помаленьку, и Серебрякова другой заботой занялась.

Какой-то Сычев, новый русский паразит, купил близ деревни участок в полтора гектара и на участке дворец построил в семьдесят комнат. И надо же такому случиться, через участок Сычева проходила линия электропередачи. Для здоровья такое соседство, известно, небезвредно. Мослаков, доверенное лицо и приживал Сычева, наведаясь к сельскому голове. То есть эта должность «глава администрации» называлась. Чиновник заерзал, то да се, никак нельзя линию перенести. Мослак пошуршал зелеными бумажками, и тут оказалось, что хотя линию никак перенести нельзя, однако, если она сама перенесется, то это можно. Мослак линию и перенес. Заборы кое у кого сломал, столбы по огородам понавтыкал, и все в один день, могут же наши работать. Людишки — к Сергею Никандровичу, сельскому голове. Была суббота, и Сергей Никандрович как на грех на выходные в Москву к дочери укатил.

В понедельник Сергей Никандрович руками развел столбы уже переставлены, значит, теперь ничего не поделать. Его указания на этот счет не было, вот бумажки, можете проверить. Назад столбы переставить? А деньги у администрации где? Это удовольствие миллионов в двадцать обойдется, а то и поболее. Отключить электричество и повалить столбы? Обесточить полрайона? Да тут по иску столько насчитают, по миру пойдешь и еще должен будешь. Нет, самоуправничать — ни-ни. Если какие претензии имеете, граждане, в суд подавайте.

Но ведь чтобы судиться, это какие деньги надо.

Пошумели-пошумели Летушинские, Гуськовы, Тузиковы и Пуговкины, пошумели да затихать начали. Мужики пили три дня, бабоньки желчью плевались, пока всю не выплевали. Одна шибко грамотная, бабка Макариха, письмо Президенту накатала. Так мол и так, Батяка Батькович, что за фулиганство, а сельский голова ни мычит, ни телится. Через две недели — ответ из Администрации Президента. Гражданка такая-то, Ваше письмо отослано туда-то для принятия мер. Уселась Макариха этих мер ждать, и сидеть бы ей, пока пролежень не насидела бы, но тут дед Макар, супружник бабкин, скулить затеялся. Старинушка без обеих ног бедовал, облитерирующий эндартериит, прокурил ноги дедушка, ну и — то воды подай, то на судно усади.

Бригада шабашников завернула линию электропередачи так, что та линия и через подворье Серебряковой прошла.

...

Александр Фролович Сычев, президент компании «Дог-Пинчер», на свою усадьбу в Перепелкино наезжал не часто, у него в Подмосковье еще два таких замка топорщились, если не круче, да шесть квартир в центре Москвы у Александра Фроловича имелось. Линию электропередачи перенесли весной, в марте, а Александр Фролович на свою перепелкинскую «дачу» впервые в этом году наведлся в июле.

Александр Фролович приехал в Перепелкино не один, с женой и пятилетней дочкой, еще челяди там душ с двадцать наберется.

Как-то Сычев развлекался с Мослаком, официально числившимся тренером Сычева по бильярду и на деле являвшимся начальником охраны и порученцем Сычева. Сычев с Мослаком катали шары в бильярдной, в то время как жена Сычева с ребенком и нянькой в саду пускали мыльные пузыри. Александр Фролович глотал холодное пиво, когда в дверях раздалось:

— Это который тут за хозяина будет?

Повернувшись, Сычев увидел горбатую старуху с клюкой. Зачем сюда пропустили старую? Александр Фролович бросил беглый взгляд на Мослака, что-то там твои ребята напортачили, старина. Мослак положил кий, взялся за кобуру. Сделав Мослаку знак обождать, Сычев поинтересовался:

— В чем дело, бабуля?

Серебрякова глянула в лицо упитанному, лоснящемуся мужчине в тренировочном костюме и проговорила:

— Твои остолопы провода через мой огород пропихнули. Вели им обратно провода вертать, вот что!

— Какие провода?

Александр Фролович, младенец невинный, действительно и знать не знал про какие-то там столбы с проводами. В прошлом году его жена, Лиля Никодимовна, ишмавилась, надо эти штуки отсюда убрать, Мослак и взялся за дело.

Мослак угрюмо разъяснил про столбы, такое, дескать, дело, бабка и загоношилась.

Старуха стукнула клюкой:

— Назад провода вертай!

— Сейчас повертаю, — буркнул Мослак и достал трубку радиотелефона. Сейчас он кликнет ребят, некому же ему бабку за шиворот за ворота вытаскивать.

Серебрякова посмотрела-посмотрела, как Мослак номер набирал, а тот все не набирался, и сказала:

— Только ты не тяни с проводами-то, Сычев Александр Фролович, а не то я не пошучу.

Старуха вышла из бильярдной.

Вели бы Мослак вздумал прямо сейчас переломать бабке кости, у него это получилось бы, Серебрякова была колдуньей естества, она не обладала колдуньей силой немедленного действия. Однако Мослак оторопел от такой старушечьей наглости, тем самым дав возможность Серебряковой благополучно

убраться — не избитой, не изнасилованной, не прогнанной взашей.

Позже выяснилось, почему старуху не тормознули охранники.

Каким-то образом старуха сумела войти во двор усадьбы Александра Фроловича, хотя калитка была заперта изнутри. Охранники, три лысых парня, заметили ее, когда старуха уже плелась по посыпанной речным песком дорожке ко входу в дом. Один из охранников, по кличке Рябой, детина с придурью, возьми и скомандуй овчарочкам: «Взять!», и на бабушку показал. Зачем бабушка забрела на чужое подворье? Там, у двери в ограде, пипка звонка кукишем торчала, стоило старрой позвонить, и ей объяснили бы, не туда она толкнулась.

Собаки до старухи добежать добежали, но ее не тронули. Добежали, и обратно понеслись. С пеной у рта псы принялись обрывать штаны на парнях, так что беднягам пришлось на деревья забраться, а Рябой на забор залез.

Телохранители Сычева спасались от собак на верхотуре, пока старуха не убралась. Собаки проводили старуху до самой калитки, махая ей хвостами, а потом будто пришли в себя. Брюхами по земле заползали, подняли скулеж, предатели.

Всех четырех псов Мослак велел пристрелить.

Александр Фролович Сычев был человек не только справедливый, но и в высшей степени жалостливый. Мослаку он попенял, что же это ты так с моими соседями обошелся, и велел выдать каждому из пострадавших по миллиону рублей компенсации (по миллиону на двор, а не на человека, разумеется). Старушке-бабушке Сычев поначалу хотел два миллиона выделить, но как услышал, что она непонятным образом его собак с ума свела, распорядился Серебряковой ничего не давать. Милосердие милосердием, но до определенных пределов же, черт бы эту старую клюшку побрал.

Сатанисты в Москве объявились на закате советской власти, собрались два десятка оболтусов от четырнадцати до двадцати пяти и давай на старое кладбище в Ново-Сбруево шастать. По деревням сатанизма, наркоты меньше, там пьянство в основном, поэтому деревенские в Ново-Сбруево стали всего с год как наезжать.

Заделались сатанистами и четверо перепелкинцев. Двое, Славка Дымков (Дымок) и Колька Цыплаков (Цыпа) мальцы еще, только девятилетку отсидели, двое — ребята постарше, после армии, Серега Родимцов (Серый) и Генка Харютин (Харя). Так-то, в прежние времена, Серый с Харей и Дымок с Цыпой тискали бы титышки девчонкам, подолы бы девчоночьи на сеновале обрывали, и никакого тебе сатанизма, да по нынешнему времени девчат в деревне мало было, подходящего возраста всего только две, Руковичкина и Метелкина, дурищи еще те. Ведь как оно выходит, поедет девчоночка в Москву учиться, в ПТУ, и назад уж не вернется, отсюда сатанизм. Отсюда, да еще от безделья и дурости.

Сатанисты нескучно время проводили, до полуночи на мотоциклах по Москве гоняли, а как время к полуночи, на кладбище в Ново-Сбруево неслись. В иные дни на кладбище сто человек с лишком собиралось, сатанистов-то. Сатанисты наркоманией занимались, на могильных плитах секс делали, и обязательно сжигали на огне одну-две черные кошки. Как-то один сатанист, из музыкантов, сказал, в полночь надо обязательно девственницу прободать, и чтобы кричала. Идея понравилась, только девственницу раздобыть не удалось. Где их искать, девственниц, в детском саду, что ли.

Пострадавшие, которым заборы разворотили, сычужные деньги, по миллиону на семью, встретили с воркотней, что в наше время миллион деревянных, ерунда.

Однако деньги все взяли. Старик Тузиков ворчал больше всех, однако когда бабка принесла ему из аптеки новый мочеприемник, старинушка не смог скрыть довольной улыбки.

Только Серебрякова не получила ничего, потому как сычевских собак испортила. Да она бы тех обидных денег и не взяла.

Как только стало ясно, что Сычев не собирался убирать столбы с проводами с чужих участков, Серебрякова начала действовать. Убивать Сычева ей было ни к чему, между ней и Сычевым не было крови, а были лишь сычевские гордыня и дурь. Серебряковой не смерть Александра Фроловича требовалась, но чтобы он столбики убрал с ее участка-то.

Спит Александр Фролович Сычев ночью с женой, шторы белого атласа на окнах, кроватью прямиком из Парижа на самолете доставлена, и вдруг слышит, кто-то говорит ему в ухо. Голос неприятный, и слова какие нехорошие...

Александр Фролович проснулся.

Сычев затряс головой, отгоняя страшное видение. Видение и не думало исчезать. Как будто и не видение это было, а самая вразумительная явь.

Прямо перед лицом Александра Фроловича полыхал обруч вроде тех, через которые в цирке собачки прыгают. В обруче морщилась безобразная старушечья голова.

Это была голова той самой старухи, из-за которой пришлось перестрелять всех собак.

— Признал?

Голова насмешливо кашлянула.

— Говорила я тебе, непутевому, столбы переставить, а ты? Что же мне с тобой делать, пакостником таким, убить, ослепить или только кастрировать?

— Не надо меня кастрировать, — еще пуще испугался Сычев. — Да переставлю я столбы... Что там, виноват, извините... переставлю...

— Три дня сроку даю. Ты слышал? — Старуха

поставила узловатый палец с длинным желтым ногтем на Сычева. — Три дня!

Пламя вспыхнуло, заслонив собой старушечье лицо. И тут же огонь сжался в одну точку, и с легким хлопком эта точка исчезла.

Сычев затрясся, затыкал жену крепким локтем:

— Вера! Вера!

Вера Алексеевна Сычева, баба крупная, мясная, принесшая Сычеву вместе с миллионом долларов приданного весьма полезные отцовские связи, лениво потянулась:

— Чего, Саша?

Странное видение уже исчезло, и Сычев, помедлив, буркнул:

— Ничего. Храпи тише.

Утром Александр Фролович велел навести справку об отыскательной старухе. Про свой ночной кошмар он решил никому не говорить, даже Мослаку. В понедельник Мослак доложил:

— Бабы болтают, бабка эта, Серебрякова Варвара Степановна, с нечистым знается. Колдовством занимается, то есть. А проще говоря, не в своем уме бабка.

— Ты там ей денег дай, — распорядился Сычев, стараясь выглядеть по-обычному уверенно. — Дай тысячу баксов, чтобы не вякала.

— Тысячу баксов? — изумился Мослак огромности суммы.

Мослаку, конечно, хотелось, чтобы шеф объяснил ему причину такой жертвенности, но Сычев так посмотрел на него, что Мослак не стал ничего уточнять.

Вечером Мослак, досказав, как он лихо наехал на директора одного из московских зоомагазинов, давнего партнера Сычева и давнего неплательщика вспомнил:

— А бабка деньги не взяла, шеф.

— Какая бабка? — как будто не понял Сычев, хотя сам сразу все понял.

— Та самая Серебрякова, которая распиналась тут про провода.

Этой ночью Сычева навестила бессонница. Жена давно упражнялась в храпе, дудела на все лады, а он все никак не мог заснуть. Лежа на боку, Сычев невесело подсчитывал в уме, во сколько ему обошлась установка новой автоматической линии на его заводишке. Мыслями он то и дело возвращался к той проклятой старухе, и все-таки он оказался не готов — Александр Фролович вздрогнул, его бросило в пот, в груди у него возникло ощущение как перед обмороком, когда он услышал ее голос:

— Один день прошел, мил человек.

Голос звучал откуда-то сверху.

Сычев быстро перевернулся с правого бока на спину.

Под люстрой в воздухе висел огненный обруч с головой старухи в центре.

У Александра Фроловича перехватило дыхание.

Старуха выпростала из обруча тонкую костлявую руку. К счастью, не в сторону Александра Фроловича она протянула руку, а куда-то вбок. Старуха пошевелила пальцами, и брюки Сычева, лежавшие на пуфе у двери, слегка зашевелились. Брючный ремень выполз из брюк и, змееобразно изгибаясь, пополз к кровати. То есть к нему, Александру Фроловичу.

Сычев вжал голову в подушку. Рукой он стал нащупывать одеяло, укрыться бы с головой. Верка, как всегда, все одеяло на себя стянула.

Изящным движением ремень перебрался на кровать.

Ремень скользнул по груди Александра Фроловича, обернулся вокруг его шеи, и...

Александр Фролович заверещал тонким бабьим голосом.

Верка зашевелилась, проснулась.

— Саша, это ты? Ты чего, Саша?

Сычев дрожащей рукой ощупал шею. Никакого ремня-удавки у него на шее не было. Он щелкнул

выключателем, загорелась настольная лампа. Ремень был вдет в брюки, как полагалось, хорошо было видно.

— Сколько раз я тебе говорил, не ешь на ночь этот порошок! — страдальчески прозудел Александр Фролович. — То кукурузы нажрется, то горохового супчика!

— Ах ты засранец какой! — возмутилась баба. — На жену валишь, говно, а сам...

Госпожа Сычева долго вспоминала, как однажды после застолья Александр Фролович облевал ее в по-луног, а сколько раз он обсыкался пьяный, не перечесть. Сычев молчал, слушая расходившуюся жену и постепенно успокаиваясь.

Заснули они под утро.

Днем Александр Фролович чувствовал себя неважно, не выспался, и прикорнуть нельзя было, дела не ждали. Сычев провел во дворце совещание, принял двух чинов, распек одного регионального диллера и недоумка завбазой, сына одного нужного человечка. Воспоминания о ночных кошмарах мучили Александра Фроловича, как изжога мучает старого язвенника-пьяницу. Так что это было, явь или сон? Во второй раз уж точно был сон. Или оба раза это была галлюцинация? Обратиться психиатру? Ехать в психушку, фу... Нет, лучше он вызовет сюда, к себе психоаналитика. Болташи, психоаналитики ловко толкуют сны.

Относительно линии электропередачи Александр Фролович Сычев так никакого распоряжение и не отдал.

Перед сном он выпил две таблетки берлидорма, у жены попросил.

Заснул Александр Фролович на удивление быстро, заснул — как в темный омут погрузился, ни снов тебе, ни кошмаров.

Пробудился он в первом часу ночи, внезапно проснулся, без дремы. Только посапывал себе во сне — и так как не бывало.

Огненный обруч висел прямо перед ним, и старуха таращила на него из огня свои безумные глаза.

Старуха произнесла, пляясь на обмершего от страха Александра Фроловича:

— Один день у тебя остался, сукин ты сын! — И старуха потянулась длинными тощими руками с кривыми желтыми ногтями к его шее.

Александр Фролович потерял сознание. Когда он очнулся, ни огненного кольца, ни тощих старушечьих рук в комнате не было.

Сычев толкнул жену:

— Верка!

Ему пришлось толкнуть ее еще пару раз, прежде чем он услышал сонное:

— Ну что еще?

— Вер... Верка, какая ты дура!

— Обормот облезлый, — буркнула Сычева. Баба повернулась к мужу спиной и через минуту опять захрапела.

Первое распоряжение, которое Александр Фролович Сычев отдал утром, было: немедленно убрать столбы с проводами с участков соседей. И чтобы в один день сработали. Мослак, головой отвечаешь.

Затем Сычев велел жене и челядцам собираться, они переезжают на дачу под Люблено. Отъезд через два часа.

...

Однажды один паренек из Химок предложил: а что, братаны, давайте, как в американских фильмах. Кончай кошек мучить, раз мы сатанисты, у нас человеческие жертвы должны быть.

Братаны обрадовались новой идее, свежему дыханию мысли, так сказать. А то сколько можно по кладбищу с обгоревшей кошкой шататься. Гундосый, во-жак дедушкинцев, дурак набитый, сказал: «Давайте жребий тянуть, кому первому с перерезанным горлом быть». Братаны загудели, засвистели. Еще чего не хва-

тало, самому ногами дрыгнуть. Это и не сатанизм вовсе, а так, сопли одни. По-другому надо: жребий надо кинуть, кто жертву предоставит. Кто жертвой будет? А все равно, кто. Наверное, ребенок лучше. Там, в Библии, что-то про заклятие агнца написано.

Прикинули, а ведь это дело непростое, жертву доставить. Давайте так: не каждому жребий тянуть, а сколько у нас тут групп, пусть главарь группы бумажку тянет. Кому выпадет череп с косточками, той группе жертву и добывать. Тянуть нечего, следующим днем чтобы жертву добыли, а следующей ночью, ровно в полночь, это самое заклятие агнца будет.

Бумажку с меткой вытащил Серега Родимцев, худой парень, в наколках, под блатаря косил. Вытащил и сплюнул презрительно. Они, перепелкинцы, крутяки еще те, справятся они с этой пустяковиной.

На обратном пути перепелкинцы стали обмозговывать, кого же им на следующую сатанинскую оргию призово- чь. Дымок, Славка Дымков, низкорослый, веч- но сопливый, предложил в Москве какого-нибудь паца- на сцапать, на вокзале беспризорники кишмя кишат. Серый не согласился. На вокзалах беспризорников полно, это так, но и ментов хватает. А беспризорники — пацаны бедовые, приставишь к такому пацаненку по- ле, он еще вопить начнет. Лучше кого-нибудь из пер- епелкинских мальчишек взять, а спрятать пацана до ночи можно в старой кузнице за деревней.

Тут, конечно, такого пацана выбрать надобно, что- бы родители не очень шустрые были, немного потявка- ли, куда это мальчишка исчез, и успокоились. «Стару- ша Серебряковой внук, — вспомнил жирный Цыпа, — круглый сирота, бабка рассказывала». Сирота — это даже лучше, чем если бы у мальчишки были родители- накоголики. Бабка что, побесится немного и забудется, а может, ее кондрашка схватит, любимый внучек исчез, и это неплохо.

В этот день Женя Серебряков, как на грех, из шко- лы возвращался один, хотя он обычно шел с соседским

мальчиком-однолеткой. У соседского мальчика началась ангина, его в школу и не пустили.

Харютин и Цыплаков подстерегали мальчика у пересохшего пруда. Сатанисты в кустах укрывались, мотоциклы в траву положили, а то еще мальчишка чего заподозрит и другой дорогой пойдет, или подождет какого-нибудь попутчика постарше.

Наконец показался Женя Серебряков.

Вокруг никого не было видно, очень хорошо.

Харя с Цыпой выскочили из-за кустов.

— Стой, пацан! — басом рявкнул Цыпа. — Серебрякова — твоя бабка? Старуха за тобой послала.

Цыпа схватил мальчишку за руку, стиснул до боли худенькую ручонку и потащил к своему мотоциклу, нимало не заботясь о том, что вряд ли настоящий посланец Серебряковой так грубо обошелся бы с ее внуком.

Рядом раздался душераздирающий кошачий вой.

Васька, кот Серебряковой, всегда Женю сопровождал на его пути в школу и из школы, следуя в некотором отдалении от мальчика. Кот выполнял приказание своей хозяйки-колдуньи. Сейчас Васька не ограничился одной психической атакой: он прыгнул Цыпе на грудь, примериваясь к его горлу.

Цыплаков, вскрикнув, отпустил мальчика, стал отдиравать кота обеими руками, затем вспомнил о ноже и выхватил из его кармана. Васильку чуть-чуть не удалось добраться до крупных сосудов шеи сатаниста. Распоров коту брюхо, Цыпа отшвырнул животное далеко от себя.

Женя сумел бы убежать, будь Цыплаков один. Но ведь с Цыплаковым Харя был. Когда Цыплаков выпустил руку Жени, Харя схватил мальчика в охапку. Женя закричал. Парень зажал мальчишке рот. Тут Цыплаков освободился от кота, и лезвие ножа Цыплакова блеснуло перед глазами мальчика.

— Пикнешь — прирежу, — пригрозил Цыплаков. Цыпа выглядел страшно: по шее кровь течет, рубашка потемнела от крови. У мальчика язык и отнялся.

Харютин завел мотоцикл. Цыпа сзади сел, мальчи-
ка между собой и Харютиным зажал. Так-то можно
было мальчишку попутать и одного за Харей посадить,
но уж больно побледнел пацан, еще по дороге отклю-
чается.

...

Серебрякова, опершись о клюку, смотрела, как вы-
ковыривают столб, поставленный недавно впрытик к
ее забору, а провода по всей линии уже сняли. И вдруг
мозги старухи разорвала боль.

Перед глазами Серебряковой разлилось море ос-
лепительного огня. И на фоне цвета расплавленного
серебра старуха увидела выпуклые темные фигуры. В
один миг она осознала: ее помощника, ее Васеньки,
ее сына, уже не было на свете. Он был простым ко-
том, ее Васенька, и он был смертен. Она так и не смог-
ла, не успела сделать его ментальную сущность колдов-
ским знаком.

Серебрякова, пошатываясь, побрела в дом.

Это была минута слабости. В следующую минуту
шаги старухи обрели уверенность. На крыльцо она по-
чти избежала, разъяренно стуча клюкой.

Она желала знать подробности.

Старуха взяла бронзовое блюдо, плеснула в него
из пузырька, и ей открылось колдовское зеркало.

Кодунья хотела знать, как это было, и она увиде-
ла все: и Харю с Цыпой, и стекленеющие глаза кота
с распоротым животом, и как сатанисты увозят на
мотоцикле Женю. Усилием воли — это было непро-
стое колдовство — старуха открыла для себя мысли
Цыплакова и Харютина. Еще усилие, и она увидела
Гарай, бывшую кузницу, куда сатанисты везли маль-
чика.

Колдовское зеркало замутилось. И никакого не зер-
кало это уже было, а просто блюдо с темной жидко-
стью.

Васеньку ей не спасти, подумала Серебрякова. Труп

не оживишь. Но мальчика... мальчика она была обязана спасти.

Она должна что-то сделать, как-то выручить Женю до наступления темноты. Ночью сатанисты повезут мальчика на старое кладбище, и тогда освободить его будет куда сложнее.

А что она может сделать? Она, колдунья естества, не обладала колдовской силой немедленного действия, в отличие от колдунов силы. Слепить глиняные фигурки сатанистов и поколдовать над этими фигурками? Но чтобы сделать пригодную для колдовства глиняную копию человека, требовалось не менее двух часов. На каждого сатаниста по два часа... Восемь часов. И это в лучшем случае. Нет, это не подойдет. Еще больше времени пришлось бы затратить на наведение порчи. Проклясть негодяев? По всем правилам проклясть, с магическими жестами, с заклинаниями Проклятия? Опять, жди потом, пока проклятие подействует. И порча, хворь там какая-нибудь, сводила в могилу не в один момент.

Однако все-таки был способ для колдуна естества явить колдовскую силу немедленно.

Сила у колдуна естества как бы распространялась вширь, тогда как колдовская сила колдуна силы была собрана в единый кулак. Колдун естества мог собрать свою силу в единый кулак при помощи особой травки. Под действием этой травки колдун естества на короткое время приобретал возможности колдуна силы, буквально на несколько часов, после чего наступало резкое истощение и колдовских, и физических сил колдуна естества, иногда со смертельным исходом. То есть, можно сказать, эта травка была чем-то вроде специфического колдовского наркотика.

Звалась эта травка трава-булава. В Каталог колдовских знаков трава-булава не входила, хотя некоторые колдуны, занимавшиеся теорией колдовства, все-таки относили ее к колдовским знакам. (Тут шел спор, обладала ли трава-булава собственной колдовской си-

лени, или она только подстегивала собственную колдовскую силу колдуна. Большинство стояло за второе, поэтому трава-булава не входила в Каталог.)

За травой-булавой нужно было в лес идти, и Серебрякова, собравшись, заковыляла в ближайший лесок.

Даже сильный колдун самостоятельно не мог найти и сорвать траву-булаву, здесь приходилось лесовика просить подсобить. Со здешним лесовиком Серебрякова была знакома, все-таки она родилась в Перепелкино и немало лет прожила в деревне.

Звали его лесовик Шишковик.

Жизненное начало некоторых разновидностей души заключалось не в их телесном проявлении, а в отдаленном от их видимого тела объекте. Жизнь лесовика, как правило, была вплетена в жизнь какого-то деревни его леса. Серебрякова знала, где находилось дерево, загаданное для лесовика Шишковика, и она направилась напрямик к этому дереву. Встав в корнях столетнего липы, старуха громко и нараспев произнесла, стискивая кулаки до боли в пальцах:

Лесовик Шишковик, стань со мной рядом!

Лесовик Шишковик, окинь меня взглядом!

Лесовик Шишковик, поскорее явись!

Лесовик Шишковик, предо мной преклонись!

Так призывать лесовика имел право только мифический колдун. Ведьме Серебряковой, колдунье остова, следовало бы использовать куда более магическую формулу для вызова духа, однако более мягкая формула менее обязывала бы лесовика явиться. Паряще Степановне трава-булава была нужна немедленно, поэтому она не стала с лесовиком миндальничать.

Лесовик в это время развлекался с двумя влюбленными (иногда ему удавалось заставить за любовью троих, четверых, а то и десятерых, но на этот раз все было минимально). Поэтому-то лесовик и не почувствовал не-

медленно присутствие в его лесу персоны, обладавшей колдовской силой.

Сначала лесовик кидался во влюбленных шишках, это когда была любовь, а когда начался секс, лесовик принялся щекотать пятки девице. Девушка взбрыкнет ножками — лесовик отстанет на некоторое время, затем опять пощекочет и отстанет, и так далее. Когда парень замер с блаженным выражением лица, лесовик собрался прыгнуть ему на плечи серой одноглазой кошкой и прокричать «Ку-ка-ре-ку!» В этот момент Шишковик услышал могучий зов. И его призывали явиться не куда-нибудь, а к его сущностному дереву.

По лесу пролетел ветер, неся с собой ворох опавших листьев. У громадного ясеня ветер закрутил листья волчком — и перед Серебряковой возник лесовик Шишковик, высокий худющий дядечка с грязно-желтыми волосами, веснушчатый, сутулый, неопределенного возраста.

— Степановна?

Лесовик был немножко недоволен, могла бы Серебрякова его призвать и как-нибудь повежливее, но все-таки они были давние знакомцы, и поэтому он решил особо не пенять Варваре Степановне на ее грубость.

— Давненько не виделись. Что новенького в ваших сферах?

— Прости, Шиша, уж пришлось потревожить тебя. Траву-булаву мне надобно. Срочно.

Шишковик присвистнул.

— Траву-булаву? Скромное желание. Да ты знаешь, Степановна, сколько тебе годков-то? И помоложе тебя красавицы после травы-булавы по полгода в себя приходят. Это которые приходят, а которых и поминай как звали. Вы, люди, недолговечны.

— Мне очень трава-булава нужна. Так что, Шиша...

— Сама еле дышаешь, петрушка старая, а туда же, траву-булаву подавай!

Серебрякова насупилась.

— Ну, хватит рассуждать. Траву-булаву ты мне дашь!

— И не подумаю!

Колдунья вынула из кошелки бутылку из-под воды, наполовину наполненную какой-то жидкостью, достала из кармана спичечный коробок, сказала:

— Думаешь, я не знаю, что это за дерево? — Она показала на ясень, в стволе которого пульсировала жизнь лесовика. — А вот это — бензин и спички.

— Ты этого не сделаешь!

— Пропади ты пропадом, раз не хочешь помочь мне!

Лесовик шагнул к Серебряковой — та быстро откутерила бутылку.

Шишковик остановился.

— Черт с тобой, дурная баба! Получишь ты свою страну!

Лесовик зло затопал ногами, заплясал на одном месте, кружась. Листва под его лаптями задымилась, стала обращаться в пепел. Спустя пять минут, на месте, где отплясывал лесовик, образовался как бы выжженный огнем круг. Лесовик прекратил выкидывать колеса и, отдуваясь, нагнулся.

На вытоптанном, а вернее сказать, выжженном лесным духом участке земли зеленела одна тонкая травинка. Лесовик сорвал эту травинку и протянул Серебряковой:

— Держи свою смерть!

На месте обрыва травинки подрагивала оранжевая капля.

Колдунья поднесла травинку ко рту, сказала:

— Прости, Шиша, — и взяла травинку в рот.

Лесный шаткой походкой пошел прочь.

Серебрякова, жуя травинку фарфоровыми зубами, выжала из нее сок до последней капли, выжимок выплюнула. Старуха запила жгучий сок водой из бутылки и принялась ждать.

Не успела пройти минута, как сила явилась к ней. То есть это ее собственная сила сжалась в комок, но тут уж Серебряковой было не до выяснения причин, что произошло, почему она, сохраняя свой внешний старческий облик, стала вдруг на две головы выше, почему ее глаза вспыхнули огнем, почему ее руки уподобились двум могучим ветвям матерого дуба.

Колдунья отшвырнула клюку (та скрылась за облаками, а потом при падении чуть не убила бывшего председателя колхоза «Коммунар», ныне — директора товарищества «Сено-Силос Корпорейшн»). Теперь скорее — к сараю, где бандиты держали ее внука.

Для быстроты передвижения Серебрякова воспользовалась одной своей новой способностью, способностью к превращению.

Это выглядело так: по оврагам и пригоркам несло старушечье тело в вязаной кофте (две руки, морщинистая голова), а из юбки выходило змеиное туловище с хвостом. Местность была сильно пересеченная, заболоченная, только змеей и извиваться.

Под ясенем остались ветхая старушечья кошелка, бутылка с водой и пустой спичечный коробок.

...

В сарае Женя лежал связанный, с половой тряпкой-кляпом во рту. Его сторожил Харютин, снаружи покуривал, пиво из бутылки похлебывал (бабка Харютина вчера получила пенсию, так что деньги у него на пиво имелись). Цыпа домой погнал, йодом кошачьи царапки смазать, что-то они раззуделись у него. Пора было жирняку назад вернуться, только его почему-то не было видно. Цыпа сначала за своим мотоциклом отправился, к пруду, где они его в траве оставили. Сперли, что ли, мотоцикл Цыпин?

Услышав, как трещат кусты, Харютин посмотрел на звук. Он не понял сначала, что это. Какое странное чучело несут, подумал Харютин, слабея. Потом парень

узнал, узнал Серебрякову, похолодел, а увидев змеиный хвост, повалился на колени.

Колдунья обхватила похныкивавшего паренька змеиными кольцами и задушила страшными громадными нечеловеческими руками с набухшими венами.

Свалив труп в овраг, Серебрякова вернула себе человеческий облик и вошла в сарай.

— Женья, внучек, ах ты боже мой...

Старуха быстро освободила мальчика от кляпа.

— Бабушка!

Серебрякова развязала внука, сказала:

— Беги домой, Женья. Только не по дороге. Пойдем, я покажу тебе тропинку.

— А ты?

— Мне тут остаться надо.

— Они...

— Знаю, знаю. Не бойся за бабушку.

Проводив мальчика, старуха вернулась к сараю. Она устроилась за гущей терновника, еще не хватало спутать этих пареньков-сатанистов.

Родимцев и Дымков появились уж затемно, подкапывая на своих драндулетах. Старуху Серебрякову они не заметили. Заметили отсутствие Цыплакова и Харютина.

Дымков заглянул в сарай. Посветил фонариком, прощупал изумленно:

— Никого...

Родимцев сумрачно выругался — и увидел Серебрякову.

Он не подал виду, что испугался:

— А, бабка... Пустили кишки мы твоему коту.

Серебрякова молча вытянула вперед левую руку, которую она до этого держала за спиной. Вместо кисти у нее была кошачья лапа, то есть не кошачья, а, судя по размерам, львиная или тигриная.

Неуловимым движением старуха полоснула когтями Родимцева по лицу.

Парень взвыл.

Дымков кинулся бежать.

Громадная черная кошка разорвала Родимцева в клочья в считанные секунды. Дымков успел завести мотоцикл. В несколько прыжков кошка догнала его, прыгнула ему на плечи. Дымков упал на землю уже мертвецом.

В живых оставался один перепелкинский сатанист, Цыплаков. Серебрякова не стала об этом тревожиться, коготки ее Васеньки свое дело знали.

Так оно и получилось с Цыплаковым, как Серебрякова размыслила.

Поначалу царапины, нанесенные Цыпе котом, особого беспокойства у парня не вызывали. Ничего, что царапки глубокие, в драках Цыплакову и похлеще доставалось. Цыплаков заехал домой, хотел царапины йодом смазать и назад, к Харютину. Родимцев велел им обоим мальчишку сторожить. Тут его маманя и засекла.

Мать Цыплакова, библиотекарша, заколготилась, подняла шум: микробы, заражение, в больницу скорее, а может, кот был бешеным. В амбулатории привили парня от столбняка, обработали царапины, велели на прививки от бешенства ходить. Только Цыпа из больницы вышел — судороги у него начались. Гражданка Цыплакова — в истерику. Парня — назад в процедурную, уложили на койку, стали колоть. Надо бы в Москву, докторша сказала, а бензина нет. Пока искали бензин, пока трясли Цыплакова в стареньком «УАЗике», парень отяжелел, потерял сознание. Умер Цыплаков через сутки в реанимационном отделении 56-й Московской горбольницы.

Действие травы-булавы вскоре должно было закончиться, поэтому, разделившись с сатанистами, Серебрякова поспешила домой. Еще не хватало, чтобы ее, обессиленную до невозможности передвигаться, обнаружили рядом с этими трупами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Варвара Степановна подошла к своему старому бревенчатому домику могучей ведьмой, а как за порог переступила, силы оставили ее. Старуха только сказала Жене, проглядевшему все окна и выбежавшему ей на встречу: «Устала я, внучек», и так на пол и села.

Мальчонка захныкал: «Бабушка! Бабушка!» Стараясь не потерять сознание, Серебрякова доползла до кровати, своей старинной железной кровати с шишечками, и каким-то чудом сумела забраться на кровать.

Вечером этого же дня старуха, как ни была слаба, содеяла одно колдовство. Она велела Жене растопить печь, коснулась его ладонью восковой поверхности — и на Карте Судьбы мальчика Серебрякова увидела то, что она ожидала увидеть и чего она страшилась.

Она думала, что перемена фамилии мальчика и то, что она задурила ему память, спасут его от смерти, заморочат, запутают предопределение, но ничего не вышло. То есть сначала у нее как будто все получилось, руны смерти на Карте Судьбы Жени Сафронова исчезли, однако исчезли они на короткое время. Теперь она опять увидела то, что видела до того, как в забытом окотничьем домике напоила мальчика зельем Забвения в ногах маленькой фигурки, четко вырисованной в пласте воска, стояла руна смерти, и точно такая же руна смерти кривилась вверх, над головой фигурки. Иными словами, не чье-то проклятие и не собственные безалаберность, бесшабашность, безумие мальчика обрекали его на смерть, в этих случаях руна смерти стояла бы не вверх, а сбоку от фигурки. Таково было поведение судьбы, обозначенное руной смерти над головой мальчика: мальчику надлежало умереть.

И новая судьбы уже была воплощена в определенный план, уже начала развиваться новая ситуация, которая должна была привести Женю к смерти. Это означала другая руна смерти, стоявшая под ногами изображения мальчика.

Значит, пора, подумала Серебрякова. Она все собиралась передать свой ДАР Жене, но каждый раз говорила себе: мальчик слишком мал, все равно он пока не сумеет воспользоваться колдовской способностью, она передаст ему потом, потом... Теперь уж нечего было тянуть. Она пятьдесят лет была колдуньей, что же, хватит, пусть теперь ее языком говорит с тонким миром кто-то другой.

Она должна была вот-вот умереть, и поэтому ей стоило поторопиться с передачей ДАРА. Кроме того, ступив на путь колдовства, Женя тем самым оставил бы свою прежнюю дорогу, дорогу человеческую, и року пришлось бы основательно попотеть, чтобы отыскать его.

«Решено, решено», — сказала себе старуха и подозвала мальчика:

— Женя, внучек, дай я тебя поцелую, родненький ты мой.

Они потеряли сознание почти одновременно: старуха оттого, что с потерей колдовского дара исчезла одна из опор, поддерживавшая тление ее жизни, а мальчик — потому что слишком огромен, прекрасен и ярок был мир, вдруг хлынувший в него с поцелуем бабушки.

Первой очнулась Серебрякова. Еле живая, она доковыляла до полки с воском, с полкой вернулась к мальчику. Карта Судьбы показала ей: опасность снята, Жене теперь ничего не угрожало. Поле со всех сторон от человеческой фигурки, четко вырисованной в толще воска, было чистым.

Серебрякова побрызгала мальчику водой в лицо, и он пришел в себя.

Три дня старуха провалялась в постели, ни ела, ни пила. Соседка баба Феня, добрая душа, ей судно в постель подавала. И все причитала, баба Феня-то: «Внука на кого оставляешь, Степановна?» Варвара Степановна помалкивала, а на четвертый день вставать начала. Бабе Фене за заботу Серебрякова стотысячную купю-

ру сунула. Соседка поартачилась-поартачилась, помакала руками, да и взяла деньги.

Теперь Серебрякова могла передвигаться по дому. Однако Варвара Степановна знала, что это было временное улучшение. Если бы она траву-булаву не употребила, возможно, ей удалось бы дотянуть до конца года, сейчас же она могла рассчитывать только на несколько дней жизни.

«Надо бы посмотреть, как там с Женей», — подумала Серебрякова.

Старуха уже не была колдуньей, поэтому ей пришлось немало потрудиться, чтобы это простенькое колдовство — раскрытие Карты Судьбы — свершилось. Женя полтора часа повторял за бабушкой слова древнего заклинания, ошибался, начинал сначала. Воск в плашке растапливали несколько раз. Старуха была терпелива. Она знала, как непросто научиться колдовскому языку.

Наконец в толще воска нарисовалась человеческая фигурка.

Варвара Степановна, поправив очки (у нее на носу двое очков сидело, а неплохо было бы и третью пару нацепить), взгляделась в Карту Судьбы мальчика.

Старуха едва устояла на ногах: вверху, над головой фигурки, стояла громадная руна смерти. Две скрещенные косы, составлявшие руну смерти, рукоятками, как крыльями, охватывали образ Жени. Еще одна руна смерти, размером поменьше, стояла в ногах фигурки: механизм смертоубийства был приведен в действие.

Судьба не на шутку взялась за Женю: всего три дни, если не меньше, понадобилось предопределению, чтобы разыскать его на колдовских дорогах, и убийственная длань была немедленно занесена над мальчиком.

Колдун смог бы оказать достойное сопротивление руку. Женя получил колдовской ДАР от Серебряковой, он мог производить кое-какие колдовские действия вроде раскрытия Карты Судьбы, но в полную колдов-

скую силу он вошел бы только через несколько лет. Мальчик с колдовским даром должен стать самцом, тогда он становится полноценным колдуном. То есть это он физически становится полноценным, а ведь для того, чтобы успешно колдовать, необходимо еще и обладать немалыми познаниями в колдовстве. Серебрякова кое-что рассказала мальчику о том, кто такая она и кем будет он, когда повзрослеет, но что она могла рассказать за те несколько недель, которые они прожили в деревне?..

Короче говоря, мальчик нуждался в защите, а она не могла его защитить, и он сам пока что не мог себя защитить. Значит, Серебрякова должна была найти мальчику сильного защитника.

Утром следующего дня старуха, как ни была слаба, взяла суковатую палку-клюку и отправилась в лес.

Варвара Степановна перешла по трухлявому мостику через овраг с непросыхающей грязью на дне, а там и лесок начинался. Серебрякова долго шла по кочкастой тропинке меж чахлых сосенок, потом свернула с тропинки, пошла по мятликам и одуванчикам, по полыни и льнянке.

Старуха остановилась у заветного ясеня, в котором заключалась жизнь местного лесовика. Ей нужно было поговорить с лешим, но призвать его по-колдовски она, не колдунья уже, не могла.

Старуха ногтем отворила вену на высохшей кисти руки, и темная венозная кровь медленно закапала под дерево.

В крови любого живого существа есть нечто от тонкого мира, и если голос не обладает колдовским звучанием, иногда можно воспользоваться голосом крови.

Старухе долго пришлось звать лесовика, старая кровь тиха и слаба. Наконец зашумели, закачались деревья, и ворох желтой листвы подлетел к самому стволу старого ясеня.

Лесовик Шишковик проскрипел:

- Опять ты, Степановна?
- Я уже не колдунья, Шиша.
- Чую. Ништо, передала дар кому?
- Внуку передала.
- К смерти готовишься? Упреждал тебя...

Серебрякова махнула рукой, что теперь охоть, попросила:

- Помоги, Шиша...
- А бутылку с керосином с собой захватила?
- Там вода была.

Лесовик невесело усмехнулся:

- Я знаю. Так чего тебе?
- К Нандине проводи.

Шишковик долго смотрел на старуху, зло блестя ли круглые совиные глаза. Потом леший буркнул:

- В супец охота попасть? Костлявая больно.
- Мне не до шуток, Шиша. Прошу, проводи к Нан-

дине!

Леший, помолчав, сказал, как выплюнул:

— Ладно. — И, скрипуче: — Знаешь, поди, куда про-
гнисься. Пошли.

Они двинулись напрямик — через бурелом, через
терновник и лесную гущу. Лесовику везде был про-
щад. Шли они недолго. Вскоре старуха показала клю-
ком на малоприметную тропинку:

- Эта?
- Она. А говоришь, уже не колдунья.
- Чай, память мне не отшибло.

И Серебрякова показала на черные ягоды «воро-
ний глаз», ядовитого растения, росшего по обеим сто-
ронам тропинки в определенном порядке, как будто
растения поднялись на месте следов, оставленных дву-
ногим существом. Стебли с ягодами наверху у всех
растений были слегка наклонены в одну сторону. «Во-
роний глаз» показывал, куда надо идти.

Этот «вороний глаз» у тропинки был верным при-
знаком того, что тропинка вела к избушке Бабы Яги.

Не доморощенной Бабы Яги, как нередко называли за глаза саму Серебрякову, а настоящей, всамделишной.

Бабу Ягу, которая жила в этом лесу, звали Нандина.

Леший исчез, рассыпался желтыми листьями, и Серебрякова пошла по тропинке в сторону, куда показывал вороний глаз.

Тропинка ровненько катилась, ни тебе кочек, ни луж с лягушками. В нескольких местах Серебрякова заметила: на камнях серенькие гадючки грелись, крупненькие такие. Если бы старуха вздумала назад повернуть, может, гадючка ее и тюкнула бы, а так, вперед идти, идите пожалуйста.

Скоро ли, нет ли, Серебрякова вышла на небольшую поляну, в центре которой стояла избушка на двух сваях. То есть так издали могло показаться, что избушка стояла на сваях, на самом же деле это были куриные громадные, грязные какие-то, мхом поросшие. Ноги не зря были даны жилищу Бабы Яги. Каждую полночь избушка немного поворачивалась на своих куриных лапах и вместе с ней смещалась тропинка, что вела к ней. Таким образом, раз вышедший на тропинку с «вороньим глазом» по сторонам не смог бы отыскать ее на другой день. Вообще, обыкновенный человек мог только случайно на эту тропинку набрести. Вот колдун — да, колдун мог ее отыскать, или демон, или дух.

Избушку Бабы Яги окружала примечательная ограда, колья с надетыми на них человеческими черепами. Замком в калитке ограждения служила пасть древнего ящера. В пасть нужно было руку сунуть, чтобы повернуть ручку. Кроме того, изнутри калитка запиралась на засов, а засовом была нога человеческого скелета. Когда нога задвигалась, стопа сама цеплялась за толстый гвоздь, для надежности.

Серебрякова приблизилась к калитке. Руку в зубастую пасть она не стала совать, чтобы калитку открыть, кому охота без руки остаться. Старуха глянула в щель между кольями, что там хозяйка, дома ли. Если бы Серебрякова оставалась колдуньей, она сразу почувство-

нила бы, дома Нандина или нет, но сейчас ей приходилось вглядываться в темные окна избушки.

В это время Баба Яга в избушке чай пила с бубликами из костяной муки. Только дунул легкий ветерок со стороны Серебряковой, и Нандина мигом учуяла дух человеческий.

Дверца избушки со скрипом распахнулась, и на пороге показалась хозяйка.

Достаточно было вглядеться в Нандину, чтобы понять без анализов и рентгеновского исследования: хозяйка избушки не была человеком.

Действительно, на первый взгляд Баба Яга могла показаться обычной старушкой, которых полно по деревням: маленькая, горбатенькая, морщинистая кожа, крючковатый нос, запавшие глаза, все при ней, только что клюки у нее не было. Однако глаза этой старушки отличались от человеческих, зрачки у Яги были не черные, а ярко-золотистые, и в старом лице ее сквозила не старческая немощь, но внушающая страх сила, и острые зубы блестели у нее во рту сахарно, как у молодой тигрицы, и руки были как у молодой, без единой морщинки. А кому довелось бы обследовать Бабу Ягу более тщательно, включая гинекологическое кресло, то было бы обнаружено, что Яга, внешне старуха, была пригодной к деторождению женщиной.

— В гости ко мне, старая? — звонким голосом спросила Баба Яга.

— В гости, — негромко отозвалась Серебрякова.

— На жаркое стара больно. Значит, на котлеты пойдешь, — решила Баба Яга и хлопнула в ладоши.

Рядом с избушкой неприметно чернел старый пенек, у него желтые косточки лежали. Два скелета немедля двинулись, заслышав хлопок хозяйки, — вскочили, кинулись к Серебряковой. Скелеты поволокли старуху к пеньку, у которого роились мухи: земля здесь была пропитана гниющей кровью.

Топор с длинной рукояткой перелетел через ограду и закружился, заплясал в воздухе над пенечком.

Серебрякова, упираясь, крикнула:

— Али не признала, Нандина?

Баба Яга вздрогнула, вытянулась вперед. Блеснули звериные глаза.

— Ты... Ты, Варвара? — пробормотала Нандина и тут же рывкнула скелетам: — На место, костяки!

Скелеты отпустили старуху, на четвереньках добежали до пня и улеглись на землю мертвыми костями. Нандина проговорила уже другим тоном:

— Прости, Варвара, не признала сразу. Как люди меняются...

Баба Яга опустилась на землю по кривым ступенькам, пошла к калитке. Спросила на ходу:

— Где твоя колдовская сила, Варвара?

— Внуку передала.

Яга открыла калитку.

— Попьешь чайку?

— Знаю, какой у тебя чай. Здесь поговорим, — сказала Варвара Степановна, не трогаясь с места. Серебрякова не боялась Нандину, но входить ей в избушку было незачем, ее дело могло решиться без чаепития.

— Помоги мне, Нандина!

— Я помогу тебе, — сразу, без раздумья, произнесла Баба Яга. — Говори.

— На моем внуке, которому я ДАР передала, проклятие судьбы. Ему суждено умереть ребенком, а я не хочу, чтобы случилось так. Я стара, мой век на исходе, а посланцы рока безжалостны, так что...

— Когда будет надобность, пусть кликнет меня. Подсоблю.

Серебрякова замаялась.

— Ты не веришь моему слову? — нахмурилась Баба Яга.

— Верю, но... Я хочу, чтобы ты стала его крестной матерью, Нандина.

Баба Яга передернулась. Она не принадлежала миру Христа и Дьявола, ее мир, отображением которого являлось язычество, на тонком уровне пересекался с

миром христианства — и рассекался им, и рассекал его. Баба Яга могла стать крестной матерью человеческого дитя, но тем самым нарушился бы вековечный уклад ее бытия, то есть какой-то частью она перестала бы быть сама собой, а из этого ничего хорошего для нее не вышло бы.

— Ты знаешь, о чем просишь? — проскрежетала Баба Яга.

— Знаю. И твоей памятью заклинаю: стань его крестницей!

Нандина потупила свои страшные глаза.

Как только она узнала Серебрякову, она сразу вспомнила тот день, то, что случилось сорок лет назад. Никогда ей этого не забыть.

И Серебрякова всегда помнила тот день.

Было это сорок лет тому назад.

Варвару Степановну в те времена Варькой звали. А чаще — Варькой-знахаркой. Жила она вдвоем с матерью. И мать Варвары знахаркой была, то есть колдуньей. Колдовской ДАР Варвара имела от рождения, так что ее матери не приходилось свой собственный ДАР торчать, чтобы сделать дочь ведьмой. Так что мать и дочь не только жили вдвоем, но и колдовали частенько на пару.

А отца своего Варвара не знала, он был пришлый, из коробейников. На сеновале дочку зачал, и только мать и видели.

Для колдовства колдуньи собирали травы в лесу в установленное время: в Петровки, под Иванов день, в миколоденский мясоед, под Васильев вечер. Как раз был конец августа, время силы многих трав колдовских. Варвара каждый день ходила в лес, только этим летом она собирала травы без матери. Что-то занедужила старушка.

В этот день Варвара вышла в лес по вечерней росе, как то было определено. Собирала-рвала Варвара по-

тихоньку белозер-траву, и адамову голову, и кочедыжник, — и видит вдруг молодая ведьма, рядом тропиночка вьется. По обеим сторонам тропинки «вороний глаз» ягодами кивает, направление указывает, туда, мол, девонька, иди.

Варвара сразу догадалась, что это за тропинка такая. Про тропиночку эту Варвара читала и в «Приметах колдовства», и в «Описаниях тайных сил». Так-то никаких дел у Варвары к Бабе Яге не было, да вот вспомнилось колдунье про траву сириндарх-херус, травку прелестную, среди колдовских трав особую. Эта трава была одной из семи колдовских трав, обладавших собственной колдовской силой. Она заменяла собой двенадцать дюжин обычных колдовских трав, да еще и имела некоторые особенные бесполезные свойства. Сириндарх-херус, в колдовском травнике говорилось, следовало искать у избушки Бабы Яги, только там он и рос.

Пока колдовские травы запасешь, и ноги натрудишь, и пальцы о траву изрежешь, и зубами со страху наступишься. У какого колдуна сириндарх-херус имелся, на многие случаи годившийся, тому, конечно, проще было.

Не помешало бы маленько подорвать сириндарх-херуса, подумала Варвара. Бабе Яге на глаза попасться не хотелось, но все-таки она, Варвара, не сестрица Аленушка и не царевна Мокревна, ничего с ней Баба Яга не сделает. Случись им столкнуться, Баба Яга, конечно, верх возьмет, но делить-то им нечего, так что, чай, они не перегрызутся.

И пошла Варвара-колдунья по заповедной тропке.

Шла-шла, шла-шла, а там избушка показалась, на куриных лапках которая.

Вышла колдунья на полянку, в центре которой стояла избушка. Стала Варвара приглядываться, где же сириндарх-херус. Эту траву Варвара в натуре не видела ни разу, только на картинке, и еще ее описание в колдовском травнике читала. Сириндарх-херус представлялся Варваре в виде пышного куста со многими разнообразнейшими цветами, а в основании его дол-

он был двухголовый ужак лежать и прелестные слова шипеть. Ничего похожего Варвара поблизости не увидела, но ведь сириндарх-херус, как колдовская трава, мог под какой-нибудь одуванчик или василек замаскироваться. Напрягая колдовское зрение, ведьма двинулась по поляне, стараясь ближе к краю поляны держаться, на открытое место не выходить. Ни к чему Бабе Яге глаза мозолить.

Обошла Варвара поляну разок, сириндарх-херус не разглядела, на второй круг пошла. Здесь слышит Варвара: в избушке ребенок заплакал. Аж. закатывается, подлый.

Колдунья застыла на месте, глаза опустила долу.

Не иначе, Баба Яга ребеночка украла и теперь сорвать его хочет. Или в тесте маленького запечет и с грибом слопает, или гуляш будет.

На месте Варвары тут ни одна ведьма не стала бы вмешиваться, зачем с Бабой Ягой в конфликт вступать, и Варвара не хотела вмешиваться — ноги сами повели ее к избушке Яги. У колдуньи в сумке, куда она травы складывала, было немного пурпурного донника. Когда Варвара к окну избушки подошла, донник был у нее в руке, чисто символическая защита от Бабы Яги.

Заглянула колдунья в окошко и видит: в люльке ребеночек лежит, в крике надрывается. Ребеночку на вид три месяца или чуть поболее, румяненький такой, глазки шароватенькие.

У ребеночка чуть выше ушей маленькие острые рожки изгибались.

«А дитя-то не человеческое, — смекнула Варвара и дальше думает: — уж не Бабы Яги ли это поросль?»

Ребенок, наверное, обмочился, вот и кричит-верещит. Или проголодался, титьку просит.

И помощницы к матери набиваться не след, подумала Варвара и пошла от окошка. Где там сириндарх-херус, куда запропастился?

Неожиданно налетел холодный ветер. Только что небо было ясным — и откуда-то взялась черная как

смоль, как вороново крыло туча. Потемнело. Загрохотал гром. Заплясали, заскакали молнии, норовя приземлиться непременно на поляну, в центре которой стояла избушка Бабы Яги. Варвара поспешила к деревьям, поскорее бы убраться с поляны. Резкий порыв ветра сбил ее с ног. Туча быстро опустилась, нависла над поляной, едва не касаясь верхушек деревьев. И увидела Варвара, цепляясь за траву и обмирая: из тучи вылетел дракон.

Чудовище было в крупной грязно-бурой чешуе, с большими перепончатыми крыльями, острый гребень шел по спине страшилища от рогатой головы до кончика хвоста. Это существо не было летающим ящером времен юности Земли. Это существо было не из мира Земли, как-то вдруг поняла Варвара.

Дракон опустился на поляну. Он был не очень большой, дракон Неба, туловищем размером с крупного быка плюс хвост метров в пять и длинная шея. Приземлившись, дракон как-то воровато пополз к избушке. Он напомнил Варваре кошку, подкрадывающуюся к цыпленку.

А ведь он за тем ребеночком с рожками явился, подумала Варвара. Матери ребеночка, Бабы Яги, не было дома, дракон специально выждал это время, ну и...

Как только дракон опустился на поляну, ветер стих, так что Варвара могла подняться на ноги, не опасаясь быть унесенной выше тучи.

Варвара вскочила, кинулась к избушке, наперерез дракону. Недостаточно опытная в колдовстве, тогда она не представляла себе, кем был тот дракон — и она встала у чудовища на пути.

Громко и нараспев колдунья стала читать по памяти Заклинание Круга. Это заклинание рекомендовалось читать в тех случаях, когда не было возможности очертить колдовской круг с проговором всех полагающихся при этом заклинаний. Проговаривая Заклинание Круга, колдун мысленно очерчивал вокруг себя колдовской круг. Иногда такой способ защиты помогал, иногда — нет.

Увидев колдунью, дракон остановился. Какое-то время он недоуменно разглядывал ее, словно спрашивая себя, это еще что за привидение. Варвара успела прочитать заклинание до середины, когда дракон выпустил из ноздрей две струи пара, взревел и двинулся прямо на нее.

Наведенный Серебряковой мысленный круг, верно, существовал только в ее воображении, он не послужил дракону ни малейшей преградой. Можно было бы остановить дракона, пальцем прочерчивая в воздухе охранительные руны, но для этого нужно было держать в другой руке пучок пурпурного донника. Когда выяснилось, что Бабы Яги дома нет, Варвара сунула траву в сумку, а сумка осталась лежать на земле, на месте, где видимо сбил с ног ветер. Вряд ли дракон позволил бы Варваре сбегать за донником.

Серебрякова щепотью начертила в воздухе крест. Опытному колдуну иногда удавалось расцедить плоско-рогую духа тупую силу, но, вероятно, дракон не был такой уж грубой, безрассудной силой. А вернее, он не испугался креста, потому что Варвара не была достаточно опытной колдуньей.

У Варвары оставался последний способ обороны.

Колдунья повернулась спиной к дракону и плюнула через левое плечо. Харкнуть она постаралась по-магическому и с тем расчетом, чтобы плевок обязательно в дракона попал.

Если бы дракон был смертью в чистом виде — не просто носителем смерти, сосудом, заключавшим в себе смерть, но Смертью самой, — наверное, действие колдуньи возымело бы успех. Но в драконе помимо опасности для ребенка, возможно, смертельной, заключалось что-то еще.

Дракон дыхнул, и у ведьмы загорелись волосы.

Варвара, развернувшись, закричала, буравя взглядом ярко-красные драконьи глаза.

Дракон дернулся, отшатнулся и вдруг передней лапой ударил Серебрякову.

С переломом основания черепа Варвара упала на землю.

Она пришла в себя на широкой русской печи. Она лежала на мягком, на ворсистых заячьих шкурках. Варвара подняла голову и увидела отвратительную старуху с седыми волосами, спускавшимися ниже плеч, стянутыми в пучок.

Понутив голову, Баба Яга сидела на лавке, опираясь на рукоять большого меча. По светившемся синеватым светом лезвию меча пробегали огненные знаки.

На столе перед Бабой Ягой лежал черный от сажи скелет ребенка.

Баба Яга обернулась. Буркнула:

— Теперь уходи. — И показала мечом на дверь.

Варвара ушла — по стеночке, по стеночке добралась до двери, не без труда, хватаясь за перила, опустилась на землю по узкой лестнице. Когда она добралась до дому, оказалось, прошла неделя, как она ушла в лес. Ее мать-колдунья знала, что она была жива, ну и помалкивала, хотя сама старушка извелась вся. Как ни недужила, уж собралась старушка идти дочь разыскивать, а тут Варвара и пожаловала.

Варвара Степановна начала сомневаться, что услышит от Яги хотя бы слово, и тут Баба Яга проговорила:

— Добро. Быть мне крестницей твоему внуку. Вот, возьми.

Нандина вырвала у себя из головы волос.

Женя Сафронов был некрещеный, хоть тут Серебряковой повезло. У старухи деньги водились, так что ей не составило труда быстренько сговориться с попом из соседней деревни, когда и как. В крестные матери Серебрякова пригласила бабу Феню, в крестные отцы — Славку Акулькина, тракториста.

В назначенный день Серебрякова, как ни была плоха, велела, чтобы и ее в церковь отвезли. Когда поп начал мазать мальчика елеем, Варвара Степановна исподтишка

окунула седой и толстый, как из конского хвоста, волос Бобы Яги в купель с водой. Как будто ничего не произошло, но когда поп обходил купель, провозглашая: «*Ванцы во Христа креститесь, во Христа облекостесь, Аминь!*», вода в купели на мгновение окрасилась кровью. И в этой кровавой воде мелькнул длинный седой волос.

В конце обряда поп, как полагалось, кусок воска с выкатанными в нем состриженными волосами мальчика кинул в купель. По поверью, всплывет воск — крестному жить, не всплывет — жди скорой смерти.

Воск с волосами не всплыл.

Крестные заругались, поп какой-то не тот воск подбросил. Заплатили же попу сколько запросил, что же он сдобродушничал?

Ванюшка полез в купель, кусок воска искать. Нанюша, рассматривать стал. А что там смотреть, воск как воск. Поп опять воск в купель кинул — и опять воск потонул.

Селенда елe замяли.

Позирающаяся с крестин, Серебрякова все вспоминала гадание. «Не будет этого. Не допущу. Не будет», — бормотала она себе под нос, а когда ее переиhrывали, о чем она, она отмалчивалась.

Это существу во Христе положено смирение, а она была колдуньей, то есть гордой и упрямой языческой жрицей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Варвара Степановна Серебрякова умерла на следующий день после крещения внука.

Утром старуха встала с легкостью в теле, с такой античностью, что тела не почувствовала. Подумала: «Стучит, курносая». Подозвала Женю:

— Ты знаешь, ты не такой, как остальные мальчи-

ки. Посмотрим, как ты помнишь, что я велела тебе запомнить накрепко. Первая заповедь?

— Я никому не должен говорить про это. Про себя, кто я.

— А кто ты?

— Я — колдун.

— Ты — маленький мальчик, который станет колдуном, когда повзрослеет. Что будет, если ты станешь болтать?

— Я умру.

— Да, умрешь. А это очень плохо — быть мертвым. Помнишь, мы ходили на кладбище? В гробу холодно и полно червей. Вторая заповедь?

— Я не должен колдовать сам, пока не стану большим.

— То есть ты не должен колдовать без присмотра старших, пока не станешь настоящим колдуном. А раньше твое колдовство еще, чего доброго, возьмет да и разорвет тебя на части. Третья заповедь?

— Я должен учиться колдовству.

— Что это значит, учиться колдовству?

— Книжки читать твои...

«Он не понимает, что затвердил, — подумала старуха. Ничего, со временем поймет».

Она сказала:

— Один остаешься. Книжки я спустила в подпол на кухне. Они — твои, но пока их не трогай. Колдовские книги писаны для колдунов, а не для мальчишек, у которых колдовской дар. Ты тогда колдовскую книгу открой, когда сквозь пальцы звезду Астромагнату увидишь. Звезду Астромагнату видят только настоящие колдуны, это будет знак тебе, что ты — взрослый, что ты колдуном стал. Что такое? Ну-ка перестань, ты же будущий колдун!

Мальчик сам злился на себя за свои слезы, но ничего не мог с собой поделать, слезы сами текли и текли у него по щекам. Женя понял, что бабушка проща-

ется с ним, и это прощание — перед расставанием навсегда.

Потом старуха отправила внука в школу, и так она слишком задержала его, как бы Женя на урок не опоздала. Когда мальчик из школы вернулся, Серебрякова была уже мертва.

Старуха лежала на своей кровати; в руках, прижатых к груди, — посох с вырезанными на нем колдовскими знаками. Она трудилась над посохом всю прошедшую неделю и успела, последний значок прошлым вечером вырезала.

Женя заплакал, на улицу выбежал. Мимо Танька Митрофанкина проходила, соседская молодка. Ну и зашумела, закликушествовала Митрофанкина на всю деревню: Серебрякова бабка померла.

Первым делом соседки Серебрякову по-христиански устроили, посох из рук старушечьих выдрали (пальцы пришлось обломать, так заостенела старая), руки крест-накрест на груди сложили, и — свечку в руки. Свечка все никак не хотела загораться, пришлось так оставить. Затем бабоньки похоронами занялись.

На столе лежал кошелек Серебряковой, там обнаружили два миллиона рублей. И — больше ничего, ни тебе сберкнижек, ни золота, соседки все полки облащали. Поохали бабеночки, все думали, старуха богатой была, и принялись о погребении хлопотать. Похороны с поминками за два миллиона все же справить можно, да еще пособие из собеса.

Похоронили Серебрякову на деревенском кладбище. Выпив на поминках, мужики побожились в следующем году по-соседски сложиться и маломальский памятник поставить.

Как похоронили Серебрякову и помянули, стали соседи думать, как с мальчиком быть. Сердобольная бабка Гауциха хотела на время Женю к себе забрать, пока документы в детдом оформляются будут, но мальчик так упирался-брыкался, не хотел из бабушкиного

дома уходить, что рукой махнули, пусть где живет, остается. А уж как документы сделают, сразу в детдом. Тетя Фрося и дядя Саша Фунтиковы, соседи Серебряковой, поехали в район хлопотать, чтобы мальчика поскорее в детдом определить. Мальцу каждый день есть-пить надобно, а нешто в наше время соседского мальчика прокормишь.

В день, как Серебрякову схоронили, шабашники откуда ни возмись вывернулись и быстренько линию электропередачи опять через подворье серебряковское протянули. Деревенские, чьи дворы тоже задело, мужиков-шабашников ругали по-всякому: и нехристями, и матерно, а им что, главное ведь — деньги зашибить.

...

Александр Германович Фомин, бандит по кличке Гарпун, высокий мускулистый мужчина без малейших жировых обвислостей, красавец мужчина, ожидал своей участи в тюрьме «Мертвая петля», что в Бибирево подковой изгибалась. Фомин в одиночке сидел, а как же иначе, приговор был вынесен — вышка, и Верховным Судом оставлен без изменения. Фомин был ликвидатором в банде Сыроядцева, семь убийств шло за ним, так что либерализация либерализацией, а вышка вышкой. Фомин тосковал. Прощение об амнистии он подал, но надежды на Президента не было никакой. Приближались выборы, в это время Президенту было несподручно мягкотельничать. Выбирают-то не европейцы, наши выбирают, российские мужички и бабешки.

Одна надежда была у Фомина — на Думу, в Думе закон об отмене смертной казни два года мурыжили, Фомин и надеялся, вот-вот разродятся. Эту надежду Фомин лелеял до вчерашнего дня. Вчера принесли Фомину «Российские новости», номер недельной давности, и читает Фомин: «Парламентарии на летние каникулы слиняли».

Прощение об амнистии Фомин еще зимою накал, так что ответа Президента он ожидал со дня на

Допы. Всякая задержка, всякая тягомотина в Думе с законом об отмене смертной казни грозила Фомину этой самой смертной казнью обернуться.

Теперь Фомину приходилось хвататься за соломинку, а вдруг в Комиссии по помилованию при Президенте его бумажки потеряли или чиновники из Комиссии вслед за депутатами в отпуск слиняли, тоже люди, или Президента кандрашка хватит, все и зависит, вот хорошо было бы.

Но то все были мечты, покрывался гусиной кожей Фомин и представлял себе, как ЭТО будет. Ему зачитают бумажку: «Ваше прошение отклонено», и — пиф-паф через дверное окошко. Или его отведут в специальную комнату, или выведут во двор, и там...

Время от времени Фомин принимался ощупывать стену, отыскивал выбоины, следы от пуль. Он, конечно, в этой камере не первый, значит, если расстреливали прямо здесь, должны были следы остаться.

Иногда убийце казалось, нашел он выбоину, а в другой раз в этом месте стена на ощупь была почти гладкой.

Прогулки ему не полагались. Сегодня тюремщик, подавая жидкий рисовый супчик, был как-то особенно щупок с ним — сторожил каждое его движение, руку из миски быстро отдернул. Сегодня что у нас? Капкан, суббота? Может, вчера под вечер от Президента пришел, и его, Фомина, только потому не расстреляли вчера, что расстрельная команда уже по домам разбежалась, по женам. Сегодня-завтра выходной, а в понедельник...

Фомин посмотрел на свою руку, напряг бицепс. Миронья у него мускулатура, ничего не скажешь. Сколько он железа качал-перекачал, чтобы такие мышцы надуть, и все червям пойдет, все его труды.

Холодок, возникший у пупка, вдруг перерос в нестерпимую боль. Фомин согнулся, заскрипел зубами. Когда боль отступила, убийца забегал по камере, взад-вперед, взад-вперед, как волк в клетке.

Бегают Фомин по камере, от мыслей тягостных, тошнотных убегает, а сам прислушивается, как там, не идут ли, в исполнение приводить.

Раздалось какое-то странное потрескивание.

В камере запахло озоном.

Фомин повернулся на звук...

«Вот, началось», — устало подумал убийца. Крыша поехала, давно пора.

В этой одиночке вместо привычной параша матово отсвечивал унитаз. В пяти камерах «Мертвой петли» унитазы установили, чтобы было куда иностранцев водить.

Над унитазом в бетонной стене камеры сверкала и сыпала синими искрами многоугольная звезда. Из звезды на Фомина смотрело какое-то существо, чертами лица напоминавшее человека, но с синей кожей и синими волнистыми волосами. По виду трудно было определить, кому принадлежало это лицо, мужчине или женщине.

— Александр Германович Фомин? — спросило существо своеобразным бархатным голосом, мужским голосом без одного яйца.

— Да, — машинально отозвался Фомин. Он в разные переплеты попадал, но о подобном чуде и слыхом не слыхивал.

— Александр Германович, у меня к вам деловое предложение.

— Да.

— Послезавтра вы должны умереть. Ваша человеческая жизнь исчерпана, тут я ничего поделывать не могу. Но я могу открыть для вас дорогу колдовства. Если вы сойдете с человеческой дороги на дорогу колдовства, вы будете жить.

— Дорога колдовства? Что это еще такое?

— Иначе говоря, Александр Германович, я могу сделать вас колдуном. А в колдунах вы еще ой-ой сколько проживете.

— Колдуном? Это что, воду заряжать?

— Нет, Александр Германович. Быть колдуном — значит, уметь превращаться в разных животных, уметь при желании двигаться быстрее пули, уметь... Уверю вас, это совсем не плохо, быть колдуном. Правда, сначала вы будете не очень сильным колдуном, но уж здесь вы не останетесь.

У Фомина появилось ощущение, что его разыгрывают. Дорога колдовства, он станет колдуном... Что это за бред? Эта сытая морда на стене, должно быть, голограмма или еще какая-то техническая штучка.

Фомин неуверенно шагнул к стене, протянул руку, собираясь коснуться лица существа.

— Осторожно, — предупредило существо. — Вы можете отодрать пальцы: у меня прохладно.

В самом деле, Фомин почувствовал, как от звезды пошло холодом.

— Кто ты такой? — спросил убийца хрипло.

— Я — Дух Неба, Длань Судьбы, Столп Вечности. Так вы хотите жить?

— Жить? Да... Да, хочу. Что я должен сделать, чтобы... это... перейти на дорогу колдовства?

— О, только то, что вы умеете. Мне нужно, чтобы вы убили одного человека.

— А ты? Почему ты не можешь его убить? Если твоё колдовство так много может...

— Я не сказал, что я — колдун, — проговорило существо. — Я могу открыть вам дорогу колдовства, но сам я не способен колдовать.

До полной ясности, с кем он имел дело, Фомину было далеко. При иных обстоятельствах он ни за что не согласился бы на такое странное предложение, но это при иных обстоятельствах. А сейчас обстоятельства были такие: или он соглашается и получает шанс на жизнь, или, послезавтра, — пуля в лобешник.

— Кого надо замочить? — деловито поинтересовался Фомин.

— Вот посмотрите.

Странное лицо пропало, вместо него Фомин уви-

дел в звезде картинку: мальчик за столом щи хлебает, лет десяти мальчонка или чуть помоложе, стены бревенчатые, ложка деревянная.

Картинка исчезла, в звезде опять показалось синекожее существо.

— Мальца замочить? — уточнил Фомин.

— Да, вы должны убить этого мальчика.

— Идет. Только... хм... сперва тебе придется вывести меня из тюрьмы.

— За этим дело не станет. Вот выход.

Существо повернуло голову направо, и тут же справа от искрящейся звезды в стене появилась еще одна звезда. Новая звезда была как пробоина в стене, в ней виднелась какая-то московская улица. Фомин вдалеке знакомую церквушку разглядел.

— Золотороженский переулок, — пояснил Дух Неба. — Сделаете три шага, и вы окажетесь там.

Фомин нетерпеливо двинулся к проему — проем немедленно и очень быстро начал закрываться.

— Вы не спросили, где находится этот мальчик, — с легким укором проговорил Дух Неба. — И вы не попросили оружие.

— Пацана я задушу этими руками. Где он есть?

— Руки мозолистые, вижу. Пацана вы найдете в деревне Перепелкино. Это...

— Знаю, знаю, недалеко от Москвы. По Коломенской дороге надо ехать.

— Верно. Дом найдете этот.

В большой звезде появилась панорама, вид сверху, домишки и поля, стожки сена. Один из домиков приблизился, быстро занял всю область обзора.

И опять в звезде появился Золотороженский переулок.

Фомин сделал новую попытку через удивительный проем из тюрьмы удрать, и опять звезда сморщилась в точку раньше, чем он достиг стены.

— Что еще? — буркнул убийца, хмуро взглянув на своего нанимателя.

— Торопитесь, Александр Германович. Одна медаль в эту дверь вы войдете человеком, а на той стороне будете зверем, это чтобы без неожиданностей. Тут ведь не просто стена пробита. Помните, я говорил вам про колдовской путь? На этом пути вам надлежит быть зверем, пока вы не исполните, что от вас требуется.

— А когда я замочу пацана?

— О, тогда вы немедленно станете колдуном и сможете в одно мгновение, простым усилием мысли, вернуть себе свой первоначальный облик. И заметьте, это случится далеко от тюрьмы, ведь деревенька Перепелкино не в Бибирево.

— Теперь я могу отсюда убраться? — раздраженно спросил Фомин.

— Не нервничайте, Александр Германович.

С этими словами Дух Неба исчез. Сморщилась и исчезла звезда, откуда существо смотрело на Фомина.

Другая звезда осталась, с видом на Золотороженский переулок.

Звезда поблескивала голубоватыми искрами, как бы предлагая Фомину скорее поменять душную тюремную камеру на свободный мир.

А Фомину и не нужно было никакое такое приглашение делать.

Убийца двинулся к звезде. Он опасался одного:万一 бы проем не закрылся перед ним, как в предыдущие два раза, но нет, он приблизился к стене вплотную, и звезда на этот раз и не подумала скуржопиться.

Фомин шагнул в искрящийся проем.

Шагнув в проем, открытый в стене тюремной камеры Духом Неба, Фомин очутился в тихом Золотороженском переулке. В конце переулка толстая мамаша катала двухместную коляску. Толстуха не оглянулась, поэтому появление Фомина в переулке не сопровождалось никакими звуковыми эффектами.

А мамаше, в самом деле, стоило оглянуться и на Фо-

мина посмотреть. Зрелище было такое, запомнила бы на всю жизнь.

Не человек внезапно появился на тротуаре, не собака, не кошка и даже не верблюд. Двуногий ящер, отдаленно похожий на кенгуру, стоял на мускулистых трехпалых лапах, неуверенно покачиваясь. Маленькие передние лапки были прижаты к чешуйчатому туловищу, над лапками скалилась страшная голова. Ростом ящер был под два метра, а весом, наверное, килограммов в сто двадцать, из которых не меньше тридцати килограммов приходилось на голову.

Фомин охнул от изумления, ярости и страха. Тонкий свист пронесся по переулку, перешедший в какой-то желудочный рокот.

Мамаша уже скрылась за углом, а возвратиться посмотреть, что там за странные звуки, поленилась.

Александр Германович Фомин, бандит по кличке Гарпун, и думать не думал, что он превратится в такое мерзкое чудище. Да, заказчик предупредил его о предстоявшем ему превращении, но... Ладно бы, если бы он стал собакой или волком, но доисторическим ящером...

Первой практической мыслью Фомина было немедленно скользнуть в проем, да, да, обратно в тюремную камеру убраться. То есть скорее-скорее обратно стать человеком. Нельзя сказать, что эта мысль была глубоко осознанная, просто в первые секунды страх, каким он стал, заслонил страх Фомина перед ожидавшей его казнью.

Вернуться назад, в тюрьму, Фомин, как оказалось, не мог: ничего похожего на искрящуюся звезду поблизости не было видно. Зато неподалеку стоял старинный особнячок, не то предназначенный к сносу, не то ждущий реставрации, явно нежилое двухэтажное здание.

Фомин побежал к особнячку.

В этот момент в переулке показалась старушка с бидончиком.

Бидон упал на асфальт вместе со своей хозяйкой. Разрыв сердца, немедленная смерть.

Новое тело, надо заметить, было прекрасно тренировано: Фомину казалось, что он летит, а не бежит. Волею в особнячок, Фомин поднялся по шаткой лестнице на второй этаж и там устроился в уголке, уселся на толстый хвост.

И, умиряя взволнованные чувства, начал думать.

Прежде всего Фомин отдал должное хитроумию чертика, который устроил все это. Вероятно, силой подействовать на Фомина тот чертенок не мог, ну и он устроил так, что Фомин волей-неволей должен был теперь выполнить его поручение, причем в самые короткие сроки. Если бы Фомин превратился в собаку, он, чувствуя себя в относительной безопасности, мог бы долго по Москве болтаться. Но в шкуре этого монстра. У Фомина был единственный способ избавиться от черескорской личины: он должен был как можно скорее убить мальчишку-перепелкинца, тогда бы Фомин стал колдуном и, если верить словам нанимателя, собственным усилием смог бы обратно превратиться в человека.

Днем по Москве вышагивать в таком виде нечего было и думать. Он дождется ночи, и тогда отправится в Перепелкино. Конечно, общественным транспортом ему не придется воспользоваться, не сможет он воспользоваться и частным извозом, но, думается, это тело (Фомин провел лапой по своей чешуйчатой шкуре) способно обогнать любую легковушку. Ну, любую не любую, а отечественную точно.

«А не так-то уж плохо все складывается», — подумал Фомин через час.

На закате его стало клонить в сон. Наверное, еще Фомин полагалось на закате спать, подумал он, смеживая веки.

Проснулся он ночью. Куранты как раз одиннадцать часов били. Фомин потянулся, щелкнул челюстью и встал.

Ему захотелось есть. Да так захотелось, впору стены лопать. Мяса захотелось. Сырого. Это неудиви-

тельно, можно было сразу понять по зубам, он превратился в плотоядного ящера, а не растительного.

Видно, придется ему, прежде чем в Перепелкино отправиться, подзакусить бродячей собачкой, какой-нибудь, болоночкой жирненькой, подумал Фомин.

Тут он услышал голоса.

Мальчишки-наркоманы этот особнячок давно облюбовали, здесь можно было спокойненько наркотиком ширнуться. Этим вечером сюда ватажка в пять человек подошла, от двенадцати и старше.

Фомин перегнулся через перила, посмотрел, как малыцы дозу готовят. Облизнулся.

Какая там болонка, на фиг ему нужна какая-то болонка!

Фомин легко, крадучись, двинулся вниз по лестнице. Было удивительно, как такая туша могла передвигаться столь бесшумно.

Когда пацаны заметили монстра, было уже поздно. Фомин встал так, что перекрыл своим страшным телом единственный путь на улицу.

Мальчишки заорали хором, кроме одного. Грунька уже дозу принял, он в углу слюни пускал.

Фомин сперва умертвил дичь — кому горло разорвал, кому кишки пустил, — а потом принялся насыщаться. Груньку он не тронул. Еще всосется наркота ему в кровь из мальчишечьей тушки, ни к чему ему это. Наркоманией Фомин сроду не занимался, однажды попробовал, не понравилось. Пустые иллюзии, беллиберда, говно.

С Грунькой потом долго возились менты и психиатры. Парень молот про какого-то дракона, наркоман несчастный. А как понимать, что у четырех трупов были самые нежные, самые мясистые части отъедены? Бродячие собаки напали? Стая волков полакомилась? Ведь иногда набегают волки в Москву из ближних лесов. Но где же волчья или собачья шерсть? Маньяк орудовал? Но где слюна, где частицы кожи под ногтями у

жизни, где сперма, наконец? Это преступление так и осталось нераскрытым.

Подкрепившись, Фомин вышел из особнячка.

В переулке было темно, хоть глаз выколи. Не то фонарей вообще не было, не то все лампочки перегорели, которые не разбились. Мимо проехала машина. Неподалеку горланила пьяная компания.

Фомин, осмотревшись, понесся по тротуару, выбрав места потемнее. В ящеровом теле чувствовалась дикость, ведь Фомин выпался и насытился — насытился, а не обожрался. Видел он прекрасно, это человек в такой тьме, разбежавшись, непременно полетел бы вверх тормашками. И слышал Фомин превосходно, ему даже было слышно, как летучие мыши пищали.

Гитарист, брэнчавший в окружении пьяных девах, шиперкнулся, когда он пробежал мимо. Впереди шли два парня, рослые ребята. Парни загораживали проход, слышны были Фомину и рыкни. Парни оглянулись. Они освободили дорогу с такой поспешностью, что вряд ли устояли на ногах после такого-то скачка.

Фомин увидел коммерческий киоск, витрина в цветных этикетках, и ему курнуть захотелось. А что, жаба еще пару раз и дальше побежит. Он сунулся в окошко, думая, испуганная продавщица отпустит ему без денег, но продавщица девчонка потеряла сознание. Фомин еще одной головой разбил витрину, схватил передней лапой пачку «Мальборо». А дальше что? Вытащить сигарету из пачки, щелкнуть зажигалкой, это для человека было бы как два пальца обоссать, но конечности ящера пока еще не были предназначены для подобных действий. Понюхавшись немного, Фомин отшвырнул сигареты и в тьме боднул головой киоск, как только с места кошке не спорогил.

О неприятности с куревом он быстро позабыл. Ночное тело было прекрасно: он бежал со скоростью тигришаньего рысака, а усталости не чувствовал. Чувствовал, как в каждой мышце пела могучая сила.

Поначалу Фомина раздражали сдавленные вскрики и обморочные охи редких прохожих, заметивших его, а потом он перестал обращать на них внимание.

Двигаясь с такой скоростью и не чувствуя усталости, он, пожалуй, часа через полтора окажется в Перепелькино.

Тут Фомину подумалось: ночь только началась, успеется мальчишку замочить. Смертной казни он избежал, в этом сомнений не было, значит, теперь о жизни следовало подумать.

Прежде всего он должен отомстить за предательство, то есть убить. Маруську Редькину убить. И еще он должен убить Жорку Усачева, пусть гнида своей смертью за смерть фоминского пахана, дедушки Сыроядцева, заплатит. Ведь это Усачев навел ментов на Фомина, никто больше.

Он замочит эту парочку, и у него еще останется время пацана ликвидировать. До рассвета далеко.

У Маруьски Редькиной Фомин хранил все свои деньги, всю казну, сто двадцать тысяч баксов. Когда его прищучили, он из следственного изолятора передал через адвоката записку одному авторитету, ловкачу по кличке Масленок. Выручи, Масленочек, сострепай побег, а уж за мной не заржавеет. Масленок ответил: сто тысяч баксов. Дай только воли глотнуть, сразу всю сумму сполна получишь, отписал Фомин. Авторитет уперся: башли вперед. Фомин помялся-помялся и адресок Маруьскин дал. А баба была научена, если придут и такие-то слова скажут, ей надлежало денег дать, сколько бы ни спросили.

Масленок человечка к Маруьске послал. Человечек, шкура драная, в подъезд не вошел, учуял: менты тут. Фомину отписали, плакала твоя казна, а без денег, браток, никуда и никак. Фомин сперва не поверил, даже мыслишка у него мелькнула, а не пришил ли Масленок его бабу, и — башли в лопатники. Через неделю пришлось поверить Масленку, Фомину устроили очную ставку с Редькиной.

Баба всплакнула: «Не могу я больше, Саша. Не могу». Оказывается, как его повязали, эта стерва сама в мотговку пришла и его деньги на стол положила. И вдобавок стала, поленом трахнутая, все, что про него знала, выложила, и про то, что он заставлял ее в рот брать, прикнула.

«Мы тебя за развратные действия еще привлечем, Фомин», — хохотнул следователь, майор Зубодеров.

Тогда, на очной ставке, Фомин не выдержал, хотя сам себя сдержанным считал, тут же на бабу кинулся, в кабинет. Порешить, порешить немедля курву! Лега-вые на нем повисли, руки ему за спину и крепких ту-манов надавали.

Маруську Редькину надо первым номером замочить, а Жорка Усачев вторым номером пойдет.

Фомин состоял в банде Сыроядцева, бандита старой закалки. Усачев, молодой воренок, на беспощадных сигаретах разбогател и давай Сыроядцева теснить, на шурного бизнеса выталкивать. По приказу Сыроядцева Фомин замочил троих усачевцев. Наступило этакое. Казалось, дело могло закончиться мировухой, а тут Усач возьми да ссучись, к ментам за подмогой кинулся. В перестрелке с ментами Сыроядцев был убит, его банда распалась. Усачев на этом не успокоился, стал оставшихся в живых сыроядцевских ребят не спеша по одному отстреливать. Пугал Усач ближних и дальних, по мной лучше не связываться.

Менты, конечно, пыжились, это они неуловимого Гарнуца выследили и заарканили, но Фомин-то из мальчишва давно вышел, ему было известно, кто на него ментов гонел.

Фомин свернул на Малую Грузинскую и понесся в сторону Тишинского переулка.

Маруська Редькина жила на Беговой, в белой девятиэтажке с гастрономом внизу.

Начал моросить дождь. Полуночники со скамеек убрались, по подъездам, по квартирам разбрелись. На скамейках у дома, где Маруська предательница жила,

не оказалось ни души, ни тебе молодняка под кайфом, ни мужичков в летах под газом.

Фомин вошел в подъезд. Толстым и нежно-розовым, как половой член, ящеровым пальцем нажал на кнопку вызова лифта. Лифт скоро подъехал, но не пустой, а с бабушкой, мусорное ведро в руке.

Увидев чудовище, старушка выпустила ведро, захрипела, повалилась на колени.

Ящер пихнул старушку к стенке кабинки и вошел в лифт.

Редькина была дома, а вот ментов в квартире не было. Как только Фомину вынесли приговор, засаду в квартире его любовницы сняли.

Баба на звонок дверь не открыла, спросила из-за двери, кто это ее среди ночи беспокоит. В дверной глазок она смотреть не стала, лампа на лестничной площадке перегорела год как.

Что-то пробормотать ангельским голосом, чтобы Редькина открыла дверь, Фомин не мог, голосовые связки ящера не были приспособлены для такого притворства.

Фомин ударил в дверь головой. Этот ящер, в теле которого он находился, вероятно, орудовал головой куда чаще, чем передними лапами. Произведенное движение показалось Фомину естественным, к тому же оно было результативным: дверь треснула посередине. И голова у Фомина не заболела.

Еще три таких удара, и в квартиру можно было входить.

Маруся завизжала, кинулась в конец коридора, сверкая сальными ляжками.

Фомин настиг ее, когда она в комнату заворачивала. Он схватил ее за плечо зубами, подкинул под потолок. На пол Редькина упала в отключке: ужас, боль, вот тебе и обморок.

Поторопился, надо бы сперва представиться, пронеслось в голове Фомина. Подождать, пока баба придет в себя? Это было рискованно. Кто-то из соседей,

Усачев грохот разбиваемой двери, мог в ментовку позвонить.

Ящер перекусил бабе шею, шейные позвонки только хрустнули. Обкусывать ее он не стал, был сыт.

Теперь — к Усачу.

Георгий Павлович Усачев жил в Бирюлево, на Харьковской улице.

Фомин взглянул на часы в прихожей. Эти часики, старинный дворец с золочеными башенками и циферблатом в центре, он Редькиной на день рождения подарил. По сувенирным отделам полдня мотался, идиот.

Второй час ночи. Успеет он с Усачевым сладить, и мизиништу замочить успеет.

Наверное, было бы умнее Фомину сперва колдуним стать, а уж потом бежать с Усачевым разбираться, но он чувствовал такую силу в теле монстра, такую мощь, что тишину со священной мстью ему показалось нестерпимой.

Старушка так и лежала в лифте, на арбузной кожуре из мусорного ведра. Бессердечному Фомину и в голову не пришло посмотреть, дышит ли старуха, не говорить уж о том, чтобы попытаться привести ее в чувство.

Мчался к подворотне, Фомин увидел беленькую иномарку, легковушка во двор въезжала. Невежа водил, и не подумал поторопиться дать ему дорогу.

Фомин с разбегу прыгнул на машину и пронесся по ней.

Падальцу легковушки, Пашке Дьячкову, так никто и не поверил, что по его машине пробежал ящер из зоологического музея. Однако никто не мог объяснить, почему могло оставить на корпусе машины вмятины, похожие на следы трехпалых лап.

До Харьковской улицы Фомин добежал без особых приключений, если не считать двух аварий (водитель, увидев монстра, не справился с управлением, шлям) и трех или четырех девчоночьих обмороков.

Усачев жил в бывшем купеческом особняке, в семипоместной квартире. Всего в доме было шесть квартир,

по три на каждом этаже. Соседи Усачева все были козырной масти, тут тебе и два генерала, и министр, и бывший посол. Чтобы попасть в дом, требовалось сперва за ограду пройти. Во дворе постоянно дежурили три охранника.

Железную дверь ограждения Фомин вышиб привычным движением, боднул головой. Охранники в сторожке резались в домино на щелбаны, спать им категорически воспрещалось. Двое охранников так и застыли, окаменели от страха ребята, третий схватился за кобуру и выскочил во двор. Выстрелить он не успел, ящер оказался проворнее. Фомин поддал его широким лбом, парень в стену так и влип. Ушиб мозга, множественные разрывы внутренних органов. Через пять минут реанимировать уже было некого.

В дом вела высокая, пышно инкрустированная дверь, с бронзовыми павлинами и цветочками-завиточками. Фомин разнес парадную дверь в щепки, вбежал в зеркальный холл и замер.

В доме было несколько квартир, а ведь он не знал, в какой именно проживал Жорка Усач.

А, по фигу. Квартир в доме немного, он станет откупоривать их все подряд, и где-нибудь Усачев объявится. Лишь бы этот сучонок сейчас дома сидел, а не в борделе и не в кафешке развлекался.

Тут Фомин уловил некое движение вверху. Он задрал голову и увидел стройного молодого человека в пиджаке и при галстуке. Молодой человек держал в руках автомат.

Фомин был настолько упоен своей звериной силой, что позабыл, а ведь на свете огнестрельное оружие существовало. В первую секунду, увидев автомат, он растерялся — и взревел дико, и метнулся по лестнице вверх.

Молодой человек нажал на спусковой крючок.

Парень стрелял в упор, он не мог промахнуться, но где же боль?

Фомин не почувствовал боли.

Однако удары пуль о чешую он ощущал.

Монстр посмотрел себе на брюхо.

Несколько чешуек были вдавлены в тело.

И это все, на что оказались способны пули?

Фомин, только на секунду остановившись, вихрем полетел на второй этаж. Он хватанул парня за руку. Рывок, рванул кусок плоти. Руку с лопаткой он тут же вынул, не до чревоугодничества. Молодой человек, обливаясь кровью, упал.

Коридорчик, откуда вышел телохранитель, заканчивался стальной дверью с глазком видеодомофона над ней.

Ицкер бросил тело на стальную дверь.

Фомин быстро убедился, вышибить дверь не представлялось возможным. И как ее вышибешь, если она наружу открывалась. Не справившись с дверью, монстр обрушил свою тушу на стену. Здесь дело пошло, кирпичи так и посыпались.

Ицкер ввалился в квартиру авторитета через отверстие в стене.

В квартире в это время находились: Георгий Павлович Усачев собственной персоной, вот Фомину-то помню, баба Усача, Валька Усачиха и теща Усачевская, Маргарита Никитична.

Фомин думал, придется ему Усача по шкафам с колом искать, а то еще Усач от него с балкона сиганет, однако Усачев оказался мужчиной.

Усачев встретил Фомина со Стечкиным в руке.

Ох, надо было Усачу сразу противотанковый пулемет покупать.

Авторитет упал на иранский ковер ручной работы раздельно: голова — одно, туловище — одно.

Баба Усачева с матерью Маргаритой Никитичной и коридор из кухни выглядывали. У Маргариты Никитичны потом поджилки тряслись два месяца, а Валька Усачиха, увидев, что с еным мужиком случилось, тут же, на месте, ребеночка выкинула. До срока три месяца было.

Женщины усачевских и ребеночка Фомин не тро-

нул, потому как пока он не мог обвинить их в том, что ему хотелось кушать. Те мальчишки-наркоманы еще не переварились.

Теперь можно было в Перепелкино податься, подумал Фомин. Заказанный пацан, наверное, скучает, его дожидаячись.

Никто не помешал монстру убраться, ни охранники, пришедшие в себя, ни соседи Усачева, с бледными лицами замелькавшие в окнах. Се была мудрость: жизнь одна, а так немного надо человеку, чтобы ее потерять.

Это была вторая ночь, которую Жене предстояло провести в доме Серебряковой одному. В прошлую ночь он плакал до рассвета, потом заснул. Теперь слез не было, был страх.

Страх накатил, когда перевалило за полночь. Страх бродил по дому тихими скрипами, страх прятался за шторой, страх шевелился длинной тенью, отбрасываемой настольными часами. Причем этот страх не был обычным человеческим ночным страхом, страхом перед темнотой, перед ночью. Было в этом страхе нечто особенное, и особенное это было не смутным, но вполне четким чувством надвигавшейся опасности.

Мерный ход часов только подчеркивал напряжение, переполнявшее стоявшую в доме тишину.

Когда у мальчика начали стучать зубы, он вспомнил, как можно было защититься.

Женя, до этого с ногами сидевший на стуле, опустился на пол, подошел к бабушкиному шкафу, заставленному всякими склянками-банками, взял с полки белый мелок. Вокруг стула мальчик провел жирную линию, так, что стул оказался в центре начертанного им круга. Мальчик вел линию аккуратно, стараясь, чтобы круг получился правильным, от этого в немалой степени зависела колдовская сила круга.

Еще нужно было расставить с наружной стороны круга какие-то знаки. Бабушка однажды показала

Жене эти знаки в книге, но за один раз разве их запомнишь. Можно было в книгу заглянуть, но для этого нужно было через весь дом пройти, на кухню, и в подпол спуститься. У Жени не было никакого желания сейчас курсировать по дому, да и бабушка запретила ему в кладовские книги заглядывать, пока он не вырастет, и напомнил мальчик.

Хлопнула рама. А он думал, что окно закрыл. Окажется, прикрыл только.

Мальчик собрался подойти к окну, чтобы закрыть его, — и оцепенел, глядя остановившимися глазами в черные глаза ночи.

В окне не было ни движения. Да никого там нет, — и окном, успокаивали Женю его глаза. Однако некое внутреннее чувство продолжало твердить свое: не подходи к окну, не подходи.

Мальчик побледнел как полотно: в окно сунулась голова чудовища. Формой она напоминала голову ящерицы, размерчиком была в пол-окна, и еще для полноты картины следует упомянуть львиные зубы.

Фомин, увидев мальчика, ринулся в окно. Окно большим, ему вполне можно в дом пролезть, так зачем дверь. Кроме того, окно было открыто, а дверь еще пришлось бы выбить или разбить, шум поднять.

Индер ловко переместился с улицы в дом, даже раскрыв рама не скрипнула.

Кричать Женя не мог, горло перехватывало. Мальчик гол на полу, прислонился спиной к ножкам стула. Его губы стали сами вышептывать непонятные слова. Гиррибрикова неоднократно читала при нем заклинание, он и запомнил кое-что, без всякой связи.

Заклинание мальчика было сущей бессмыслицей: заклинание действовало, только когда оно произносилось точно и целиком, от начала до конца. Правда, иногда колдуну достаточно было сказать несколько слов, и колдовство осуществлялось. Оно осуществлялось, потому что, сказав несколько слов, колдун мысленно охватывал все заклинание полностью.

Мальчик не был опытным колдуном и вообще он пока что не был колдуном, он только имел колдовской дар. Немудрено, что произносимые им колдовские слова не производили никакого колдовского действия.

Женя был неглупый мальчик. Он догадывался, что ворочает языком впустую, и тем не менее он не прерывал свою невнятную речь. Ему хотелось верить, что хоть немного, хоть чуть-чуть колдовские слова, проговариваемые им, его оберегали.

Мальчик, сжавшийся в комок на полу, бледные губы, крупная дрожь... «Все, я — колдун», — подумал Фомин. До последнего момента у него не было полной уверенности в успехе. Видно, пацан был не прост, раз черт сам с ним не справился, стал искать наемного убийцу, думал Фомин. Но теперь-то ежику ясно, мальчишка — труп.

Ящер раззявил пасть, как раз мальчишке туда по плечи вместиться.

Фомин сделал головой движение, как курица зернышки клюет. В следующее мгновение мальчик должен был бы с головой и плечами скрыться в теле ящера, но Фомину не удалось закончить движение.

Мордой он неожиданно ударился о что-то твердое.

Фомин недоуменно махнул головой еще пару раз.

Какая-то невидимая стена стояла между ним и мальчиком.

Тут киллер заметил белую линию, наведенную мелом на полу.

Обойдя мальчика по кругу и сделав при этом несколько попыток в него вцепиться, Фомин утвердился в своей догадке. Невидимая стена, ограждавшая мальчишку, как-то была связана с белым кругом, в центре которого мальчишка находился.

Телом ящера Фомин сумел сокрушить каменную стену. Так разве эта стена-невидимка устоит перед ним?

Головой, боками, жирным хвостом ящер принялся

Питаясь в стену. Вскоре убийца убедился, что эта стена была покрепче каменной: она даже не вздрагивала от его ударов.

Колотясь о невидимую стену, Фомин увидел: пацан поднял голову, посмотрел на него и опять уткнулся подбородком в коленки.

Фомин углядел в глазах мальчика насмешку. Вот же, какой я клоп, а тебе, глыбе дурной, со мной не справиться!

Убийца рассвирепел.

Ицкер забегал по окружности, определенной белой линией, бодая головой невидимую стену, колотя в нее кулаком, бросаясь на нее всем телом.

Испуганные взгляды мальчика только подхлестывали его неистовство.

Стена стояла незыблемо, будто не из невидимого камня сложили ее и не из невидимого стального листа сварили, будто была она сотворена из какого-то сверхъестественного материала немыслимой прочности.

Фомин, до этого сдерживавший злобу внутри могучего ярева, взревел неслыханным голосом. Закачались люстры, в окнах задребезжали стекла.

Соседи справа, престарелые Изюмкины, ничего не понимали, хотя дед с бабкой в это время мучились от бессонницы. Изюмкины были глухари еще те. Соседи слева, Луковкины, тоже были в возрасте. Бабка Феня спала себе мертвым сном и спала, а деда рев ящера испугала. Должно быть, старуха нашкодила, подумал дед Луковкин, принюхиваясь.

Ицкер попробовал атаковать стену с разбегу, и опять безуспешно.

Фомин уселся на жирный хвост. Не то чтобы он устал, нет, просто он был здорово разозлен, можно сказать разъярен, и не в меньшей степени озадачен.

Как ему эту стену проломить? Подорвать ее, что ли? А где взрывчатку взять?

Эй, что это?

Круто, защищавший пацана, стал как будто меньше.

Да, вне сомнения, круг стал меньше, а пацан стал ближе к крепким, здоровым зубам Фомина.

Отчего круг стал меньше? Он уменьшился сам по себе, потому как его постепенно сжирало время, или здесь было что-то иное?

Женя посмотрел на ящера. Борясь с коликами в животе, мальчик проследил за взглядом чудовища.

И мальчик увидел то, что за несколько секунд до него увидел Фомин.

Женя скорее машинально, чем осознанно, протянул руку с мелком, чтобы обвести вокруг себя новый круг, больше прежнего, но ящер с такой быстротой и с такой алчностью метнулся к его руке, едва-едва выскочившей за белую черту, что у Жени, мгновенно прижавшего руку к груди, пропало всякое желание шевелиться.

Если то, что круг уменьшился, произошло благодаря ему, Фомину, благодаря каким-то его действиям, то ему следует повторить свои действия, и круг опять уменьшится, подумал убийца.

Вскочив с места, Фомин принялся кружиться около мальчика, пытаясь проломить стену и при этом внимательно следя, не уменьшается ли круг.

И в какой-то момент Фомин уловил: круг только что уменьшился.

Фомину потребовалось несколько минут, чтобы усмотреть закономерность: круг уменьшался, когда он бежал против часовой стрелки вокруг него, независимо от того, бросался он при этом на невидимую стену или нет.

Колдовской круг на ментальном уровне представлял собой спираль, которую следовало укрепить узлами, чтобы она не распустилась. Узлами являлись специальные значки, руны Единства, которые колдуны вычерчивали снаружи от черты, и особые заклинания. Мальчик не знал, как построить колдовской круг по всем правилам, да он и не был в состоянии это сделать.

Ящер, приплясывая, принялся выписывать круги око-

до мальчика, и с каждым таким кругом зона, отделявшая Женю от ящера, становилась все тоньше.

Будь на месте мальчика человек повзрослее, тот, наверное, стал бы прощаться с жизнью, причем богомольный обязательно вспомнил бы Бога. Жене вспомнилось другое.

В тот последний день, перед тем как отправить его в школу, бабушка Варя сказала:

— Если тебе будет очень страшно, не просто страшно, а страшно очень-очень, возьми иголку и уколи палец. Помнишь, как вам в школе брали кровь на анализ? Это немножко больно, но ни капельки не страшно. Или можешь нож взять и порезать палец или ладонь. Обязательно капелька крови должна выйти. Если крови сама не появится, ее надо выдавить.

— Зачем это, бабушка? — спросил Женя тогда.

— Там увидишь, зачем.

Это были последние слова Серебряковой. Потом бабушка поцеловала внучка, и больше Женя не видел бабушку Варю живой.

Истинно, тут было какое-то колдовство. Не могла же бабушка сказать ему такое просто в шутку.

Женя собрался немедленно сделать, как говорила бабушка, только как это сделать? Ни иголки под рукой, ни ножа. Шкатулка с нитками-иголками на комодѣ стояла, в этой же комнате, но до нее дотянуться нечего было и думать.

Мальчик укусил себя за палец. Нет, до крови себя ему не укусить. Ведь зубы у него не собачьи.

Ищѣр подбирался к нему все ближе и ближе.

Ищѣр немного, почувствовал Женя, и он потеряет рассудок от страха. Вдруг взгляд его упал на заживившую рану у него на колене. Женя был в шортах, так что рана была на виду.

Мальчик подел ногтем засохшую кровяную корочку и дернул ее.

Новой боли он обрадовался. И капелька крови, молниеносно, скоренько выползла на свет.

На месте раны мальчик собрал кожу в складку и сдавил ее. Из раны потекла тонкая алая струйка.

Кровь закапала на дощатый пол.

Мальчик подождал.

Он сделал все правильно, вот она, его кровь, но почему же ничего не происходит?

Вскоре кровотечение остановилось: кровь свернулась в ране.

И опять ничего не произошло. Ящер все так же носился вокруг Жени. Казалось, никакого внимания на манипуляцию мальчика с собственной раной зверюга не обратил. Круг, охранительный круг, делался все меньше.

Фомин остановился, чтобы передохнуть. Не то чтобы он устал, однако от этой беготни у него немного начало кружиться в голове.

Убийца собрался продолжить свой смертоносный бег, и тут громко хлопнула оконная рама, и в комнату ворвался ветер.

А вслед за ветром в окно влетела тщедушная старушонка. Старушечка стояла в ступе, в руке у нее горел-пламенел длинный меч.

Баба Яга, услышав зов родной крови, не стала тянуть, хотя была занята, тесто на змеиной слюне замешивала. Нандина мигом мечом опоясалась и в ступу прыгнула, не молоденькая была, чтобы верхом на метле летать, розовыми рейтузами светиться.

Фомин так и раскрыл рот, то есть пасть свою ящерицу раззявил. Что это за чудо еще, в ступе и с мечом? Меч как будто не легок, как его старая удерживает?

Влетев в комнату, Яга крикнула дико и на ящера кинулась.

Фомин был уверен, что запросто увернется, гибкое тело ящера повиновалось ему беспрекословно. Он увернется, а потом только зубами щелкнет, и от воинственной старушечки одно воспоминание останется.

Внезапно комната завертелась у Фомина перед глазами.

Он еще думал, как вернее старуху ухватить, а его голова тяжелым камнем-валуном уже катилась по полу, оставляя широкую кровавую дорожку.

Фомин так и не успел догадаться, что эта карусель у него перед глазами и была его смерть.

Баба Яга с мальчиком заговаривать не стала. Чего там болтать, разве не видно, пацан сомлел от страха. Однако не обмочился, человеческий сын.

Старуха сунула меч в ножны, легко подхватила мальчика с пола и посадила к себе в ступу.

Ступа с пассажирами вылетела в окно, поднялась чуть выше шиферной крыши старого дома Серебряковик и полетела в сторону леса.

ГЛАВА ПЯТАЯ

По правде сказать, никаких нежных чувств Баба Яга к своему крестнику не испытывала. Варька-колдунья, хитрюга еще та, перед тем как помереть, породнила их через обряд крещения, ее, дьяволицу, и детеныша человеческого племени. Знала Варька, что делала. Баба Яга как посмотрит на мальчика, так у нее слюни и потекут. Слюнки текут, а зуб неймет.

Ступа с Бабой Ягой и мальчиком влетела в избушку на курьих ножках через печную трубу. Яга вытащила мальчика из ступы за плечи, как куклу на пол поставила и прикрикнула: «Нет, ты стой, не падай!» Живой пришел в себя еще когда они по воздуху летели, поэтому на ногах устоял.

Старуха-чертовка отвела мальчику одну из комнат. Это внешне избушка была маленькая, скворечник на курьих ножках, а внутри там было где разгуляться. Четыре большие комнаты в избушке имелись, хотя, если вылезти в окна, одна и та же комната показывалась, одна из четырех. Такое было возможно, потому что избушка не вся в этом лесу находилась.

Яга показала мальчику на крышку большого сундука «Здесь будешь спать». Старуха кинула ему жиденькое лоскутное одеяло. Что касается наволочек там, простыней, пододеяльников, то этого добра у Нандины сроду не водилось. Не из чистоплюек баба была.

На следующий день Баба Яга, ставя перед мальчиком крынку молока, сочла нужным пробурчать:

— Крестная я тебе. Крестная мать. Что, бабка Варя не говорила? Зови меня бабкой Нандиной. А хочешь, — старуха усмехнулась, — бабушкой Ягой.

Женя ничего не сказал, он от стола глаз не смел поднять.

К концу завтрака мальчик немного осмелел. Когда Баба Яга, нахлебавшись варева из болотных трав, сытно рыгнула, он робко поинтересовался:

— Бабушка Нандина, а в школу я буду ходить?

— Еще чего, — буркнула старуха.

Однако вопрос крестника Яге запомнился. Немного погодя, освободившись от стряпни, она слетала к речке. В избушку Баба Яга вернулась с длинным ивовым прутом — розгой. Нельзя же пацана совсем без воспитания оставить, крестник все-таки, хотя и человек.

• • •

Николай Павлович Рудасов, колдун второго знака внутренней силы, был обречен. Через двадцать семь дней, а точнее, через двадцать семь суток и два часа кровь в сосудах Николая Павловича, питающих сердце, затромбируется, и с обширным инфарктом Николая Павловича увезут в кардиологию. Час в кардиореанимации, несколько судорожных рывков под пластинами дефибрилятора — и все, Николай Павлович Рудасов, колдун второго знака внутренней силы, — труп.

Казалось, собственное тело было в полной власти Рудасова, могущественного колдуна. Николай Павлович мог в считанные мгновения заживить серьезную рану у себя на теле, мог мановением мысли уничтожить полчища чумных бактерий, попади они ему в же-

Аудок или в легкие, мог рассосать склеротические бляшки. Более того, во власти Николая Павловича было сорвать из своего тела все, что ему бы захотелось: свиную тушу, криворукую хвостатую обезьянью образину, целую морду на змеином туловище. И тем не менее Николай Павлович Рудасов должен был вскоре умереть от банального инфаркта, как прочие обычные человечки помирают.

Николаю Павловичу два месяца как сто семнадцать лет стукнуло, пора и честь знать.

Ничего не поделать, так уж установлено, что самим рождением своим люди обречены на смерть.

Так-то оно так, соглашался Николай Павлович, стариком туда и дорога. Только с тем, что ему самому в старости придется той же дорожкой потопать, колдун никак не хотел смириться.

«Ну почему, почему я, могущественный колдун, должен был умереть?» — смотрел Рудасов в зеркало и возмущался. Николай Павлович в свои сто семнадцать лет выглядел крепким пятидесятилетним мужчиной, а волосы седые, так это для солидности, он при желании вполне мог бы сделать себе безо всяких красителей укрепителей густую черную шевелюру.

Лицо у Николая Павловича Рудасова было без единой морщинки, и никакой старческой дрожи, и никаких очков с толстыми стеклами.

С месяц назад зеркало впервые показало ему ЭТО, и с этого времени Николай Павлович пялился в зеркало не несколько раз на день, никак не мог насмотреться на бегущие картинки, демонстрацию его скорбного будущего.

Инфаркт — реанимация — смерть... Инфаркт — реанимация — смерть... Инфаркт — реанимация — смерть...

А поначалу-то, поначалу, когда колдун в первый раз увидел в зеркале смерть свою, он ощерился: «Ну это мы еще посмотрим». Верно, какой-то старухе в трамвае он ногу отдал, и бабка с черным глазом прокляла

его, или сглазила, или порчу навела. Отсюда — угроза смерти. А может, кто-то из заклятых врагов сумел вычислить его и к злему колдовству прибегнул.

Чтобы уточнить, откуда ветер подул, Николай Павлович растопил воск.

За его долгую жизнь руна смерти появлялась в толще воска подде его фигурки, наверное, раз двадцать. Иногда она стояла по правую руку от фигурки, то есть его собственное безрассудство угрожало ему смертью. В этом случае Николай Павлович пересматривал свои ближайшие планы, отказывался от наиболее рискованных затей, и все, руна смерти исчезала. Иногда руна смерти появлялась слева, то есть некто, возжелав ему смерти, совершил колдовское действие супротив него. В этом случае Николай Павлович смотрел в зеркало, кто его враг, и после ликвидировал врага. Ликвидация врага — это был наиболее действенный способ снять проклятие, порчу или сглаз. Над головой фигурки руна смерти, к счастью, не показывалась ни разу, то есть от судьбы Рудасов не получал пожелания умереть. Впрочем, Николай Павлович думал, он и тут бы не сдрейфил, он сумел бы заморочить судьбе голову, он спрятался бы так, что злосчастный рок не нашел бы его.

В этот раз руна смерти находилась прямо в центре маленькой фигурки. То есть Николай Павлович должен был умереть во исполнение установления Творца. Пожил дедушка хорошо, попил, погулял всласть, своими колдовскими способностями потешился, ну и хана дедушке.

Вторая руна смерти стояла в ногах схематического изображения Николая Павловича. План его убийства был определен, можете в колдовском зеркале посмотреть: инфаркт — реанимация — смерть.

Отходил старичок по матушке-землице, одним словом.

Да какой он старичок!

Рудасов мог ведро водки выпить за один присест,

он запросто сумел бы фонарный столб руками из земли выдрать, и по два половых акта в неделю Николай Павлович совершал регулярно. Да, конечно, все это не из-за природной крепости его организма, а благодаря его колдовской способности, и что с того? Какая разница, какие дровишки, сосновые или еловые, лишь бы огонь горел.

Только все эти его протесты — пшик, подумал Колдун, ставя медное зеркало на место.

Как ни крути, его ждет смерть.

А может, все-таки покрутимся маленько?

Может, еще попыхтим?

Вдруг да и имеется способ, как со смертью совладать?

Надо сказать, Николая Павловича давно интересовало, что такое смерть и как с ней справиться. Не думая, он понимал, рано или поздно руна смерти высветится в центре его фигурки в воске. А когда Николаю Павловичу за восемьдесят пошло, он начал подумывать, как бы свои прикидки проверить практически.

Вечерело. На улице стояла теплынь, но ночью похолодает, как пить дать.

Николай Павлович надел ветхий пиджачок с огромными латками на локтях, сунул в карман пиджака очки с треснутыми стеклами, помятой шляпой плешь накрыл и вышел на улицу. Уж не в «саламандрах» вышел, в кроссовках производства Кимровской фабрики, идовито-зеленое изделие на липучках.

Колдун не забыл прихватить с собой хрустальный флакончик с ярко-красной жидкостью.

Рудасов отправился на окраину Москвы. Сошел на станции метро Медведково, в ближайшей подворотне обличье изменил. Колдун сменил румянец во все моменты на немощную бледность, лицо сделал худым, голашками и морщин добавил. Теперь Николай Павлович был в точности российский интеллигент конца двадцатого века.

Колдун выполз из подворотни и потихоньку в сторону Московской кольцевой потопал.

Молодежные компании Николай Павлович обходил стороной, от трех парней бандитского вида в подворотню спрятался, от двух шалав в магазин зашел, в «Русскую канифоль».

Через пять минут выходит Николай Павлович из магазина, и видит: вот он, голубчик.

На противоположной стороне улицы с ноги на ногу переминался верзила с перешибленным носом — бычья шея, слоновьи ноги, бегемотий живот. Мужик, видно, на Николая Павловича глаз положил еще до того, как тот в магазин вошел. Больше бугаю ожидать здесь было некого, ближайšie «комки» с горячительным за поворотом улицы находились.

Рудасов подобрал голову в плечи и быстро засеменял по безлюдной улице.

Верзила, дав ему немного отойти, пересек проезжую часть, нагнал Рудасова, окликнул: «Э!» Поскольку Рудасов вместо того чтобы вежливо обернуться, прибавил ходу, верзила рванул его за плечо идохнул перегаром:

— Земляк, тыщу одолжи. Не хватат.

Колдун жалко улыбнулся и полез в карман.

Улица была безлюдна, очень хорошо.

Рудасов вынул руку — и на мужика страшно глянула собачья голова. Голова плавно переходила в тонкое запястье интеллигента.

Пьяница икнул от испуга и подался назад.

Колдун двинул рукой, и собачья пасть сомкнулась у мужика на горле.

Ножевое ранение или огнестрельное, это еще копать, расследовать будут, а так, собака загрызла пьянчугу, и вся недолга. Передайте в мэрию, нужно отстрелочной команде лучше работать.

Окровавленные челюсти раздвинулись, и мужик упал, говнячья туша.

Колдун нагнулся.

Пьянчуга был еще жив.

Рудасов за ноги подтащил мужика к подвальному оконцу, открытому по летнему времени, и спихнул тушу в подвал. Затем колдун сам проследовал за тушей.

Здесь ему не должны были помешать, но надо то-ришиться, объект мог в любую минуту превратиться в бесполезный труп.

Рудасов достал из кармана хрустальный флакончик и вылил его содержимое, две столовые ложки ярко-красной жидкости, себе в рот.

Бесполезный теперь пустой флакончик Рудасов швырнул куда-то за переплетения труб. Послышался слабый звон разбитого стекла.

Колдун ощутил тяжесть в голове, его веки словно навалились свинцом, и разом неприятные ощущения исчезли. И Рудасов увидел мир другим, не сумеречным (в подвале было темно), не темно-серым, но радужно-ярким, в радостных цветных переливах. Вокруг труб с горячей водой появилась красноватая аура — Рудасову стало видно инфракрасное излучение. И это при том, что колдун не напрягал колдовское зрение. По фиолетовому в фиолетовых разводах бетонному полу приближала облезлая крыса. Рудасов-колдун увидел бы ауру крысы в виде исходящего от нее разноцветного свечения, но теперь своим новым зрением он увидел ауру крысы иначе. Вокруг зверька кружились с бешеной скоростью какие-то разноцветные мушки. Этих мушек, хранилищ информации, неплохо было бы рассмотреть поблизи, подумал Рудасов, но сейчас ему было не до мушек с информацией об облезлой крысе.

Колдун стал озираться по сторонам, внимательно всматриваясь в каждый радужный перелив. Ни человеческим зрением, ни колдовским зрением он не мог увидеть ЕЕ, так может, он увидит ЕЕ зрением птицы Феникса?

Жидкость из хрустального флакончика, которую привалял Рудасов, являла собой кровь птицы Феникс, кровь смертной птицы, каждые пятьсот лет сгоравшей дотла и затем возрождавшейся из пепла. Ради этих двух

столовых ложек крови бессмертной птицы уж пришлось Рудасову потрудиться. Ему пришлось пройти колдовской Путь к колдовскому знаку 431, птица Феникс, то есть в личине странствующего рыцаря мир Сизеурда пересечь. Мир Сизеурда кишел драконами, разбойниками и людоедами, так что это было совсем не просто, по Сизеурду путешествовать.

Рудасов снес голову птице Феникс и наполнил ее кровью хрустальный пузырек с целью, что, быть может, приобретя зрение бессмертной птицы, он сумеет увидеть невидимое для смертного.

Николай Павлович Рудасов хотел увидеть Смерть, увидеть и попытаться сразиться с ней.

Сейчас у него под ногами валялся человек, который должен был вот-вот умереть. Этот несчастный пьяница являлся приманкой, смерть должна была появиться подле умирающего, и Рудасов надеялся, что хоть в этот раз он увидит ЕЕ.

Как ОНА будет выглядеть — старухой с косой, огненным змеем, светлым ангелом с лебедиными крыльями, — Рудасов не знал. Но он, разумеется, узнал бы ЕЕ, кем бы она ни явилась.

Лишь бы только ему увидеть ЕЕ, лишь бы только ему увидеть ЕЕ...

В этом был расчет Рудасова, его надежда на бессмертие: справиться с невидимым противником невозможно, но если бы он увидел Смерть, он бы сумел одолеть ЕЕ, он бы сумел увернуться от ее разящей косы и зашвырнуть старуху (или дракона, или ангела) обратно в мир, откуда Смерть приходит.

Всматривался-всматривался Николай Павлович в водопроводные трубы и мешки с углем (кто-то не боялся в общественном подвале уголь хранить, наверное, для дачной теплицы уголек), всматривался и до него доходит вдруг: а ведь пьянчуга, хотевший за его счет на тысячу рублей разбогатеть, уже не дышит.

Смерть ушла и увела мужика с собой или там она

перерезала какую-то мужиковскую жизненную нить, или еще каким-то образом исторгла жизнь из человеческого тела, а Рудасов ее и не заметил.

Она успела побывать в подвале и обратиться восвояси, а он ее не заметил.

Точно так было, когда он смотрел на мир глазами Лернейской гидры, Смарагского червя, Ненесской ехидны. И тогда он не увидел Смерть.

В копилку его колдовских способностей добавилась еще одна способность: видеть глазами птицы Феникса, и что проку? Пройдет несколько дней, и он вот так же не увидит приближение собственной Смерти, и он умрет, и все его сверхъестественные способности обратятся в тлен.

Сменив птичье зрение на зрение обычное, человеческое, Рудасов выбрался из подвала и отправился домой.

По пути его не покидала одна мысль. Неужто был прав Генка Кудинцев, смерть — это не какой-то зверь, это не существо, которое можно увидеть и с которым можно вступить в борьбу, смерть — это просто изнашивание и разрушение жизни?

С Генкой Кудинцевым, Геннадием Викторовичем, они были знакомы тридцать лет, вместе при Хруще в КГБ служили, только Рудасов в отделе физической компрометации (тайные убийства) службу нес, а Кудинцев в аналитическом отделе чай пил. Волею случая повстречались они на лестнице в здании Комитета, ну и познакомились. Колдуны сразу друг друга разглядели, рыбака рыбака раздевает издалека.

В годы службы Рудасов и Кудинцев общались редко, но потом, как в отставку вышли, они стали частенько друг к другу наведываться.

Кудинцев был язва, каких поискать, все норовил Николая Павловича укусить, видно, это Кудинцеву удовольствие доставляло. Больше потолковать Николаю Павловичу было не с кем, ну он с Кудинцевым связи и

не прерывал. Вообще, люди, наделенные колдовской способностью, сторонились друг друга, за свою силу опасались, но в Кудинцеве Рудасов был уверен, циник и насмешник Кудинцев его не засосет и его силу не украдет.

Над попытками Николая Павловича изобрести способ, как избежать смерти, Кудинцев смеялся, перец сладкий. А может, он все-таки посадит в галошу Генку Кудинцева, поднимаясь на эскалаторе метрополитена подумал Рудасов, уже не веря сам себе.

Да чего это он раскис, у него впереди почти что месяц. Говорит же Некрономик: «Смерть есть тварь, пожирающая жизнь». Тварь. А на всякую тварь сила найдется.

...

Баба Яга позволяла Жене из избушки выходить: «Погуляй, погуляй, гуленый». Чего ж не позволять, если все равно, куда ни пойдешь, назад к избушке вернешься. Только по одной тропинке, с ядовитым «вороньим глазом» по сторонам, можно было уйти от Яги. Однако эту тропинку две гадючки стерегли. Попробовал Женя как-то по заповедной тропинке пойти, а гадючки ему в ноги и кинулись. Зашипели, заблестели зубами, гады ползучие. Мальчик без памяти в избушку прибежал.

Когда Баба Яга отлучалась, мальчик идти гулять не торопился, чего там сосны с березками считать, если есть занятие поинтереснее. Без какого-то злого умысла, просто из любопытства, Женя обследовал старухины сундуки. Сундуков у Яги было полно всяких, иные было не открыть, но большинство, ничего, очень хорошо открывались.

Старухины сундуки наполнились всякой дрянью: чулками животных, ветхими тряпками, колокольчиками, уздечками. В одном сундуке, однако, только и было, что на дне гусли лежали. В этот сундук старуха частенько лазила. Достанет гусли, струны перебирать начнет и

что-то под нос загундосит. Оказалось, в какой последовательности струны не трогай, гусли одну и ту же мелодию выведут. Хоть только одну струну щипни, какую угодно, все равно прежняя мелодия зазвучит. Такие нудные гусли особого интереса у Жени не вызвали, а вот содержимое соседнего сундука его заинтересовало куда сильнее.

В этом сундуке лежали колдовские книги.

Да, да, как оказалось, у Бабы Яги были колдовские книги. Колдовские книги наполняли сундук доверху, а что они в самом деле были колдовские, Женя очень просто определил. Кожаные переплеты, толстая желтоватая бумага, слова в названиях: «колдовство», «демонья», «смерть», «духи»... Несомненно, это были колдовские книги, точно такие же книги стояли в шкафу у Серебряковой, куда Жене без спроса было запрещено заглядывать.

Мальчик не задумывался над тем, зачем старухе эти книги, а ведь в том, что Баба Яга имела колдовские книги, заключалось немало странного. Колдовство Бабы Яги было особое, не людское. Баба Яга не проговаривала заклинания, не чертила магические знаки, не варила колдовское зелье. Для того чтобы заставить вещь повиноваться ей, Яге стоило только до нее прикоснуться. Так, когда надо было дрова заготовить, Яга дотрагивалась до ствола облюбленного дерева, до пилы и топора. Дерево падало на землю, и дружные ребята, пила и топор, принимались за дело. Надо было подмести — Баба Яга касалась метлы, а чтобы тесто раскатать, Яга тыкала крючковатым ногтем в скалку. Хотя, конечно, внимания хватало лишь на какое-то время. Передавая колдовскую энергию неодушевленным предметам, Баба Яга не нуждалась в энергетической подпитке от земли или огня. Ее уродливое, горбатое тело само являлось источником колдовской силы.

Как бы то ни было, колдовские книги у Бабы Яги были, и мальчик время от времени, а по правде говоря,

довольно часто, стал в них поглядывать. Бабушка Варя запретила ему до колдовских книг дотрагиваться, пока он не повзрослеет, но он только картинки посмотрит, а читать — ни в коем случае.

Женя сам не знал, как это получилось. Однажды рассматривал он разукрашенного пляшущего демона в книжке, а буквы словно сами по себе у него перед глазами появились. «Сосредоточение силы колдуна внешней силы...» Он прочитал эти непонятные слова, и что? Ничего. Ничего не произошло. Молнией его не убило и потолок на него не обвалился.

Мальчик прочитал в другом месте: «наполнение энергетической чаши производится обеими ладонями...» И в другом: «формула открытия для объектов второго рода должна содержать вводную фразу...»

А ведь он может читать колдовскую книгу. Не стал ли он уже взрослым?

Несколько ночей подряд Женя рассматривал небо, где там видимая только колдунами звезда Астромагната. Никакой особенной звезды он не заметил. Или в Астромагнате не было ничего особенного? Можно было попросить Бабу Ягу, чтобы она показала ему Астромагнату, но уж очень он старуху боялся.

Нет, похоже, он еще не стал взрослым.

Что теперь, не раскрывать колдовские книги?

Запретный плод сладок, и мальчик стал часто от этого плода откусывать. Так-то, может, ему скоро наскучило бы читать непонятные слова, но прельщала тайна, заключающаяся в них, и запрет их читать. И постепенно Женя начал разбираться или не то чтобы разбираться, но понимать отдельные места в колдовских книгах.

И наступил момент, когда мальчик решил попробовать самостоятельно поколдовать.

Женя счел по недомыслию, что самое простое, это так называемое «колдовство Барса», одна из разновидностей колдовства физической силы. Что тут, производи заклинание, и все, ты — силен, как барс.

Мальчик дважды прочитал заклинание про себя, чтобы не ошибиться, а уж потом произнес его вслух.

С последним звуком, вырвавшимся из детского горла, мышцы Жени стали напрягаться, выворачивая суставы. Появилась такая боль, что мальчик закричал. Пот покрыл все его тело, маленькое сердце заколотилось — и боль прошла.

А это не так уж страшно, колдовать.

Женя согнул двумя пальцами железную ручку сундука, вот он какой сильный.

Он бы, навёрное, еще много чего покорежил в избушке, но тут он услышал шум со стороны печи.

Когда Баба Яга, опустившись через трубу в избушку, вылезла из ступы, перед ней стоял пай-мальчик. И все сундуки были закрыты, и погнутую ручку Женя успел выправить.

Женя отпросился погулять и около часа с кошачьим криком каратиста рубил ладонью небольшие пеньки, а потом время действия заклинания кончилось.

Весь остаток дня мальчик чувствовал страшную разбитость, будто в мясорубке побывал. Потом он научился подпитываться энергией от огня (месяц в ожогах ходил, пока учился), и такие нежелательные последствия колдовства с ним перестали случаться.

Затем Женя научился разговаривать с волками, и чтобы они непременно исполняли, что ему хотелось. Изначалу он попробовал приручить по-колдовски белку, но колдовство никак не хотело получаться. Все эти волки были близки к собакам, домашним животным, навёрное поэтому с ними у Жени легко наладилось общение.

Очень долго Женя пытался овладеть колдовством, как привести в подчинение змей, но и тут раз за разом случалась осечка. А как ему без этого колдовства по извилистой тропинке пройти?

Но то чтобы мальчик уж очень соскучился по людям, нет. Сначала он просто хотел иметь возможность

ходить, куда ему вздумается, всякая неволя угнетает, а потом у него возникла конкретная цель. Жене накрепко врезалось в память: похороны, скорбно поджатые губы соседских старушенок, черный гроб с телом бабушки Вари и трактор, волочащий столб электропередачи прямо в их подворье, в ворота, откуда только что вынесли гроб. Барские (так называли в деревне порученцев Александра Фроловича Сычева) живо унюхали старушечий труп, ну и засуетились назад столбы с проводами переносить, чтобы на своем настоять, чтобы провода непременно над чужими подворьями тянулись.

Раньше кем Женя был, просто мальчишкой, а теперь...

Теперь он может этим негодяям отомстить. Вот только бы ему отсюда выбраться.

В конце концов Жене пришлось отказаться от змеиного колдовства, не получалось у него колдовство, и все тут.

А ведь можно и с тем его умением, которое есть, по тропинке пробраться, подумал мальчик.

Он наколдует себе силу, и неужели он тогда не сумеет избежать ядовитых гадючьих зубов? Неужто змеи окажутся ловчее его?

Не сразу Женя на это решился.

Когда мальчик, прочитав заклинание Барса, двинулся к заповедной тропинке, душа у него ушла в пятки.

Он взял разгон еще до того, как ступил на тропинку. По тропинке он пронесся на одном дыхании, а остановился он тогда, когда ручей ему дорогу перегородил.

Учащенно дыша, мальчик оглянулся.

Никакие змеи за ним не ползли. И тропинка-то была не та, не заповедная. Черных ягод «вороньего глаза» нигде не было видно.

Женя руками и голосом сотворил заклинание, призывавшее волков, и вскоре к нему подбежали пять ма-

терых хищников, три самца и две самки. Волки обнюхали мальчика и замахали хвостами, свой.

С волками порядок.

Женя пошел по тропинке туда, откуда доносились разноголосые крики петухов. Волки затрусили за ним следом. По пути в деревню мальчик подобрал увесистую палку. Палка была суковатая, немного кривая, словом, выглядела она не очень эстетично, но ему и такая пригодится.

Сначала мальчик хотел прямо к барскому дворцу направиться, то есть к даче Александра Фроловича Сычева, но стоило ему увидеть деревенские домишки с учорчатыми ставнями, как вспомнилась ему бабушка Варя, и изба ее вспомнилась, крыша коньком.

Женя к старому жилищу Серебряковых повернул.

Волки стали отставать, а когда впереди показались ограды крайних дворов, хищники уселись на хвосты и лаяли.

Женя остановился. Он бы мог прикрикнуть на волков, он бы мог заставить их последовать за ним, но к чему это, дефилировать по деревне в сопровождении такого эскорта. Отсюда была видна изба Серебряковых, и мальчик долго смотрел на высокое крыльцо. А сколько не стой, бабушка Варя все равно не выйдет ни смотреть, не возвращается ли домой ее внучек.

Мальчик пошел к дворцу из красного кирпича, железная ограда кругом, нарядные башенки с петухами-фигурами на острых шпилях. Дворец Сычева находился на краю деревни, немного в стороне от первых дворов, так что с волками к нему можно было очень просто подобраться.

Замок калитки Женя выбил ногой, винтики так и вылетели. Сама калитка, правда, устояла, на петлях прогнулась, но это уж было дело десятое. Главное, проход открылся.

Маленький бесенок понесся к новорусскому дворцу, вынырнул прямо по клумбе с астрами и георгинами,

издавая индейский военный клич и потрясая суковатой палкой.

Волки вслед за мальчиком ворвались во двор усадьбы и тут же сцепились с двумя смоляно-черными ротвейлерами. От собак шерсть и клочья полетели.

Два здоровенных тупоумных лба в униформе выскочили из дежурки, маленькой пристройки ко дворцу наподобие собачьей конуры. Охранники сразу начали стрелять — не по мальчику, правда, а по волкам. Женя к этому времени, колошматя палкой по цветным дворцовым стеклышкам, скрылся за углом одной из башенок.

То есть это охранники думали, что они по волкам стреляли, а на самом деле они по собственным собачкам палили. Волки, выросшие близ нашей славной столицы, знали очень хорошо, что такое стрельба, а ротвейлеры, выкормыши элитарного парижского питомника, об этом и понятия не имели. В результате волки все до последней челюсти остались живы, а черные псины невесело застыли в лужах собственной крови с пулями в хребтинах.

Без особого сожаления расставшись с ротвейлерами, волчины набросились на охранников. Отступая к парадной лестнице, парни принялись стрелять из пистолетов «ПМ» по волкам в упор. Так казалось охранникам, на деле же, очевидно, было не так, раз ни одну серую шкуру парням не удавалось подпортить. Хищники как будто угадывали, в какое мгновение должен был прозвучать выстрел, и успевали уйти с вероятной траектории пули.

Тем временем Женя, разбив все окна первого этажа дворца, принялся за тонированные стекла синей «БМВ», не забывая про фары и подфарники. В этой машине утром на дачу приехал Мослаков — проверить, не загуляла ли охрана в отсутствие хозяина.

Покусанные охранники уперлись спинами в парадную дверь, и тут оказалось, что дверь-то была закрыта.

Парни затрахались в дверь ядреными задами, закрутили дверную ручку. Напрасные потуги. Раз дверь была закрыта, значит, она была закрыта, а не просто туго отрывалась. И парни это прекрасно знали.

Охранники завопили в две луженые глотки.

«Уволю сопляков», — решил Мослаков, нажимая кнопку на карманном пульте радиоуправления автоматикой дворца.

Парадная дверь распахнулась. Парни со скоростью звука юркнули в дверной проем и быстро захлопнули украшенные бронзовыми барельефами створки.

Мослаков наблюдал за происходившим с бокового балкона. В руках у него подрагивал черный автомобиль, бельгийский «Тарантул». Мослак взялся за автомобиль сразу, как только услышал шум во дворе, а уж потом на балкон вышел.

«Тарантул» затрещал уверенно, деловито.

За пашаами у Мослака не зря были пять лет в дивизионе подразделении военной разведки, стрелял он не то что громилы-охранники. Два волка завизжали, заватались по газонной зеленой травке, остальные начали укрываться за стволами пирамидальных тополей.

Женя, услышав предсмертные хрипы своих помощников, оставил в покое уже изрядно покалеченную «Таню» и поспешил к месту событий. Мальчик быстро оценил обстановку и принялся творить заклинания. Оно было коротенькое, и Женя его специально выучил, перед тем как ступить на заповедную тропинку.

Это колдовство должно было дать ему огромную силу. У него в руках должен был появиться огненный шар, который он смог бы запустить куда угодно. Мослаков как раз напрашивался, чтобы в него швырнули струю плазмы. Заодно и левое крыло дворца рассыпалось бы до фундамента, что тоже было бы неплохо.

Почувствовав покалывание в ладонях, Женя сложил

ладони в горсть, получилась так называемая большая энергетическая чаша. Сейчас в чаше должен был появиться ослепительный сгусток.

И сгусток плазмы появился, сверхновой звездой вспыхнул в ладонях мальчика.

Женя заверещал от боли и замахал обожженными руками.

Лишенный колдовской поддержки, плазменный шар немедленно исчез. Какой-то доли секунды не хватило ему, чтобы обрести устойчивость в мире людей.

Мальчик зашатался. Мало того, что ему было больно, а тут еще откуда-то появились слабость, головокружение, судороги в ногах.

И еще он почувствовал, что потерял невидимую связь с волками.

Женя посмотрел, что там происходит, у портала дворца. И он увидел: звери бежали прямо к нему, и, судя по их виду, совсем не для того, чтобы помахать ему хвостом.

Случилось то, чего опасалась Серебрякова. Малолетний обладатель колдовского ДАРА, будущий колдун, но еще не колдун, кое в чем может больше, чем сложившийся колдун. У колдуна свершится только то колдовство, которое присуще выбранной им колдовской дороге, тогда как у мальчика с ДАРОМ могло получиться любое колдовство. Однако мальчик не обладал достаточной душевной силой, чтобы суметь всегда удерживать нити колдовства в своих пальцах, и в этом заключалась для него опасность колдовства. Выпущенная из рук колдовская мощь могла не только улетучиться в неподходящий момент, но могла и убить.

Мальчик потерял сознание.

Звери пробежали мимо. Они и не думали нападать на Женю, нежного и вкусного. Они от смерти спасались, которая с балкона огнем плевалась, грохоча так, что уши закладывало.

Когда волки скрылись из виду, Мослаков опустил вниз. Два зверя были живы, и он гуманно пристрелил

на, а ведь мог бы сплясать чечетку на их животах. Мальчишку, подмосковного Маутли, Мослак велел связать и отправить в ментовку, а что пацан без сознания, тут печалиться нечего, в ментовке его живо в сознание приведут.

Через два часа Мослаков позвонил в РУВД, куда охранныки после амбулатории отвезли мальчика, предупредил, пацану палец в рот не клади, так что смотрите, чтобы не слинял. И поскорее чтобы узнали, кто родители мальчишки, ущерб даче нанесен большой, надо оплатить. К этому времени уже было выяснено, что Женя Серебряков — сирота, и опекунство над ним никто не взял. Услышав эту безрадостную новость, Мослаков пожелал, чтобы это дело все-таки не было на тормозах спущено. Не спустим, Сила Силыч, заверили его. И суд будет, и приговор будет, у нас ведь правовое государство. Не беспокойтесь, пацана не в спецшколу и не в лагерь на «мерседесе» повезем, а в колонию для малолетних преступников фуганем.

Баба Яга узнала, что случилось с крестником, только когда домой вернулась. Ведь Женя не призвал ее в последнюю минуту, то есть сам себе кровь не пустил, а мы ведь она не почувствовала, слишком толстокожая была.

Увидев, что мальчика нет дома, Баба Яга послала трех галок крестника в леске вокруг избушки поискать, а когда птицы вернулись ни с чем, старуха взяла серебряное блюдо и яблоко (свежих яблок у нее как назло не вышло, так что пришлось прошлогодний компот с мякотью открыть). После того как яблоко пару раз приложила по блюду, в блюде открылось колдовское зеркало, и старуха потребовала у зеркала немедля ее крестника показать.

Вспомнив о происшедшем, Яга, не долго думая, в ступу села. Меч она с собой брать не стала, дело-то пустяковое, мальчика из тюрьмы забрать.

Местная тюрьма находилась в здании РУВД, четыре маленькие камеры с маленькими зарешеченными окош-

ми. Серьезных преступников сразу отконвоировали в Москву, пьяницам трудяга-вытрезвитель распахивал объятия, так что в этих камерах отстаивалась всякая шелупонь, обрыдлая бытовуха. Сейчас в одну камеру посадили Женю, две были пусты, а в оставшейся нудился один старичок, старик сына по пьянке зарезал, никак не могли договориться, кому за пол-литрой бежать.

Баба Яга приземлилась у ментовки в двенадцатом часу ночи. Влететь в ступе в камеру к Жене она не могла, слишком окно было узкое, так что ей предстояло мальчика под ручку отсюда вывести.

Дежурный, лейтенант Пальчиков, рыхлый красно-рожий детина, увидев, что маленькая старушонка, вместо того чтобы к нему подойти, в коридор заворачивает, рявкнул:

— Куда прешь, старая?

Этого окрика, по разумению лейтенанта Пальчикова, вполне должно было хватить, чтобы старуха не только остановилась, но и от страха упала на пол, задирая юбки.

Ничего такого не произошло, бабка бойко понеслась по коридору.

Пальчиков, кроя старуху матерно, выскочил из-за стола. В коридоре он настиг старуху, хотел в охапку сгрести и за порог вынести, но тут бабка обернулась.

Пальчиков попятился. В полутьме коридора глаза у бабки горели красноватым огнем.

Яге некогда было рассусоливать. Она выставила вперед руки, и они вытянулись как грабли, и этими страшными руками-граблями она схватила милиционера за пухлые плечи.

Оставив Пальчикова лежать на полу с разорванным горлом, Яга двинулась дальше по коридору.

Баба Яга чуяла, где крестник томился, так что во все двери толкаться не стала, у нужной остановилась.

Старуха дотронулась до двери, искра пробежала между ее узловатых пальцев, и в дверном замке провернулись колесики.

Она открыла дверь.

Разглядев, кто пожаловал, Женя робко двинулся к Яге. После допроса у следователя он обрадовался бы, если бы за ним явился черт с рогами.

Старуха, смерив мальчика злобным взором с головы до ног, взяла его за руку. Хватка у Яги была железная.

А розгу она не забыла с собою взять.

Закончив экзекуцию, Яга вывела хнычущего мальчика из камеры и повела к выходу.

В конце коридора, у лестницы, ее поджидали.

Два гаишника опустились со второго этажа, а тут труп лежит. Они не успели тревогу поднять, только успели пистолеты вытащить, и тут видят: по коридору идет старуха с пацаном.

— Стоять! — майор, старый службист, наставил пистолет на старуху.

Лицо у старухи загорелось. Не так, как загорается лицо после стакана «беленькой» — лицо Бабы Яги загорелось каким-то зеленоватым, мертвенным. Она показала зубы, глянула милиционеру в глаза.

Пистолет затрясся в руке у майора.

Старуха прошла с мальчиком мимо гаишников. Входная дверь была в нескольких шагах.

Когда они подошли к двери, один из ментов опомнился, не тот седоватый майор, тот так и стоял с отвислыми челюстями до приезда «неотложки», а другой, молодой старшой, парень исполнительный, хотя и не шибко умный.

Старшой выстрелил в Бабу Ягу. Не в сердце целил, там же положено, в плечо.

Старуха быстро обернулась. То есть туловище продолжало идти к двери, обернулась одна старушечья голова.

Она прикупила лошадиными зубами и что-то выплюнула на пол.

Гаишник увидел на полу свою пулю.

Выбежал через минуту из ментовки, старлей уви-

дел, как набирала высоту ступа со старухой и мальчиком.

Ступу с беглецами быстро сокрыла темнота, и вдруг она на миг мелькнула в свете полной луны, после чего потерялась в черном бездонном небе окончательно.

* * *

Пять дней.

Только пять дней.

Только пять дней ему оставалось жить.

Пять дней, и — все, темная пелена перед глазами, короткая агония, небытие.

Николай Павлович Рудасов, колдун второго знака внутренней силы, откинулся на спинку кресла. Колдовская сила, молодившая его, еще была, еще жила в нем, но как он изменился за последние несколько дней! Его лицо осунулось, у глаз появились темные круги, и эти морщинки... Судя по виду Рудасова, можно было бы сказать, что за неделю он постарел на десять лет.

Николай Павлович уже не смотрел в колдовское зеркало, но оно продолжало показывать его будущее. Смерть — морг — крематорий — колумбарий. Специальное отделение колумбария, сиротское, куда помещали урны клиентов, не имевших родственников, вроде Николая Павловича. А через двадцать лет, согласно инструкции, его прах вытряхнут в мусорку, после чего урну в очередной раз используют по прямому назначению.

Часы талдычили: смерть-смерть, смерть-смерть, смерть-смерть... Деревья безмятежно шумели за окном. Урна с его прахом будет стоять в бетонной нише, а деревья точно так же будут шуметь. И какой-нибудь мальчишка-шалопай, уборщик в колумбарии, возьмет да и насыт в его урну.

Николай Павлович Рудасов был человек деятельный, почти что каждый день он испытывал новое зелье, позволявшее ему видеть мир всякий раз иначе, однако, какими бы глазами он не смотрел на мир, Смерть ему так и не удалось увидеть.

В единоборстве невидимый враг непобедим, по-скольку нельзя знать, с какой стороны будет нанесен удар, и нельзя точно ударить по невидимому врагу.

Колдун не допускал, чтобы отчаяние поселилось у него в сердце, однако этот зверек, обосновавшийся у него в кишечнике, требовал своего все настойчивее, скребся все сильнее, Николай Павлович еле успевал бегать в санузел.

И вдруг Николай Павлович услышал негромкое потрескивание.

Колдун резко развернулся.

В стене под часами-кукушкой зияла дыра неправильной формы, по краю которой пробегали голубоватые искры, и через эту дыру из другого мира на колдуна смотрел Демон Судьбы.

Ах, несомненно, это был какой-то из Демонов Судьбы, гордо называвших себя Духами Неба. С Демонами Судьбы Рудасову не приходилось общаться, но он видел их изображения в колдовских книгах: мягкий овал лица, вьющиеся волосы, косой разрез глаз. Чего это Демону Судьбы понадобилось от него, колдуна второго звена? Демоны Судьбы не нуждались в подпитке собственной силой колдовской силой колдунов или ведьм. Когда же Демону Судьбы надо было вмешаться в происходящее на Земле, он это делал не на Земле, а у себя, в Саду Судеб.

— Передо мной колдун Крамогор? — вежливо спросил демон.

— Да, — кивнул Николай Павлович с достоинством. Ни в чем демонстрировать, что он, по сути, уже не колдун Крамогор, а без семи дней труп.

— Однако вам предстоит умереть, к сожалению.

— Почему?

— Я не могу наделить вас бессмертием, тут ничего не поделаешь. Однако несколько десятков лет жизни я все же вам подарить.

— Каким образом? — быстро спросил Рудасов.

— Вы знаете что-нибудь о Саде Судеб?

— Да. В «Колдовских легендах» Вельдмана написано, там горят свечи всех людей Земли. Каждая свеча — чья-то жизнь. Когда свеча догорает, человек умирает.

— И еще в Саду Судеб есть мы, Духи Неба.

— Демоны Судьбы, я и это знаю.

— У Вельдмана прочитали?

— Где же еще.

По женственному лицу Демона Судьбы пробежала морщинка неудовольствия, нельзя сказать, чтобы колдун говорил с ним с почтением. Некие способы воздействия на колдуна у Демона Судьбы были, тем не менее требовать коленопреклонения он не стал.

Демон Судьбы сказал:

— Раз вам известно о Саде Судеб, вы сразу меня поймете. Ваша свеча догорает, но я могу поставить ее на другую, новую свечу. Это не так просто сделать, как сказать, но я бы смог это сделать.

— Что от меня нужно?

— О, вы практичный человек. Мне нужно, чтобы вы убили одного маленького мальчика. Всего-навсего маленького мальчика, а не колдуна и не дракона.

— Если жизнь этого маленького мальчика стоит нескольких десятков лет моей жизни, убить его будет не просто.

— Не скрою, у этого мальчика есть могущественный покровитель. Мальчик — крестник Бабы Яги.

Колдун потемнел лицом.

— Совладеть с Бабой Ягой? Эта чертовка будет посильнее любого колдуна. Нет, это дохлое дело.

— Никто не говорит, что вы должны обязательно сойтись на кулачках с этой старухой. Старуха сильна, тут вы правы, ну так и бес с ней. Она же не безотлучно дежурит при мальчике. Например, в данный момент она находится в Москве.

— А пацан?

— В леске под Москвой, неподалеку от деревеньки Перепелкино.

Убивать Николай Павлович Рудасов умел и, что там шепорить, любил. Смерть-смерть, смерть-смерть... Это тикали часы, Николаю Павловичу о его участии напоминали.

— Хорошо, я убью его прямо сейчас. Вы, Демоны Судьбы, вроде бы умеете ходы в пространстве проделывать, наподобие червей?

— Кое-что мы умеем.

Едва Демон Судьбы это проговорил, как в стене возникла еще одна дыра с неровными зубчатыми краями, размером как раз Рудасову в нее пройти не нагибаться. В отверстии виднелись кривые сосенки, сквозь которые избушка на курьих ножках чернела.

Демон Судьбы пояснил:

— Мальчик сейчас в старухиной избушке, онанизмом занимается.

Рудасов шагнул к входу в пространственный туннель и остановился.

— Поклянись, что ты дашь огню моей жизни новую свечу! — потребовал колдун.

— В вашем положении...

— Ты должен поклясться, иначе я к пацану пальцем не притронусь.

— Через пять дней...

— Если через пять дней я подохну, так хоть не обманутым дурнем.

Демон Судьбы вздохнул

— Будь по-твоему. Я, Дух Неба, клянусь, если ты ~~уходишь~~ пацана, я дам твоему огню новую свечу.

— Э нет, не так! Клянись Скипетром и Державой Творца, Великими Рунами Естества, Золотой Чашей Мироздания, а не просто так, «я клянусь»! Повторяй за мной, демон!

Морщась, Демон Судьбы повторил за Рудасовым ~~важную~~ священную и грозную формулу Великой Колдовской Клятвы. Едва демон сказал последнее слово, как ~~сверху~~ то сверху пророкотал гром, и громовые отголоски ~~поплыли~~ поплыли вдаль, затихая. Старушки на скамейке по-

думали: опять какого-то банкира взорвали, ведь иначе грому было взяться не с чего, на небе не кудрилось ни облачка.

Николай Павлович Рудасов подождал, пока последний отголосок грома замрет вдали, и вошел в пространственный туннель.

Он вышел из туннеля в ста метрах от ограды с украшением из черепов. Демон Судьбы сказал, что Баба Яга сейчас находилась в Москве, вряд ли это было обманом, Демону Судьбы, очевидно, очень была нужна смерть пацана, и все-таки следовало действовать быстро, всякое бывает.

Рудасов побежал к ограде. У самой ограды его попытались задержать два скелета, желтые костяки как из-под земли вывернулись. Николай Павлович все-таки был колдун сильный, скелеты он разорвал пополам и половинки в разные стороны кинул, только так и можно было справиться с энергетическими сгустками, управлявшими движением скелетов. Несмотря на то, что черепа на кольях ограды весьма энергично стучали челюстями, Николай Павлович ограду проломил, два черепа, пытавшихся ухватить его за лодыжки, отфутболил метров на пятьсот и направился к избушке.

Дверь скрипнула. Женя поднял голову, одновременно поспешно приводя в порядок свои штанишки. Он никого не ожидал увидеть, кроме Бабы Яги, но в избушку вошел незнакомый пожилой мужчина.

Хотя мальчик еще не был сложившимся колдуном, угрозу, исходившую от мужчины, он почувствовал очень хорошо.

Как ни был Женя напуган, первое, что он сделал, вскочив с лавки, — это слегка полосонул себя ножом по руке. Его кровь должна была прокричать крестной, что крестная ему срочно нужна.

Зажимая рану на руке, крови и так выступило достаточно, мальчик попятился назад.

Рудасов двинулся на мальчика, широко разводя руки.

Выручив мальчика из ментовки, Баба Яга заперла сундук с колдовскими книгами на замок, на такой колдовской замочек, что мальчик никак не мог его раскрывать. Из всех заклинаний Жене одно запомнилось хорошо, заклинание, с помощью которого творилось колдовство Барса (колдовство силы представлялось доброй полусотней заклинаний, из них заклинание Барса Жене приглянулось больше всего, а заклинание Гипнопотама он даже не стал читать).

Слова заклинания ураганом пронесли в голове мальчика. Почувствовав, что пришла сила, Женя нагнула голову по-бычьей и кинулся на Рудасова. Незнакомый мужчина загораживал выход из избушки; если бы только Женя сумел сбить его с ног, он бы выбежал наружу, и тогда попробуй его поймай.

Николай Павлович увидел, что мальчишка хочет боднуть его животом, и обрадовался. Не придется гоняться за мальчишкой по всей домине колдуньи и даже руки пачкать не придется, сейчас он сделает свой живот крепостью вроде стальной стены, мальчишка ударит головой о живот, и конец мальчишке. А если мальчишка не подохнет сразу, он затопчет его ногами.

Демон Судьбы, конечно, знал, что у Жени — ДАР, он не сказал про это Рудасову, не из умысла не сказал, а просто упустил. Упустил, потому что не придал этому значения, ведь мальчишка еще не был колдуном.

Голова мальчика бронебойной торпедой врезалась в живот колдуна.

Окинув, Николай Павлович упал.

Женя выскочил из избушки.

От такого удара борец сумо, наверное, приходил бы в себя неделю, но Рудасов был колдуном.

Николай Павлович выхаркнул ругательство и немедленно вскочил на ноги.

Колдун бросился за Женей.

Искочив за ограду через пролом, проделанный колдуном, Женя понесся к деревьям. Колдун, громко топо-

ча по-лошадиному, неся за ним. Еще бы Николаю Павловичу не топотать, для удобства бега он мигом преобразовал свои стопы в лошадиные копыта.

Они носились по ольшанику, наверное, минут пять.

В мальчишке была колдовская сила, иначе бы он не мог скакать с такой скоростью. Демон Судьбы, скотина, ничего не сказал ему про это, все больше свирепел Николай Павлович.

Свирепеть-то Николай Павлович свирепел, но на небо не забывал поглядывать.

Увидев чуть ниже облаков черную точку, колдун застыл на месте. Пес с ним, с мальчиком, надо себя, свои жалкие пять дней жизни спасать.

Николай Павлович осмотрелся. Где вход в пространственный туннель? Демон Судьбы, конечно, наблюдал за ним, он должен был открыть ему вход в пространственный туннель.

Никакого искрящегося контура нигде не было видно.

Николай Павлович не долго думая (долго думать было опасно для здоровья) подлез под пышные еловые лапы и прислонился к смолянному пахучему стволу столетней ели.

Рудасов еле успел спрятаться. Баба Яга, заметив запыхавшегося крестника, прямо с воздуха начала высматривать, кто же осмелился преследовать Женю.

А, кто-то ограду проломил!..

Баба Яга камнем упала в печную трубу, и тут же тем же манером вылетела из избушки. В руке у нее сверкал длинный меч.

Крикнув мальчику, чтобы в избушку шел, Яга принялась в своей ступе описывать круги около избушки. Рудасов, сжавшись в комок, быстро читал заклинание Тени, доходил до конца заклинания и начинал бормотать сначала. Это заклинание создавало вокруг колдуна непроницаемый для колдовского взора экран. А от обычного взора, человеческого, Рудасова защищали еловые ветви.

Сукиного сына нигде не было видно. Яга, сделав последний круг, поднялась над избушкой, на пару мгновений замерла в воздухе и юркнула в печную трубу.

Рудасов сидел под елью до наступления ночи. Только когда мрак загустел настолько, что собственной руки не разглядеть, он на карачках выполз из-под еловых лап.

Два часа у Николая Павловича ушло на то, чтобы найти заповедную тропинку. Больше часа он бежал по лесу в личине волка. Выбежав на трассу, Рудасов превратился в девушку для дальнобойщиков, и в таком виде, с голым задом, он был доставлен в Москву. Водителя «КамАЗа» ему удалось склонить на минут в самую последнюю минуту, когда, казалось, траха было не избежать.

Когда водила, отъезжая, просигналил ему на прощание, до него дошло: а ведь он очень просто мог замочить этого мужика, замочить одним щелчком, и зачем тогда он честно расплатился.

Водитель «КамАЗа» высадил его у Павелецкого вокзала, а Николай Павлович жил на Адроньевской, так что ему еще пришлось затратить почти час, чтобы до дома добраться (по инерции, что ли, с таксистом Рудасов тоже расплатился честно, из квартиры пятьдесят тысяч вынес).

Николай Павлович не успел наглотаться успокоительных таблеток: по стене пробежала синяя искра, и в открывшемся «окне» Рудасов увидел бабью морду Деда Гуды.

— Сидел, я чуть не сдох из-за тебя! — плюнул сердито Николай Павлович. — Мальчишка — колдун, ты не глядел мне!

— Он пока что не колдун, у него только ДАР есть, — спокойно пояснил демон.

— А почему ты мне туннель не открыл?

— Открыл. Вход был за тобой.

— И что, осел? Я крутился, как волчок, никакого

— Вход крутился вместе с тобой. Чтобы пройти по тому же туннелю в обратную сторону, нужно пятиться назад.

У Рудасова еще немало гневных возражений пузырилось на языке и еще больше оскорбительных словечек, но он умел при желании брать свой гнев в узду.

Передернувшись, Николай Павлович сказал:

— Ладно, замяли. Теперь что?

— Ты должен как-то уж управиться с Бабой Ягой. Иначе тебе к мальчишке не подобраться.

— Ты с ума сошел! У старухи меч не простой...

— Меч-кладенец.

— И что ты мне дашь против меча-кладенца? Допустим, ты мне откроешь Путь к другому мечу-кладенцу, допустим, ты мне откроешь короткий и легкий путь к другому мечу-кладенцу, и что это будет? Меч-кладенец против меча-кладенца?

— Даже с мечом-кладенцом тебе с Ягой не справиться. В ее власти приказывать любым мечам-кладенцам. Она снесет тебе голову, а ты не сможешь на нее даже замахнуться.

— Значит... Зачем ты мне это говоришь? Ты хочешь сказать... ты отказываешься, ты трусил, ты не станешь искать смерти мальчишке?

Демон слегка улыбнулся.

— Нет, мальчик должен умереть. Это определено.

— Как же Баба Яга?

— Тебе нужно оружие более сильное, чем меч-кладенец. И тогда не она, а ты убьешь ее.

— Какое оружие сильнее меча-кладенца? Или... или ты про цвет папоротника?

— Вряд ли цвет папоротника здесь поможет. Цвет папоротника хорош против демонов, а против нас, Духов Неба, и против племени Яги он слабоват. Яга появилась на свет раньше, чем зацвел папоротник, поэтому ему с Ягой не справиться.

— Не тяни, демон!

— Первородный огонь, с ним тебе не будут страшны ни зубы, ни меч Бабы Яги.

Рудасову не нужно было искать в книжке генеалогическое древо колдовских знаков, это-то он хорошо запомнил: первородный огонь размещался в самом основании генеалогического древа, в нем был выкован меч-кладенец. Баба Яга и цвет папоротника находились где-то на нижних ответвлениях, но все-таки повыше первородного огня.

Первородный огонь, несомненно, был сильнее Бабы Яги, но — хм, хм — где его взять? И приручить его еще надо было как-то.

— Первородный огонь иногда встречается в сердцах обычных людей, не колдунов, — проговорил демон, предупредив вопрос Рудасова. — Некоторые хозяева первородного огня до самой смерти не догадываются о своем сокровище... Мне удалось найти одного такого счастливица.

— Он знает о своем даре?

— Полагаю, нет.

— Это нужно знать точно. Я посмотрю в зеркало.

— Напрасный труд. Мы, Духи Неба, умеем вопрошать прошлое, так неужели я не проник бы в прошлое этого человека, если бы это было возможно?

— Ты хочешь сказать...

— В колдовском зеркале ты не увидишь ничего: первородный огонь защищает своего хозяина от нескромных взоров.

— Значит, нельзя быть уверенным, что он не знает о своем даре, — проговорил Рудасов недовольно.

— Я наблюдаю за ним почти год, за это время он ни разу не воспользовался своей силой. Очевидно, он все-таки не знает о ней.

— Предположим, он не знает о ней, — допустил Рудасов, поскольку ничего другого не оставалось. — Как я могу забрать у него первородный огонь?

— Весь огонь тебе забирать не нужно, тебе хватит одного язычка. Огонь — это такая штука, одной спич-

кой можно зажечь десяток свечей. Как взять у него язычок первородного огня? Ты должен выпить стакан его крови. Это для верности стакан, а так, может, и столовой ложки хватило бы.

— Выпить стакан его крови — и все?

— И всего-то.

— Покажи мне его, — попросил колдун.

Лицо демона исчезло, и в обрамлении синих искр Рудасов увидел вытянутый, лошадиный овал черепа, глубокие морщины, слипшиеся кудряшки пепельного цвета... Мужчина спал, что же еще делать в третьем часу ночи. Рядом с ним посапывала баба, видно, его супружница, матрешка со свекольными щеками.

«Вот он каков, владеец невиданной силы, — с завистью подумал Рудасов. — Какой-то работяга или вшивый интеллигентишка, и надо же, повезло же осто-лопу с первородным огнем в сердце родиться».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Беллочка Титенкова физику не тянула. Закон Ома, ньютоновские формулы, всякие вольты и паскали никак не задерживались в Беллочкиной головке. Не то чтобы дура была Беллочка, нет, просто у нее с утра до вечера голова была занята другим, некогда ей было цифры со значками усваивать.

Фигурка у Беллочки была ладная, модельная, грудки — загляденье, и личико ничего, природа не подгадила. Может, некоторые посчитали бы, что в лице девушки не доставало мягкости, этим завистникам Беллочка нахаркала бы в глаза. Сама Беллочка мнила себя писаной красавицей. Помада, тушь, тени, румяна, — все с утра до вечера было в ходу. Так что где уж тут за физикой успевать.

На переходном экзамене (Беллочка десятый класс заканчивала) физик, Александр Сергеевич Шубин, де-

душке пару влепил. После экзамена расстроенная Беллочка, еще пересдавать теперь, пошла домой с подругой, одноклассницей Кристиной Бобруйкиной. Кристина физику на четверку сдала, соображаловка у нее работала что надо, а вот из себя девчонка была неказиста. Круглое лицо, толстые щеки, широкий лоб и что-то такое в лице, за что Крестину в школе Бобрихой звали.

Белла Титенкова жила в престижном доме на Номе Арбате. Пятикомнатная квартира была вся дороной мебелью заставлена, бытовая техника — только импортная, лучших фирм, ковры на выставках покупались, вазочки антикварные и картины-подлинники — на аукционах. Папа у Белочки был пропащий человек, горький пьяница, в прошлом — известный шахматист. Теперь Титенков по вечерам во дворе в шахматы играл, когда выигрывал — напивался, когда проигрывал — бежал к дочери за деньгами (к стопам госпожи Титенковой припадать было бесполезно) и после ужина напивался. Днями Титенков не вылезал из задней комнаты, там у него были лежак и кипа старых газет.

Мама Белочки, Татьяна Иннокентиевна Титенкова, управляла коммерческим банком «Целина» и президентствовала в десятке акционерных обществ. Злые языки поговаривали, что первоначальный капитал госбанка Титенкова сколотила, удовлетворяя сексуальные потребности одного богатого иностранца, а некоторые поговаривали, и не одного. И то, Титенковой уж удавалось по заграницам помотаться, в ее бытность сотрудником Министерства внешней торговли. Как бы то ни было, госпожа Титенкова сумела разбогатеть настолько, что для полного счастья ей теперь не доставало одного, чтобы ее дочь человеком стала, то есть высшее образование получила. Сама госпожа Титенкова окончила торговый институт, как же, ее дочь — и без высшего образования.

А тут не только высшее образование, среднее образование вполне могло накрыться.

Девки у Титенковых девушки уселись на кухне за

кофе с сигаретами, вскоре к ним присоединилась Жанна Афиногенова. Это были три подруги: Титенкова, Бобруйкина, Афиногенова. Жанна Афиногенова как окончила девятилетку, больше не училась, не училась и не работала. Папа-натариус деньги давал, чего же упыхиваться. Что касается внешности, надо сказать, девушка красотой не блистала: длиннобудылая, сухопарая, угловатая. Однако парни у нее не переводились, и так только она появилась, разговор о парнях зашел.

— А Романа я отшила, — сказала Жанна после откровений Беллочки, как они со Стасом время проводят. — В жопу он мне обосрался.

— Надоел? — захохотала смешливая Бобруйкина.

— Надоел.

Жанна стряхнула пепел с сигареты в банку с паюсной икрой.

— Говорила я тебе, надоест, говорила! — заквакала Бобруйкина. — Он тебе про компьютеры рассказывал?

— Блеял чего-то.

— Мальчик на компьютерах помешался. Его бы мозги — тебе на экзамен, — Бобриха посмотрела на Титенкову.

— Не. Я не хочу мозги со сдвигом. Пересдам я Шубе без чужих мозгов.

— Шуба тебе пару нарисовал? — изумилась Жанна. Она знала, мать Беллы перед физиком, Александром Сергеевичем Шубиным, больше часа накануне экзамена выплясывала, деньги предлагала, чтобы Шуба Беллочку натаскал, за день до экзамена-то. Деньги всучить Шубе не удалось, однако госпожа Титенкова оставила на учительском столе дорогой конфетный набор.

— Двойка, говорит, а сам уссыкается, — вспомнила Беллочка завершение своего экзамена.

У Шубина была привычка улыбаться, когда он испытывал неловкость или страх.

— Темную ему надо устроить, — сказала Жанна. — Хочешь, я скажу Петрушке...

— Так вы же с Петрушкой рассобачились...

— Одно к другому не относится. Дашь Петрушке сто баксов, он как миленький Шубе морду набьет.

Бобриха, уминая четвертое пирожное-заварнушку, прощамкала:

— По-другому надо сделать, девочки.

Жанна сплюнула, случайно попав в жестянку с мясом кальмара.

— Это как, по-другому? Раком его поставить, что ли, и бутылкой трахнуть?

Хохоча через каждое слово, Бобруйкина поведала о том, что завоняло у нее в голове.

...

На другой день Беллочка Титенкова пришла в школу, как никогда не приходила — не в лосинах и не в джинсах, а в форменном школьном сером платье с белым передником, белый бант в волосах.

Александр Сергеевич Шубин изумился, увидев преображенную Титенкову, но не расточать же двоечнице комплименты.

— Пересдача после всех экзаменов, — проговорил Шубин, поздоровавшись.

— А сейчас нельзя пересда-ать...

— Нет. Не могу я сейчас принять.

Беллочка рванула на себе платье. Атласный лифчик полетел на пол. Когда кружевные трусики разделили участь форменной школьной одежды и приткнулись к лифту, Беллочка набрала в грудь побольше воздуха и закричала.

Крича что есть мочи, девушка выбежала из класса. С ней был только белый кружевной передник, но не имей он, она тащила его за собой, как бы в расстройстве чувств не догадавшись прикрыть им промежность.

Шубин, протирая стекла очков, поднялся из-за стола.

Крики Беллочки можно было слышать еще с пол-этажа. Источник звука перемещался по всем этажам

школы, Беллочка побывала во многих классных комнатах и в учительскую забежала, и в директорскую. Забежит, пометется-пометется по комнате, и дальше побегит бесноваться.

Затихла Титенкова в женском туалете, на грязный кафель плашмя упала.

Титенкову «неотложка» увезла, и вскоре все в школе узнали: физик, очкарик, попытался свою ученицу изнасиловать, Беллу Титенкову.

Госпоже Титенковой на работу позвонили, в банк, так и так, несчастье с вашей дочерью. Да не беспокойтесь, жива, нет, не покалечена, только... Хм... Такое тут у нас случилось, вы только поспокойнее.

Надежда Иннокентиевна Титенкова как только услышала, что с дочерью произошло, все дела оставила и в дочкину школу отправилась, на новеньком «мерседесе» покатила.

— Что у вас такое делается? — не дожидаясь, пока секретарша ответит, госпожа Титенкова прошла в кабинет директора школы: — Что у вас такое делается?

Директор, Иван Абрамович Кнобб, маленький, с шевелюрой барашком, выбежал из-за стола, обеими руками на кресло показал:

— Присаживайтесь, Надежда Иннокентиевна.

С госпожой Титенковой он был знаком: быр-р-р...

— Что у вас тут делается, я вас спрашиваю? Вы знаете, что вам за это будет?

— Прошу извинить, Надежда Иннокентиевна, вам неправильно передали. Это не совсем так произошло, как вам сказали. Мы не знали еще...

— Что за бред! Так мою дочь изнасиловали или нет, внятно говорите!

— Не изнасиловали и...

— Ах да, ее только попытались изнасиловать! Какой-то подонок, называемый учителем...

— Постойте, Надежда Иннокентиевна. Выслушайте меня. Вашу дочь никто не пытался изнасиловать.

— Я не понимаю...

— Ваша дочь изобразила — вы слышите? — изобразила, будто один наш учитель попытался ее изнасиловать. Она разорвала на себе одежду, стала кричать, бегала по школе, извините, в чем мать родила...

— По-вашему, моя дочь сошла с ума?

— Не думаю. Вернее всего, она сделала это осознанно. Александр Сергеевич поставил ей на экзамене двойку...

— Про двойку я знаю. Но моя дочь порядочная, она не могла... Вы кому верите? Вы поверили этому подонку...

— Не только Александр Сергеевич рассказал, как было. Как все это произошло, видели вот эти женщины. Вот, Анфиса Павловна и Евдокия Алексеевна.

Только сейчас Титенкова заметила, в директорском кабинете не только они с директором находились. На стульчиках у стены сидели две старухи в синих рабочих халатах. Технички, что ли.

— Анфиса Павловна, — директор показал на высокую костистую старуху, — работает лаборантом в кабинете физики, а Евдокия Алексеевна убирает у нас. Моя дочь думала, в кабинете физики только Александр Сергеевич находился, а эти две женщины в то время были в лаборантской. Они все слышали и все видели. Перегородка между лаборантской и классной комнатой очень тонкая.

Титенкова недружелюбно смотрела на старух.

— А может, они врут вместе с тем вашим подонком?

Костистая старуха встала.

— Я, милая моя, сроду не врала. Я двадцать лет здесь секретарем партийной организации была, а коммунисты вралей в секретари не выбирали. Видела я, собственными глазами видела, как твоя дочь одетая на себе порвала, заголосила и в дверь выскочила! Что молчишь, Дуня?

Другая бабка, круглолицая, сдобная Евдокия Алексеевна, пропела тоненьким голоском:

— Видели мы, видели, девочка сама на себе одежду изорвала, лифчик скинула, голосить начала. Видели мы, мамочка, не сомневайся.

— А ты сразу — врать, — сурово произнесла первая старуха. — Вралей в другом месте поискать надо.

Госпожа Титенкова, пока старухи говорили, переводила полыхающий взгляд с одной старой на другую.

Чего с этими дурами разговаривать.

— Моя дочь больше не будет учиться в вашей школе, — проговорила Титенкова отрывисто. — А сейчас я еду к прокурору.

Немало сил потратила госпожа Титенкова, немало денег, полгода пырхалась, старалась учителя засудить, и все напрасно. Негодяя физика даже не уволили. Старухи-песочницы, суки, курвы, стояли насмерть: не насиловал Шубин и даже не притрагивался.

Так неужели подонок, из-за которого ее дочь стала, как помоями облитая, так и будет гоголем разгуливать?..

...

Александр Сергеевич Шубин возвращался из школы в одиннадцатом часу вечера. Этим вечером в школе была дискотека, пришлось ему, ради порядка, поприсутствовать. Называется — внеклассная работа с учащимися.

Они ждали его в скверике, через который он всегда проходил по пути на работу и с работы. Два крутых качка на скамейке сигаретки смолили, хотя зачем двое там, где и один вполне справился бы.

Его окликнули. Александр Сергеевич шел, не сбавляя хода, по краю противоположной стороны пешеходной дорожки. Краем зрения Шубин заметил, как парни встали со скамейки и быстро зашагали за ним вдогонку. Один из качков опять его окликнул. Александру Сергеевичу оставалось или прыснуть по тропинке

по-заячьи, или заметить преследователей. Спастись бегством было унижительно, и Шубин остановился.

Борясь с жалкой улыбкой, которая сама собой закривлялась у него на губах, он оглянулся.

Оглянулся и немедленно получил по зубам.

Его стали бить молча и методично. По плечам, по почкам, по расквашенным губам. Дважды Шубин падал; один раз его подняли за шею, другой — за волосы.

Его били, а он все не терял сознание. Это не было его заслугой. Так было задумано, так и наносились удары, в этом и заключался смак, чтобы как можно дольше продержать его в сознании. После отключки осталось бы только одно удовольствие, помесить ногами его живот.

В третий раз Александр Сергеевич сам поднялся. Поднялся и — о чудо! — взмахнул худосочным кулачком. Впервые в жизни Александр Сергеевич поднял руку на человека.

Это был не удар, а пародия на удар. Ничего, кроме презрительного хохота, этот удар не мог вызвать, а про то, что кулак Шубина не задел ни одного из его противников, и упоминать бы не стоило как само собой разумеющееся.

Однако к тому, что произошло вслед за этим ударом, никак нельзя было отнестись с насмешливым презрением.

Из груди Александра Сергеевича Шубина, учителя физики с восьмилетним стажем, полыхнуло пламя. И в этом пламени из учительской груди выпорхнул огненно-рыжий петух: острые длинные шпоры, гребешок — как бы застывшие языки пламени, по перьям огненные передавы.

Петух, кудахча-клокоча по-петушиному, клюнул ближайшего качка в лоб. Лысый парень упал как подкошенный. Второй бандит, с косицей, попытался заслониться и завопил, перышки-то у петушка оказались горячее расплавленной стали. Петушок шпорами уда-

рил бандита в грудь. Парень рухнул на своего подельщика.

Петушок сделал в воздухе круг над двумя человеческими тушами и полетел напрямик на Александра Сергеевича.

Александр Сергеевич Шубин, подслеповато щурясь (раздавленные очки валялись на асфальте), никак не мог понять, что это перед ним, явь или болезненная галлюцинация. Он тоже попытался загородиться от крутого петушка.

Огненный петушок не обжег Александра Сергеевича. Петушок просто пролетел сквозь его руки и успокоился где-то у него в груди.

Учитель посмотрел себе на грудь. У него на груди виднелась кровь, из губ натекала, но — никаких следов ожога, никаких пузырей.

До дома Александр Сергеевич добрался на своих ногах. Его жена, Любочка-пампушка, заплакала, кинулась на «скорую» звонить, в милицию. Шубин удержал супругу от безумства: тех двоих парней петушок как бы не замочил, а их друзья еще отомстить захотят. Про петушка, конечно, никто не поверит, все подумают, Александр Сергеевич убил. Что до «неотложки», не нужна ему «неотложка», внутри у него как будто ничего не разбито, он чувствует, а синяки отцветут.

На другой день Александр Сергеевич позвонил в школу. У него были отгулы, а там отпуск начинался. Директриса немного повыпендривалась, но все-таки разрешила, берите свои отгулы.

Из газет Шубин узнал, так и есть, те два парня на месте окочурились. Оба как будто были убиты электрическим разрядом. У одного точку вхождения тока нашли на лбу, а у другого, с обожженными руками, которого петушок шпорами саданул, две точки на груди высмотрели.

Постепенно Александр Сергеевич стал привыкать к тому, что с ним случилось. Какие-то подонки при-стали, что тут особенного, а про петушка он вспоми-

нал, как про больничный бред. Тот скверик Шубин обходил за версту, домой старался возвращаться за-светло.

В этот день родительское собрание затянулось, однако когда Александр Сергеевич пошел домой, в восьмом часу, по-летнему времени было еще светло.

Погода стояла не для прогулок: моросил дождь, дул порывистый ветер, под ногами Шубина чавкала грязь. Улица была безлюдна.

Черный пес выбежал из-за угла аптеки и с глухим рыком набросился на Александра Сергеевича. Шубин успел выставить перед собой портфель. Пес нацеливался на горло Александра Сергеевича, но портфель помешал. Кобель был здоровый, килограммов в шестьдесят — семьдесят. Когда он прыгнул на учителя, тот не удержался на ногах, упал.

Челюсти пса щелкнули у самого горла Александра Сергеевича. Под рукой у Шубина оказалась палка. Александр Сергеевич неловко ударил ею кобеля — трухлявая палка сломалась, не причинив псу никакого вреда.

Едва палка хрустнула, как из груди Шубина вылетел огненный петух.

Петушок, взлетев, спикировал на пса. Кобель понял, что дело плохо, и пустился наутек. Петушок все-таки успел клюнуть пса в заднюю ляжку, прежде чем тот развил скорость.

Александр Сергеевич увидел: шерсть на задней ноге кобеля вспыхнула, и на месте собачьей ноги появилась нога человека — желтоватая подошва, мускулистая голень в волосах, черный струп на бедре.

Пса с человеческой ногой Шубин видел долю секунды. В следующее мгновение кобель, прыгая на трех лапах, скрылся за углом аптеки.

Петушок пропел торжествующее «ку-ка-ре-ку», огненным мячиком ударился о грудь Александра Сергеевича и не отскочил от его груди и не прожег ее, но как бы просочился в нее.

Шубин поднялся. Он был весь в грязи. Привести себя в порядок на улице нечего было и думать, тут отстирывать надо.

Александр Сергеевич, стыдясь за свой неприглядный вид, быстро пошел по улице, скорее домой. О петушке сейчас он думал меньше, чем об испачканном плаще. К огненной птице, неизвестно когда поселившейся у него в груди, он начал привыкать.

* * *

Николаю Павловичу Рудасову уж пришлось с раной на ноге повозиться. Его внутренней колдовской энергии оказалось недостаточно, чтобы быстро заживить рану, нанесенную первородным огнем. Пришлось Николаю Павловичу специальный бальзам готовить, потом полчаса энергией от солнца подпитываться, на огонек свечи тут нечего было рассчитывать, и только после этого он справился с раной.

Демон Судьбы, сукин сын, не торопился появиться.

Хотя, так уж рассудить, в его появлении не было необходимости, подумал Николай Павлович Рудасов, ставя остатки бальзама в шкафчик. Цель была ясна: Рудасову следовало добыть первородный огонь, вырвать его из цыплячьей груди очкастого физика. Демон тут не мог ему помочь, Демон Судьбы только мог открывать и закрывать пространственный туннель, бесполезное в данном случае умение.

Теперь оказалось, силой вырвать первородный огонь из тщедушного учительского тела было невозможно. Так как же тогда действовать, если силой действовать невозможно?

Николай Павлович всю ночь проворочался, борясь с кошмарами и раздумывая, как бы ему извернуться. Единственное, что он надумал, так это спросить совета у своего старинного друга, Геннадия Викторовича Кудинцева.

Чуть свет Рудасов отправился к Кудинцеву.

Выйдя на пенсию, Геннадий Викторович Кудинцев,

колдун естества, занялся частной колдовской (или это еще называется экстрасенсорной) практикой. В районе Коптево Кудинцев арендовал комнату в библиотеке, в коридорчике перед комнатой у него с утра до вечера народ толпился. Геннадий Викторович говорил, что он лечит человеческие души, а излеченная душа сама страждущее тело исцелит. Лечение Геннадия Викторовича заключалось в том, что он по ауре пациента определял его душевные наклонности, а потом Кудинцев смотрел в колдовское зеркало или принесенную фотографию разглядывал, чтобы побольше узнать деталей о жизни пациента. Далее следовал катарсис, то есть очищение. Геннадий Викторович, крупный дядька, бородастый, с львиной гривой волос на голове, обличал пациента во всех смертных грехах, как изюминки втыкая в свою речь подробности, подчас весьма пикантного свойства. Так, клеймя неверных супругов, Геннадий Викторович напоминал не только про то, где и когда, но и как, какими способами и сколько раз. Добродетельным матерям он напоминал про их детей, убитых ими при абортах, священнослужителям — о всех их мастурбациях, а правильным, честным и чистеньким — об их неумемной гордыне.

Хотя только рассвело, Кудинцев уже принимал, и людей у него в коридорчике было тьма. Когда Рудасов подходил к кабинету колдуна, из кабинета вышла разгневанная яркая особа, Кудинцев предложил ей ради телесного исцеления время от времени отдавать свою постель в распоряжение любовницы мужа. Вместе с очередной, пышнотелой женщиной с ярко накрашенными губами, Рудасов вошел в кабинет.

Кудинцев, увидев приятеля, раздвинул лапы, полез целоваться:

— Ба-ба-ба! Ты? Давненько не видались!

Кудинцев знал, что Рудасов терпеть не мог целоваться с лицами своего пола, поэтому Геннадий Викторович норовил впиться Николаю Павловичу в губы.

Кое-как отстранившись, Рудасов проговорил:

— Разговор есть, Гена.

Кудинцев посмотрел мельком на пациентку, показал на дверь. Баба кольнула Рудасова злобным взглядом. Кудинцев поторопил:

— Вы что, не поняли?

Когда баба убралась, Рудасов сказал:

— Хочу я от первородного огонька прикурить. Только вот незадача: хозяин огонька скупердяй, не хочет огоньком делиться. Может, подскажешь чего?

Рудасов почувствовал, как Кудинцев щипнул колдовским зрением его ауру. В его мысли захотелось дружку проникнуть, да не удастся. От Кудинцева Николай Павлович экранировался надежно.

Кудинцев, лишенный возможности колдовским способом считать нужную информацию, буркнул:

— Зачем он тебе, первородный огонь? Москву поджечь хочешь?

— Нет, у меня планы скромнее. Я хочу первородным огнем сжечь свою смерть, хе-хе.

Что-то Николай Павлович должен был ответить, чтобы Кудинцев не стал на него кукситься.

— Все это ерунда, Колька, — проговорил Кудинцев. — Не сожжешь ты свою смерть ни первородным огнем, ни атомной бомбой. Это жизнь можно уничтожить, а смерть... Смерть — она сама в этом первородном огне, не понятно, что ли?

— Это меня не интересует, в чем смерть. Ты мужик башковитый, ты мне лучше вот что скажи: как мне от колдовского огня лепесток оторвать и чтобы заодно не сгореть?

Кудинцев поворочал морщинами, спросил:

— Это кто ж тот счастливчик, с первородным огнем в грудышке?

— Один учитель. Физику, что ли, преподает.

— У него семья есть?

— Баба есть, это точно.

— А дети?

— Хрен его знает.

— Ну так узнай. Если у твоего учителяшки есть дети...

Кудинцев ощерился и принялся неторопясь, с удовольствием, рассуждать вслух.

* * *

У Александра Сергеевича Шубина был урок, когда его позвали к телефону.

В трубке он услышал раздраженное:

— Вы Шубин? Это врач со «скорой». Ваш мальчик в девяносто четвертой школе учится, в седьмом «Б»? Так, как его... Петя Шубин. Вы слушаете? Вашего сына собака покусала. В семьдесят седьмую я его отвезла. В хирургическое. Палата? В приемном покое спросите, какая палата.

Александр Сергеевич побежал к завучу, с урока отпрашиваться, затем, согласовав, через три ступеньки понесся на выход. Чуть шею не свернул себе, нетерпеливый.

Мальчик был плох. Собака не покусала — обкусила его, целые куски мяса повырывала, как только не сожрала совсем. Двадцать минут мальчик кровью истекал, пока «скорая» не подъехала.

Когда Александр Сергеевич приехал в больницу, Петю оперировали. Услышав, что отец ни ваты не привез, ни бинтов, женщина в приемном покое недовольно поджала губы, пробурчала: «Кровь нужна, папаша. Это я не знаю, подойдет ваша кровь или нет». Женщина закрутила диск телефона. Поговорив с трубкой, она сказала: «Халат возьмите и на второй этаж пройдите. Кого спросить? Да вы маленький, что ли?»

Сделали анализ, и оказалось, кровь Александра Сергеевича, к счастью, его ребенку подходила по всем параметрам.

Забор крови сделали шестьсот миллилитров, немного больше обычной дозы, но ничего, папаша переживет. Три бутылочки, по двести миллилитров крови в каждой, сестричка, Наденька Козликова, понесла в операци-

онную, где подле мальчика под лампой два хирурга жарились. Две бутылочки Наденька в карманы сунула, одну в руке держала.

На пути из одной операционной, кровезаборной, в другую, с мальчиком, Наденьке надо было пройти узкий коридорчик. Она прошла половину коридорчика, и тут грохнуло, разлетаясь на осколки, оконное стекло.

Громадная птица влетела в коридор. И даже не птица была это, а ящерица с крыльями.

Наденька обомлела.

Ящер зубами выхватил у нее из руки флакончик с кровью, попутно отхватив два тонких девичьих пальчика. Затем ящер на трехпалых лапах неуклюже подбежал к разбитому окну, прыгнул на подоконник и шагнул в оконный проем, расправляя кожистые крылья.

Так Николай Павлович Рудасов добыл первородный огонь, никого не убив, мальчишка и тот остался в живых. Вообще-то это был редкий случай, чтобы Николай Павлович чего-то добился без убийства.

Вот теперь можно было и к Бабе Яге наведаться.

Демон Судьбы не затянул с визитом. И куда тянуть, какую бы силу Рудасов ни присовокупил к своей, все одно, жить ему по божественному установлению оставалось три дня. Это ведь если схитрить, старую свечу, догоравшую, поставить на новую, только при этом Николай Павлович отсрочку получил бы.

Демон Судьбы радушно предоставил Николаю Павловичу пространственный коридор с выходом у избушки Бабы Яги. Пожалуйте, все удобства, только пациента придушите.

...

Творец мудро устроил, создав из Неба демонов, способных видеть мир его глазами, но не способных к деторождению, а из Глины — людей, тварей плодящихся, растущих в потомстве, но и близко не обладавших физическими возможностями демонов.

В сем была устойчивость нового мира и уверен-

ность Творца, что никто не покусится на его могущество.

Демоны, в чьей сперме не было ни одного сперматозоида, смирились со своей участью, но не смирились дьяволицы. После нескольких попыток дьяволиц забеременеть Творец лишил их красоты и лишил их способности изменять свое тело. Отныне каждая дьяволица была наречена Бабой Ягой.

Однако и тут дьяволицы не успокоились, во всяком случае, не успокоилось большинство из них. Творец был вынужден ввести в мир случайность, без этого мир не мог бы жить, и на случайности строился расчет дьяволиц. Вообще-то они не могли забеременеть, но раз в сто лет, а может, раз в тысячу лет во исполнение закона случайности одна яйцеклетка все-таки имела шанс оплодотвориться в нечеловеческом чреве.

Этот шанс однажды осуществился у Бабы Яги по имени Нандина. Нандина родила ребенка, а Демон Судьбы, следивший за исполнением божественной воли, в образе дракона явился в ее лес, когда ее не было дома, и сожрал ее сына. Одна колдунья естества попыталась помешать Демону Судьбы, но что тут говорить, силенки у ведьмы оказалось маловато.

Целыми днями Нандина пропадала в Москве, а нередко и ночами. Баба Яга искала мужчин, которые взялись бы ее оплодотворить. Неказистая старуха мало кого прельщала, на этом и строился расчет Творца, и все-таки иногда Яге удавалось снять мужчину.

О своей потребности Яга заявляла мужчинам очень просто. Иногда, увидев хорошего самца (ее ребенок должен быть красивым), она окликала его прямо на улице:

- Эй, красавчик!
- Чего тебе, бабушка?
- Не хочешь? Это бесплатно.
- Шутишь, старая.
- Не шучу.

И Яга хватала мужчину за рукав.

Далее действие развивалось по двум вариантам. Если мужчина оказывался покладистым (из любопытства, что же это за старуха такая, или из страха перед сверхъестественными старушечьими зубами), то для него все заканчивалось хорошо. Ни гонореи, ни сифилиса, ни СПИДа, в этом отношении Яга была стерильно чиста, и все-таки какое-то суррогатное удовольствие было получено, а глаза закрыть можно. Если же мужчина упрямился, дело могло закончиться для него очень скверно. Во гневе Баба Яга была несдержанна — и срамной орган откусывала, и убивала. Так во времена Древней Руси Яга загрызла нескольких княжичей, отсюда и пошли сказки о недружелюбной Бабе Яге, как она неласково Иванов-царевичей встречает. А что касается всяких красавиц, Василис Распрекрасных, то ненависть к ним Яги тем более понятна.

Весь этот день Баба Яга была дома. Женя с американским конструктором возился, а Баба Яга сноровисто колдовскую пряжу пряла, весело колесико прялки крутилось. Временами Яга поглядывала на крестника: «Подрос пацан. Компьютер ему приволочь, что ли?»

Вдруг Яга почувствовала чужака.

Кто-то, обладавший немалой колдовской силой, подходил к ее избежке.

Причем чужак появился внезапно, она неожиданно ощутила сильный всплеск чужеродной колдовской энергии. А внезапно он мог появиться, только если он вышел из пространственного туннеля. Демоны Судьбы открывали пространственные туннели, а какой-то Демон Судьбы преследовал ее крестника.

Значит, за мальчиком чужак явился.

Яга схватила со стены меч-кладенец и кинулась к двери.

Выскочив за ограду, она увидела его. Чужак, пожилой мужчина, шел уверенно, зная, силу за собой чувствовал.

Пусть чужак был могущественным колдуном, с мечом-кладенцом ему не совладеть.

Яга свистнула, и верная ступа тут же подлетела к ней. В ступе-то Яге сподручнее было головы рубить, больно старуха была маленького роста.

Ступа с Ягой понеслась навстречу колдуну.

Яга не удивилась бы, если бы чужак превратился в какое-то чудище или, к примеру, в тигра, для большей ловкости. Но незнакомый колдун ни в кого не стал превращаться.

Рудасов вытянул вперед правую руку ладонью кверху.

Из ладони колдуна вырвалось пламя. Миг, и пламя приняло форму боевого, с высоким гребнем и длинными шпорами, петушка.

Нандина не сумела быстро сообразить, что то был за петушок. Она поняла, в чем дело, только когда нанесла удар.

Петушок крылом загородил своего хозяина от меча — и меч высек сноп искр, но крыло петушку не отхватил. Сила удара была такова, что Нандина не сумела удержать меч в руке.

Меч-кладенец упал на землю. Огненные знаки, пробежавшие по его лезвию, начали меркнуть.

Нандина, по инерции пролетев после своего удара с десяток метров, повернула назад.

Петушок, крикливо сердясь, понесся ей навстречу.

Нандина и не подумала опуститься к земле, чтобы подхватить меч. Теперь-то она знала, что то был за петушок.

Ступа зависла в воздухе, и старуха дребезжащим голосом начала петь.

Эту песню выпевали гусли, которые она хранила в избушке на дне сундука.

Эта песня была одной из песен, лежавших в истоке Бытия. Во времена, когда Мудрость еще уакала новорожденным младенцем, ее пел сам первородный огонь, выковывая вместе с ветром и землей меч-кладенец.

Петушок яростно замахал крыльями, тормозя на

лету, и вдруг вспыхнул ярко и упал на землю черной головешкой.

Первородный огонь узнал Нандину, узнал ее в старушечьем облике, ее, обладавшую когда-то нечеловеческой красотой. Первородный огонь узнал, на кого он хотел напасть, и не вынес стыда. Он был слишком чист, чтобы после этого остаться жить.

Рудасов задрожал. Слова песни он не разобрал, наверное поэтому он не понял, что сделала Баба Яга, чем она улестила первородный огонь.

И никогда ему это не суждено было понять.

Ступа Яги задрожала и рванулась с места. На лету Баба Яга подхватила с земли меч-кладенец, взмахнула им, и Рудасов повалился на землю, рассеченный от плеча до паха. Ниже шли лошадиные ноги. Рудасов, как только первородный огонь умер, подумал о бегстве.

Яга полетела к избушке, собираясь отдать скелетам приказ, пусть бросят труп чужака в выгребную яму.

Неожиданно небо потемнело. Откуда-то взялась черная жирная туча. Клубясь, она стала опускаться и в конце концов зависла прямо над избушкой колдуньи.

Туча заплевалась в землю молниями, загрохотал гром. Однако ни капли дождя не пролилось.

Нандина велела ступе замереть в воздухе и принялась неотрывно смотреть на тучу.

Вот он, наконец-то.

Из черной тучи вылетел черный дракон. Чудовище, паря на перепончатых крыльях, стало быстро опускаться.

Баба Яга взмахнула мечом, свистнула и понеслась навстречу дракону.

Демоны Судьбы были бессмертны только на Небе, поэтому в мире людей они предпочитали делать все, что им требовалось, чужими руками. Однако иногда Демон Судьбы рисковал — бывало, со злобы и ярости, а бывало, потому что иной возможности исполнить нужное ему у него не было.

И хотя Демоны Судьбы в мире Земли были смертны, все-таки это было непросто, Демона Судьбы убить.

В схватке с драконом Баба Яга могла использовать меч-кладенец только как простой меч, но не как колдовской. Колдовство меча не действовало на Демона Судьбы: это была особая ветвь, Демоны Судьбы, отличная от ветви, разнообразными листочками на которой пострели колдовские знаки.

Баба Яга пыталась ударить дракона по шее между пятым и шестым шейными позвонками, дракон подставлял под лезвие меча то крыло, то лоб-панцирь, и старался старуху поджарить. Хотя тело Бабы Яги обладало способностью к восстановлению в куда большей степени, чем тела людей, все-таки и крепости тела дьяволицы имелся предел.

Битва продолжалась больше часа. В конце концов Баба Яга исхитрилась, оглушила свистом дракона, и когда чудовище замотало головой, карга мечом ударила дракона по шее. На этот раз старухе повезло, в аккурат между пятым и шестым шейными позвонками попала.

Голова с обрубок шеи отделилась от массивного драконьего тела.

Чудовище рухнуло на землю.

Едва коснувшись земли, драконье тело съежилось, сморщилось, задымилось. Это же произошло и с драконьей головой. Тут с останками произошло превращение: драконья шкура осыпалась смердящими кусочками, и наружу показалось тело ангела. Лебединые крылья ангела были перепачканы кровью, в нескольких метрах от тела страшно кровавился обрубок шеи с прекрасной головой.

Теперь пацана можно к людям вернуть, подумала Баба Яга. Демон Судьбы, проигравший мальчика в карты, а может, по-благородному, в шахматы, был мертв, значит, руна смерти уже не будет кривиться в воске над фигуркой мальчика.

Так проста бывает жизнь. Иные умники объясня-

ют: умершие в малолетстве отрабатывают грехи отцов своей ранней смертью, или еще говорят, из того, кто маленьким умер, большой злодей вырос бы, вот господь Бог и не допустил его жить. Может, бывает и это, а только и такое бывает, просто где-то на Небе мальчика проиграли в карты.

Женя наблюдал за схваткой Бабы Яги и демона, задрав голову. Когда Яга схватилась с колдуном, мальчик хотел выбежать за ограду, надо же помочь крестной матери, но у него ничего не вышло. Калитка не выпустила его.

После смерти Демона Судьбы черная туча немедленно разошлась, и в темнеющем небе мальчик увидел одну-единственную яркую звезду. Да не та ли это звезда, которой предстояло явиться, чтобы указать ему: он стал колдуном?..

ЭПИЛОГ

В этом году дар колдовства был дан двум мальчикам-сироткам. И в этом году были знамения: в подмосковном колхозе «Ударник» (то есть это уже каким-то ТОО называлось) родился теленок с двумя головами, в Кузьминках одна роженица опросталась ребенком с одной головой и двумя туловищами, в Митино петух проорал человеческим голосом: «Хана Москве! Хана Москве!»

Петуха изжарили и уплели под водочку, уродства на Чернобыль списали.

И напрасно никто не задумался.

Литературно-художественное издание

Ерохин Олег
Москва колдовская
Роман

Художественный редактор А. Шуплецов
Технический редактор В. Иванова
Корректор Н. Поташко

Подано в печать 13.02.98. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная.

Печать офсетная. Гарнитура «Балтика». Усл. печ. л. 29,4.

Уч.-изд. л. 22,3. Тираж 11 000 экз. Зак. 264.

ООО «Сервег». Лицензия ЛВ 34 от 29.08.97.

220013, Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2.

Издание осуществлено при содействии ООО

«Радиола-плюс». Тел. (017) 260-74-93.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика

в типографии издательства «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.